

Ю. Н. Кожевникова

МОНАСТЫРЬ НА ВАЖЕОЗЕРЕ
Задне-Никифоровская пустынь
в XVI—XX веках

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
“КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК”»

ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ БАРЕНЦ РЕГИОНА

Ю. Н. Кожевникова

**Монастырь на Важеозере:
Задне-Никифоровская пустынь
в XVI–XX веках**

Апатиты
Издательство ФИЦ КНЦ РАН
2023

УДК 281.93
ББК 86.372.24-647
К58

Научный редактор
кандидат исторических наук *М. М. Шахнович*

Рецензенты:
доктор исторических наук С. А. Никонов,
доктор исторических наук А. М. Пашков

Кожевникова, Юлия Николаевна.
К58 Монастырь на Важеозере: Задне-Никифоровская пустынь
в XVI–XX веках : монография / Ю. Н. Кожевникова ; под науч. ред.
М. М. Шахновича. — Апатиты : Издательство ФИЦ КНЦ РАН,
2023. — 424 с. : ил.

ISBN 978-5-91137-495-2

Монография посвящена небольшому православному монастырю, основанному в Межозерье в первой половине XVI века святыми Геннадием и Никифором Важеозерскими. Впервые подробно рассматривается многовековая история Спасо-Преображенской Задне-Никифоровской пустыни с момента ее создания вплоть до возрождения в наши дни. Особое внимание уделяется вопросам формирования братской общины, материального обеспечения монастыря, его отношениям с локальным крестьянским сообществом в разные периоды существования. В отдельной главе рассматриваются личности основателей этой мужской пустыни, традиции их почитания в Русской Православной Церкви. В книге приводится обширная персональная информация о насельниках монашеской обители в XIX — начале XX века.

Исследование основано на малоизвестных и впервые представленных архивных источниках, опубликованных документах, воспоминаниях современников и очевидцев. Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся историей православия на Русском Севере.

УДК 281.93
ББК 86.372.24-647

ISBN 978-5-91137-495-2
doi:10.37614/978.5.91137.495.2

© Кожевникова Ю. Н., 2023
© ФИЦ КНЦ РАН, 2023
© ЦГТ КНЦ РАН, 2023

Введение

За свою многовековую историю небольшой северный монастырь, основанный в XVI столетии преподобными Геннадием и Никифором Важеозерскими на живописном берегу лесного озера Важеозеро, переживал периоды расцвета и упадка, подвергался варварским нашествиям жестоких иноземцев, терял в страшном огне деревянные храмы и чтимые святыни, беспощадно уничтожался в советское время и всякий раз возрождался неустанными трудами своих насельников.

Обосновавшиеся на уединенном озере первые монахи-аскеты с молитвами и терпением преобразовывали окружавший их суровый таежный ландшафт. Вдали от шумных дорог на Важеозере неспешно протекала монашеская жизнь, наполненная тихими радостями и горестями. Огражденные монастырскими стенами от суетливого мира, черноризцы при этом не могли оставаться в стороне от его насущных проблем. Мужской монастырь всегда был важным и нужным духовным центром, где находили утешение многочисленные богомольцы, приходившие из разных мест круглый год. В тяжелые времена, наступавшие после разорений нашего края и сокрушительных пожаров в обители, важеозерские монахи сами искали помощи у мирян, восстанавливая порушенные церкви и братские кельи на их пожертвования.

Первые обобщающие историко-церковные работы, где можно найти скудную и не всегда верную информацию о Задне-Никифоровской пустыни¹, появляются в начале XIX века. В знаменитом масштабном труде архимандрита Амвросия (Орнатского) мужской монастырь на Важеозере описывается дважды из-за допущенных при подготовке издания неточностей: в четвертом томе он спутан с Задней Введенской пустыней на Ояти² (Введенским Островским монастырем), поэтому в шестом томе о нем приводятся исправленные, но слишком краткие сведения³. Возникшая путаница

---

¹ В письменных источниках встречается несколько вариантов названия мужской обители на Важеозере — Задняя Никифорова, Задне-Никифоровская, Спасская Важеозерская, Никифоро-Геннадиевская пустынь.

² Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. СПб., 1812. Т. 4. С. 128.

³ Там же. 1815. Т. 6. С. 999—1000. Следует добавить, что в третьем томе указанного сочинения под названием «Вашезерская пустынь» приводятся сведения о Вашеостровской Преображенской пустыни, которая существовала до середины XVIII века на территории Спасского Кижского погоста-округа и была приписана к Александро-Свирскому монастырю.

в описании двух обителей, основанных в разное время и в различных местах, во второй половине XIX века часто возникала на страницах работ даже маститых исследователей.

Историк-искусствовед Александр Ратшин, издавший справочник о российских монастырях в 1852 году, не избежал этой же досадной ошибки и вставил в кратко изложенный раздел про Задне-Никифоровскую пустынь факт, связанный с Введенским Островским монастырем: «*Близ сей обители находится село Архангельское, или Сермакса, в котором погребены родители св. Александра Свирского*»⁴.

Российский археограф и библиограф Павел Михайлович Строев, составивший списки настоятелей существовавших в России монастырей, приводит для важеозерской обители незначительный перечень из шести имен: игумен Дорофей (1587–1590 годы, «*4 марта убит немцами*»); игумен Антоний (1638 год); строитель Николай (в декабре 1681 года); строитель Арсений; строитель Иона (1687 год); игумен Тарасий (1763–1764 годы, «*переведен в Мурманский*»). При этом он высказывает сомнение по поводу своих данных из-за возможного смешения событий из истории двух мужских обителей на Важеозере и Ояти: «*Не тот же ли монастырь, что в Санкт-Петербургской епархии под № 16?*»⁵. Письменные источники, которые сегодня есть в распоряжении историков, ничего не сообщают о важеозерских строителях Николае, Арсении и Ионе. Павел Михайлович собирал бесценный материал для своего справочника в Московском государственном архиве старых дел и Главном архиве Министерства иностранных дел, на протяжении почти четырех десятилетий (1837–1875 годы) просматривая тысячи подлинных царских жалованных грамот XVII века и старинные свитки-«столбцы» бывшего Монастырского приказа⁶. Может быть, там он и отыскал сведения об этих трех важеозерских строителях?

В фундаментальном трехтомном труде русского историка и статистика Василия Васильевича Зверинского представлены все известные в конце

---

⁴ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 423.

⁵ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 1006.

⁶ О тяжелых условиях работы в Московском государственном архиве старых дел, где пыльные старинные акты лежали в огромных шкафах «в безобразных грудах», П. М. Строев сообщал в письме от 7 марта 1838 года, прочитанном на заседании Археографической комиссии. См.: Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1835–1840 г. СПб., 1885. Вып. 1. С. 222–223.

XIX века работы исследователей и публикации источников, касавшиеся прошлого Задне-Никифоровской пустыни⁷. Данные о том, что после упразднения по реформе 1764 года⁸ мужская обитель была «обращена в приходскую церковь Коткозерского прихода», ошибочны. В действительности при Благовещенском и Преображенском храмах был образован самостоятельный приход с отдельным причтом (см. главу 5). В библиографической справке упоминаются три описания мужской пустыни из «Истории Российской иерархии» (под именем другого монастыря в третьем томе, неправильное в четвертом, исправленное в шестом). Неточность допущена в названии мужской обители — Задне-Никифоровская-Спаская-Вашезерская (вместо Задняя Никифорова Спаская или Задне-Никифоровская).

Среди олонецких краеведов интерес к прошлому севернорусских монастырей возникает во второй половине XIX века, в период расцвета провинциальной историографии. Первым из исследователей, кто обратил отдельное внимание на историю Задне-Никифоровской пустыни, стал Елпидифор Васильевич Барсов — крупнейший историк и фольклорист, живший в Петрозаводске с 1861 по 1870 год и читавший в это время лекции студентам Олонецкой духовной семинарии⁹. Свой очерк он сначала опубликовал на страницах «Олонецких губернских ведомостей» в 1867 году, а затем — в «Памятной книжке Олонецкой губернии за 1868—1869 год»¹⁰. Несомненная ценность его работы заключается в привлечении документов XVII века, которые не дошли до наших дней. Благодаря пространственным цитатам у нас есть возможность оценить уровень благосостояния важеозерской обители в тот непростой для нашего отечества период, узнать

---

⁷ Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1890. Т. 1. С. 144.

⁸ Императорский указ Екатерины II от 26 февраля 1764 года провозгласил секуляризацию (изъятие) духовных имений, переходивших отныне в собственность государства. См.: Полное собрание законов Российской империи. (далее — ПСЗРИ) Собрание первое. 1830. Т. 16, № 12060.

⁹ Наиболее известные его работы посвящены истории Палеостровского и Климецкого монастырей, а также Андрусово-Николаевской пустыни. См.: Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае (с грамотами и другими письменными памятниками). М., 1868; Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами. М., 1871; Андрей Завалишин и его пустынь // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1884. Кн. 4. С. 1—16.

¹⁰ Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 1, 2, 5, 7, 10, 44, 45; Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 69—84.

некоторые имена ее насельников. В «указателе монастырей», опубликованном в том же выпуске «памятной книжки», Елпидифор Васильевич дает свой краткий список из пяти настоятелей Задне-Никифоровской пустыни, управлявших ею в XVI–XIX веках: игумен Никифор (1520–1557 годы), Дорофей (1588–1612 годы), Тарасий (до 1764 года), строители иеромонах Митрофан (1846–1853 годы), Даниил (1853 с перерывом). Все они известны по сохранившимся документам из отечественных архивов.

В работе Е. В. Барсова помещено устаревшее к тому времени описание монастырского архитектурного комплекса (без упоминания каменной церкви Всех Святых, возводившейся в 1854–1858 годах). Возникает вопрос, бывал ли почтенный историк в Задне-Никифоровской пустыни или же он воспользовался для написания очерка предоставленными ему чужими материалами? Повод для таких рассуждений дают свидетельства каргопольского краеведа Карпа Андреевича Докучаева¹¹, который всегда с большой ревностью относился к достижениям старшего современника на историческом поприще, объяснял его успехи всесторонней помощью олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова), управлявшего местной епархией в 1851–1869 годах¹².

Сам К. А. Докучаев, многие годы собиравший уникальные материалы в монастырских и уездных архивах Олонецкой губернии, выступил автором цикла интересных работ под общим названием «Подвижники и монастыри Крайнего Севера», печатавшихся с 1885 года в солидном журнале «Христианское чтение» при добросердечной поддержке его редактора

---

¹¹ Печатался под псевдонимом Докучаев-Басков. О нем см.: *Онучина И. В.* Каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков и его наследие: К 150-летию со дня рождения // *Археографический ежегодник за 1999 год*. М., 2000. С. 160–165; *Она же.* Докучаев-Басков К. А. — исследователь православных святынь Русского Севера // *Православие в Карелии: мат. III регионал. науч. конф.* Петрозаводск, 2008. С. 349–357.

¹² К. А. Докучаев пишет: «Любви же и заботливости о разработке местной истории (например, монастырей, церквей...) могли бы поучиться у него и более просвещенные пастыри просвещенного XIX века. Довольно сказать, что им были разосланы предписания священникам и настоятелям монастырей о высылке в Петрозаводск всевозможных сведений и памятников старины, о существовавших когда-то в стране Олонецкой монастырях. На основании этих-то источников и составлены Е. Барсовым “Палеостров” и “монастырь Клименцы с приписными”, равно пресловутый “Алфавитный указатель монастырей и пустынь Олонецкой епархии”, наполненный ошибками, произвольными толкованиями и даже историческими несообразностями. Без помощи архиепископа Аркадия господин Е. Барсов не много бы написал». См.: *Докучаев-Басков К. А.* Памяти Аркадия, бывшего архиепископа Олонецкого // *Христианское чтение*. 1889. № 5–6. С. 573.

Ивана Егоровича Троицкого, профессора Санкт-Петербургской духовной академии¹³. Основателям Задне-Никифоровской пустыни и начальному этапу ее истории посвящена значительная часть его статьи о четырех учениках преподобного Александра Свирского, изданной в «Русском паломнике» в 1887–1889 годах¹⁴. Карп Андреевич публикует в ней фрагменты церковной службы преподобному Геннадию и «Сказание о преподобном отце нашем Никифоре», сопровождая их своими комментариями.

В начале XX века на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей» появляется еще одна статья по истории Задне-Никифоровской пустыни, написанная одним из ее послушников Петром Ягодкиным¹⁵, который был неплохо осведомлен о событиях, происходивших в стенах мужской обители до конца XIX века. Довольно подробное описание монастырского архитектурного комплекса, а также внутреннего убранства Преображенской и Всехсвятской церквей в какой-то степени компенсирует отсутствие имущественных описей второй половины XIX — начала XX века¹⁶.

Во второй половине XIX — начале XX века некоторые монастыри Олонецкой епархии на свои средства издавали брошюры или книги, посвященные своей истории, подвижникам и святыням. Они знакомили широкий круг читателей с малоизвестными местночтимыми святыми и привлекали в созданные ими обители новых благодетелей и паломников. Для того чтобы обратить внимание на скромный северный монастырь, на пожертвованные средства в Одессе в 1896 году было напечатано «Житие преподобных Геннадия и Никифора, важеозерских чудотворцев»¹⁷ (см. приложение 3).

¹³ И. Е. Троицкий (1834–1901) был уроженцем села Красное Пудожского уезда Олонецкой губернии. См.: *Машезерский И.* Памяти заслуженного ординарного профессора Ивана Егоровича Троицкого // Олонецкие епархиальные ведомости. 1901. № 17. С. 515–520.

¹⁴ *Докучаев-Басков К. А.* Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы. 3. Важеозерская Задне-Никифоровская пустынь и ее основатели преподобные Никифор и Геннадий с учениками // Русский паломник. СПб., 1887. № 5. С. 64–66; № 6. С. 79–81; 1889. № 49. С. 586; № 50. С. 598–599; № 51. С. 611.

¹⁵ *Ягодкин П.* Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда (очерк) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1901. № 12. С. 376–379, № 13. С. 417–420, № 14. С. 447–452. Работа вышла отдельным изданием в 1901 году.

¹⁶ Имущественные описи Задне-Никифоровской пустыни, составлявшиеся после ее возрождения, в отечественных архивах пока не обнаружены.

¹⁷ Житие преподобных отец Геннадия и Никифора, важеозерских чудотворцев (В связи с историей Задне-Никифоровской пустыни в Олонецкой губернии). Одесса, 1896.

Имена создателей Задне-Никифоровской пустыни встречаются в агиографических справочниках, составленных Николаем Платоновичем Барсуковым; архиепископом Филаретом (Гумилевским); архиепископом Сергием (Спаским); архимандритом Леонидом (Кавелиным); Евгением Евсигнеевичем Голубинским¹⁸.

Вся накопленная к началу XX столетия информация о преподобных Геннадии и Никифоре Важеозерских и их церковном чествовании была обобщена выпускником Санкт-Петербургской духовной академии архимандритом Никодимом (Кононовым), составителем вышедшего в свет в 1910 году «Олонецкого патерика», который содержал ценные материалы по местной агиологии¹⁹. В 2013 году этот основательный труд был переиздан, а в приложении к нему опубликован важный архивный документ — датированный 1903 годом «Рапорт Святейшему Правительствующему Синоду епископа Олонецкого и Петрозаводского Анастасия о местных святых, чтимых торжественными литургиями и молебнами». Согласно документу, текст службы святому Геннадию с житием преподобного Никифора был переписан в 1894 году неким послушником Колпашниковым²⁰. По архивным данным, в 1893—1894 годах важеозерской обители временно управлял иеромонах Филарет (Колпашников)²¹. Возможно, в архиерейский рапорт вкралась ошибка в дате или статусе послушника, переписчика рукописи?

В 2018 году наиболее важные сведения о преподобных Геннадии и Никифоре Важеозерских, их церковном почитании в XVIII — начале XXI века в России и Финляндии приведены с привлечением малоизвестных источников, в том числе старообрядческих святцев, в содержательных статьях, подготовленных для специализированной «Православной энциклопедии»²².

¹⁸ Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 396—397; Филарет (Гумилевский), епископ. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882. С. 164—165; Сергей (Спаский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 35; Леонид (Кавелин), архимандрит. Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века). СПб., 1891. С. 94; Голубинский Е. Е. Канонизация святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 196.

¹⁹ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники: исторические сведения о церковном их почитании // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 24. С. 808—810; 1903. № 2. С. 41—48.

²⁰ Новый Олонецкий патерик. СПб., 2013. С. 571.

²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 99/6.

²² Пигин А. В. Никифор и Геннадий // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. XLIX. С. 660—663; Берташ А. Никифоров Важеозерский в честь Преображения Господня мужской монастырь // Там же. С. 677—679.

Важеозерские чудотворцы и основанная ими обитель также привлекают внимание исследователей из соседней Финляндии. Ирина Карвонен, защитившая диссертацию об учениках преподобного Александра Свирского, рассматривает в своих работах²³ «свирскую традицию благочестия», или «свирскую школу»²⁴. По ее мнению, существенную роль в формировании феномена «свирской школы» сыграла публикационная деятельность архимандрита Никодима (Кононова)²⁵, целенаправленно занимавшегося с конца 1890-х годов поиском и систематизацией знаний о подвижниках благочестия Олонецкого края. Появление собранных им материалов на страницах главного епархиального издания по времени совпало с настоятельством в Александро-Свирском монастыре валаамского постриженника архимандрита Агафангела (Амосова) (1891–1909 годы), который после длительного перерыва вновь вводит в мужской обители киновийный (общежительный) устав²⁶. Труд архимандрита Никодима, указавший на огромное историческое значение общежития для карельских обителей с момента их основания, послужил «моральной и духовной поддержкой» для свирской братии²⁷.

Ирина Карвонен подчеркивает, что все известные данные о преподобном Геннадии взяты исключительно из монастырских преданий и не подтверждают его ученичество у преподобного Александра Свирского²⁸. Имя же преподобного Никифора встречается в жалованной грамоте, данной важеозерским монахам русским царем Иоанном Васильевичем, и в ее тексте подвижник прямо назван воспитанником свирского старца.

²³ Karvonen I. Pyhittäjä Adrian Ondrusovalaisen elämäkerran uusi ajoitus // Teologinen Aikakauskirja. 2011. S. 309–320; Karvonen I. Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta — 1500-luvun luostarihistoriaa vai 1800-luvun venäläiskansallista tulkintaa? Joensuu, 2013. S. 125–127, 131–132; Карвонен И. Даниил — непрославленный ученик преподобного Александра Свирского // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2017. № 2. С. 39–54.

²⁴ В финской историографии благодаря профессору Хейкки Киркинену этот термин закрепился за всеми подвижниками Олонецкого края XVI века, которых он считал учениками и последователями преподобного Александра Свирского.

²⁵ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобный Александр Свирский и его ученики-подвижники: Исторические сведения о церковном их почитании // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 16–22, 24; 1903. № 2–6.

²⁶ В 1855 году правила «общего жития» в Александро-Свирском монастыре были отменены по просьбам его настоятеля архимандрита Павла. См.: Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 169–170.

²⁷ Karvonen I. Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta... S. 176.

²⁸ Ibid. S. 131.

Для полноты историографического обзора следует упомянуть две небольшие научно-популярные работы, изданные при содействии возрожденного монастыря в XXI веке и составленные на основе «дореволюционных» публикаций о Задне-Никифоровской пустыни²⁹. Авторы добавили в них сведения о возрождении с начала 1990-х годов монашеской жизни при митрополите Мануиле (Павлове), а также житийный рассказ о почитаемом в современной обители подвижнике, блаженном иноке Владимире, бывшем важеозерском послушнике. К празднованию 500-летнего юбилея монастыря³⁰ на благотворительные средства был выпущен красочный историко-литературный фотоальбом со вступительным словом правящего митрополита Константина³¹.

В работах отечественных авторов, изданных в конце XX — начале XXI века, кратко затрагиваются разные вопросы из истории важеозерской обители — складывание ее земельных владений, возрождение в XIX веке, участие святого праведного Иоанна Кронштадтского в восстановлении монастыря после пожара 1885 года, создание подворья в Петербурге, однако полное всестороннее исследование, посвященное Задне-Никифоровской пустыни в XVI—XX веках, до сих пор отсутствует³².

²⁹ Обитель Божия под ангельским крылом / сост. С. О. Захарченко. Петрозаводск, 2007; К 500-летию преставления святого преподобного Геннадия Важеозерского (1516—2016) / сост. Н. А. Басова, иеромонах Аркадий (Лозовский). Петрозаводск, 2016.

³⁰ Годом появления мужской обители на Важеозере была выбрана условная дата, которая встречается на страницах «Олонецких губернских ведомостей» за 1840 год в краткой публикации по истории Задне-Никифоровской, Сяндемской и Андрусовской пустыней. Все три монастыря, как сообщается в газетной заметке, были основаны «около 1520 года», что вычислялось на основании даты смерти преподобного Александра Свирского. См.: Пустыни Задне-Никифоровская, Андрусовская и Сяндемская // Олонецкие губернские ведомости. 1840. № 34.

³¹ Важеозерский Спасо-Преображенский мужской монастырь. Историко-литературный фотоальбом / сост. С. Завьялова. Петрозаводск, 2020.

³² Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — 1-я треть XX в.). М., 1999; Галкин А. К. Из истории Задне-Никифоровской пустыни в XIX — начале XX века // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 47—52; Амелина Т. П. К вопросу об основании и основателях монастырей Прионежья и Онежско-Ладожского перешейка в XV — XVII вв. // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 64—65; Бабурина О. Б. Подворье Важеозерской Задне-Никифоровской пустыни в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 30—31; Кожевникова Ю. Н. Возобновление монастырей после секуляризации 1764 г. на территории Олонецкой епархии (на примере Важеозерской Задне-Никифоровской пустыни) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Мат. науч. конф. Великий Новгород, 2006. С. 139—143.

* * *

Проблема плохой сохранности фондов духовных учреждений в государственных центральных и региональных архивах хорошо знакома многим современным исследователям, занимающимся историей отечественных монастырей³³. Известный российский историк Александр Игнатьевич Андреев, выступая в 1946 году на юбилейной сессии ученого совета в Петрозаводске, затронул вопрос о печальной судьбе документальных коллекций почти всех монашеских обителей края. Наиболее полно сохранились архивы только Александро-Свирского и Климецкого монастырей — благодаря деятельности Е. В. Барсова и сотрудников Археографической комиссии³⁴. «Что касается других монастырских архивов Олонецкой губернии, то они или погибли на месте, или же были вывезены из края», — констатировал печальный факт историк³⁵.

В наши дни документы, рассказывающие о прошлом Задне-Никифоровской пустыни, рассеяны по разным архивохранилищам. Основные письменные источники по теме представленного исследования сосредоточены в Великом Новгороде, Петрозаводске, Архангельске, Санкт-Петербурге и Москве.

Рукописных свидетельств об истории монастыря в XVI—XVII веках немного. Значительная часть документов сгорела в сильных пожарах, неоднократно происходивших на Важеозере (последний раз в 1885 году). Небрежное отношение монахов к старинным бумагам, скапливавшимся на протяжении столетий в монастырских церквях, также приводило к их утрате³⁶. В советские годы фонды духовных учреждений подвергались преднамеренным «чисткам» по указаниям высшего руководства³⁷.

³³ Целенаправленное уничтожение уникальных документов православных приходов и монастырей Карелии было продиктовано общей государственной антирелигиозной политикой, проводимой долгие годы в СССР.

³⁴ Елпидифор Васильевич в 1860-х годах вывез большое количество климецких актов в Москву (ныне хранятся в его личной коллекции в ОПИ ГИМ). Другая их часть попала в 1870-е годы в Археографическую комиссию (находятся в Архиве СПбИИ РАН). Третья оказалась у Василия Осиповича Ключевского, а в 1927 году была выкуплена у его наследников для Археографической комиссии в Москве.

³⁵ Андреев А. И. Некоторые итоги изучения истории Карелии // Материалы юбилейной сессии ученого совета. 1931—1946. Петрозаводск, 1947. С. 54.

³⁶ Кожевникова Ю. Н. Архивы монастырей Олонецкой епархии, их изучение в XIX — начале XX в. // Православие в Карелии: мат. III регионал. науч. конф. Петрозаводск, 2008. С. 154—165.

³⁷ Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск, 2014. С. 13—15; Кожевникова Ю. Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Вып. 22. С. 109—120.

При изучении начального этапа истории Задне-Никифоровской пустыни огромную ценность имеют царские грамоты, данные братии во второй половине XVI века русскими царями. Ни одна из них не попала в поле зрения сотрудников Императорской Археографической комиссии, обнаруживших и подготовивших к научному изданию десятки ценнейших документов по истории монастырей Олонецкого края. Тексты жалованных грамот 1557 и 1587 годов дошли до нас в списках разного времени, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Научного архива Карельского научного центра РАН, а также были опубликованы в качестве приложения к упоминавшейся ранее статье Елпидифора Васильевича Барсова³⁸.

По раннему периоду истории монашеских обителей незаменимым и практически единственным источником скурых сведений обычно служат писцовые и переписные книги второй половины XVI–XVII веков, которые составлялись московским правительством с целью налогового обложения населения (книги служили основанием для раскладки разных податей)³⁹. Вместе с тем писцовые книги Заонежских погостов 1582/82, 1616–1619 и 1628–1631 годов по непонятным причинам не содержат никаких сведений о Задне-Никифоровской пустыни, которая, несомненно, существовала в это время⁴⁰. Ее краткое описание приводится в переписной книге Олонецкого уезда, составленной в 1678 году стольником Иваном Александровичем Аничковым, Иваном Никифоровичем Аничковым и подьячим Иваном Веняковым (точнее, в приложенном к этому «письму» списке безвотчинных монастырей) из РГАДА⁴¹.

Эпоха Петра I и его ближайших преемников оставила гораздо больше письменных свидетельств о монастырской жизни, неспешно протекавшей на берегу тихого Важеозера. Первая его половина — время, когда мужская

---

³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Новгороду. № 436/42739. № 18; Архив КарНЦ РАН. Разряд IV. Оп. 6. Д. 140. Л. 5–5 об.; Л. 5 об. — 8; Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 81–84.

³⁹ См.: Старицын А. Н. Писцовые и переписные книги как источник по истории монастырей Карелии XVII в. // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 132–143.

⁴⁰ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341; РГАДА. Ф. 1209. Д. 308; Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 12–48; 1851. № 1–2; История Карелии XVI–XVII вв. в документах. IV. Писцовые книги Заонежских погостов 1616–1619 гг. Петрозаводск, 2019.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Ч. 1. Л. 166.

обитель приписывалась сначала к Успенской Сяндемской пустыни, затем к Александро-Свирскому монастырю. Дела, рассказывающие нам о состоянии Задне-Никифоровской пустыни в этот непростой период, отложились в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в хорошо сохранившемся документальном собрании Александро-Свирского монастыря РАН (Ф. 3), спасенном от уничтожения в 1920-е годы энтузиастами-сотрудниками Археографической комиссии⁴². В том же архивохранилище, в коллекции рукописей, сохранились две переписные книги монастырского имущества, составлявшиеся по разным поводам в 1677 и 1711 годах⁴³.

Фонд рукописей Синода (Ф. 834) Российского государственного исторического архива (РГИА) содержит многостраничный доклад викарного Олонецкого и Каргопольского епископа Антония (Феофанова)⁴⁴ с подробным описанием монашеских обителей Олонецкого уезда, упраздненных по секуляризационной реформе 1764 года⁴⁵. Этот документ хорошо знаком современным исследователям, но его сведения для изучения монастырского комплекса и вотчины Задне-Никифоровской пустыни ранее не использовались в научных работах. Представленная в нем информация позволяет оценить состояние мужского монастыря накануне его закрытия в 1764 году.

Сохранившиеся в разных отечественных архивохранилищах приходо-расходные книги Задне-Никифоровской пустыни первой четверти XVIII и второй половины XIX века предоставляют богатый фактографический материал по истории важеозерской обители. С их помощью можно проследить, из каких источников пополнялся монастырский капитал и на что он расходовался, выяснить отношения монахов с мирским населением, понять значение монастыря в локальном сообществе.

Например, часть важных документов по истории пустыни в XVIII веке находится в фонде Новгородской духовной консистории (Ф. 480) в Государственном архиве Новгородской области (ГАНО), документы

---

⁴² Смирнова Т. Г. Деятельность Археографической комиссии по спасению монастырских архивов (1917–1929 гг.) // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Новгород, 1992. С. 86.

⁴³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 646, 649.

⁴⁴ Епископ Антоний (Феофанов) управлял викариной Олонецкой и Каргопольской епархией в 1767–1774 годах.

⁴⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457.

которой до сих пор мало используются современными историками при изучении православия в Карелии⁴⁶. Среди них следует отметить опись имущества, поступившего в Олонецкий архиерейский дом после упразднения пустыни⁴⁷ (в ней перечислены вывезенные из нее священнические облачения, церковная утварь и богослужебные книги⁴⁸). В этом же фонде обнаружены уникальные сведения об освидетельствовании погребений преподобных Геннадия и Никифора, предпринятом по указанию Петра I при строителе монахе Александре в 1722 году⁴⁹.

В списках монашествующих Олонецкого уезда за 1726 год удалось найти персональные сведения о чернецах, «обретавшихся» в Задне-Никифоровской пустыни. Архивный документ сообщает о каждом из них довольно много биографических деталей: мирское и монашеское имена, «из какого чина какого города», «лета от рождения, пострижения и посвящения», в каком монастыре постригался, послушание и «знание рукоделия». В том же ГАНУ особый интерес для историков представляют консисторские материалы, связанные с расстрижением «неуказнопостриженных» монахов, во множестве появившихся в российских монастырях после принятия Петром I строгих законов, запрещавших монашеские постриги⁵⁰.

Наиболее полно в письменных источниках представлены события из истории пустыни в XIX и начале XX века. Документы, отражающие события неспешной монастырской жизни — рапорты настоятелей, отчеты благочинных, указы Святейшего Синода и епархиального начальства, переписка по разным текущим вопросам, — отложились в ряде фондов светских и духовных учреждений в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК): Олонецкой духовной консистории (Ф. 25) Олонецкого духовного правления (Ф. 300), Олонецкого губернского правления (Ф. 2), Олонецкой казенной палаты (Ф. 4), Олонецкой палаты уголовного и гражданского суда (Ф. 9)⁵¹.

⁴⁶ См.: Моисеев С. В. Монастыри Карелии в документах фонда Новгородской духовной консистории Государственного архива Новгородской области. Начало XVIII — первая четверть XIX в. // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2002. Вып. 3. С. 160–183.

⁴⁷ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1425. Л. 2 об. — 3.

⁴⁸ Рукописные и печатные книги, забранные из закрытых обителей Олонецкого уезда, составили значительную часть библиотеки Александро-Свирского монастыря. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/331.

⁴⁹ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 72.

⁵⁰ Кожевникова Ю. Н. Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов // Ученые записки ПетрГУ. 2021. Т. 43, № 2. С. 28–35.

⁵¹ Подробнее о перечисленных фондах см.: Национальный архив Республики Карелия: путеводитель / сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2018. Т. 1.

К сожалению, отдельный фонд Важеозерской Никифоро-Геннадиевской пустыни в НА РК (Ф. 588) содержит три единицы хранения. Немногочисленные документы доносят до нас ценную информацию о состоянии мужской обители в 1913 году и персональном составе братской общины в 1914, 1915 и 1918 годы.

Особый интерес в материалах этой коллекции вызывает случайно подшитое в архивное дело 1913 года «*краткое описание Никифоровской пустыни Олонецкой губернии*». Его составил анонимный автор, который рассказывает об основных событиях истории мужской обители с момента ее основания⁵². Текст был написан между 1858 (окончание строительства каменной церкви) и 1885 (дата пожара, уничтожившего пустынь) годами — в тот непродолжительный период, когда на берегу Важеозера возвышались сразу три храма: Благовещенский, Преображенский и Всехсвятский.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), в личной коллекции документов Е. В. Барсова (она содержит множество ценных материалов по истории Олонецкого края), хранятся вкладная книга Задне-Никифоровской пустыни 1721 года и рукописная служба преподобному Геннадию⁵³.

Сведения о мужской обители в первые годы советской власти и созданном на Важеозере Интерпоселке в 1930–1950-е годы сосредоточены в фондах НА РК органов исполнительной власти: Олонецкого губернского исполнительного комитета (Ф. Р-28), Карельского центрального исполнительного комитета (Ф. Р-689), Земельного управления Олонецкого губисполкома (Ф. Р-108), Карземотдела (Ф. Р-436), Олонецкого уездного отдела народного образования (Ф. Р-458), Административного отдела исполкома Олонецкого уездсовета (Ф. Р-232), Олонецкой губернской комиссии помощи голодающим Поволжья (Ф. Р-33), Карельской областной комиссии по изъятию церковных ценностей (Ф. Р-473), Республиканской психиатрической больницы № 1 (Ф. Р-3079), Пряжинского леспромхоза треста «Южкарлес» (Ф. Р-1632), Государственного союзного лесозаготовительного и сплавного треста (Ф. Р-286), Министерства образования Республики Карелия (Ф. Р-630). Они представлены законодательными и подзаконными актами местных органов советской власти (постановлениями, распоряжениями, циркулярами, служебными письмами),

⁵² НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 7–18.

⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 699. Л. 112 об. — 126; Там же. Д. 146. Л. 40–45 об.

договорами и перепиской с руководством детской колонии и советского хозяйства имени Зиновьева, созданного на угодьях ликвидированной Задне-Никифоровской пустыни, материалами заседаний официальных комиссий по изъятию церковных ценностей в 1922 году, делопроизводственной документацией различных административных органов.

В архиве Национального музея Республики Карелия (НМРК) хранится отчет научной экспедиции 1952 года, организованной Управлением по делам архитектуры при Совете министров КФСР, которая побывала в Интерпоселке и осматривала сохранившиеся к тому времени монастырские постройки на Важеозере⁵⁴.

В работе над книгой использовались материалы региональной периодической печати второй половины XIX — начала XX века — «Олонецкие губернские ведомости» (выходили в 1838–1917 годы), «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898–1919 годы), «Памятные книжки Олонецкой губернии» за разные годы, а также республиканские и районные газеты советского периода «Карельская коммуна», «Красная Пряжа» и др. Привлекались и опубликованные дневники финских офицеров Службы информации Олави Пааволайнена и Мартти Хаавио, побывавших в Интерпоселке в 1941 году во время оккупации Советской Карелии⁵⁵.

Интересную устную информацию по истории психиатрической больницы, открытой в Интерпоселке в 1971 году, предоставила ее бывшая заведующая — врач Галина Александровна Матвеева. Воспоминания были записаны автором в июне 2021 года.

Благодаря обнаруженным новым письменным источникам мы знаем, что происходило в Задне-Никифоровской пустыни на протяжении XVII — начала XX века, как выглядел монастырь в разные периоды, кто в нем жил и молился, в каком состоянии находилось его хозяйство. К сожалению, на территории важеозерской усадьбы не проводились профессиональные археологические исследования, которые могли бы предоставить историкам новые данные, дополнить конкретными деталями нередко расплывчатые сообщения рукописных документов из прошлого.

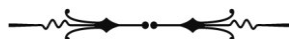
⁵⁴ Архив НМРК. Д. 3146.

⁵⁵ *Raavolainen O.* Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtia vuosilta 1941–1944. Porvoo; Helsinki, 1946; *Haavio M.* Me marssimme Aunuksen teitä. Päiväkirja sodan vuosilta 1941–1942. Porvoo; Helsinki, 1969.

---

* * *

Эта книга создавалась по заказу настоятеля возрожденной Задне-Никифоровской пустыни архимандрита Илариона (Кильганова). Приношу искреннюю благодарность всем, кто помогал мне в работе — кандидату исторических наук Марку Михайловичу Шахновичу, иеродиакону Спиридону (Мишину), Светлане Завьяловой, доктору исторических наук Александру Михайловичу Пашкову, доктору исторических наук Сергею Александровичу Никонову, доктору геолого-минералогических наук Сергею Владимировичу Кривовичеву, кандидату экономических наук Владимиру Владимировичу Дядику, кандидату исторических наук Надежде Александровне Басовой, Татьяне Александровне Мошиной, Венере Искандеровне Галашовой, кандидату биологических наук Владимиру Константиновичу Антипину, Людмиле Сергеевне Баранцевой, Пирье Уйно, Галине Александровне Матвеевой, моим родителям Николаю Григорьевичу Кожевникову и Нине Ивановне Кожевниковой.

Преподобные Геннадий и Никифор Важеозерские
Опубл.: Альбом изображений святых икон издания хромофотографии
Е. И. Фесенко в Одессе. Одесса, 1894

Глава 1

Основатели Задне-Никифоровской пустыни

Биографических сведений о преподобных Геннадии и Никифоре Важеозерских немного. Их ранние жизнеописания пропали еще до начала XVIII века. Составитель «Олонецкого патерика» архимандрит Никодим (Кононов) полагал, что жития отцов-основателей были безвозвратно утеряны в беспокойные годы Смутного времени¹. Все, что мы сегодня знаем о важеозерских чудотворцах, содержат церковная служба преподобному Геннадию и «Сказание о преподобном Никифоре». Оба письменных источника впервые упоминаются в материалах освидетельствования гробниц подвижников Олонецкого уезда в 1722 году. Остановимся подробнее на сохранившейся до наших дней информации и попытаемся проследить основные события, происходившие с появлением святых на Важеозере в первой половине XVI века.

«Пустыня хвалится житием твоим»: преподобный Геннадий

Церковная служба преподобному Геннадию

Итак, единственным источником скурых и расплывчатых сведений о жизни и подвигах преподобного Геннадия до сих пор остается церковная служба святому с двумя канонами. Один из ее списков начала XX века ныне хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки². Он был передан в ее фонды в 1919 году вместе с другими рукописными материалами архива и библиотеки закрытой советской властью Петроградской (Санкт-Петербургской) духовной академии³. Другой, более ранний список службы преподобному Геннадию, как уже говорилось во введении,

---

¹ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники: Исторические сведения о церковном их почитании // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 41.

² РНБ. СПбДА. А. I/315.

³ Богданова Т. А. История архива Санкт-Петербургской духовной академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова. 1928–2003: материалы конференции. СПб., 2003. С. 151–153.

принадлежал Е. В. Барсову и в наши дни находится в его личном собрании документов в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва)⁴. Современное местонахождение двух других копий, известных из досоветской краеведческой литературы, указать невозможно. Фрагменты редкого гимнографического текста в 1885 году опубликовал и отчасти прокомментировал каргопольский краевед Карп Андреевич Докучаев, который, по всей видимости, отыскал его в каком-то архивном провинциальном собрании во время своих путешествий по Олонецкой губернии⁵. В начале XX века существовала еще одна рукописная копия, выполненная будущим настоятелем Задне-Никифоровской пустыни иеромонахом Филаретом (Колпашниковым), управлявшим мужской обителью в 1893–1894 годы⁶.

Церковная служба преподобному Геннадию Важеозерскому, не имевшая широкого распространения в письменной традиции, не вошла в печатные минеи (церковно-служебные книги). Это неудивительно. Как отмечают современные исследователи, «в наши минеи не попало служб в честь русских святых гораздо больше, чем вошло в них»⁷. Молитвенные тексты, посвященные местночтимым подвижникам, зачастую существовали в одной-двух рукописях, которыми пользовались только в монастырских храмах, где совершалась память угоднику Божию⁸.

Далее обратимся к рассмотрению важных вопросов об авторстве и времени создания церковной службы преподобному Геннадию. Кто был ее составителем, историки и филологи точно не знают; никакие специальные исследования об этом ранее не проводились. К. А. Докучаев придерживался разумной версии о написании молитвенного текста в стенах Задне-Никифоровской пустыни одним из ее насельников⁹ и датировал это событие второй половиной царствования Михаила Федоровича Романова

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 699.

⁵ Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб., 1887. № 5. С. 64–66; № 6. С. 79–81; 1889. № 19. С. 586; № 50. С. 598–599; № 51. С. 611.

⁶ Именно на нее ссылается олонецкий епископ Анастасий (Опоцкий) в подготовленном для Святейшего Синода рапорте со сведениями о местночтимых святых. См.: Новый Олонецкий патерик / сост. А. В. Пигин. СПб., 2013. С. 567.

⁷ Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М., 2008. С. 292–293.

⁸ Там же. С. 293. Молитвенные тексты могли стать широко известными благодаря усилиям, проявленным настоятелями монашеских обителей.

⁹ «В 3-м же тропаре 9 песни 2-го канона составитель просит Геннадия “мирно в пустыни селения” его пожить — ясно, что он пребывал в этой обители». См.: Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб., 1887. № 5. С. 64–66.

(1613–1645 годы)¹⁰. В наши дни высказывается версия о том, что церковная служба важеозерскому чудотворцу была составлена не ранее XVIII века¹¹.

На мой взгляд, появление гимнографического произведения в честь преподобного Геннадия можно отнести к периоду правления русского царя Алексея Михайловича (1645–1676 годы). В это время, скорее всего, и установилось местное празднование памяти обоим важеозерским подвижникам. Создание церковной службы стало важным элементом прославления угодника Божия по благословению настоятеля монастыря¹².

Высказанное предположение о написании молитвенного текста в третьей четверти XVII века подкрепляется следующими рассуждениями. В одном из песнопений в честь преподобного Геннадия, опубликованных К. А. Докучаевым, важеозерский святой предстает небесным заступником «крестоносного императора», которому он помогал «молитвами своими здравие и на враги одоление имети». В христианской гимнографии образ «крестоносного императора», прежде всего, связан с именем византийского правителя Константина Великого (306–337 годы). Яркому образу знаменитого реформатора целенаправленно подражал Алексей Михайлович, считавший себя его преемником¹³. Именно при нем, называвшимся современниками «Новым Константином»¹⁴, частью парадной царской одежды становятся традиционные для византийского императора держава и бармы (широкое оплечье), изготовленные по заказу в Стамбуле (бывшем Константинополе), как символы монаршей власти. Русский царь появлялся перед подданными в регалиях

¹⁰ Там же.

¹¹ Пигин А. В. Никифор и Геннадий // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. XLIX. С. 661.

¹² Богослужение в честь преподобного Геннадия могло совершаться в монастырских церквах без предварительного разрешения правящего архиерея. Даже в синодальный период церковные власти вполне спокойно относились к тому, что в некоторых приходах и монастырях использовались богослужебные тексты, не утвержденные Синодом. См.: Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных / под ред. Е. Потехиной и А. Кравецкого. Olsztyn, 2013. С. 23.

¹³ Скрипкина Е. В. Царь Алексей Михайлович — «Новый Константин»: византийский образец власти в русской практике в третьей четверти XVII века // Омский научный вестник. 2021. № 1. С. 12–15.

¹⁴ Параллель между деяниями Константина Великого и Алексея Михайловича одним из первых проводит патриарх Никон в своей грамоте о Крестном монастыре. См.: Севастьянова С. К. Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Ставрографический сборник. М., 2005. Кн. 3. С. 375.

Мономахов, одетым в самые дорогие наряды, вышитые золотом и украшенные драгоценными камнями¹⁵. По его указанию в 1655 году вместе с главой святителя Иоанна Златоуста в Москву для поклонения верующих из афонского монастыря Ватопед привезли особую святыню — «непобедимое оружие», крест Константина Великого¹⁶, оставшийся потом в России¹⁷. При Алексее Михайловиче стали широко использоваться воинские знамена (царские и стрелецких полков) с изображением явленного Константину Великому креста. Таким образом, автор церковной службы, включив в ее текст знаковое выражение «крестоносный император», в полной мере отражал историческую реальность третьей четверти XVII века¹⁸.

Гимнографические литературные памятники часто основываются на житийной литературе и содержат отдельные факты о жизни святых. Биографических деталей о преподобном Геннадии в тексте церковной службы крайне мало: ее анонимный составитель не имел конкретной информации о почившем в предыдущем столетии подвижнике. Нет сведений о месте рождения подвижника и его имени до монашеского пострига, отсутствуют упоминания родителей и обстоятельств ухода «из мира»; в ней не найти топонимов и антропонимов¹⁹, которые указывали бы

---

¹⁵ «Его верхнее одеяние, похожее на саккос, было из желтой венецианской парчи и кругом, по подолу, прорезам, на груди, воротнике и обилагах обшито золотом и великолепными драгоценными камнями, ослепляющими взоры», — делился впечатлениями о встрече с царем архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в Москву в 1656 году. См.: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в середине XVII века, описанное его сыном, архидиакон Павлом Алеппским. М., 2005. С. 278.

¹⁶ «Сделанный будто бы Константином по образу креста, который он видел на небе». См.: Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885. С. 66.

¹⁷ Щедрина К. А. «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии) // Ставрографический сборник. М., 2003. Кн. 2. С. 63.

¹⁸ В отечественной историографии можно также встретить сопоставление деяний Константина Великого и Петра I, например, в работе русского историка Ивана Голикова. В ней российский правитель представлен как просвещенный христианский монарх, заботящийся о благе Русской Церкви. См.: Голиков И. И. Сравнение свойств и дел Константина Великого, первого из римских христианского императора, с свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора, и происшествий, в царствование обоих сих монархов случившихся. М., 1810. Автор приводит легенду о том, как Петр чудесно избежал смерти в ожесточенной битве под Полтавой: шведская пуля попала тогда в ковчег с крестом Константина Великого, висевший на шее царя.

¹⁹ Личных имен, патронимов, фамилий или прозвищ.

на те места, где бывал святой, и людей, с которыми он встречался; молитвенные песнопения не содержат указаний на исторические события, происходившие тогда в Московском государстве.

Скорее всего, церковная служба создавалась в стенах Задне-Никифоровской пустыни образованным для своего времени человеком, хорошо знакомым с житийными и гимнографическими произведениями, которые составлялись по традиционной схеме с устойчивыми сюжетами и повторяющимися мотивами. В ней нередко встречаются стандартные сравнения и метафоры, подчеркивающие сходство строгого монаха-отшельника с небесными ангелами; используются типичные образы христианских церковных песнопений; содержание ее тропарей применимо к любому другому подвижнику, обосновавшемуся в уединенном месте ради служения Богу.

Жизненный путь преподобного Геннадия предстает в общих чертах. *«Отъ младенства Бога возлюбивъ»*, небедный юноша принял решение отречься от всего земного. Раздав имущество нуждавшимся (*«расточилъ имение нищимъ»*), он принял монашеские обеты в одной из уже существовавших в то время киновий, т. е. общежительных монастырей. Об этом говорится в одном из тропарей: *«Отъ юности, блаженне, умъ свой вперилъ еси въ небесная и Богомъ спасаемая киновии достигши, вся плотская мудрования со отъятиемъ власовъ отринул еси и ангельскаго образа сподобився, Геннадие!»* В какой именно мужской обители молодой человек облачался в монашескую мантию, анонимный автор службы не знал и не стал «фантазировать» по этому поводу. Как долго святой пребывал вместе с духовным отцом, также неизвестно. Спустя какое-то время он захотел *«скрыться отъ людей»* и жить в полном уединении: *«Божественно любовию распалемъ, отверглся еси мира и, крестъ Христовъ на рамо вземъ, пустыню достиглъ еси и въ ней безмолствовати изволилъ еси, внимая присно спасению души»*. Следует подчеркнуть, что в русских средневековых монастырях уход во «внутреннюю пустыню» ради духовного самосовершенствования разрешался только искушенным монахам, прошедшим под руководством духовника долгую школу смирения и послушания²⁰.

В одном из тропарей сообщается, что преподобный Геннадий *«возлюбилъ еси пребывати въ местехъ непроходныхъ»*. В поисках укромного уголка для кельи он оказался в самой удаленной от оживленной реки Свирь, северной части обширного Воскресенского Важенского погоста-округа Обонежской пятины. Подражая древним христианским пустынножителям,

---

²⁰ Руди Т. В. Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топики) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 520.

избиравшим для подвигов пустынные безлюдные места, старец Геннадий обосновался на песчаном южном берегу необжитого озера Важено, или Важе, вдали от крестьянских поселений²¹, «*непрестанно помышляя, како бы угодити Богу и вечныхъ мукъ освободитися*». Здесь он достиг полноты духовного возмужания.

Составитель службы святому делает основной акцент на его пустынножитии и телесных подвигах в уединении: «*въ пещере пребывалъ, пищу имелъ былие*». Сколько лет подвизался преподобный Геннадий в «пещерной келье», неясно. Уместно пояснить, что на Руси появление православной традиции пещерничества, восходящей к ранней истории монашества IV–V веков, когда пещерный затвор считался одним из высших проявлений строгой аскезы, связано с «начальником всех российских монахов» преподобным Антонием Печерским (983–1073), основателем Киево-Печерской лавры. «Пещерные кельи» встречаются по всей территории России²². Из олонецких святых в скальной пещере уединялся преподобный Корнилий Палеостровский²³. В Спасо-Преображенском Валаамском монастыре, на острове Святой, находится пещера, где, по преданию, когда-то спасался преподобный Александр Свирский. В последние годы жизни после принятия великой схимы в «пещерной келье» подвизался преподобный Иона, основатель Яшезерской Благовещенской пустыни²⁴.

В иконе указывается на особенное изнурение плоти одиноким монахом-аскетом: «*многая лета Господеву работавый постомъ, и молитвами, и на земли леганиемъ*». Преподобный Геннадий «спал на голой земле» — неверно поясняет К. А. Докучаев последние слова в приведенной цитате. В действительности, «на земли легание» в христианской агиографии считается особым видом иноческого подвижничества²⁵, о котором говорит преподобный

²¹ Окрестности и берега Важеозера, по писцовой книге Заонежской половины Обонежской пятины 1563 года, не были заселены.

²² Шахнович М. М., Сони́на А. В., Кожевникова Ю. Н. «Пещера» на Яше-ручье: к вопросу об одной аскетической практике в Карелии // Ученые записки ПетрГУ. Т. 43, № 4. С. 1–9.

²³ Сведения о пещере есть в отчете о состоянии Палеостровского монастыря в 1887 году: «на северо-восточной стороне в одной версте от монастыря на берегу озера Онега при подошве каменной горы в природной скале пещера преподобного Корнилия Палеостровского чудотворца, в которой он спасался и окончил земную труженическую жизнь». См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 254 об.

²⁴ Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск, 2014. С. 37–40.

²⁵ Подвиг «на земли легание» упоминается в церковных службах преподобным Варлааму Хутыньскому, Михаилу Клопскому (канонизирован Макарьевским собором 1547 года), Паисию Галичскому (прославлен в XVII веке).

Иоанн Лествичник в своей знаменитой «Лествице»²⁶. В XVII веке, когда предположительно создавалась церковная служба преподобному Геннадию, как и ранее, «на земли легание» означало ночное молитвенное бдение подвижника, лежавшего на земле. Гимнограф важеозерского чудовторца должен был знать текст «Лествицы», имевшей множество списков в книжных собраниях разных монастырей. Кроме того, сочинения преподобного Иоанна Синайского занимали особое место в великопостных службах (чтения из них включались в последования утрени, третьего, шестого и девятого часов).

Во шестой песни второго канона говорится о приручении преподобным Геннадием Важеозерским диких зверей: *«За любовь къ не имевшему, где главы подклонити, Иисусу, въ пустыни скитаяся, работалъ еси Господеву безпрестанно и того ради благодать Божию получилъ еси, яко и зверие дивии устрашахуся и повиновахуся тебе»*²⁷.

Одним из самых тяжелых подвигов преподобного Геннадия в безмолвном уединении стала напряженная и постоянная духовная брань с «невидимыми врагами»: *«Чистотою душевною божественне вооружився на невидимыя враги и непрестанныя къ Богу молитвы, яко копие крепкое, притяжавъ, вся ихъ ополчения и коварства разорилъ еси и безвестны техъ сотворилъ, явился еси победоносецъ изряденъ»*.

Преподобный Геннадий избрал для себя трудный монашеский путь строгих афонских анахоретов, которые в подражание первым египетским пустынноикам уединялись на Святой горе в укромных уголках вдали от монастырей по благословению своих духовных отцов²⁸. Под конец земной жизни старца Геннадия на месте его одинокой кельи-«пещеры», устроенной на песчаном холме, образовалась маленькая отшельническая

---

²⁶ В четвертой главе «о блаженном и пристопамятном послушании» рассказывается о преподобном Мине Синайском: *«Однажды настоятель захотел искусить богодарованное его терпение, и, когда он пришел в игуменскую келию и, положив вечерний поклон перед игуменом, по обыкновению, просил дать предание, то игумен оставил его лежать таким образом на земле даже до времени утреннего правила и тогда уже, благословив его, а вместе с тем и укорив как человека, любящего выказываться и нетерпеливого, восставил его. Преподобный знал, что он перенесет сие мужественно и потому сделал это в назидание всем. Ученик же преподобного Мины, утверждая истину сего происшествия, сказывал: “Я прилежно допытывался у него, не напал ли на него сон, когда он был оставлен игуменом в таком положении? Преподобный отец открыл мне, что, лежа на земле, он прочитал наизусть всю Псалтирь”*».

²⁷ Выражение «зверие дивии устрашахуся и повиновахуся тебе» составитель службы мог заимствовать из акафиста преподобному Савве Освященному — создателю Иерусалимского устава.

²⁸ Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 33.

пустынь (наподобие «малых общин», описанных в «Лавсаике»²⁹), где рядом с ним подвизались верные ученики и последователи: «Множество инокъ наставил еси къ пению божественнаго словословия, съ ними же трудолюбно подвизаясь постомъ и молитвами, терпением же и слезами»; «Виде Богъ твое произволение, и терпение, и слезы, и на земли легание, и умножи тебе чада въ пустыни: множество бо инокъ по стопамъ твоимъ хожду и Христу Богу пояху песнь победную: яко прославися»; «Страсти телесныя укротивъ воздержания бродами, ниву душевную напоил еси тучами слезъ твоихъ и возрастил еси дерева прекрасная — инокъ множества, и ныне предстоиши со ангельскими силами и поеши безпрестанно: Слава силе Твоей, Господи!»

Перед своей мирной кончиной преподобный Геннадий удостоивается божественного дара прозрения и предрекает в будущем создание на Важеозере общежительного мужского монастыря с храмами и многочисленной братией: «По моемъ отшествии ко Господу на семъ месте хоцет Богъ воздвигнути църкви во славу пресвятому имени Своему и киновию соградити на спасение многимъ»³⁰.

До конца дней скромный старец оставался простым монахом, не имевшим священного сана (в отшельнической пустыни при его жизни не была построена църковь). Скорее всего, незадолго до смерти первый важеозерский подвижник принял великий ангельский образ³¹. Где это произошло, неизвестно. Чин пострижения в великую схиму по уставу должен был совершаться во время литургии в одном из существовавших тогда мужских монастырей его настоятелем³².

Существуют разные предположения о времени смерти преподобного Геннадия. Как сообщают Е. В. Барсов и архимандрит Никодим (Кононов), он скончался 8 (21) января «неизвестного года»³³. Приведенная в справочном издании черниговского епископа Филарета (Гумилевского)

²⁹ «Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов» — сочинение епископа Палладия Еленопольского о монахах Египта, написанное в 419–420 годах.

³⁰ Цит. по: Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 47.

³¹ В документах он упоминается как схимонах. См.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7.

³² Никольский К. Т., протоиерей. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Църкви. СПб., 1862. С. 750–751.

³³ Барсов Е. В. Преподобные обонежские пустынножители. Материалы по истории колонизации Обонежского ряда // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 60; Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 47.

произвольная дата кончины важеозерского чудотворца «около 1516 года» повторяется в «Верном месяцеслове русским святым» в начале XX века³⁴. В Петрозаводской и Олонецкой епархии память преставления ко Господу преподобного Геннадия отмечалась 8 января. В наши дни, в 2016 году, по благословению Петрозаводского и Карельского митрополита Константина учреждена медаль «500-летие преставления преподобного Геннадия Важеозерского. За труды и заслуги».

*Преподобные Геннадий Важеозерский
и Александр Свирский*

Во второй половине XIX века преподобный Геннадий почитался как один из многочисленных учеников чудотворца Александра Свирского. В известных письменных источниках более раннего времени о знакомстве двух святых не сообщается³⁵. В рукописной церковной службе, посвященной первому важеозерскому подвижнику, нет каких-либо упоминаний Александро-Свирского монастыря и его прославленного основателя. Житие великого свирского старца, в свою очередь, не содержит никаких сведений о преподобном Геннадии. Справочная историко-церковная литература, вышедшая в первой половине XIX века, также не называет его воспитанником преподобного Александра Свирского³⁶.

Первым из краеведов Олонецкой губернии версию об ученичестве святого Геннадия у преподобного Александра озвучил Е. В. Барсов в статье об «олонецких пустынножителях» со ссылкой на какое-то неясное местное предание³⁷. В историческом очерке, посвященном важеозерской обители, тот же автор пишет: «Раздав свое имение нищим и оставив отечество и род, он (преподобный Геннадий. — Ю. К.) отказался от мира и, по преданию, выпросился быть учеником преподобного Александра Свирского»³⁸. Возможно, Е. В. Барсов почерпнул эти сведения

³⁴ Филарет, епископ Черниговский. Русские святые, чтимые всюю церковью или местно. СПб., 1882. С. 165; Новый Олонецкий патерик... С. 571.

³⁵ Пигин А. В. Никифор и Геннадий // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. XLIX. С. 661.

³⁶ Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых, Д. Эристова и М. Яковлева. СПб., 1836. С. 181.

³⁷ «Есть предание, что он, вместе с преп. Никиф[ором], был учеником преп. Александра Свирского». См.: Барсов Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители... С. 60.

³⁸ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 72.

из опубликованного к тому времени труда архиепископа Филарета (Гумилевского), который приводит неверные данные о том, что в тексте церковной службы преподобный Геннадий будто бы называется учеником преподобного Александра (в действительности текст гимнографического сочинения не содержит таких указаний)³⁹. Черниговский владыка, по всей видимости, перепутал преподобного Геннадия со старцем Никифором, который действительно общался с преподобным Александром Свирским и упоминается в его житии.

Для архимандрита Никодима (Кононова) преподобный Геннадий, без сомнения, являлся воспитанником преподобного Александра, при этом пришедшим к нему «в ранней юности»⁴⁰. Создатель «Олонецкого патерика» приводит подробности о праведной жизни важеозерского подвижника, которые звучат как полезные наставления для епархиального монашества начала XX века: «Принятый преподобным Александром, Геннадий всю свою волю отдал святому мужу и под его руководством быстро достиг высокого духовного совершенства. Он был чист помыслами от всего греховного, постник, молитвенник и трудолюбец; блием и самым небольшим количеством овощей и рыбы он поддерживал свое тело и постоянно трудился»⁴¹.

Необоснованная письменными свидетельствами информация о прижизненном знакомстве преподобных Геннадия и Александра укрепилась в народном сознании и вошла в первый общепризнанный свод русских святых, подготовленный архиепископом Сергием (Спасским) и опубликованный в 1903 году. Этот официальный перечень создавался на основе сведений, присланных епархиальными архиереями о почитавшихся на местах чудотворцах. При этом в рапорте олонецкого епископа Анастасия (Опоцкого) приводятся ссылки на труд черниговского архиепископа Феодосия,

---

³⁹ «По древней службе преподоб[ному] Геннадию, он был наследником богатого имущества; но раздав все нищим, отправился к препод[обному] Александру, который тогда жил один на Свире; не хотелось великому отшельнику нарушить своего уединения принятием кого-либо в свою келью, но усердные мольбы Геннадия заставили расстаться с любимым уединением. Геннадий остался учеником и сподвижником Александра. Спустя несколько годов, препод[обный] Александр благословил Геннадия искать себе уединения в другом месте». См.: Филарет (Гумилевский), епископ. Русские святые, чтимые всюю церковью или местно. Изд. 2-е. СПб., 1882. С. 164–166.

⁴⁰ Новый Олонецкий патерик / сост. А. В. Пигин. СПб., 2013. С. 397.

⁴¹ Там же.

недавно вышедшие в свет материалы В. В. Зверинского, а также рукописную службу преподобному Геннадию — другими словами, на источники, которые не могут доказать пребывание первого важеозерского подвижника в свирской обители при ее основателе⁴².

Дни памяти преподобного Геннадия

По устоявшейся церковной традиции, днями церковной памяти преподобного Геннадия Важеозерского в начале XX века в Петрозаводской и Олонецкой епархии считались 8 января (преставление святого) и 9 февраля (совместно с преподобным Никифором). Помимо этого, в поморских святцах наставника Выговского монастыря Федора Петровича Бабушкина, датированных второй половиной 1810-х годов⁴³, встречаются сведения о дополнительном и малоизвестном праздновании важеозерскому святому, которое совершалось старообрядцами 27 февраля⁴⁴. Возможно, Ф. П. Бабушкин владел какими-то редкими рукописями, которые до нас не дошли, или же в его записи вкралась ошибка.

Вериги преподобного Геннадия

Многие десятилетия братья и паломники Задне-Никифоровской пустыни с особым благоговением поклонялись дорогой реликвии, связанной с именем угодника Божия, его веригам, представлявшим собой железные кованые цепи с крестом. Преподобный Геннадий с благословения своего духовного отца долгие годы носил их под монашеской одеждой для большего смирения плоти. После кончины подвижника они были

---

⁴² Там же. С. 571.

⁴³ О нем и его святцах см.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 470–475; Романова А. А. Источники русской агиографии: святцы поморского наставника Ф. П. Бабушкина // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 174–180.

⁴⁴ БАН. Дружинин. № 131; Пигин А. В. Никифор и Геннадий... С. 662. Ф. П. Бабушкин, вносящий дополнения в тексты старинных рукописей, добавил день общего празднования преподобным Геннадию и Никифору Важеозерским (27 сентября), а также отдельные дни памяти других предполагаемых учеников преподобного Александра Свирского: Дионисия «на Ояти» (3 октября), Игнатия «иже на Ояти» (20 декабря), Феодора «иже на Ояти» (10 апреля), Леонида в Островском монастыре (16 апреля). См.: Романова А. А. Источники русской агиографии... С. 174–180.

оставлены для поклонения верных учеников⁴⁵. Судя по сохранившимся описям монастырского имущества за 1680 и 1685 годы, «вериги чудотворца Геннадия» хранились в часовне великомученика Никиты⁴⁶. Настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Кирилл в 1722 году сообщал епархиальному руководству о том, что древняя святыня находилась в часовне, стоявшей над погребениями преподобных Геннадия и Никифора: «да над теми ж гробницами были двои вереги железные с крестами в которых весу есть двенадцать фунтов⁴⁷»⁴⁸. Особая для обители реликвия предположительно была утеряна во второй половине XVIII века, когда при монастырских храмах на Важеозере существовал приход (см. главу 5), или она могла погибнуть в огне страшного пожара 1885 года (см. главу 8). В начале XX века архимандрит Никодим (Кононов) писал про вериги преподобного Геннадия: «в настоящее время едва ли есть они в пустыни»⁴⁹.

Итак, существование церковной службы говорит о сложившейся в XVII веке монастырской традиции молитвенного обращения к преподобному Геннадию и церковного празднования его преставления. Со времени возрождения Задне-Никифоровской пустыни во второй половине XIX — начале XX века этот чудотворец почитался как сподвижник преподобного Никифора в непростом деле «устроения обители». Святого чествовали как «теплого заступника прибегающих к нему с верою, неоскудного подателя чудес»⁵⁰. К нему обращались за помощью в трудных жизненных испытаниях: «Избави, Преподобне, твоими к Богу молитвами от всякаго гнева Божия, приходящаго на рабы твоя: глада же и огненнаго запаления, междоусобныя брани, и варварскаго нашествия, и всякаго недуга, да тебе почитаем во вся веки!»

⁴⁵ Такая традиция особого испытания плоти была широко распространена в мужских обителях. Носившие вериги монахи-аскеты Хутынского монастыря поразили в середине XVII века антиохийских клириков: «В нем свыше ста монахов, большая часть коих славится своей добродетелью и святостью: мы видели собственными глазами, что некоторые из них носят на теле по сорок лет железные пояса из цепей; свои рубахи и платья они не меняют, пока те совершенно не истлеют на них. О удивление! Мы обоняли от них запах, подобный мускусу. Как они счастливы, блаженны и благополучны!» См.: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в середине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским. М., 2005. С. 464.

⁴⁶ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 75.

⁴⁷ В XVIII веке 1 фунт равнялся 358 г.

⁴⁸ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7.

⁴⁹ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 46.

⁵⁰ Там же. С. 45.

Игумен Никифор — первый настоятель обители

Преподобный Никифор является основателем и первым игуменом мужского общежительного монастыря на Важеозере. В отличие от преподобного Геннадия, избравшего путь отшельничества древних египетских пустынников, он руководствовался киновиальными традициями палестино-константинопольского монашества, которые в 1530-е годы старался распространять в пределах своей епархии новгородский архиепископ Макарий (с 1542 года — митрополит Московский и всея Руси). Проводившаяся владыкой «непопулярная» монастырская реформа была направлена на введение в существовавших и создававшихся обителях вместо привычного особножительного устава правил монашеского общежития, провозглашавших строгую дисциплину и полное подчинение воле избранного настоятеля, а также общие для всех послушания, трапезу и богослужение в церкви.

Житие преподобного Никифора, или «Сказание о Никифоре»

Скупые биографические сведения об этом подвижнике содержит «Сказание о преподобном отце нашем Никифоре Игумене основателе монастыря святого Преображения Господня, иже есть Задняя пустыня» (далее «Сказание о Никифоре»). В первой четверти XVIII века один из его списков хранился в монастырской часовне, поставленной над могилами преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских⁵¹. В наши дни местонахождение первоисточника, как и его немногих копий, неизвестно. Текст произведения дошел до нас в работах двух краеведов-исследователей — К. А. Докучаева и архимандрита Никодима (Кононова)⁵². Они опубликовали его по разным рукописям в 1886 и 1903 годах. В переводе на современный русский язык «Сказание о Никифоре» издано в 2013 году в «Новом Олонецком патерике» по списку К. А. Докучаева⁵³.

⁵¹ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 41.

⁵² Там же. С. 41–44; Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы. Сказание о преподобном отце нашем Никифоре // Русский паломник. 1889. № 49. С. 58; № 50. С. 598–599.

⁵³ Новый Олонецкий патерик... С. 34–39.

Кто и в какое время создал это малоизвестное агиографическое сочинение, сказать трудно. Предположительно, оно появилось не ранее середины XVII века⁵⁴ и не позднее первой четверти XVIII века в стенах Задне-Никифоровской пустыни — главном центре почитания преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских. Анонимный автор воспользовался житиями двух северных святых, преподобных Александра Свирского и Кирилла Новоезерского, строивших свои обители в первой четверти XVI века. Оба литературных памятника хорошо знакомы отечественным исследователям⁵⁵. Остановимся подробнее на сюжетах, заимствованных из этих произведений.

Прежде всего, неизвестный нам составитель «Сказания о Никифоре» отождествил его со старцем Никифором, который упоминается в одной из глав жития преподобного Александра, написанного игуменом Иродионом (Кочневым) около 1545 года⁵⁶: *«Прииде къ нему некий старецъ именем Никифоръ и велию тягость железну на себе носящу яко и ужемъ железнымъ превившую ему по всему телу и еще жъ и чепемъ многимъ о чреслахъ его препоясаны»*⁵⁷. Преподобный Александр с радостью принял пришедшего к нему старца Никифора как Божиего посланника, так как

⁵⁴ В тексте «Сказания о преподобном Никифоре» упоминается город Олонец, основанный в 1647 году.

⁵⁵ Карбасова Т. Б. Литературные источники Жития Кирилла Новоезерского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 332–365.

⁵⁶ Житие Александра Свирского. Текст и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. СПб., 2002. С. 55–56.

⁵⁷ При этом, как выяснил Иван Андреевич Яхонтов, игумен Иродион заимствовал эпизод о встрече преподобного Александра со старцем Никифором из жития преподобного Сергия Радонежского: *«Рассказ “О приходе к препод. Александру старца Никифора” также не есть самостоятельное произведение Иродиона — это почти дословное повторение главы из жития препод. Сергия “О пострижении святого”, приспособленное только к личности Свирского. Историческое значение в данном рассказе можно признать только разве за следующими показаниями Иродиона, что пришедший к препод. Александру старец Никифор носил на себе железные цепи, пробыл в пустыне неизвестное время и, оставив преподобного, удалился в Киев. Все же остальное в рассказе Иродиона взято из упомянутой главы Сергиева жития, как-то описание встречи с препод. Александром старца Никифора, изображение подвигов святого и его борьбы с бесами. Приводимая беседа Александра с Никифором, по поводу намерения последнего удалиться в Киев, составляет произведение собственной фантазии биографа и есть не более как риторическая амплификация, внесенная для того, чтобы придать большую живость краткому описанию Пахомия Логофета прощальной сцены препод. Сергия с каким-то старцем».* См.: Яхонтов И. А. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. С. 68.

уже слышал о его строгой благочестивой жизни: *«видевъ его радостенъ бысть зело, слышалъ бо бе о немъ, яко великъ бе житиемъ старецъ»*. Как сообщает игумен Иродион, подвижник присоединился к нему, будучи опытным зрелым монахом, известным в округе своими телесными подвигами (он носил на себе тяжелые железные цепи). Ко времени его прихода вместе с преподобным Александром уже подвизалось несколько учеников; они не только жили «мирским подаянием», но и начали обрабатывать небольшой участок земли в окрестностях своих келий (рубили лес, пахали и сеяли). Старец Никифор безустанно молился и трудился вместе с ними *«со мноюю любовию и смирениемъ и послушаниемъ»*.

Позднее монах решил отправиться в длительное и опасное паломничество к святыням Киево-Печерского монастыря. Перед уходом он утешал расстроенного духовного собрата: *«аще и телесне разлучивесе друг друга, но духом пакы пребудемъ вкупе»*. При расставании с преподобным Александром старец Никифор пророчествовал о скором основании Александро-Свирского монастыря, который приобретет всеобщую славу и признание: *«на месте семъ распространит Богъ обитель велику и преславну, хоцетже Богъ воздвигнути и церкви каменны, в нейже прославится имя его во вся страны»*⁵⁸. В текст сказания по воле его автора этот сюжет о пророчестве не вошел.

Важно отметить, что известные письменные источники XVI–XVII веков прямо называют преподобного Никифора учеником святого Александра Свирского: царская жалованная грамота, выданная Иоанном IV важеозерским монахам в 1557 году и вкладная запись 1649 года на Общей минее, пожертвованной священником из церкви Преображения Господня в Туксе Евдокием Лазаревым (см. главу 3).

Сцены из жития преподобного Александра Свирского, в которых с ним общается старец Никифор, изображены на двух клеймах большой иконы «Преподобный Александр Свирский, с житием и чудесами», которая, по мнению специалистов, создавалась в период между 1547

---

⁵⁸ Цит. по: *Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники 1902. № 24. С. 810.* Первая небольшая деревянная церковь на берегу Рощинского озера по благословию новгородского архиепископа будет построена в честь Пресвятой Троицы в 1506 (1508) году, после ухода старца Никифора. Каменный Покровский храм появится в Александро-Свирском монастыре в 1530-е годы. См.: *Анфим, иеродиакон, Соловьева И. Д. Александров Свирский в честь Святой Троицы монастырь // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 608–610.*

и 1555 годами⁵⁹. Внушительный образ (195 × 151 см), скорее всего, написали в честь первой крупной победы русского войска в Казанском походе, одержанной 13 августа 1552 года — в день, когда Русская Православная Церковь празднует память свирского подвижника. Со времени создания он пребывал в московском Успенском соборе, напротив раки митрополита Ионы. Вокруг его средника располагаются 129 клейм⁶⁰, подробно иллюстрирующих текст жития святого⁶¹. Встреча и расставание двух олонецких подвижников запечатлены на клеймах № 47 «Приход к Александру старца Никифора» и № 49 «Александр благословляет Никифора на уход из монастыря».

Важным источником сведений о преподобном Никифоре для составителя сказания стало житие другого севернорусского святого, преподобного Кирилла Новоезерского. Из него заимствован рассказ под названием «Чудо первое преподобнаго Кирилла Белаго о некоем старце Никифоре, посланном от Александра Сверхскаго чудотворца»⁶². Это литературное произведение датируется началом 1580-х годов⁶³, другими словами, оно было создано после Московского (Макариевского) собора 1547 года, на котором свирскому подвижнику установили общероссийское празднование памяти⁶⁴.

---

⁵⁹ Икона сейчас находится в фондах Музеев Московского Кремля. Ее реставрация длилась с 1972 по 1993 год. См.: *Журавлева И. А.* Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // *Русская художественная культура XV—XVI вв.*: Сб. ст. М., 1998. С. 118–144; *Вера и власть. Эпоха Ивана Грозного.* Музей Московского Кремля. Каталог выставки. М., 2007. С. 178.

⁶⁰ Средник — центральная композиция иконы с клеймами (житийной иконы).

⁶¹ *Журавлева И. А.* Образ Александра Свирского с житием и чудесами... С. 118–144.

⁶² Уместно отметить любопытную трансформацию исторического образа преподобного Никифора. Если в житии преподобного Александра Свирского он предстает его духовным собратом и уже искушенным монахом, то в житии преподобного Кирилла — всего лишь одним из первых учеников свирского старца. Представление о преподобном Никифоре как младшем современнике преподобного Александра Свирского и его воспитаннике прочно укрепилось в справочной и краеведческой литературе, издававшейся на протяжении XIX — начала XX века. Е. В. Барсов в статье о «*преподобных обонежских пустынножителях*», опубликованной в 1869 году, называет преподобного Никифора «*юным иноком*», пришедшем к игумену Александру в уже созданную им обитель.

⁶³ *Житие Кирилла Новоезерского* // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 13. С. 374–376.

⁶⁴ По мнению современных исследователей, житие преподобного Кирилла Новоезерского полно текстуальных заимствований из жития преподобного Александра Свирского. См.: *Карбасова Т. Б.* Литературные источники Жития Кирилла Новоезерского... С. 335.

По мнению Татьяны Борисовны Карбасовой, изучающей житие преподобного Кирилла, его составитель, «кажется, даже не пытался согласовать два агиографических памятника»⁶⁵. Если игумен Иродион пишет о том, что старец Никифор отправляется в Киево-Печерскую лавру, то, по версии агиографа преподобного Кирилла, он приходит от свирского подвижника и к нему же уходит. Противоречивость сведений не смутила автора жития новоезерского чудотворца: его основная задача заключалась в том, чтобы показать особые духовные отношения двух святых, Александра и Кирилла.

Таким образом, анонимный автор сказания о важеозерском подвижнике, используя сообщения житий о двух старцах Никифорах, отождествляет их с основателем Задне-Никифоровской пустыни. Существующую неувязку в текстах агиографических произведений он объяснил следующим образом: преподобный Александр отговорил преподобного Никифора идти в Киево-Печерский монастырь и направил его для духовной беседы «о житии и о монастырском устроении» к своему духовному собрату, преподобному Кириллу Новоезерскому, основавшему в 1512 году на Новом озере Воскресенскую обитель. Он передал для него вместе со старцем Никифором «писмена».

Преподобный Кирилл Новоезерский, как гласит его житие, во время вечерней молитвы в храме «по смотрению Божию процвете»⁶⁶ *Духом Святымъ о пришествии къ езеру преподобнаго Никифора*» и, взяв монастырскую лодку, съездил за пришедшим издалека монахом, уснувшим от усталости на прибрежном камне. Встреча двух святых ознаменовалась чудесным явлением: «*И въ томъ часе светъ велий возсия надъ ними, и яко столпъ солнечный вознесся до небеси*». Восемь дней провел в Новоезерской обители старец Никифор, «*беседуя съ преподобнымъ Кирилломъ и словесы его духовными насытитися не могуще*». Затем он вернулся к преподобному Александру и передал ему ответные «писмена», рассказав все подробности своей поездки.

Далее автор «Сказания о Никифоре» возвращается к теме паломничества подвижника в Киево-Печерский монастырь. На этот раз преподобный Александр не препятствует желанию старца Никифора и благословляет его на путешествие. При этом никаких подробностей о поездке не сообщается: «*И помолвися чудотворному образу Пресвятыя*

⁶⁵ Карбасова Т. Б. Литературные источники Жития Кирилла Новоезерского... С. 335.

⁶⁶ В списке К. А. Докучаева вместо этого слова использовано другое, «*проуведе*».

Богородицы и святымъ местамъ поклонився, моли Бога и Пречистую Его Богоматерь со слезами, дабы наставленъ былъ на место покойно, идеже бы ему обитель и церкви устроить и братство присовокупити». Вернувшись из дальнего паломничества в родные северные края, преподобный Никифор, наконец, «обрете место къ жительству пространно, идеже ныне монастырь его стоитъ, вскрай езера, имянуемаго Важеозеро», которое находилось за 58 поприщ «от града же Олонца».

Повествование завершают сведения о том, что старец Никифор стал основателем и первым настоятелем мужского монастыря на Важеозере, где построил по благословию новгородского епископа Преображенскую церковь для совершения Евхаристии и кельи, где жили собравшиеся ученики. Архимандрит Никодим в «Олонецком патерике» писал об этом: *«Никифор основал на положенном руками Геннадия здании обитель, устроил ее, умножил число братии, сделался ея первым игуменом»⁶⁷.*

Уроженец Важинского погоста

Помимо близкого к тексту пересказа сюжетов из житий преподобных Александра Свирского и Кирилла Новоезерского, автор «Сказания о Никифоре» приводит известные ему сведения о том, что святой родился в одном из селений Важинского погоста, «близ Свири реки», в крестьянской семье. В конце XIX века жители присвирских деревень Важинского прихода сохраняли память о преподобном Никифоре Важеозерском как о своем прославленном земляке: *«Между старожилками Важинскими и доселе сохраняется память о преподобномъ; родители его были простые поселяне; имена ихъ, впрочемъ, неизвестны. Какъ протекли детство и юность Никифора, когда и отъ кого принялъ онъ монашество, — тоже неизвестно. Время изгладило изъ народной памяти все эти обстоятельства. Жизнь Никифора делается известною съ 1500 года, когда онъ явился къ преподобному Александру Свирскому, прося его благословения поселиться въ его обители, на что и последовало согласие»⁶⁸.* В примечании автор статьи добавляет важную для нас деталь: *«Есть вблизи*

⁶⁷ По церковным канонам, чин поставления во игумена обязательно совершается правящим епископом, поэтому старец Никифор должен был побывать в Великом Новгороде. См.: Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Историко-археологическое исследование. Казань. 1884. Ч. 1. С. 336.

⁶⁸ С. В. И. Г. Важинский погост, Олонецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 38.

деревни Устья колодезь⁶⁹, около котораго, будто бы жилъ преподобный; надъ симъ колодеземъ устроенъ теперь крестъ и многие съ верою берутъ изъ сего колодца воду, особенно во время болезни, получая себе облегчение»⁷⁰.

Упомянутая в статье деревня Устье, или Усть-Боярская, находилась на правом берегу Свири, при устье реки Важинки⁷¹ (в наши дни центр поселка Важины Ленинградской области). В первой половине XVI века здесь существовали несколько небольших поселений с одним-четырьмя крестьянскими дворами. В домосковское время эти присвирские земли делили между собой два новгородских землевладельца. Составители писцовой книги Заонежской половины Обонежской пятины 1563 года упоминают их волостки: «Микитинская Савина Татева» и «Федоровская да Даниловская Одреевых детей Крутецкого»⁷².

Можно предположить, что деревня, известная в XIX веке под названием Устье, и была местом рождения важеозерского подвижника. В ней с давних времен стояла деревянная часовня во имя великомученика Никиты Готского, приписанная к главной Воскресенской церкви Важинского прихода. Местные жители внимательно следили за ее состоянием и при необходимости ремонтировали. Так, в 1848 году ветхое часовенное здание исправил на свои средства крестьянин Герасим Буровов⁷³. Насельники Задне-Никифоровской пустыни со времени ее основания глубоко почитали

⁶⁹ Родник с поклонным крестом в центре поселка Важины существует до сих пор.

⁷⁰ С. В. И. Г. Важинский погост... С. 4.

⁷¹ Здесь находилась пристань для пароходов, перевозивших пассажиров по маршруту Петербург — Петрозаводск. По данным за 1905 год, в ней стояли 37 дворов. См.: Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907. С. 44.

⁷² «В Важинском же погосте царя великого князя волостка Микитинская Савина Татева <...>. Деревня на усть Важены реки: во дворе Юрко Кирикинов да братанич его Васка <...>. Деревня на усть Важены: во дворе Истомка да Климиша Григорьевы <...>. Деревня на Важене же: во дворе Офонка Семенов Козел, во дворе Сергийко Семенов, во дворе Митка Иванов <...>. Деревня на усть Важены: во дворе Филипко Григорьев да Васка Сергиев, во дворе Ондронко Федоров, во дворе Савка Григорьев <...>. Деревня на усть Важены словет у Бесова ручью <...>. В Важинском же погосте царева великого князя волостка Федоровская да Даниловская Одреевых детей Крутецкого <...>. Деревня на устье словет Визуново: во дворе Омоско Яковлев, во дворе Юшко Тихонов, во дворе Гришка Григорьев, во дворе Иванко Степанов <...>. Деревня на устье словет Олкинская: во дворе Васюк Мелентьев, во дворе Филипко Григорьев, во дворе Тимона Васильев, во дворе Микитка Васильев...» См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г. Л., 1930. С. 94, 96.

⁷³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 38/33. Л. 7–8.

великомученика Никиту. Часовня в его честь, восстановленная в наши дни, упоминается в переписных книгах XVII века. В имущественной описи, составленной при упразднении мужской обители по секуляризационной реформе 1764 года, при описании Преображенской церкви есть сведения о богатом образе великомученика Никиты «съ тремя малыми серебряными венчиками, около того образа поля обложены серебромъ басменнымъ», пребывавшем по левую сторону от царских врат⁷⁴. По всей видимости, традиция почитания святого была перенесена преподобным Никифором из его родной деревни, жители которой считали великомученика Никиту своим небесным патроном.

Дни памяти преподобного Никифора

В начале XX века преставление преподобного Никифора, согласно «Верному месяцеслову всех русских святых» (как и по рукописным минеям епископа Гермогена (Добронравина), хранящимся в Российской национальной библиотеке), отмечалось 9 февраля по старому стилю — вместе с празднованием памяти тезоименитому святому мученику Никифору Антиохийскому, жившему в III веке. В этот день по сложившейся традиции вспоминали обоих важеозерских чудотворцев. В старообрядческих святцах выговского наставника Ф. П. Бабушкина под 18 апреля отмечено «обретение мощей» преподобного Никифора⁷⁵.

Сомнительные сведения о смерти первого игумена в 1550 году содержит упоминавшийся выше «месяцеслов». Этому явно противоречат достоверные данные о получении основателем Задне-Никифоровской пустыни в 1557 году жалованной грамоты царя Иоанна IV на земли в окрестностях Важеозера. Тут же уместно отметить досадную путаницу в датах преставления важеозерских чудотворцев, существующую в отечественной литературе. Так, архиепископ Сергей (Спасский) и Н. П. Барсуков неверно сообщают о том, что преподобный Никифор Важеозерский умер 8 января 1516 года⁷⁶.

В настоящее время в Карельском митрополии память преподобного Никифора вместе с преподобным Геннадием Важеозерским отмечается 9 февраля (22 по новому стилю), 21 мая (3 июня) в Соборе Карельских святых и в Соборе Санкт-Петербургских святых (3-я неделя по Пятидесятнице).

⁷⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 1–5 об.

⁷⁵ Пигин А. В. Никифор и Геннадий... С. 662.

⁷⁶ Сергей (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 35; Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 396–397.

Вериги преподобного Никифора

Железные вериги преподобного Никифора Важеозерского, которые упоминаются в житии преподобного Александра Свирского, сохранялись в Задне-Никифоровской пустыни как особая святыня. Они отмечены в рапорте настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Кирилла, проводившего освидетельствование гробниц местночтимых подвижников в 1722 году (см. главу 4). В начале XX века Петр Ягодкин в кратком очерке по истории обители сообщает их вес — 50 фунтов (sic!) — и добавляет, что реликвии уже «бесследно исчезли»⁷⁷.

Место погребения преподобных Геннадия и Никифора

По средневековому монастырскому обычаю ученики преподобного Геннадия похоронили его на месте прижизненных молитвенных подвигов, т. е. в вырытой им в песчаном холме над озером «пещере», завернув тело в старую монашескую мантию⁷⁸. Преподобного Никифора, позднее официально основавшего мужскую обитель, построившего ее первые храмы и получившего в 1557 году царскую жалованную грамоту от Иоанна IV, погребли по его духовному завещанию рядом с преподобным Геннадием. Про эту «пещеру», в которой были погребены родоначальники монастыря, сообщает митрополит Амвросий (Орнатский): «Близ пустыни сей, в горе, в пещере почивают мощи в часовне пр[еподобного] Никифора, основателя обители сей и пр[еподобного] Геннадия»⁷⁹. Те же данные позднее приводит А. Ратшин: «в пещере почивают под спудом мощи основателя пустыни преподобного Никифора и его сотрудника Геннадия»⁸⁰.

⁷⁷ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда (Очерк). Петрозаводск, 1901. С. 10. По всей видимости, Петр Ягодкин ошибается в весе вериг, носимых преподобным Никифором (50 фунтов это примерно 22,70 кг). Например, преподобный Евфимий Суздальский усмирал плоть железными цепями весом 15 фунтов (6,80 кг) и 5 фунтов (2,27 кг). См.: Вериги из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир, 2014. С. 10.

⁷⁸ Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV—XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2, вып. 3. С. 153—169; Мусин А. Е. Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997. С. 85—90.

⁷⁹ Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии. СПб., 1815. Т. 6. С. 1000.

⁸⁰ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. С. 423.

Над погребениями важеозерских чудотворцев, недалеко от деревянных монастырских церквей Преображения Господня и Успения Богородицы, издревле стояла небольшая часовня-усыпальница. Возведение таких памятных безалтарных храмов свидетельствовало о начале местного празднования памяти основателей обителей⁸¹. Часовню упоминает имущественная опись 1711 года, составленная строителем Задне-Никифоровской пустыни монахом Зосимой: «на монастыре часовня, а въ ней деисусъ пяти иконъ да образъ праведного Геннадия чудотворца, писанъ на краскахъ и на золоте»⁸². Скорее всего, ее возвели (возможно, восстановили) после страшного разорения мужской обители в первой четверти XVII века, когда обе церкви были сожжены «литовцами», а оставшиеся в живых монахи долгие годы «скитались между дворъ»⁸³.

Другой источник примерно того же времени сообщает подробности о раке, находившейся в часовне: «На северовосточномъ углу пустыни часовня деревянная, небольшая, въ ней на правой стороне, надъ св. мощами Преподобныхъ Никифора и Геннадия, основателей обители сея, Важеозерскихъ чудотворцевъ, подъ спудомъ почивающихъ, рака деревянная, крашенная, столярной работы, сверху ея на доске образа Преподобныхъ отецъ Никифора и Геннадия, писанные красками»⁸⁴. Возможно, эта гробница была установлена после освидетельствования погребений преподобныхъ Геннадия и Никифора в 1722 году. Проверку «подлинности мощей» проводил настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Кирилл, который под влиянием господствовавших тогда представлений о том, как должны выглядеть «нетленные останки» святых, сообщал новгородскому епископу лишь о найденных в выкопанной под часовней яме «сухихъ костяхъ безъ телъ» (см. подробнее главу 4).

В 1817 году архимандрит Товия, настоятель Александро-Свирского монастыря, к которому была приписана Задне-Никифоровская пустынь, докладывал епархиальному руководству о старинной часовне на Важеозере:

---

⁸¹ Шалина И. А. Место захоронения преподобного Саввы Сторожевского // Преподобный Савва Сторожевский: иконография XV — начала XX века. М., 2013. С. 23–24. Также часовни-усыпальницы или придельные церкви могли сооружаться над гробами местных чудотворцев в том случае, если их погребения после обретения мощей решали не тревожить и оставляли их *in situ*.

⁸² ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7.

⁸³ Барсов Е. В. Исторический очерк о Важеозерской пустыни... С. 76.

⁸⁴ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 47.

«мощи находятся въ земле, надъ которыми издревле построена деревянная часовня и въ память ихъ исправляется въ ней молитвословие. Въ бытность мою ныне тамъ ради поставления новой надъ теми мощами гробницы узналъ отъ стекшегося тамъ народа усердное желание пристроить къ той часовне приделъ во имя сихъ преподобныхъ съ темъ, чтобы сделать потомъ церковь»⁸⁵. Тогда благочестивое намерение богомольцев не смогли осуществить по разным причинам. В середине XIX века монахи важеозерской обители, получившей самостоятельный статус, заручились согласием епископа возвести над погребениями Геннадия и Никифора каменную церковь. В 1854 году обветшавшую к тому времени часовню разобрали и перенесли на другое место, установив ее на берегу озера над колодезем, по преданию, вырытым одним из основателей Задне-Никифоровской пустыни.

Каменный пятиглавый храм во имя Всех Святых над нетленными телами чудотворцев был построен в 1854–1858 годах (после пожара восстановлен в 1886 году)⁸⁶. «При вырытии земли под церковь видны были гробы преподобных... Чудес было много, но записи не велось, потому что не представлялось сомнение»⁸⁷.

Почитание преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских

Почитание преподобных Геннадия и Никифора, начавшееся, по видимости, еще при жизни угодников, продолжалось после их кончины. Ученики сохраняли в памяти духовные наставления почивших старцев, следовали их советам. Рассказы о благочестивых трудах и аскетических подвигах важеозерских святых передавались от одного поколения монахов другому. Преемственность традиции не прерывалась даже после серьезных испытаний, выпадавших на долю Задне-Никифоровской пустыни на протяжении ее длительной истории.

⁸⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 220 об.

⁸⁶ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда: Очерк. Петрозаводск, 1901. С. 5–6.

⁸⁷ Никодим (Кононов), архим. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 47.

Церковное чествование важеозерских чудотворцев

В средневековой Руси так называемая канонизация православного подвижника заключалась в признании правящим архиереем уже сложившегося поклонения его памяти: епископ вносил имя местночтимого святого в синодик-менологий и давал благословение на создание его иконописных изображений и посвященных ему молитвенных текстов⁸⁸.

В начале XX века официальные сведения о времени прославления преподобных Геннадия и Никифора отсутствовали⁸⁹. К сожалению, маститый историк Е. Е. Голубинский неверно поместил важеозерских чудотворцев в составленный им список местночтимых святых, «канонизированных» в синодальный период⁹⁰. В своих рассуждениях исследователь основывался на опубликованных материалах об олонецких святых (т. е. святых Олонецкой епархии) Е. В. Барсова и К. А. Докучаева-Баскова, а также ссылался на труд архиепископа Филарета (Гумилевского), который приводит ошибочные сведения об освящении в Задне-Никифоровской пустыни храма в честь преподобных Никифора и Геннадия Важеозерских «в недавнее время»⁹¹.

В середине XVII столетия в Олонецком уезде хорошо помнили обоих важеозерских подвижников и почитали их. На это ясно указывает пространная надпись, сделанная приходским священником из Туксы (Олонецкий уезд) Евдокимом Лазаревым 27 марта 1659 года на пожертвованной в Задне-Никифоровскую пустынь книге, Минее общей. В ней упоминаются имена «началника игумена Никифора, ученика Александра чудотворца» и «строителя Геннадия»⁹².

В первой четверти XVIII века над мощами важеозерских чудотворцев «издавна» стояла мемориальная часовня, в интерьере которой пребывали иконы и вериги обоих подвижников; в их честь существовали гимнографический и агиографический тексты. Все это подтверждает факт местного празднования памяти преподобных Геннадия и Никифора, предположительно установленного в царствование Алексея Михайловича.

⁸⁸ См.: Мусин А. Е. Загадки Дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI веках. СПб., 2013. С. 118–119.

⁸⁹ Новый Олонецкий патерик... С. 571.

⁹⁰ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 196.

⁹¹ Филарет, епископ Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882. С. 164. Следует добавить, что на Важеозере в середине XIX века планировали построить храм в память о важеозерских чудотворцах, однако новая церковь была освящена в 1858 году в честь Всех Святых.

⁹² Юхименко Е. М. Московская филипповская община и ее книжное собрание // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. LXV. С. 550–570.

В XIX веке для жителей ближней и дальней округи Задне-Никифоровской пустыни преподобные Геннадий и Никифор оставались местными святыми-покровителями «в теснейшем смысле слова» (по определению Е. Е. Голубинского)⁹³. Важным свидетельством о церковном чествовании святых в пределах Олонецкой епархии можно считать включение их имен в Собор олонецких чудотворцев в 1866 году, когда с благословения правящего архиепископа Аркадия (Федорова) установилась традиция ежегодного празднования 2 октября памяти всех обонежских преподобных⁹⁴. В их честь освятили подземную церковь в подвальном этаже строившегося каменного кафедрального собора Петрозаводска. Для нее в Александро-Свирском монастыре были написаны иконы святых, в том числе преподобных Геннадия и Никифора: «Въ скромномъ иконостасе, окрашенномъ синей краской, съ белыми колоннами и карнизами, помещены по обеимъ сторонамъ царскихъ вратъ два местныхъ образа явлений Св. Троицы и Божией Матери преподобному Александру Свирскому, надъ ними и подъ двумя малыми дверями алтаря размещены лики десяти олонецкихъ чудотворцевъ <...>. Все иконы писаны въ строго-византийскомъ стиле въ Александро-Свирскомъ монастыре»⁹⁵.

В конце XIX века неизвестным автором⁹⁶ составляется общее для преподобных Геннадия и Никифора агиографическое произведение, напечатанное большим тиражом в известной типографии⁹⁷ Ефима Ивановича Фесенко в Одессе⁹⁸. Житие представляет собой вольную компиляцию

⁹³ См.: Голубинский Е. Е. История канонизации святых... С. 150.

⁹⁴ Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX века. Петрозаводск, 2009. С. 219.

⁹⁵ НА РК. Ф. 593. Оп. 4. Д. 2. Т. 1. Л. 67.

⁹⁶ Можно с осторожностью предположить, что составителем жития был будущий настоятель Задне-Никифоровской пустыни Феодор (Колпашников), и по его же указанию текст был напечатан в 1896 году.

⁹⁷ «Издательство это давно стяжало себе почетную известность, а ныне стоит вне конкуренции. Хромофотографированные на религиозные темы издания г. Фесенко исполнены не только образцово-технически, но и с богобоязненною добросовестностью и горячей любовью к своему делу... За недорогую цену фирма Фесенко дает священное изображение, изящное, художественное, а вместе с тем исполненное в строго-иконном стиле, согласно преданиям церковным». Цит. по: Именные иконы для крещаемых. Издание Одесской хромофотографии Е. И. Фесенко // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1909. № 10. С. 493–494.

⁹⁸ Житие преподобных отец Геннадия и Никифора Важеозерских чудотворцев (В связи с историей Задне-Никифоровской пустыни в Олонецкой губернии). Одесса, 1896.

сведений, почерпнутых из «Сказания о Никифоре» и церковной службы преподобному Геннадию, с добавлением некоторых фактов по истории мужского монастыря в XVII–XIX столетиях. Святые предстают в нем верными сомолитвенниками и учениками преподобного Александра Свирского. Там же, в Одессе, в 1894 году в мастерской Е. И. Фесенко с разрешения Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета создается хромолитография важеозерских чудотворцев — помимо фигур самих подвижников в схимах и куколях, на ней условно изображен монастырь с двумя церквями, обнесенными белыми стенами⁹⁹.

Большое значение для развития традиции церковного почитания преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских вместе с другими местными подвижниками имели предложения архимандрита Никодима (Кононова), высказанные им на страницах епархиальной газеты и поддержанные властью: *«Нельзя еще не пожелать, чтобы и память этих святых мужей, учеников преподобного Александра, была увековечена в его обители духовными торжествами. Самое приличное было бы: 1) дни памяти преподобного Афанасия, Адриана, Геннадия, Никифора и Макария ознаменовать торжественным богослужением во имя их; 2) дни же памяти других учеников — совершением заупокойной литургии и панихиды и 3) на другой день памяти преподобного Александра всех их вместе с родителями преподобного Александра поминать после литургии как прославленных молебном, прочих — соборною панихидою»*¹⁰⁰.

По распоряжению олонецкого епископа Никанора (Надежина)¹⁰¹ преподобные Геннадий и Никифор вместе с другими *«прославленными насадителями Христовой веры в крае»* — преподобными Александром Свирским, Александром Ошевенским, Ионой Клименецким, Корнилием Палеостровским, Кириллом Челмогорским, Афанасием Сяндемским, Ионой Яшезерским, Лазарем Муромским, Пахомием Кенским, Адрианом Андрусовским — стали поминаться в каждом епархиальном храме во время богослужений *«на отпусте»*, т. е. в конце утрени и литургии, когда по церковным правилам разрешается называть имена особо чтимых в той или иной местности святых¹⁰².

⁹⁹ Альбом изображений святых икон издания хромолитографии Е. И. Фесенко в Одессе. Одесса, 1894; Лобынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Е. И. Фесенко — один из крупнейших издателей народной православной печатной продукции XIX–XX вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2017. С. 11–19.

¹⁰⁰ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 6. С. 201.

¹⁰¹ Епископ Никанор (Надежин) управлял Олонецкой епархией в 1908–1916 годах.

¹⁰² Островский Д. Преосвященный Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский // Известия общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5–8. С. 59.

Вплоть до уничтожения монашеской жизни советской властью в Олонецкой епархии отсутствовали церкви во имя преподобных Геннадия и Никифора. В начале XX века им была посвящена только деревянная часовня, стоявшая на повороте в монастырь с почтового тракта, который соединял Петрозаводск с Северной столицей. На подворье Задне-Никифоровской пустыни, построенном в Петербурге, в 1897 году протоиерей Иоанн (Сергиев) освятил придел в честь преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских в новом просторном каменном храме.

Иконы преподобных Геннадия и Никифора

Старинные иконы с отдельно изображенными основателями Задне-Никифоровской пустыни не сохранились до наших дней, однако письменные источники подтверждают их существование. Как уже говорилось, в первой четверти XVIII века древний образ «на красках» схимонаха Геннадия пребывал в часовне, построенной над погребениями родоначальников важеозерской обители. В 1722 году при освидетельствовании мощей святых архимандрит Кирилл забрал его в Александро-Свирский монастырь. Вывезенная икона позднее вернулась на прежнее место: она отмечена в имущественной описи, составленной при упразднении монастырей Олонецкого уезда по секуляризационной реформе 1764 года при описании внутреннего убранства Преображенской церкви¹⁰³. Вероятно, чудотворный образ сгорел в сильном пожаре, произошедшем на Важеозере в 1885 году.

Часто отцы-основатели Задне-Никифоровской пустыни на иконах символично изображались вдвоем, хотя при жизни они, возможно, не встречались. Самый ранний совместный образ святых упоминается в монастырской описи начала XVIII века: «новая изъ кипарисного дерева св. икона Преподобныхъ отецъ Никифора и Геннадия, Важеозерскихъ Чудотворцевъ, основателей сея пустыни, съ изображениемъ сверху ихъ Преображения Господня, мерою въ одинъ аршинъ, обложенная новою серебряною съ сребропозлащенными венчиками, 84 пробы, весом и съ венчиками, въ пять фунтовъ, ризою. Один хоругвий, на немъ на одной стороне образъ Преображения Господня, а на другой — Преподобныхъ Никифора и Геннадия»¹⁰⁴.

По словам Петра Ягодкина, во второй половине XIX века мужской монастырь пользовался услугами петербургских иконописных мастеров.

¹⁰³ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 1 об.

¹⁰⁴ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 47.

Возможно, они создавали «парные» иконы преподобных Геннадия и Никифора под влиянием иконографии валаамских святых Сергия и Германа. Безусловно, в церквах Задне-Никифоровской пустыни и ее столичного подворья пребывали многие образы с ликами важеозерских чудотворцев, но до наших дней сохранились единицы (например, икона конца XIX — начала XX века из частного собрания Ф. Р. Комарова).

Сведения еще об одной иконе с важеозерскими святыми относятся к началу советского периода. В 1918 году при составлении нового каталога собрания городского церковно-исторического музея в Петрозаводске его заведующий священник Дмитрий Островский добавил в него шесть икон местночтимых святых (он датировал их XIX столетием). На одной из них были изображены важеозерские чудотворцы Никифор, Геннадий, Игнатий, Леонид, Дионисий, Ферапонт, Феодор, Корнилий, Афанасий¹⁰⁵. *«Изображены довольно шаблонно, без индивидуальных оттенков. Икона ценна как памятник, перечисляющий мало известные широкой публике имена последователей и учеников преп. Никифора и Геннадия Важеозерских»*, — отметил в каталоге священник. Они были примерно одинакового размера (8 ¼ × 7 вершков), не имели номеров Олонецкого епархиального древлехранилища, откуда в музей поступила большая часть предметов¹⁰⁶. Дальнейшая судьба важеозерской иконы неизвестна.

Чудотворения важеозерских святых

Рукописные источники о посмертных чудесах важеозерских святых пока не обнаружены в отечественных архивах и библиотеках. Архимандрит Никодим (Кононов) полагал, что в XIX веке записи о чудесных исцелениях в монастыре не велись: события происходили *«на глазах у всех»*, и в них никто не сомневался¹⁰⁷. *«Около 15 лет назад путешественники, застигнутые в дороге снежной метелью, потеряли след и не знали, что делать и куда направить путь свой. Усиливающаяся буря грозила им опасностью замерзнуть в открытом поле. Но они воззвали к преподобным и скоро опять нашли дорогу»*¹⁰⁸.

¹⁰⁵ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 36.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 593. Оп. 4. Д. 2. Т. 1. Л. 67. Возможно, их принесли из кафедрального собора Святого Духа, где в 1866–1878 годах существовала подземная церковь во имя Собора олонецких преподобных.

¹⁰⁷ Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 2. С. 45.

¹⁰⁸ Там же.

Позднее архимандрит Никодим добавляет в «Олонецкий патерик» рассказ о том, как избавилась от сильных головных болей благочестивая женщина из деревни Верховье, расположенной недалеко от города Олонца: *«преподобные явились ей, указали на свою обитель и пообещали исцеление от недуга, если она сходит туда на богомолье. Женщина эта сходила в обитель, там отслужили молебен преподобным, покропили святою водою ей голову, и она стала здорова»*¹⁰⁹. Там же описывается другой случай помощи важеозерских святых крестьянину, также страдавшему от боли в голове и безуспешно обращавшемуся к деревенским знахарям: *«когда больной не имел сил и лежал в постели, не чая ниоткуда помощи, ему явились преподобные Геннадий и Никифор и сказали так: “Ты человек умный, зачем же ищешь помощи у людей, у которых, кроме вреда, ничего не получишь? Приходи лучше к нам! У нас лекарство без денег. Отслужи молебен и попей святой воды, и станешь здоров” <...>. Крестьянин исполнил повеление и стал здоров»*¹¹⁰ (он прожил в Задне-Никифоровской пустыни три недели).

Еще об одном чудесном событии, связанном с именами важеозерских святых, рассказывает в 1913 году таржепольский священник: *«Одинъ старикъ нашего же Таржепольскаго прихода Григорій Петровъ Афонинъ, сыновья его есть въ живыхъ и теперъ, человекъ начитанный въ церковныхъ и другихъ книгахъ и набожный возъмелъ сильное желание сходить въ Никифоровскую пустынь, помолиться преп. Никифору и Геннадию Важеозерскимъ. Пустынь эта отъ насъ находится верстъ за 50, дорога-тропинка идетъ лесомъ и болотами. Но сыновья старца не отпускали одного идти, а товаришей никакихъ не было; время было рабочее, около Петрова дня. Тогда ревностный старецъ, не смотря на отговоры сыновей, въ одну ночь скрылся изъ дому и пошелъ въ пустынь одинъ. Пошелъ онъ, не зная хорошо дороги, и какъ можно было и предполагать — заблудился. Хватитись старика его домашние и, конечно, стали искать. Долго искали. Только на четырнадцатый день обрели заблудившагося. Онъ чуть живой сиделъ у стога сена; все время провелъ голодомъ; только сначала ходилъ къ реке пить воду, а когда уже не могъ ходить, то ползалъ. Когда его принесли домой на носилкахъ, где можно было везти на лошади, то онъ рассказалъ следующее. Когда онъ сиделъ въ сене, то къ нему пришли два “корелячка”, надо быть, пояснялъ онъ, преподобные: Никифоръ и Геннадий и говорятъ: “не бойся, мы тебя просодержимъ,*

¹⁰⁹ Новый Олонецкий патерик... С. 398.

¹¹⁰ Там же.

ты не умрешь, за тобой скоро придутъ, но только ты больше къ намъ не ходи". И действительно, скоро после этого видения дошли до него искавшие его. Старецъ найденъ былъ верстахъ въ 15 отъ дому. Это было летъ около 20 тому назадъ. Старецъ теперь почивший»¹¹¹.

Итак, преподобные Геннадий и Никифор в исторической традиции предстают сомолитвенниками и сподвижниками-аскетами, вместе создавшими мужскую обитель на Важеозере. Во второй половине XIX века в Олонецкой епархии сложилась традиция почитания их как верных учеников преподобного Александра Свирского, однако письменные источники более раннего времени подтверждают факт ученичества у великого старца только первого игумена монастыря, преподобного Никифора.

---

¹¹¹ А. Л. Вера православных // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 6. С. 115.

Глава 2

Основание монастыря и его история в XVI веке

«Спасский монастырь Благолепного Преображения» на Важеозере создавался и строился во время длительного правления Иоанна IV Васильевича (1533—1584 годы) — в противоречивую и непростую эпоху, когда православное монашество стало органичной частью русского средневекового общества. Новая обитель располагалась на землях Великого князя Московского (с 1547 года — царя всея Руси). В таких случаях, как пишет русский историк Михаил Михайлович Богословский, *«выбрав место, устроив церковь или только часовню с кельей, основатель монастыря обращается тотчас же к правительству с просьбой утвердить за ним занятую землю или пожаловать ему те или иные угодья в окрестностях, или оказать какую-либо другую помощь и поддержку»*¹. Для решения важных земельных вопросов отцы-основатели совершали длительные и опасные путешествия в Москву. Преподобный Никифор, задумавший поставить на Важеозере первый храм и служить в нем, получить для рождавшейся обители официальный статус и земельные угодья, должен был посетить столицу, а также не менее двух раз побывать на архиерейском дворе в Великом Новгороде (здесь он получил благословение на постройку первой монастырской церкви и антиминс для нее, был возведен сначала в сан иеромонаха, а позднее облачен в игуменскую мантию).

Задняя Никифорова пустынь — именно так мужская обитель чаще всего называется в письменных источниках XVI—XVII веков — была основана преподобными Геннадием и Никифором на территории одного из древнейших в Обонежье и хорошо обжитого древневепскими крестьянами-земледельцами Воскресенского Важенского погоста-округа. В его состав

---

¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. М., 1909. Т. 1. С. 77.

входили земли, расположенные в среднем Присвирье и бассейне реки Важинки, а также озеро Святозеро. Свое название он получил от правого притока Свири — извилистой и порожистой Важинки, которая берет начало из многочисленных безымянных ручейков, вытекающих из Важинского болота². Река издавна использовалась людьми как торговый путь с ключевым перевалочным центром на Святозере³.

Что означают слова Важинка, Важеозеро, Важины (или Важены)? Загадочная топонимическая основа *важ-* хорошо известна специалистам, она часто встречается среди гидронимов Межозерья, однако вопрос об ее истоках все еще не решен. Возможно, она восходит к саамскому *vaadž*, что переводится как «важенка, олень-самка», или к саамскому же *vuad'ž* — «болотистая травянистая местность с расположенными друг за другом озерами»⁴. Исследователи отмечают стойкую привязку этой топоосновы к наименованиям болотистых низин в окрестностях озер и рек с заболоченными берегами.

Во времена преподобных Геннадия и Никифора, как и сегодня, Важеозеро было небольшим мелководным⁵ озером вытянутой формы (длиной около 5 км и шириной чуть более 2 км) без островов⁶. Его низменные, отлогие и местами болотистые берега сложены большей частью из песков. Только одна речка вытекает из него — неглубокая Важеозерка, илистое и песчаное дно которой часто обнажается в засушливые годы. С востока к Важеозеру подходит огромное, растянувшееся на два десятка километров Важинское болото, которое в XVI веке называлось в народе Великим Важинским мхом. В наши дни это региональный памятник природы⁷, часть его территории входит в границы Важеозерского природного

² Длина реки Важинки составляет 123 км. Ее притоки — мелкие речки Мужала, Тукша, Рандозерка, Челма, Святуха.

³ Первая в Олонецком уезде государственная дорога, которая обслуживалась ямщиками, соединяла Олонец со Святозера, а затем шла к Пряже и устью реки Шуи. В начале XVIII века именно по этой дороге добирался на шуйские Петровские заводы Петр Великий.

⁴ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 286–287. Из-за звуковых закономерностей топооснове также приписывают прибалтийско-финское (в данном случае вепское) происхождение.

⁵ Максимальная глубина 1,9 м в северо-восточной части озера.

⁶ Педдер А. Ю. Опыт гидрологического исследования некоторых мелких водоемов Карелии // Рыбное хозяйство Карелии. М.; Л., 1932. С. 133–140.

⁷ Северная часть болота в 1970-е годы была осушена лесной мелиорацией. Восточная часть использовалась военными как полигон для учебных стрельб.

заказника на границе Пряжинского и Олонецкого районов Республики Карелия⁸. На уникальном болоте расположены многочисленные минеральные острова и небольшие реликтовые послеледниковые озера с заболоченными берегами. Наиболее крупные его водоемы впервые были указаны на карте генерального межевания, проводившегося в Олонецком уезде в 1783 году: Большое Чикозеро⁹, Вирос¹⁰, Метчи-ярви¹¹. Из Важинского болота берут начало безымянные ручьи и речка Тетерка, впадающие в реку Важинку и далее в Свирь.

Важинская «весь»

В исторической ретроспективе Важенский погост-округ вместе с примыкавшими к нему Ильинским Веницким, Рождественским Остреченским, Никольским Оштинским погостами-округами — особая зона активного этно-культурного взаимодействия вепсов, карелов и русских¹². В XVI веке Важинское Присвирье, издавна освоенное человеком, уже населяли вепсы — коренной народ Северо-Запада России. Современных вепсов вместе с эстонцами, карелами, водью, ижорой, финнами и ливами

---

⁸ Заказник был создан по инициативе сотрудников Института биологии КарНЦ РАН В. К. Антипина и П. Н. Токарева в 1989 году. Это крупнейшая по площади болотная система Южной Карелии, великолепный ягодник клюквы и морошки, а также место массовой остановки на пролете водно-болотных птиц — гуменника, лебедя-кликун, большого кроншнепа и других. На территории заказника разрешено развитие подсобного хозяйства и ремесел только для нужд возрожденного мужского монастыря. Болото включено в Перспективный список водно-болотных угодий Российской Федерации, имеющих международное значение.

⁹ Современное название озера Нижнее Чикозеро.

¹⁰ Современное название озера Вирушка.

¹¹ Озера Верхнее Тукш и Нижнее Тукш.

¹² Это один из территориальных центров формирования людиков из местного вепского населения и пришлых карелов. Людики — обособившаяся группа древних вепсов, которая в XIII–XIV веках продвинулась от Свири по ее притоку Важинке на северо-западное побережье Онежского озера. Современная локальная группа карелов-людиков сосредоточена в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах Республики Карелия (основные поселения — Михайловское, Святозеро, Пряжа, Виданы, Спасская Губа, Пялозеро, Юркостров, Тивдия, Ерши). В наши дни людиков не более 4–5 тысяч человек, из них 300 носителей языка. См.: Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Л., 1975; Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.

относят к прибалтийской ветви финно-угорской языковой семьи. К началу XXI века в отечественной науке утвердилось мнение о прямой генетической связи современного этноса вепсов и «летописной» веси. В 1824 году его высказал академик Иоанн Андреас Шегрен, а во второй половине XX века наиболее полно представили Дмитрий Владимирович Бубрих, Владимир Владимирович Пименов¹³.

Впервые легендарный народ *vas* в VI веке упоминает готский историк Иордан в перечне северных племен вместе с чудью, мерей и мордвой¹⁴. По археологическим данным, культура веси окончательно сформировалась в Межозерье¹⁵ к IX–X векам с участием местного финского населения и финно-угорских мигрантов из Приволжья и Прикамья¹⁶. Важинские вепсы-весь занимались скотоводством, охотой, рыболовством и земледелием. У них существовали ювелирное, косторезное и железоделательное производства, что свидетельствует об успешном развитии вепсской культуры¹⁷. От дохристианской эпохи здесь до сих пор сохранились характерные наземные памятники погребальной обрядности веси — курганы.

Когда именно вепсы появились в важенских пределах, сказать сложно из-за отсутствия письменных и археологических материалов. К сожалению, планомерные и масштабные поиски средневековых памятников древней веси на территории Важинского Присвирья до сих пор не проводились¹⁸.

¹³ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; Пименов В. В. Вепсы. М., 1965; Кочкуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

¹⁴ Иордан. О происхождении и деяниях готы / вступ. статья, комментарий Е. И. Скрижинской. М., 1960. С. 7.

¹⁵ Территория между Ладожским и Онежским озерами.

¹⁶ Башенькин А. Н. Некоторые общие вопросы культуры веси V–XIII веков // Культура Европейского Севера России. Вологда, 1989. С. 3–21; Он же. Восточно-финские компоненты культуры веси в I — начале II тысячелетия новой эры // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 28–33.

¹⁷ Башенькин А. Н. Финны, угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 124.

¹⁸ В административных границах Вологодской и Ленинградской областей многочисленные могильники и селища легендарной веси активно изучаются археологами с XIX века. См.: Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья // Материалы по археологии России. СПб., 1895. Т. 18; Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М; Л., 1934; Голубева Л. А. Вепсы и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973; Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985; Королькова Л. В. Средневековые поселения Южного Приладожья (проблемы и перспективы археологического изучения) // Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 97–99.

Только в 1984 году петрозаводские археологи Андрей Михайлович Спиридонов и Игорь Семенович Манюхин обследовали течение Важинки в Подпорожском районе Ленинградской области. В двух и четырех километрах от устья реки им удалось обнаружить следы раннесредневековых поселений и, вероятно, уничтоженного могильника. Об этом говорили найденные тогда предметы — характерная керамика «курганного» облика, железная заклепка борта лодьи, оплавленные бусы и фрагменты медных женских украшений¹⁹. Надо полагать, именно об этом разрушенном кургане сообщалось в краткой заметке, напечатанной в «Олонецких губернских ведомостях» в 1873 году: «В Важинской волости, при д. Устьбоярской, по рассказам старожил, была древняя могила или насыпь, находившаяся на возвышенном месте, на поле, в расстоянии от реки Важенка — около 100 сажень и Свири — около 250 сажень. Здесь были находимы кости»²⁰. Добавлю, что в том же 1984 году А. М. Спиридонов и И. С. Манюхин обнаружили на островах озера Святозеро две небольшие стоянки, относящиеся к эпохе неолита и раннего металла²¹.

Несомненно, в Межозерье, рядом с такой мощной речной магистралью, как река Свирь, должны были существовать поселения эпохи Средневековья. Ленинградский археолог Владислав Иосифович Равдоникас со ссылкой на финские источники упоминает пять курганных групп на ее берегах²². Есть здесь и монетные клады западноевропейского и арабского серебра²³. В 1993 году Константин Энрикович Герман в селе Ладва зафиксировал селище XI века — Ладва I²⁴. Даже эти немногочисленные находки свидетельствуют о включении территорий Важинского Присвирья в активную европейскую торговлю со второй половины X века.

¹⁹ Спиридонов А. М. Разведки и раскопки в Северном Приладожье // Археологические открытия — 1984. М., 1986. С. 29.

²⁰ См.: Городки или городища, земляные насыпи и курганы или древние могилы в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 72. С. 828.

²¹ Спиридонов А. М. Разведки и раскопки в Северном Приладожье... С. 29.

²² Равдоникас В. И. Археологические исследования на р. Свири в 1934 г. // Советская археология. V. 1940. С. 187.

²³ Спиридонов А. М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I — начала II тыс. н. э. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 136–146; Он же. К истории Посвирья: опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 146–159.

²⁴ Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007. С. 69, 168–170.

Воскресенский погост «в Важеных»

Жители Важинского Присвирья в конце XIX века не знали времени возникновения поселения в устье Важинки: «*Как давно погост получил свое начало, определить трудно, потому что ни письменных сведений, ни устных преданий об этом нет*»²⁵. Отечественные историки утверждают, что первое упоминание погоста «на Свери» в дошедших до нас древнерусских источниках относится к эпохе новгородской независимости и встречается в приписке «об Обонежском ряде» (т. е. договоре) к знаменитой уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича²⁶. Долгое время эта приписка датировалась 1137 годом — временем составления самой грамоты. Источниковедческий анализ документа, однако, доказал более позднее оформление «ряда», вероятно, в XIII веке (до 1264 года)²⁷. В нем указываются суммы ежегодных отчислений, поступавших в пользу новгородского епископа от разных селений Обонежья: «*во Олонци три гривны, на Свери гривна*»²⁸.

После падения независимости Великого Новгорода существовавшие с конца XV века Заонежские погосты Обонежской пятины²⁹ вошли в границы обширного Новгородского уезда. Воскресенский Важенский погост-округ (в Средневековье он назывался «*Воскресенский погост в Важеных на Свири*») относился к Оштинскому стану (вместе с Вытегорским, Мегорским, Оштинским, Остреченским, Венецким и Пиркинским

²⁵ С. В. И. Г. Важинский погост, Олонецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 38. С. 4.

²⁶ Спиридонов А. М. Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // КСИА. М., 1989. Вып. 198. С. 16–21; Жуков А. Ю. Становление приходов в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людигов в XV–XVIII вв. URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/zhukov.pdf.

²⁷ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 84–90.

²⁸ Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 года // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 225.

²⁹ Рождественский Олонецкий, Никольский Шуйский, Спасский Кижский, Никольский Шунгский, Спасский Выгозерский, Егорьевский Толвуйский, Петровский Челможский, Рождественский Водлозерский, Никольский Пудожский, Спасский Шальский, Никольский Андомский, Покровский Вытегорский, Рождественский Мегорский, Никольский Оштинский, Ильинский Венецкий, Рождественский Остречинский и Воскресенский Важенский. В 1649 году они вошли в состав образованного Олонецкого уезда.

погостами-округами)³⁰. В его центре — Ошта (ныне Вытегорский район Вологодской области) — сосредоточивалось административное управление всеми Заонежскими погостами после перехода их земель (за исключением вотчин и поместий) в разряд «дворцовых» в ходе реформы местного управления 1584–1585 годов³¹.

В церковных делах жители Обонежья подчинялись архиепископу Новгородскому и Псковскому (с момента учреждения патриаршества в 1589 года — митрополиту Новгородскому и Великолукскому). В Великий Новгород к архиерейскому двору приходские клирики и монахи ездили за святительскими грамотами на строительство церквей, здесь получали антимины, рукополагались во диаконство и священство, возводились в сан игумена и архимандрита. Все приходы и монастыри, действовавшие на территории Воскресенского Важенского погоста-округа, принадлежали Коловой церковной десятине, как следует из древнейшей дошедшей до нас «книги записей софийской пошлины», т. е. книги сбора церковного налога в пользу архиерея³².

В эпоху Великого Новгорода земли Важенского погоста-округа были поделены между двумя влиятельными политическими группировками. Их представляли с одной стороны Аксинья, жена боярина Микиты Есиповича Василистина, и посадник Иван Захарович Овчинов; с другой — Микита Афанасьевич Грузов и Никита Лаврентьев. При царе Иване III конфискованные земли новгородских бояр стали государственными, т. е. были «отписаны на государя». Во второй половине XVI — XVII веке Воскресенский Важенский погост — это район так называемого чернососного³³ крестьянского землевладения с небольшими островками вотчин нескольких монастырей, новгородского митрополита и некрупных поместий владычных детей боярских³⁴.

³⁰ Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 259–260.

³¹ Там же. С. 270.

³² См.: Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлины») / сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб., 2011. С. 186–191.

³³ Крестьяне этой категории разрабатывали участки на «черной» земле, которая принадлежала государству и облагалась податями и повинностями, иначе тяглом.

³⁴ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1997. С. 82.

Ранние письменные сведения о поселениях Важенского погоста-округа в «московское время» содержит дошедшая до нас писцовая книга Обонежской пятины 1563 года³⁵. В ней упоминаются несколько волосток, существовавших во времена преподобного Никифора Важеозерского. Пять из них находились на землях Великого князя Московского: в Лояницах Никитинская Лаврентьева, на Святозере Окиннская Микитины жены Есипова, на Пидме Родионовская Метусова да братанича его Костинская, в Шеменицах Григорьевская Мотфеева сына Бычкова и в Согиничах Заволотцкого. Шестая незначительная по размеру волостка «на реке Пидме же Ивановская» принадлежала вотчине новгородского Хутынского монастыря. В каждом волостном центре на погостах возвышались деревянные церкви: в Лояницах, Шеменицах и на Святозере во имя Егорей Великого, на Пидме — два храма в честь Покрова Божией Матери. К середине XVI века на территории Воскресенского Важенского погоста-округа возникает ряд починков, например, «На Важенской дороге» — будущая деревня Важинская Пристань на Святозере.

По данным писцовой книги, составленной после Смутного времени, в 1616–1619 годах, количество волосток в границах Важенского погоста-округа за прошедшее время выросло: переписчики упоминают их «в Важенех», Лояницах, на Святозере, Пидмозере, в Шеменичах, Каковичах, «у часовни на реке на Важене на берегу» (будущая волостка Согиничи), «на Сидо-озере в Пагаченицах у часовни», в Хевроньино, Гавде, Пагаченицах, Подпорожье и в вотчине Хутынского монастыря на Пидме-озере, на Шангострове. В конце 1620-х годов появляется новая выставка Плотично на устье одноименной реки, к середине XVII столетия — Сидорово и Кашканы. Часть волостки Лояницы была пожалована Александро-Свирскому монастырю после его разорения в годы Смуты³⁶.

В середине XVII века на землях Важенского погоста-округа существовали дворцовый Погост на реке на Важине, государева выставка Лояницы, той же выставки вотчина Александро-Свирского монастыря, дворцовые выставки на Святе-озере, на Пидме-озере, Шеменичи, Каковичи, Согиничи, Пагаченицы, Гавда, Подпорожье, Сидорово, в Кашкане, Пидминской волостке вотчина Хутынского монастыря на Шанго-острову, его же волостка Пидма на реке на Пидме, а также владычное поместье за митрополичьим дьяком Юрием Карповым на устье реки Плотичны. Многие из этих названий хорошо знакомы современным жителям Присвирья.

³⁵ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Л., 1930.

³⁶ К 1707 году волостка перешла в состав Пиркинского погоста-округа, который почти целиком принадлежал этой мужской обители.

Церкви и часовни Важенского погоста-округа

В начале XVI века — предполагается, что именно в это время преподобный Геннадий приходит на берега реки Важинки и далее на Важеозеро — на территории Важенского погоста-округа действовали две церкви: Воскресения Христова в его центре и Покровская в вотчине Хутынского монастыря. По сведениям писцовой книги 1563 года, в приходской церкви тогда служили священник Авксентий и помогавшие ему два дьячка Михаил и Гавриил, которые должны были хорошо знать преподобного Никифора — по преданию, местного уроженца.

«Да на погосте же живет 6 старцов да 11 стариц», — прибавили к описанию погостского храма в Важенах московские писцы³⁷. В ряде Заонежских погостов по сообщениям писцовых и переписных книг XVI–XVII веков при приходских церквях существовали так называемые двойные особножительные монастыри, населенные старцами и старицами вместе с окормлявшими их игуменами и «черными попами»³⁸. Такая традиция бытовала, несмотря на постановление Стоглавого собора, запрещавшего совместное проживание мужчин и женщин в иноческих обителях³⁹. В научной литературе подобные келейные аскетические сообщества, обнаруженные исследователями не только в Обонежье, но и в других новгородских пятинах, считаются «богоугодными заведениями» для местных крестьян, потерявших здоровье и способность работать на земле⁴⁰. Как видим, при Воскресенской церкви в Важенах тоже существовала небольшая обитель для обездоленных старцев и стариц, живших на подаяние местных жителей.

³⁷ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 96.

³⁸ Старицы в Заонежских погостах впервые упоминаются в писцовой книге Андрея Лихачева 1563 г. Вместе с игуменами и старцами они помещались в отдельных кельях при приходских церквях в Шуе, Шале, Пудоже, Мегре и Шунге. См.: Писцовые книги Обонежской пятины...

³⁹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 97–128.

⁴⁰ Сулова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века. Петрозаводск, 2013. С. 35–36. Историки К. А. Неволин и П. В. Знаменский считали такие прихрамовые сообщества, существовавшие не только в Обонежье, но и в других новгородских пятинах, «богоугодными заведениями», которые принимали «форму монастырей» для больных, старых, обнищавших крестьян и бобылей. См.: Неволин К. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1859. Т. 6. С. 326; Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. СПб., 2003. С. 66.

Прихожане Воскресенского храма, где молились и родители преподобного Никифора, отличались особенным благочестием: филологам известен принадлежавший ему рукописный Пролог, датированный в 1504/05 годом. Судя по надписи, в тот год древняя церковно-учительная книга с краткими житиями святых и поучениями отцов Церкви была переписана «повелением старост Важньского погоста, и всех хрестьян Важньского погоста» (ныне сборник хранится в собрании М. П. Погодина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки)⁴¹.

В писцово́й книге 1563 года упоминаются выставочные храмы, построенные в первой половине столетия на волостных землях великого князя Московского. Так, в Лояницах еще в конце XV века одной из первых была поставлена церковь в честь великомученика Георгия: «Деревня на Горе, и у тое деревни за полем поставлена после писма церков Егорей Великий: (в) Егорьевской поп от выставки Агапит, (в) дьяк Романко, да в том же дворе понамарь Васка»⁴²⁴³. На Святозере возвышалась церковь святителя Николая Чудотворца: «Деревня на Святоозере и в той деревне после писма поставлена церковь Никола Чюдотворецу выставка, а у церькве: (в) поп Михайло, (в) дьяк Романко Жуков, (в) понамарь Васка»⁴⁴. Этот храм был одним из ближайших к озеру Важеозеро, где поселились монахи-пустынники. Пидмозерские крестьяне собирались на молитву в церковь Покрова Божией Матери: «Деревня на Пидме же у часовни, а в ней поставлена выставка церьковь Покров святии богородицы на царя и великого князя земли: (в) поп Панфилко да в том же дворе дьяк Васюк»⁴⁵. В Шеменичах⁴⁶ была срублена церковь во имя великомученика

⁴¹ Усачев А. С. О географии написания русских рукописных книг в XVI веке (материалы к истории книги в России) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1. С. 157.

⁴² Писцовые книги Обонежской пятины... С. 87.

⁴³ Надпись на первом листе синодика в архиве Лоянской Георгиевской церкви: «Жития сиречь помянникъ храма Святаго Великомученика Георгия, Важинскаго Воскресенскаго погоста, выставки Лоянская волости». См.: С. В. И. Г. Важинский погост, Олонецкого уезда... С. 4.

⁴⁴ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Л., 1930. С. 89.

⁴⁵ Там же. С. 91.

⁴⁶ Древний Георгиевский храм сохранился до XX века: «при деревне Евдокимовская, на оз. Шаменском. В 1612 г. (?) церковь была переустроена, при чем сложена современная трапеза; колокольня построена в 1850-х годах. В 1865 г. церковь поставлена на каменный фундамент и обшита. Иконостас XVIII в. В 1913 г. Имп. Археологическою Комиссею не разрешена разборка этой церкви. Она была изучаема Н. К. Григорьевым и Д. В. Милевым». См.: Известия Императорской Археологической комиссии. 1914. Вып. 57. С. 133.

Георгия: «Деревня в Шеменицах Якимовская словет Давыдовская: (в) Сергейко Григорьев, (в) поп Григорей, (в) дьяк Мартынец... да тех же 2 третьей земли поставлена церков святой великомученик Егорей, стала после писма, (в) понамарь Софонко, (в) проскурница Ульянна»⁴⁷).

Помимо перечисленных храмов, на вотчинных землях Хутынского монастыря⁴⁸ в конце 1620-х годов богослужения совершались в трех церквах: на Пидме в честь Преображения Господня; на Пидмозере на острове — Покрова Божией Матери; в Рыбьей Реке — святителя Николая Чудотворца⁴⁹.

«Монастырь за мхами и меж мхов»: основание Задне-Никифоровской пустыни

Итак, к середине XVI века все более-менее удобные земли Воскресенского Важенского погоста-округа, в границах которого лежало Важеозеро⁵⁰, были уже давно заняты. «Земельная теснота» особенно ощущалась в его центральной части, которая традиционно осваивалась крестьянами ранее других мест. Свободными оставались только самые дальние от погостского центра глухие участки, расположенные вблизи северной границы с Рождественским Олонецким погостом-округом⁵¹. Важеозеро и его ближние окрестности в начале XVI века представляли «дикий лес» и пространные болотистые низины, остававшиеся безлюдными до появления здесь монахов.

Первым на берега пустынного Важеозера предположительно в начале XVI века пришел старец Геннадий: «поставил себе келью на Важеозере и здесь подвизался отшельнически; в последствии дозволил он двум-трем ученикам поставить хижины подле своей кельи, для безмолвной

⁴⁷ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 95.

⁴⁸ По писцовой книге 1582/83 года ему принадлежали 11 «живущих» деревень и 14 «пустых» вместе с угодьями на Пидмозере, на озере Плотичное и на правом берегу Свири. См.: Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины. 1582/83 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. 3. С. 114.

⁴⁹ Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 42, 43. По переписной книге 1646 года на территории Важенского погоста отмечены восемь церквей. См.: Сулова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII в. Петрозаводск, 2013. С. 83.

⁵⁰ В источниках разного времени его также называют Важе, Важено, Важезеро, Важозеро.

⁵¹ В названии Задняя Никифорова пустынь как раз и определялось ее местоположение в отдаленном от центра Важинского погоста-округа заднем уголке.

молитвы»⁵². Выбранное им возвышенное песчаное место на южном побережье озера вполне отвечало монашеским представлениям об идеальном образе «пустыни», известном из северорусской житийной литературы. Важеозеро находилось в стороне от оживленных дорог и мирских поселений. До прихода преподобного Геннадия его окрестности не были освоены, иначе писцы отметили бы здесь запустевшую деревню, пустошь или пахотный участок, заброшенный прежними владельцами. По этой причине в письменных источниках и устной традиции отсутствуют упоминания, даже косвенные, о враждебных столкновениях между крестьянами и обосновавшимся на Важеозере одиноким пустынником. Постепенно вокруг преподобного Геннадия собралось несколько учеников: незаурядная личность святого, его строгая постническая жизнь в постоянных трудах и молитвах привлекали людей.

Второй важеозерский чудотворец, старец Никифор, по преданию родившийся в Важинах на Свири, скорее всего, шел из родных мест на север по оживленному пути, издавна проложенному вдоль левого берега реки Важинки. Древняя сухопутная дорога важинской «веси», уже существовавшая в XVI веке, тогда вела к волостке Святозеро с Никольской церковью (далее по маршруту Пелдожи — Святрека — Шуя)⁵³. Свернув с нее, подвижник направился далее по речке Рандозерке, через небольшое лесное озеро Рандозеро и еще по двум речкам — Тетерке и Важеозерке. Оказавшись на Важеозере, преподобный Никифор, возможно, застал здесь несколько пустынников, оставшихся молиться и трудиться после смерти духовного учителя, преподобного Геннадия.

Задне-Никифоровская пустынь создавалась во время проведения знаменитой монастырской реформы, начатой в Новгородской епархии архиепископом Макарием и направленной на последовательное искоренение широко распространенного особножительства монахов и существовавших тогда двойных обителей, где вместе подвизались старцы и старицы⁵⁴. В 1528 году архиерей вызвал в Новгород игуменов крупных епархиальных монастырей и призвал их вводить у себя строгий общежительный устав «по преданию святых Отец». Позднее в знаменитой «Уставной грамоте», посланной в новгородский Духов монастырь, владыка понятно излагает основы киновии, которая, по его убеждению, более всего отвечает монашеским

---

⁵² Филарет (Гумилевский), епископ. Русские святые, чтимые всею церковью или местно: Опыт описания жизни их. СПб., 1882. С. 164–165.

⁵³ В наши дни дорога ведет к селу Верхние Важины.

⁵⁴ Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997.

идеалам⁵⁵. Он говорит об обязательном ежедневном служении в монастырском храме Божественной литургии; о пострижении в монахи без какого-либо вклада, «за Бога ради»; о совместной трапезе; о необходимости обеспечивать братию одеждой, обувью, «келейными вещами»; о совместном управлении монастырем игуменом, келарем и казначеем; об отдельном проживании монахов и монастырских слуг. Таким образом, в «Уставной грамоте», предназначенной для конкретной новгородской обители, архиепископ Макарий перечисляет наиболее важные общежительные правила, которые затем распространялись на все епархиальные монастыри, в том числе и удаленные от Великого Новгорода монашеские обители в Заонежских погостах.

Порядок иноческой жизни на Важеозере, скорее всего, устраивался по образцу общежительного Александро-Свирского монастыря, где несколько лет, по преданию, подвизался преподобный Никифор. Приходившие к нему на Важеозеро и облачавшиеся в черную монашескую мантию были равны перед настоятелем и между собой. Мы не знаем имен монахов, живших в тесных и темных кельях на берегу Важеозера вместе с преподобными Геннадием и Никифором. Источники молчат по этому поводу. Скорее всего, братская община сначала пополнялась местными уроженцами Воскресенского Важенского и Рождественского Олонецкого погостов-округов. При желании крестьяне, решившие отказаться от мирской жизни, могли делать скромный вклад «на пострижение». Бедные или неимущие мужчины и юноши принимались в общину без всякого взноса, «Бога ради» (мужская обитель считалась богорадной).

Монастырский комплекс на Важеозере

Со времени своего основания вплоть до середины XIX столетия Задне-Никифоровская пустынь оставалась деревянной. Исследователи до сих пор слишком мало внимания уделяли неброскому, но при этом живописному архитектурному ансамблю, выросшему на Важеозере из одинокой отшельнической кельи. Комплекс его построек был хорошо продуманным

---

⁵⁵ Братская община общежительного монастыря по рекомендации архиепископа Макария должна была состоять из 12 человек, включая игумена, иеромонаха и диакона: «А держати ему у собя, в монастыре, священника да диакона черных, да девяти братьев, и всех их дванадцатье и с игуменом, и бречи им о всяком благочестии, но и паче ж о чину церковном, по преданию и по уставу святых Апостол святых Отец». Цит. по: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. С. 531–534.

жизненным пространством⁵⁶. Главным сооружением обители была соборная церковь — композиционный архитектурный центр и смысловое средоточие всей монастырской системы. В храме проходила значительная часть времени черноризцев, здесь не только проводились положенные по типикону богослужения, бережно хранились почитаемые святыни, богослужебные сосуды и книги, но и держалась под замком накопленная казна, были сложены все наиболее важные и нужные исторические документы (царские и святительские грамоты, описи имущества, приходо-расходные и вкладные книги). Окружавшая храмовые и жилые строения монастырская ограда, если говорить образно, защищала насельников от подступавшего к ним «грешного мира» с его соблазнами.

К сожалению, сведения для описания архитектурного облика Задне-Никифоровской пустыни в ранний период ее истории скудны. При жизни преподобного Никифора на Важеозере сложился самый скромный ансамбль необходимых построек. Первый храм, срубленный из сосновых бревен на песчаном холме, с благословения новгородского владыки старец освятил в честь Преображения Господня. Приходские церкви в честь этого великого праздника, между прочим, издавна возвышались в центральных селениях погостов-округов на Олонце, в Остречинах, Пиркиничах, Имоченицах, на Сяси и Паше. По всей видимости, изначально в Задне-Никифоровской пустыни существовала небольшая часовня во имя великомученика Никиты Готского, которого особенно почитал преподобный Никифор и его земляки в Важинах. Приземистые кельи-домики со временем строились рядом с храмом, скорее всего, с восточной его стороны, чтобы из маленьких волоковых оконцев в любую погоду виднелся святой алтарь⁵⁷. Примитивные печи-каменки, сложенные первыми пустынноиками без дымоходов, топились по-черному, поэтому верхние венцы срубов (очевидно, без потолка) изнутри покрывал толстый слой сажи и копоти. Умерших черноризцев по обычаю хоронили внутри деревянной монастырской

---

⁵⁶ При создании монастырского комплекса соблюдались устойчивые принципы, основанные на представлении о любой обители как о земном воплощении небесного града — Горнего Иерусалима: четкая иерархия зданий; стремление к геометрической правильности очертаний комплекса строений (по плану четырехугольника, насколько позволял природный ландшафт); наличие ограды; расположение собора и трапезной церкви в центре усадьбы; возведение братских келий по внутреннему периметру стен. Коровник и конюшня должны были находиться «за монастырем», т. е. за оградой, чтобы не осквернять Божии храмы присутствием домашней скотины, неприятными запахами и нечистотами.

⁵⁷ Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. С. 38.

ограды, на освященной земле, рядом с погребением преподобного Геннадия. В пустыни велось небольшое хозяйство, уже содержалась домашняя скотина (коровы и лошади), поэтому в некотором удалении от церкви и братских келий был устроен скотный двор.

Как уже отмечалось, писцовые книги Обонежской пятины 1563 и 1582/83 годов не содержат каких-либо упоминаний новой мужской обители, появившейся на землях Воскресенского Важинского погоста-округа к середине XVI века. Обычно же они предоставляют историкам ценную информацию о монастырских церквях, общем количестве братских келий и числе монахов, сообщают имена игуменов и строителей. Незначительные сведения о ранней истории Задне-Никифоровской пустыни донесли до нас две грамоты, выданные русскими царями в 1557 и 1587 годах.

Архивная судьба царских грамот

Современные исследователи располагают важными документами по средневековой истории обителей края во многом благодаря деятельности Императорской Археографической комиссии, созданной в 1837 году по указу Николая I (1825–1855 годы) при Министерстве народного просвещения⁵⁸. Ее главная задача заключалась в описании и последующих публикациях старинных актов, найденных Петром Михайловичем Строевым⁵⁹ и его помощниками во время знаменитой экспедиции 1829–1832 годов, а также рукописей, присылаемых из монастырей и местных административных учреждений⁶⁰.

Опытный сотрудник комиссии Яков Иванович Бередников, весной 1834 года побывавший в Александро-Свирском монастыре и осматривавший его богатые архив и книгохранилище, к сожалению, не обратил должного

---

⁵⁸ В 1922 году Археографическая комиссия вошла в состав Академии наук РСФСР. Ее фонды пополнились национализированными архивами монастырей и частных собраний. В 1936 году все фонды были переданы в архив Ленинградского отделения Института истории РАН СССР.

⁵⁹ П. М. Строев посетил десятки хранилищ духовного и гражданского ведомства в разных губерниях России. Выявленные им многочисленные исторические памятники XIV–XVIII веков (великокняжеские договоры, дипломатическая переписка с иностранными дворами, летописи, жития и пр.) составили основу фундаментальных трудов Археографической комиссии. См.: Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв.: энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 448–449.

⁶⁰ Центр изучения минувших времен: К 50-летию Археографической комиссии РАН // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 9. С. 837; Хартанович М. Ф. Петербургская Археографическая комиссия как научное учреждение. 30–90-е гг. XIX в. Л., 1984.

внимания на копии царских грамот, данных Задне-Никифоровской пустыни во второй половине XVI века. Они не попали вместе с другими значимыми актами в Новгородскую казенную палату, поэтому не оказались в поле зрения других членов Археографической комиссии и не были подготовлены к научному изданию⁶¹. К счастью, документы сохранились в Москве (в РГАДА) и Петрозаводске (Научном архиве КарНЦ РАН)⁶², а также были опубликованы Елпидифором Васильевичем Барсовым в 1869 году.

Работники Научного архива КарНЦ РАН атрибутировали их как копии «жалованной (соборной) грамоты царя Ивана Васильевича Задне-Никифоровой Важинской пустыни на земли и угодья, 9 марта 1557 года» и «грамоты новгородских воевод окольного Федора Ивановича Хворостинина и Григория Ивановича Мещанинова-Морозова губным старостам Обонежской пятины Якову Панову “с товарищи” от 23 октября 1587 года о пожаловании Задне-Никифоровой пустыни землей и рыбной ловлей»⁶³. Эти списки были выполнены, скорее всего, в начале 1840-х годов с других копий, хранившихся в ризнице Александро-Свирского монастыря, и переданы в редакцию газеты «Олонецкие губернские ведомости». В 1842 году царские грамоты упоминаются в короткой заметке, посвященной трем монастырям Олонецкого уезда: Задне-Никифоровской, Андрусовской и Сяндемской пустыням⁶⁴. Позднее в архиве Александро-

⁶¹ Комиссия издавала «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией» — серию документов по истории России, опубликованную в пяти томах в 1841–1843 годах.

⁶² До начала Великой Отечественной войны эти копии грамот вместе с другими рукописными документами, оказавшимися в Карельском научно-исследовательском институте, были систематизированы и подшиты его сотрудниками. Ценная коллекция благополучно пережила эвакуацию в Вологодскую область и вернулась в Петрозаводск. См.: Галанина Л. Б., Литвин Ю. В. Обзор документов по православию из Научного архива Карельского научного центра РАН // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции. Петрозаводск, 2008. С. 167.

⁶³ Архив КарНЦ РАН. Разряд IV. Оп. 6. Д. 140. Л. 5–5 об.; Л. 5 об. — 8; Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 53, 426–427.

⁶⁴ «Из списков грамот, хранящихся в Александро-Свирскомъ монастыре видно: а) лета 7065 или 1577 марта в 9-й день Царем Иоанном Васильевичем Грозным пожаловано “в Заднюю пустыню, в Спасской монастырь Боголепнаго Преображения Господня на Важене-озере Игумену Никифору з братиею Александрову ученику Свирскаго пашенной земли на все четыре стороны от монастыря по версте, oprичь мхов и болот”; б) лета 7096, или 1588, октября 23 дня Царем и Великим Князем Феодором Иоанновичем пожалованы Игумену означенной пустыни Дорофею с братиею в добавок к прежде данной земле два острова: Рай-сельга и Березовая-сельга, да на реке Свири рыбная ловля, именуемая Сиговец». См.: Пустыни Задне-Никифоровская, Андрусовская и Сяндемская // Олонецкие губернские ведомости. 1842. № 34. С. 124.

Свирского монастыря важные документы держал в руках Е. В. Барсов⁶⁵. Исследователь поместил их в качестве приложения к своей содержательной статье по истории важеозерской обители.

Более ранние списки жалованных грамот, о которых не знал Е. В. Барсов, отложились в фонде 1209 (РГАДА)⁶⁶. Их замысловатая архивная судьба заслуживает отдельного внимания. Старинные столбцы со сведениями «*об отделе вотчины Никифоровой пустыни игумену Дорофею с братиею*» 7095 года сохранились в одном из свитков Поместного стола Новгородской приказной (съезжей) избы⁶⁷. Его богатейшее собрание разнородных актов XVI—XVII веков чудом уцелело до наших дней⁶⁸. В 1635 году в приказной избе случился страшный пожар, в котором погибло все делопроизводство ее Посольского и Разрядного столов. К счастью, поместно-вотчинные дела тогда успели спасти из огня — в их числе оказались столбцы по земельному вопросу важеозерских черноризцев⁶⁹. В 1782 году при передаче старинных столбцов Поместного стола в Государственный Санкт-Петербургский архив старых дел его сотрудники составили «*Реестръ оклееннымъ столбцамъ по Новгородской губернии в однихъ сверткахъ о поместныхъ и вотчинныхъ делахъ*», в котором упоминаются уцелевшие документы «*об отводе земель Никифоровой пустыни*».

⁶⁵ Историк писал, что «*в ризнице Александро-Свирского монастыря сохранились доселе списки с двух царских грамот, относящихся к Задне-Никифоровской пустыне*». См.: Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 73.

⁶⁶ Уместно добавить, что копии царских жалованных грамот, данных важеозерским монахам, могут быть и в другом фонде РГАДА «Монастырские дела», где хранится «*дело по челобитью Задней Никифоровой пустыни казначея Симона с братиею об отнятии у них Подпорожскими крестьянами рыбной ловли на реке Свири на пороге Сиговце, данной их пустынке царем Алексеем Михайловичем*». См.: РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Св. 23. № 26. 1691 год. К сожалению, у меня не было возможности ознакомиться с этим делом.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Новгороду. № 436/42739. № 18. По правилам того времени, подлинные вотчинные дела находились в свитках, а копии — в переплетенных тетрадах. См.: Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1905. Кн. 1. С. XXVIII.

⁶⁸ Подробнее об архиве Поместного стола Съезжей избы см.: Самоквасов Д. Я. Архивный материал... С. 42—50.

⁶⁹ После упразднения Новгородской избы коллекция документов сначала поступила в архив Новгородской губернской канцелярии; затем в 1738 году ее перевели в архив Санкт-Петербургской Вотчинной конторы; отсюда в 1782 году забрали в Государственный Санкт-Петербургский архив старых дел; в 1834 году отдали в Московский вотчинный архив; наконец, в 1852 году старинные бумаги попали в Московский архив Министерства юстиции. См.: Самоквасов Д. Я. Архивный материал... С. 68.

В 1892 году в Вотчинном отделении Московского архива Министерства юстиции (ММЮ), где в итоге оказались столбцы Поместного стола Новгородской приказной избы, известный историк Дмитрий Яковлевич Самоквасов обнаружил любопытную опись, составленную в 1699 году новгородским дьяком Иваном Ивановым. Часть указанных в ней рукописей датировалась XVI веком, временем правлений царей Иоанна Васильевича и Федора Ивановича. Среди них оказалось и дело Задне-Никифоровской пустыни 7095 года. Добавлю, что в этой же описи дьяка Ивана Иванова перечислены дела других местных обитателей: «Александровы пустыни Свирского з дворцовыми крестьянами Рождественского Пиркинского погоста» (7105 года), «Вознесенского монастыря Свирского устья» (7083 года) и Палеостровского монастыря (7098 года)⁷⁰.

Как выясняется, Е. В. Барсов не мог воспользоваться уникальной коллекцией актов Поместного стола по объективной причине. В 1892 году при ревизии в ММЮ оказалось, что «многие отделы архивных документов находятся в полном беспорядке: столбцы, книги, связки и дела разрознены; старые переплеты книг часто разорваны и совсем оторваны; десятки тысяч столбцов и связок не разобраны, без коробок и оберток <...>. Древние драгоценные по их содержанию грамоты и другие документы нагромождены кучами, не развернуты и лишены внешней охраны; миллионы дел без описей и алфавитов, даже без нумерации; а в десятках тысяч столбцов, из коих каждый заключает в себе десятки и сотни древних дел, актов и документов, описаны только первые и иногда последние дела»⁷¹.

Как пишет Д. Я. Самоквасов, «материал архива Поместного стола Новгородской Съезжей избы конца XV, XVI и XVII столетий оставался неизвестным и недоступным археографии и историко-юридической литературе по архивному правилу: “Документы, еще не приведенные в систематический порядок, а равно и числящиеся по архивным реестрам “безгласными” или секретными, никаким посторонним учреждениям и частным лицам выдаваемы быть не могут”»⁷². Таким образом, ценные акты оставались недоступны для исследователей, включая Е. В. Барсова.

⁷⁰ Фролов А. А. Документы XVI в. Поместного стола Новгородской приказной избы по описи 1699 г. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 5. URL: <https://history.jes.su/s207987840001878-4-1/>.

⁷¹ Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1. С. 67.

⁷² Там же. С. 73–74.

Земельные владения монастыря по царским грамотам

Задумав основать киновию, преподобный Никифор должен был в первую очередь выхлопотать законный статус для монашеской общины и оформить право на владение землями, где вместе с ним обосновались его последователи и сподвижники. Накануне Ливонской войны, в 1557 году, в ответ на свое коллективное челобитье игумен с братией получают от царя Иоанна Васильевича первую в истории мужской обители жалованную грамоту на окрестные земли и угодья. Официальный документ стал надежным гарантом ее материального благополучия на несколько десятилетий вперед.

Вторая царская грамота, значительно расширявшая первоначальные владения Задне-Никифоровской пустыни, была прислана из Москвы уже после смерти преподобного Никифора на имя другого настоятеля, старца Дорофея, в 1587 году — тяжелое для разоренного «немецкими людьми» Обонежья послевоенное время. Тогда особенно сильно пострадала соседняя с важеозерской обителью Святозерская волость: после опустошительного вражеского рейда 1581 года на месте погостской Никольской церкви оставалось лишь пепелище; вместе с деревянным храмом полностью сгорели дворы местного причта и кельи «нищих», которые многие годы «питались от церкви Божией». Большая часть святозерских крестьян погибла от рук нападавших лиходеев.

Е. В. Барсов назвал опубликованный им документ «*соборной грамотой царя Иоанна Васильевича Важенской Задне-Никифоровской пустыни на пожалованные земли и угодья*»⁷³. В действительности историк обнаружил копию ободной грамоты от 23 октября 7096 (1587) года, в которой, по правилам средневекового приказного делопроизводства, полностью приводится содержание царской грамоты от 9 марта 7065 (1557) года на переданные монахам угодья. Вот ее текст по списку Елпидифора Васильевича Барсова: «*По Цареве Государеве Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссии грамоте отъ Царевыхъ Великаго Князя дьяковъ, отъ Бориса Алексева сына Щекина, да отъ Казарина Юрьева сына Дубровскаго, въ Обонежскую пятину въ Воскресенский погостъ въ Важене въ заднюю пустыню, въ Спасской монастырь Боголепнаго Преображения Господня на Важене озере, игумену Никифору съ братиею, Александрову ученику Свирскаго, что въ вашей пустыне, по Цареве*

⁷³ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 73.

Государеве грамоте, и описалъ подъячей Васюкѣ Лукинѣ въ монастыре црковь Преображение Спасово, да десять келей и къ той пустыне къ Преображению Спасову отвелъ земли дикаго лесу чернаго до речки до Толвинги, да до мху до Важенскаго, да до Тетеревиной речки, да за озеро Важенское Вотцѣ-ручей, на все четыре стороны по версте отъ монастыря пашенные земли, опричь мховъ и болотъ и глыбъ, игуменъ Никифоръ съ братиею въ той пустыне жительствовавали и строили по монастырскому чину, и тотъ черной пашенной лесъ разчищали, и пашню къ монастырю своему пахали сами своими руками, а не наймомъ и безъ подмоги; а деревень бы есте и починковъ на томъ лесу не ставили, и крестьянъ бы есте на тотъ лесъ не призывали, и изъ найму бы есте того лесу и пашни пахати однолично не давали никому. Писана лета 7065 марта въ 9-й день; а подлинной грамоты позади пишетъ подъячей Нечаице Федуринъ»⁷⁴.

Жалованная грамота 1557 года была отправлена на Важеозеро по царскому указанию хорошо известными историкам новгородскими дьяками Борисом Алексеевичем Цекиным и Казарином Юрьевичем Дубровским. Первый служил в Великом Новгороде с января 1557 года по сентябрь 1559 года⁷⁵; второй — там же с 17 августа 1554 года по март 1557 года⁷⁶. На обороте подлинного документа свою помету оставил подъячий Нечай Федурин⁷⁷. В тексте упоминается имя подъячего Васюка Лукина, который, по данным Степана Борисовича Веселовского, служил в Поместном приказе с 1584 года (он переписывал текст грамоты для «ободной» в 1857 году)⁷⁸.

Важеозерские монахи во главе с игуменом Никифором получили от Иоанна IV небольшой участок «дикаго леса», прилегавший к озеру, и пашенные земли «на все четыре стороны по версте от монастыря».

⁷⁴ Соборная грамота царя Иоанна Васильевича Важенской Задне-Никифоровской пустыни, на пожалованные земли и угодья (7065–1557 г.) // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 81.

⁷⁵ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 163, 586.

⁷⁶ Грамота, посланная в Задне-Никифоровскую пустынь, стала одной из последних, отправленных Казарином Дубровским из Великого Новгорода в Обонежье. Затем он служил в Москве и Астрахани. Его казнили во время опричнины в 1567/68 году.

⁷⁷ Бенцианов М. М., Фролов А. А. Платежная книга Деревской пятины 1543 г. К вопросу о функционировании системы сбора «государевых» податей в Новгородской земле в XVI столетии // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 29.

⁷⁸ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. ... С. 303.

Как видим, в жалованной грамоте прописывались неперенные условия, на которых старцы могли пользоваться данной им землей: разрабатывать пашню, как и прежде, своими силами без помощи наемных работников и «не ставить починков» на расчищенных участках. При неукоснительном соблюдении этих правил мужская обитель должна была оставаться верна знаменитым принципам нестяжательства. Требование, предъявленное чернецам, в полной мере отражало взгляды Иоанна IV на монашество. Противник монастырской роскоши, он в своем знаменитом послании старцам Кирилло-Белозерского монастыря (1573 год) адресовал похвальные слова только двум современным ему обителям — возникшему в начале XVI века и не успевшему обрасти большой вотчиной Троицкому Александро-Свирскому и основанному на рубеже XIV–XV веков Дионисьево-Глушицкому монастырям, куда еще «не добрались любострастные бояре»⁷⁹. Многие обители в Заонежских погостах получили от Иоанна Васильевича земли, угодья или какие-нибудь налоговые льготы. Например, Андрусовой пустыни были дарованы ежегодная руга (жалованье) хлебом и деньгами, а также рыбная тоня на Ладожской озере; Троицкий Климецкий монастырь получил право осваивать ближайшие земли. Жалованные грамоты грозного царя имели Александро-Свирский, Александро-Ошевенский и Палеостровский монастыри, Кенская Пахомиева пустынь⁸⁰.

Вернемся к публикации Елпидифора Васильевича. Далее он приводит текст ободной грамоты от 23 октября 1587 года, присланной новгородскими воеводами Федором Хворостининым и Григорием Мещаниновым-Морозовым. В ней указывается межа (границы) земельных владений, пожалованных пустыни царем Федором Ивановичем. Сама жалованная грамота, выданная ранее, пропала к началу XIX века (в 1670-е годы она еще значилась в описи монастырской ризницы⁸¹).

⁷⁹ Послания Ивана Грозного / подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 57.

⁸⁰ Ершов М. А. Материалы для истории культуры Олонецкого края // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1905 год. Петрозаводск, 1905. С. 334–337, 340–342; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 80.

⁸¹ «А в казенном анбаре у них в казне <...> грамота великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа России (в) Великий Новгород к околничему и воеводы ко князю Федору Ивановичю Хворостинину да к воеводы Григорью Ивановичю Мещанинову Морозову да к дьяком к Саве Фролову с товарищи за печатью, писана на Москве в лето 7095 году, и по той великого государя грамоте от околничего и воеводы от князя Федора Ивановича Хворостинина с товарищи ободная за воеводскими печатями за дьячими приписями, писана в Великом Новгороде в 7096 году». Цит. по: Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 646. Л. 14 об. — 15.

Приведу ее содержание: «По Государеве Цареве и Великаго Князя Федора Ивановича всяя Руссии грамоте, отъ окольничево и воеводы отъ князя Федора Ивановича Хворостинина, да отъ воеводы отъ Григория Ивановича Мещанинова Морозова, да отъ дьяковъ отъ Саввы Фролова⁸², да отъ Семенки Емельянова въ Обонежскую пятину губнымъ старостамъ⁸³ Якову Панову съ товарищи. Въ прошломъ девяносто пятомъ году июля 2 дня писалъ къ намъ Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичъ всяя Руссии. Билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Обонежския пятины Оштенскаго стану Важенскаго погоста отъ Преображения Спасова изъ Никифоровы пустыни игуменъ Дорофей съ братиею, а сказалъ: въ прошломъ де въ 95 году дано де имъ на монастырское строенье на пашню чернаго лесу дикаго въ ободну версту отъ монастыря, и они де въ томъ ободе пашню пахали сами и питались отъ своиъ трудовъ; а стоитъ де и тотъ монастырь отъ волостей и погостовъ на пустомъ месте верстъ за 40 и за 50, а вотчинки де у того монастыря нетъ нигде; а Государевы де руги имъ хлебной и денежной нейдетъ; а земли де пашенные около того монастыря оскудело и питатись де имъ не чемъ. И есть де близко того монастыря за мхами и межъ мховъ поросшие островки не великие Рая сельга да Березовая сельга. Отъ монастыря версты за четыре, и они де техъ островковъ безъ Государева указу пахати не смеютъ. И Государю его игумена Дорофея съ братиею пожаловати, велети имъ теми островки владети и податей с ъ нихъ никакихъ имати не велети; а игумена жъ Дорофея пожаловати на церковную службу на вино и на темьянъ и на свечи на реке Свири на пороге Сиговцы, по обе стороны реки, рыбною ловлею приколками безъ оброчно жъ; а та де рыбная ловля лежитъ пуста и не владеетъ ею никто, и оброку де съ тое рыбные ловли ходило въ Государеву казну по двадцати алтынъ на годъ; и для де того великаго оброку не ловитъ на ней никто, и оброку де въ Государеву казну давно нейдетъ для пустоты. И буде те островки и рыбная ловля стоятъ порожни и не отданы никому и не владеетъ буде теми островки и рыбною ловлею никто, и по Государеве

⁸² Савва Фролов служил дьяком в Великом Новгороде с 30 мая 1586 по 21 ноября 1588 года. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 551.

⁸³ Институт губных старост появился в ходе реформы местного управления, проводившейся в конце 1530-х — начале 1550-х годов. Государственная территория делилась на так называемые губы, т. е. полицейско-следственные округа, обычно совпадавшие с границами волостей. Крестьяне каждого округа выбирали губных старост (начальников местной полиции) и их помощников (губных целовальников).

грамоте игумену Дорофею съ братиею велети теми островки и рыбною ловлею владети и дани и оброку съ нихъ имать не велеть; а дано имъ то на церковной обиходъ въ руги место. А въ писцовыхъ книгахъ Андрея Плещеева 91 году, да въ писцовыхъ же книгахъ Афанасья Жеребятина 94 году техъ островковъ Рая сельга да Березовая сельга и рыбные ловли не написано.

И въ прошломъ 95 году послана грамота въ Обонежскую пятину къ губнымъ старостамъ къ Ивану Овдулову, да къ Якову Панову, да при письми дьяковъ Савы Флорова, да Семенки Емельянова; а велеено имъ въ Воскресенскомъ погосте, въ Важинскомъ и въ окольнихъ погостахъ обыскати игумены и попы и диаконы и освященству, а старосты и целовальники и волстными людьми по Государеву Цареву и Великаго Князя крестному целованию, въ Воскресенскомъ погосте въ Важенскомъ островки Рая сельга да Березовая сельга есть ли, и будетъ есть и сколь далеко те островки отъ Никифоровы пустыни; да по тому обыску техъ островковъ велено имъ до трети и измерити въ четвертную пашню, за оболу по десяти четвертей въ поле, а вду потомжъ, избной лесъ и всякия угодыя по пашни; да те островки Рая сельгу да Березовую сельгу да рыбную ловлю приколы на реки на Свири у порога у Сиговца по обе стороны реки велено отдати Никифоровы пустыни игумену Дорофею съ братиею. И губные старосты Иванъ Федуловъ да Яковъ Пановъ дозорные и обыскные и отдельные книги въ Новгородъ прислали; а въ обыскныхъ книгахъ написано: въ Обонежские пятине, въ Воскресенскомъ погосте въ Важенскомъ островки Рая сельга да Березовая сельга отъ погоста отъ Важенскаго стоятъ верстъ за 60, а отъ крайние волости отъ Ложицъ (Лояниц. — Ю. К.) за 40 верстъ, а истари въ ободу и по межамъ те островки черныи лесъ Важенскаго погоста Государевыхъ дворцовыхъ деревень, а ныне ихъ не пашетъ и не владеетъ ими никто и въ оброке техъ островковъ нетъ ни у кого, потому что отъ волостей удалено; а рыбная ловля, приколки на реки на Свири, на пороге на Сиговцы, отъ погоста за десять верстъ промежъ волостными; а истари де была у дворцовыхъ крестьянъ Важинскаго погоста въ оброке, а ныне тое воды приколковъ после Андреева письма не ловитъ никто и въ оброке нетъ ни у кого. А въ отдельныхъ книгахъ техъ же губныхъ старостъ Ивана Федулова да Якова Панова 96 году написано: межа темъ островкамъ Рая сельги по Тетеривинои речке да въ Райдо озерко, а отъ Райды озерка въ Остречей ручей, да въ Остречей мохъ межа съ Важенскимъ чернымъ лесомъ, да и отъ Остречья мху въ Ладвой мохъ межа съ Олонецкимъ погостомъ съ чернымъ лесомъ, изъ Ладвы мху въ Рижу ламбу, отъ Рижы

ламбы межа позаде Березовой сельги въ Самалъ мохъ, отъ Самалъ мху въ Лебежой мохъ, отъ Лебяжья мху въ великой Важенской мохъ, а по другую сторону тое Березовой сельги озеро Важинское; а лесу черного пашеннаго въ Рае сельги во всехъ трехъ поляхъ восемь десятинъ, а непашеннаго niskихъ местъ и мховъ десять десятинъ; да на Березовой сельге лесу пашеннаго пять десятинъ, а непашеннаго лесу и niskихъ местъ и мховъ восемь десятинъ; а паханные земли деревень и починковъ и перелоговъ и сенныхъ покосовъ на техъ островкахъ на Рая сельги да на Березовой сельги нетъ, а истари не паханы; и рыбная ловля на пороге на Сиговцы по обе стороны реки Свири приколки отъ Важенскаго погоста десять верстъ.

И какъ къ вамъ сия грамота придетъ и вы Никифоровы пустыни игумену Дорофею съ братиею теми островки Рае сельгою, да Березовою сельгою и рыбною на реки на Свири на пороге на Сиговцы по обе стороны реки приколкамъ владети велели безданно безоброчно; а даны имъ те островки и рыбная ловля на церковный обиходъ на вино и на темьянъ и на свечи и въ руги место. А сию грамоту прочеть отдали Никифоровы пустыни игумену Дорофею съ братиею для иныхъ прикащиковъ и Государевыхъ посланниковъ.

К сей грамоте окольникей и воевода князь Федоръ Ивановичъ Хворостининъ, да воевода Григорий Ивановичъ Мещаниновъ Морозовъ печати свои приложили. Писана въ Великомъ Нове городе лета 7096 октября 23 дня»⁸⁴.

Как следует из приведенного текста, важеозерские монахи ранее сообщали Федору Ивановичу в челобитной о том, что их маленький монастырь беден и находится слишком далеко от мирских поселений, ружного содержания (регулярного пособия деньгами или продуктами) молодая обитель не получает, а пожалованная ей тридцать лет назад земля оскудела и уже не может прокормить всю братию. Черноризцы во главе с игуменом Дорофеем просили царя отдать им «безоброчно» богатую рыбную ловлю на одном из порогов реки Свири «на церковную службу на вино и на темьянъ и на свечи» и лесные участки в четырех верстах от обители «въ руги место».

Ружное содержание, о котором упоминали важеозерские насельники, не было назначено жалованной грамотой Иоанна IV, так как она выдавалась после проведения Стоглавого собора (1551 год), на котором архиереи,

---

⁸⁴ Соборная грамота царя Иоанна Васильевича Важенской Задне-Никифоровской пустыни, на пожалованные земли и угодыя (7065–1557 г.)... С. 81–84.

князя и бояре постановили помогать таким образом только «убогим» безземельным обителям. Ружниками в Заонежских погостах до середины XVI века стали Андрусова пустынь, Муромский, Палеостровский и Клименецкий монастыри. Об этом свидетельствует «Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятинах», составленная при новгородском архиепископе Александре (1577–1589 годы)⁸⁵.

По правилам вотчинно-поместного делопроизводства «приказные» должны были справиться со сведениями из писцовых описаний Важенского погоста-округа, составленных ранее новгородскими писцами: Андреем Лихачевым в 1563 (7072) году, Андреем Плещеевым в 1582/83 (7091) году, Афанасием Жеребятиным в 1584/85 (7094) году⁸⁶. Выяснилось, что просимые монахами участки Рая-Сельга и Березовая Сельга в просмотренных документах не упоминаются. Тогда воеводы потребовали от местных губных старост Ивана Федулова и Якова Панова «провести обыск на месте» и собрать сведения об этих землях. Из обыскной книги, цитируемой в ободной грамоте, следует, что Рая-Сельга и Березовая Сельга действительно существовали в границах Важенского погоста-округа и находились в 60 верстах от его центра. Самая близкая к монастырю волостка (поселение) была в Лояницах, за 40 верст. Оба «островка» лежали на «черных землях» дворцовых деревень, на самой границе с Олонецким погостом-округом. Губные старосты подтверждали, что никто из крестьян исстари их «не пашет» (т. е. не обрабатывает) и оброк за них в казну не платит.

Согласно описанию межи, выбранные монахами земельные участки лежали в четырех верстах от Задне-Никифоровской пустыни, к юго-западу, югу и юго-востоку от Важеозера. Межевая граница проходила по реке Тетерке (в документе она названа Тетеревинная), озерам Рандозеро и Ладва. Все эти гидрографические объекты можно без труда найти на современной топографической карте. Со всех сторон к Рая-Сельге и Березовой Сельге подступали большие и малые болота (Великий Важенский

---

⁸⁵ Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI веке при Новгородском архиепископе Александре (1577–1589 гг.) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1856. Кн. 24. С. 25–32.

⁸⁶ Составление писцовой книги Афанасия Жеребятина (Жеребятичева) и Леонтия Аксакова было связано с организацией дворцового округа. См.: Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013. С. 270.

Мох, Лебяжий Мох, Самал-Мох, Ладва-Мох). В «ободной» приводятся размеры участков: в Рая-Сельге — «черный пашенный лес» в трех полях 8 десятин, «непаханных низких мест» и болотин — 10 десятин; в Березовой Сельге — «лесу пашенного» 5 десятин, а «непаханного» и заболоченных низин 8 десятин. Всего насчитывалось 29 десятин. Земли были «дикими», без разработанной пашни, санных покосов и починков⁸⁷.

Вместе с двумя участками в окрестностях Задне-Никифоровской пустыни монахи получили от царя богатую рыбную ловлю на свирском пороге Сиговец с правом ставить приколки (закольные мережи) по обе стороны полноводной реки. По писцовой книге 1563 года тоня находилась в составе волостки Микитинская Савина Гатева; доходы с нее делили между собой великий князь цесарь Московский и новгородский владыка. По записям Юрия Сабурова 1496 года, за рыбную ловлю брались оброчные деньги 2 гривны⁸⁸. В XVI–XVII веках, кроме Задне-Никифоровской пустыни, на Свири рыбные тони имели Александро-Свирский, Успенский Тихвинский и Введено-Островский монастыри⁸⁹.

Бурный и каменистый порог Сиговец, сохранявший свое говорящее название вплоть до XX века, тянулся на четыре версты⁹⁰. Его перекаты были одним из самых опасных для судов порожистых участков на Свири⁹¹. Именно здесь, между современными Подпорожьем и Мятусово, располагались главные места нереста ладожских сигов. Также ловили лососей во время их миграции.

⁸⁷ При генеральном межевании 1783 года Березовая Сельга и Рая-Сельга оказались в границах дачи Коткозерского погоста. См.: Учет земель по дачам генерального и специального межевания и по владениям. Олонецкий уезд. Петрозаводск, 1915. Вып. 3. С. 36–37.

⁸⁸ Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1999. Т. 2. С. 101–102.

⁸⁹ Виноградов Н. Н. Рыбные ловли на Онежском озере четыре века тому назад // Рыбное хозяйство Карелии. Л., 1936. Вып. 3. С. 216; Абеленцева О. А. Грамоты на вотчины новгородских монастырей и церквей в коллекции актов Новгородской казенной палаты // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков. СПб., 2015. С. 638.

⁹⁰ Я. Я. Мордвинов записал о нем: «Порог Сиговец на реке Свири начинается на 81 версте, считая от устья Онежского канала, а тянется на пространстве более 4 верст». См.: Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. Журнал о походах в Соловки и на Валаамские острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 годах). СПб., 1888. С. 88. В XIX столетии по левому речному берегу вдоль Сиговского порога располагались небольшие деревни, позднее известные под общим названием Подпорожье.

⁹¹ У порога Сиговец в 1932 году началось строительство гидроузла. После создания огромного водохранилища для Верхнесвирской ГЭС уровень воды в Свири поднялся на 10 м, и мешавший судоходству Сиговецкий порог был затоплен.

Хозяйственные занятия монахов

Что мы знаем о хозяйстве Задне-Никифоровской пустыни в XVI веке? Как свидетельствовали сами важезерские старцы, расположение их обители в труднодоступном бездорожном месте, идеально подходившем для монашеских подвигов, лишало ее насельников постоянного притока «милостыни христолюбцев». Приходилось во многом рассчитывать на собственные силы. Монахи по рождению были черносошными крестьянами и не представляли своей жизни без земледелия. Вместе с преподобным Никифором они своими руками возделывали в окрестностях усадьбы небольшие участки, очищенные от деревьев и камней: по условиям жалованной грамоты 1557 года чернецы не могли нанимать мирян для сельских работ или отдавать в аренду полученные от царя лесные угодья.

В первое время рожь, овес и ячмень, выращенные на монастырских полях, перемалывались в муку с помощью простого приспособления: ручных жерновов, представлявших собой два круглых камня с отверстием посередине, из которых верхний вращался и сдирал с зерен оболочку. Отнимавшее много физических сил и времени трудоемкое занятие распределялось между монахами поровну. В Задне-Никифоровской пустыни вполне могли придерживаться обычая, заведенного преподобным Александром Свирским в его киновии: «Такое было правило, установленное преподобным, чтобы каждый из братии ночью сначала свою часть зерна смолот для приготовления хлеба, и только потом начинал утреннюю молитву»⁹². Жернова были тяжелыми, каждый из них весил около 10–15 кг, имел диаметр до 50 см при толщине в 5–6 см⁹³. Для облегчения работы требовалось тщательно подгонять их друг к другу, чтобы они равномерно и легко вращались⁹⁴. Позднее монахи устроили водяную мельницу на Важеозерке (на картах генерального межевания Олонецкого уезда эта притохливо текущая речка называлась Мельничной) в двух верстах от храмов и келий.

Озерная рыба всегда была важным продуктом питания монастырских насельников, а рыболовный промысел относился к числу повседневных

⁹² Новый Олонецкий патерик / сост. А. В. Пигин. СПб., 2013. С. 245.

⁹³ Коптев К. Н. Обработка зерна в Новгороде Великом и Пскове в XVI веке // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959. Вып. 3. С. 126.

⁹⁴ По расчетам историков, в день на ручной мельнице можно было размолоть до 3 пудов зерна. См.: Коптев К. Н. Обработка зерна... С. 126–127.

монашеских занятий любой прибрежной обители⁹⁵. В жалованной грамоте 1557 года нет каких-либо указаний на условия пользования тонями на Важеозере и соседнем Рандозере, в котором хорошо ловился лец. В последней четверти XVI века монахи, как уже говорилось, стали пользоваться удаленной от монастыря рыбной ловлей на Свири, где велся промысел нерестующейся ценной рыбы. Разумеется, мелкие лесные водоемы Важеозера и Рандозера не приносили мужской обители существенного дохода, вся выловленная в них рыба шла только на братский стол, зато монастырская тоня на знаменитом свирском пороге Сиговец в конце XVII века стала предметом особого судебного спора важеозерских монахов с важинскими крестьянами (см. главу 3).

Монастырь в русско-шведском приграничье

Немало горя жителям Важенского погоста-округа принесла затяжная Ливонская война (1558–1583 годы). Московские писцы Андрей Васильевич Плещеев и подьячий Семейка Кузмин, посетившие разоренные земли после ее окончания, почти в каждой деревне увидели пашню *«впусте»*, безлюдные дворы и сожженные *«хоромы»*. *«В Важенах»* на месте деревянных храмов и келий, где еще недавно подвизались старцы и старицы, они застали пепелище: *«А на погосте церковь Воскресенье Христово, поставлена после войны, да место церковное Святого Пророка Ильи, да придел Николы Чюдотворца, церкви пожгли немецкие люди... да пять мест, что были кельи»*⁹⁶. Вместе с церквями были уничтожены дворы приходских клириков, которые ко времени прихода уже поставили новые избы: *«На погосте ж дворы поповские поставлены после войны: (в) поп Василей Оксентьев, (в) поп Федор Микитин, (в) черной поп Кипреян, (в) церковной дьячек Сенка Михайлов, (в) дьячок церковной Гаврило Микитин, (в) понамарь Евтихейко Федоров, (в) проскурница Марья»*⁹⁷.

В более тяжелом положении оказались оставшиеся в живых обитатели деревень на Святозере, которые не смогли оправиться от постигшей их страшной беды ко времени прихода московских писцов. Те застали

⁹⁵ В древнерусских литературных агиографических памятниках часто встречаются сцены *«ловитвенного труда»*. См.: Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края: учебное пособие. Петрозаводск, 2010. С. 110–124.

⁹⁶ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. 3. С. 87.

⁹⁷ Там же.

печальную картину запустения на местном погосте: «*На озере на Святе место церковное, что была церковь Николы Чюдотворца, деревяная, на царя и великого князя земле, церковь сожгли немецкие люди. Да мест дворовых: (м) попово Самойла Харламова, (м) дьячка церковного Сенки Иванова, (м) пономарево, (м) проскурницыно да пять мест, что были кельи, а в них жили нищие, питались от церкви Божьей, хоромы на тех местех пожгли немецкие люди*»⁹⁸.

В 1579–1581 годах шведские отряды под командованием Горна и Клауса Флемминга сожгли шесть приходских церквей только на землях одного Воскресенского Важенского погоста-округа. Из них всего два деревянных храма — Воскресения Христова в его центре в Важенах⁹⁹ и великомученика Георгия в Лоянской выставке — были вновь построены и упомянуты писцом Андреем Плещеевым в 1582/83 году. При этом письменные источники не содержат сведений о том, что скрытая за лесами и болотами монашеская обитель на Важеозере пострадала в те годы. Старцы во главе с игуменом Дорофеем в своей челобитной, посланной на имя царя Федора Ивановича незадолго до получения его жалованной грамоты 1587 года, жаловались лишь на скудость имевшейся у них земли.

Мужской монастырь подвергся жестокому нападению от «*немецких людей*» чуть позднее, во время очередной русско-шведской войны 1590–1595 годов. Тогда в Задне-Никифоровской пустыни погибли многие братья. Сохранилась точная дата их мученической кончины — 4 марта 1590 года. Об этом свидетельствует запись в древнем синодике, датированном

⁹⁸ Там же. С. 105.

⁹⁹ В 1630 году в центре Важенского погоста-округа построили новую Воскресенскую церковь, сохранившуюся в перестроенном виде до наших дней. Вторая церковь в честь Богоявления Господня с Ильинским и Никольским приделами была возведена в 1767–1769 годах «*на косе или, как называют здесь, на стрелке, образуемой реками Свирью и Важинкою*». К Важенскому приходу в середине XIX века относились 14 часовен: Преображения Господня в деревне Усланка, Успения Божией Матери при деревне Мелехово, Рождества Богородицы при деревне Погра, Покрова Пресвятой Богородицы при деревне Еконда, Казанской иконы Божией Матери при деревне Пичино, Тихвинской иконы Божией Матери при деревне Киновичи, Вознесения Господня при деревне Кезоручей, Воздвижения Креста Господня при деревне Купецкое, пророка Илии при деревне Деготная Гора, святителя Николая Чудотворца при деревне Ульине, великомученика Никиты при деревне Устьбойская, мучеников Кирика и Иулиты при деревне Терехово, бессребреников Космы и Дамиана при деревне Нисельге, преподобного Александра Свирского при деревне Свиной Наволок. См.: НА РК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 6/85. Л. 1–11 об.; Там же. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 51–53; Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 24; 1902. № 94.

концом XVI — первой половиной XVII века, из собрания Александро-Свирского монастыря (Библиотека Академии наук в Санкт-Петербурге): «Род убьенных от немец в Задней Никифоровой пустыни в 98-м году марта в 4-е число»¹⁰⁰. Возможно, именно после этого кровавого разорения был заново построен пострадавший от рук нападавших Преображенский храм: известен антиминос, выданный на его освящение при новгородском митрополите Варлааме в 1596 году¹⁰¹.

* * *

В древнерусских житиях прославленные Церковью основатели монастырей часто прибегали к помощи богатых князей и сановников. Имена влиятельных и обеспеченных людей, к которым обращались преподобный Никифор и его ближайшие преемники, нам неизвестны. Конечно, поддержка и покровительство сильных мира сего играли значительную роль в становлении мужской обители, основанной на задворках Важенского погоста-округа. Не менее важны для нее были скромные пожертвования от жителей ближайших волостей, со временем узнавших про отшельников на Важеозере и приходивших сюда за духовным советом и поддержкой.

Для любой монашеской обители в начале ее исторического пути громадное значение имели духовная одаренность и нравственный авторитет отца-основателя¹⁰². После его кончины монастырь мог захиреть, прийти в упадок или вовсе исчезнуть с лица земли¹⁰³. Преподобный Никифор Важеозерский — именно его нужно считать основателем Задне-Никифоровской пустыни — сумел исполнить задуманное и создать посреди диких лесов и топких болот заповедный островок монашеской жизни. Общежительный монастырь был населен братией, имел все необходимые для молитвы и жизни постройки. Его насельники разрабатывали пашню и сенокосы, ловили рыбу в пожалованных царем озерах. Мужская обитель не получила

¹⁰⁰ БАН. Ф. 3. Собрание Александро-Свирского монастыря. № 55.

¹⁰¹ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 14 об.

¹⁰² Смолитч И. К. Русское монашество: 988—1917. М., 1997 С. 48.

¹⁰³ Как пишет М. М. Богословский, «не всегда монастырь был постоянным и прочным учреждением; иногда существование его было мимолетно; он появлялся и исчезал в той или иной местности вместе с появлением и исчезновением своего основателя, не успевая вырасти, пустить прочных корней в той земле, где он возникал, и попасть в описание писцовой книги». См.: Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 75.

ружного статуса, поэтому основу ее благополучия заложили земельные и водные пожалования Иоанна IV Васильевича. Невероятные усилия и ежедневный неустанный труд важеозерских черноризцев под управлением первого игумена принесли свои плоды: основанный на самой окраине Воскресенского Важинского погоста-округа монастырь успешно развивался во второй половине XVI века.

Глава 3

«Мятежное время»

Задне-Никифоровская пустынь в XVII веке

В истории нашего отечества XVII век занимает особое место. В его начале происходили трагические события Смутного времени: шла ожесточенная борьба за власть, три года продолжался страшный голод, который послужил толчком крестьянскому восстанию под руководством Ивана Болотникова, на российском престоле появился таинственный самозванец, для освобождения от иностранной интервенции создавались народные ополчения. В 1613 году на Земском соборе был избран на царство шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов, с которого началась новая династия, правившая страной в течение трех веков. В середине столетия при Алексее Михайловиче в 1649 году принимается Соборное уложение — общегосударственный крепостнический кодекс, на долгие десятилетия закабаливший крестьян. Бесперывные народные выступления дали право современникам называть XVII столетие «бунташным». В его конце на исторической сцене появляется грандиозная фигура молодого Петра Первого, отправившегося в судьбоносное «великое посольство» в Европу.

В управлении приграничным карельским краем в XVII веке произошли важные административные перемены: новая русско-шведская граница, установленная по Столбовскому миру, проходила в 40 километрах к западу от центра Олонецкого погоста, который отныне приобрел чрезвычайное стратегическое значение для Русского государства¹. В 1648 году все погостские земли, до этого принадлежавшие Дому Святой Софии, было решено «отписать на государя». Митрополичья вотчина, занимавшая значительную территорию от Обжи до Сямозера, вошла в состав новообразованного Олонецкого уезда, созданного из двух огромных регионов (Заонежских и Лопских погостов). При слиянии двух

---

¹ Граница со Швецией проходила через деревню Пограничные Кондуши — современный поселок Погранкондуши Олонецкого района Республики Карелия (фин. Rajakonti). В качестве пограничного знака был выбран крупный валун у северной оконечности Варашева мыса на берегу Ладоги, так называемый Варашев камень, на котором с российской стороны высечен крест, со шведской — корона.

глубоких рек Мегреги и Олонки возводится бревенчатая крепость, которая по протяженности «городской» стены — более полутора километров — на Русском Севере уступала только Холмогорскому кремлю². В середине XVII века в крае вводилось воеводское правление: уездными делами правили самостоятельные воеводы, отныне непосредственно подчинявшиеся московским, а не новгородским приказам.

В истории Задне-Никифоровской пустыни XVII век тоже оказался насыщен самыми разными событиями: на его протяжении она приходила в серьезный упадок и снова восстанавливала свое благосостояние; теряла почти всю братию и вновь наполнялась насельниками; на Важеозере строились новые церкви; установилось празднование памяти преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских.

Писцовые книги, составленные в Заонежских погостах сразу после «московской разрухи» для оценки масштабов нанесенных потерь, содержат десятки печальных сообщений о местных крестьянах: «от войны сошли безвестно», «убили литовские люди», «сошли безвестно от хлебные скудости», «жильцов побили казаки в разоренье», «двор сожгли и жильца убил казаки в разоренье». После окончания военных действий многие старинные церковные и монастырские участки запустели. Катастрофическая ситуация сложилась в Присвирье, где две трети деревень оставались без жителей³. На территории Воскресенского Важенского погоста-округа, в вотчине Новгородского Хутынского монастыря на Пидме, по данным писцов за 1616–1619 годы, почти половина (12 из 25) ранее существовавших поселений обезлюдела⁴. На вотчинных землях новгородского митрополита в Коковичах те же писцы насчитали только три «живущие» деревни с тремя крестьянскими дворами (две деревни были «пустыми», а пять пустошей — давно покинуты своими жителями)⁵. В соседнем Олонецком погосте-округе, в его центре, были сожжены церкви Рождества Иоанна Предтечи и пророка Божия Илии⁶.

---

² Мильчик М. И. Олонецкая крепость: градостроительные аспекты ее строительной истории // Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 166–171.

³ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII веке. Великий Новгород, 2003. С. 24.

⁴ История Карелии XVI–XVII вв. в документах [Электронное издание]. Петрозаводск, 2019. Ч. 1. С. 229.

⁵ Там же. С. 234.

⁶ Там же. С. 25.

В Александро-Свирском монастыре нападавшие «немецкие люди» безнаказанно бесчинствовали несколько дней, оставив после себя выжженную землю. В 1618 году игумен Феодорит с братией в челобитной на имя царя свидетельствовали об этом: «Александрова пустыня отъ неметцкихъ и отъ литовскихъ людей и отъ казаковъ разорено и выжжено безъ остатка, и церкви Божии Преображенъе Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и надъ чудотворцовымъ гробомъ да пределъ Александра Чюдотворца <...> созжены, да въ Олександрове пустыне въ монастыре соборной каменной храмъ Троица Живоначальная обожжена и розщелялася да трапезы каменна Покровъ Богородицы обожжены, и образы местные и деисусы и пядницы все созжены жъ, и церковные всякие сосуды и чаши серебряные, въ чемъ воду святили и подсвешники серебряные, все поимано, и всякую казну монастырскую и лошади и коровы поимали неметцкие люди»⁷.

По оценкам историков, даже в конце 1620-х годов большая часть земель Заонежских погостов продолжала лежать «впусте»⁸. Преодолеть последствия «великого московского разоренья» смогли только к середине столетия. Еще одним тяжелым испытанием для обнищавших крестьян оказались частые и продолжавшиеся несколько лет недороды из-за резкого похолодания климата на территории Карелии⁹.

Изучение истории Задне-Никифоровской пустыни в XVII столетии затрудняет малочисленность письменных источников, сохранившихся в отечественных архивах. Как уже говорилось, мужская обитель не упоминается во всеобщих описаниях государственных земель, проходивших в Карелии в 1616–1619 и 1628–1629 годах. Причины такой «невнимательности» переписчиков в отношении важеозерских насельников остаются неизвестными. Подобная ситуация не уникальна в истории монастырей края. Не описывается и Благовещенская Яшезерская пустынь в писцовой книге 1616–1619 годов, в «письме и дозоре» 1620 года Мины Лыкова и подьячего Якова Гневашева¹⁰. Не упоминается в 1616–1619 годах Петром Воейковым и дьяком Иваном Льговским Никольская Андрусова

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 7. Л. 17–22.

⁸ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 80.

⁹ Витов М. В. Историко-этнографические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 113; Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск, 1986. С. 94.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 745. Л. 62; Д. 746. Л. 150 об. – 151.

пустынь на восточном побережье Ладожского озера. Как поясняет последний факт И. А. Чернякова, тогда нерадивые писцы «пропустили» целый ряд вотчин как новгородских, так и местных монастырей»¹¹.

Узнать о материальном положении монастыря на Важеозере после окончания Смутного времени позволяют другие источники. В середине XIX века в Задне-Никифоровской пустыни «между разными ветхими бумагами», скопившимися за прошедшие столетия, были обнаружены пять древних описей монастырского имущества, датированных 1623, 1640, 1680, 1685 и 1695 годами¹². Бесценной находкой воспользовался Е. В. Барсов в работе над своей статьёй по истории пустыни, сообщив читателям уникальные свидетельства самих монахов о событиях непростого XVII столетия. Исследователь эмоционально пишет о жестоком разорении «немцами» беззащитного монастыря: «Несчастье, постигшее в начале XVII века русскую землю, разразилось и над Никифоровскою пустынею. Толпы буйных литовцев вторглись сюда, разграбили, опустошили пустынь и убили вместе с игуменом Дорофеем семь, а по другим памятникам — двадцать человек братии»¹³.

Царь Михаил Федорович для поддержания захиревшей в Смутное время Задне-Никифоровской пустыни утвердил ее права на пустошь Юрьевскую Кириканова, данную монахам «на свечи, на фимиам и на служебное вино»¹⁴. Эта обезлюдевшая деревня располагалась на оброчных землях волости Лояницы Воскресенского Важенского погоста-округа. По писцовой книге Обонежской пятины, составленной в 1563/64 году писцами Андреем Лихачевым и Ляпуном Добрыниным, в ней проживали и вели хозяйство два крестьянина Савка Федоров и Костя Григорьев: «сеют в поле ржи коробью, сена косят шесть копен»; по описанию 1582/83 года после разорения в Ливонскую войну здесь строил новые «хоромы» Тимошка Юшков¹⁵.

Если верить приведенным Е. В. Барсовым документам, в 1623 году малочисленную монашескую общину составляли шесть человек: черный священник Феодосий, келарь Феодорит и старцы Ефрем, Тарасий,

¹¹ Чернякова И. А. Андрусов монастырь на пороге Нового времени: к истории старообрядчества в Карелии // Ученые записки ПетрГУ. Петрозаводск, 2008. № 4. С. 19.

¹² Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 75.

¹³ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 75.

¹⁴ Там же.

¹⁵ История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. 3. С. 92.

Арсений и Иона. Они жаловались пришедшим переписчикам на бедственное положение родной обители. В 7126 (1617/18) и 7127 (1618/19) годах «приходу не было», так как «после немецкаго разоренья монастырь был пуст и старцы скитались между двор»¹⁶. Монахи по-прежнему пользовались удаленной рыбной тоней на Свири: «на томъ пороге Сиговце ловятъ въ трехъ приколкахъ рыбу сига и лосося». Более десяти лет назад небольшую пустошь Юрьевскую Кириканова «отнял у нихъ насильствомъ и ныне владеетъ Важенского погоста крестьянинъ Петръ Васильевъ здетьми, а им де ни дани вмонастырь, ни снопового хлеба стое пустоши не платитъ»¹⁷. Запуганные хитрым крестьянином черноризцы не отправляли челобитных с жалобами в Москву: «де время пришло мятежное и монастырь де ихъ отъ немецкихъ и литовскихъ людей и от русскихъ воровъ былъ враззоренье и старцовъ де многихъ и слугъ повысекли, а которые де старцы остались въ томъ монастыре и они де государю бити челомъ не смели, что де тотъ имъ Перха здетьми многожды грозилъ всячески»¹⁸.

Черный священник Феодосий сообщал московским переписчикам, что вместо сожженной «литовцами» деревянной церкви Успения Пресвятой Богородицы¹⁹ они с братьями «ныне ставятъ храмъ наново Успению же Пресвятой Богородицы и ставятъ сами собою»²⁰. По-видимому, Преображенский храм, стоявший «подале», тогда уцелел. Своими силами монахи смогли возвести новые колокольню и поварню.

Как далее пишет Е. В. Барсов, по более поздней описи 1639/40 года состояние Задне-Никифоровской пустыни, которой в то время управлял игумен Антоний, «заметно улучшилось»²¹. В этой переписной книге, составленной при царе Михаиле Федоровиче по наказу новгородского воеводы князя Юрия Сулешева и сохранившейся до наших дней, перечислены немногочисленные деревянные постройки на Важеозере, приводится содержимое монастырской казны и описываются нехитрые

¹⁶ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 76.

¹⁷ Там же. С. 75–76.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Из-за отсутствия более ранних описаний монастыря время постройки в Задне-Никифоровской пустыни второй церкви, освященной в честь Успения Божией Матери, неизвестно.

²⁰ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 76.

²¹ Там же.

съестные припасы насельников²². Игумен Антоний пожертвовал в обитель печатное Евангелие и соорудил на свои средства новую келью. В 1639/40 году в монастыре несли молитвенный подвиг шестеро монахов (келарь, казначей и четыре старца) и трудились шестеро же служек. Его бедность сразу бросилась в глаза прибывшим издалека переписчикам: о ней говорили и скромное убранство Преображенской и Успенской церквей, и ветхие одежды для их престолов, и священнические облачения из самых дешевых тканей, полотна и крашенины (всего две ризы и один стихарь). «Приходу хлебнаго и денежнаго намъ ни откуду нейдетъ, а питаемся мы служаки и старцы своими трудами, а иное Христовымъ именемъ, скитаемся по миру, а государева жалованья намъ нетъ, вманастырь хлебные и денежные руги нейдетъ», — поясняли важеозерские насельники²³.

Монахи не случайно в тексте челобитной вспоминали о том, что Задне-Никифоровская пустынь не получает ружного содержания. Как уже говорилось выше, среди «ружников» Обонежской пятины числились только Николаевская Андрусова пустынь, Успенский Муромский, Палеостровский, Александро-Свирский и Троицкий Климецкий монастыри²⁴. Регулярно получаемая казенная «милостыня» (она могла включать в себя деньги для каждого монаха, соль и дорогой воск для церковных свечей) во многом позволяла избранным мужским обителям преодолевать сложные испытания, выпадавшие на их долю в течение XVI–XVII веков²⁵.

Как свидетельствуют недавно обнаруженные в Архиве СПбИИ РАН документы, в 1646 и 1650 годах Задне-Никифоровской пустыней управляли «черные попы»²⁶. В течение десяти лет, с 1663/64 по 1674/75 год, монашеская жизнь на Важеозере еле теплилась. Положенные по уставу богослужения в обоих храмах не проводились из-за отсутствия священнослужителей; записи о приходе и расходе денежных средств

²² Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 646. Л. 16 об.

²³ Там же.

²⁴ См.: Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI веке при Новгородском архиепископе Александре (1577–1589 гг.) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1856. Кн. 24. С. 25–32.

²⁵ См.: Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск, 2017. С. 85–87.

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 903. Л. 5 об.; Там же. Кол. 2. Оп. 1. Д. 38. Л. 86 об. Благодарю доктора исторических наук А. А. Селина за указание этого источника.

не велись; изголодавшиеся чернецы разбрелись в поисках еды по ближайшим деревням: «тех годов книг приходных и расходных и вкладчиков в казне нет, потому что в тех годах для хлебной скудости священники и дьячки в монастыре не жили, и писать было некому, и сами де кормилися Христовым именем по миру»²⁷. Более подробные сведения о том, что происходило в монастыре в этот период, отсутствуют.

Запустение монастырской усадьбы (в ней оставались жить только крестьяне-вкладчики) предположительно могло быть как-то связано с проведением церковной реформы патриарха Никона, вызвавшей раскол в русском обществе. К сожалению, прямые указания на отношение важезерских монахов к вводимым богослужебным новшествам отсутствуют. Как братия Задне-Никифоровской пустыни оценивала происходившее изменение церковных обрядов, сказать трудно. По сведениям А. Н. Старицына, значительное число северных обителей не воспринимало церковную реформу, проводимую патриархом Никоном и его преемниками²⁸. Стойко сопротивлялись «новинам» в мужском Николо-Беседном и женском Введенском Тихвинских монастырях. Благовещенская Яшезерская пустынь во время настоятельства строителя Макария (1686–1689 годы²⁹) несколько лет служила укрывным прибежищем странствующему иноку Виталию, скрывавшемуся в ней от преследования церковных и светских властей³⁰.

Неприятие «роковых» постановлений Московских Поместных соборов 1654–1656 годов было спонтанным, зависело от личных качеств и стойкости убеждений настоятеля и обычно выражалось в продолжавшемся богослужении «по-старому»³¹. Тогда правящий архиерей «тихо, хотя и не всегда мирно» менял монастырское начальство. Такие события редко отражались в официальном делопроизводстве, поэтому документальные свидетельства, позволяющие историкам выяснить, кто из монахов в какой обители сопротивлялся реформированному обряду, — единичны.

²⁷ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 646. Л. 18.

²⁸ Старицын А. Н. Сопротивление церковной реформе XVII в. в монастырях северо-запада России // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Пятое Шегреневское чтения. СПб., 2012. С. 166–176.

²⁹ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1006.

³⁰ Инок Виталий до появления в Машезерской пустыни жил «в пустыни близ Свири реки», «в стороне в лесу близ Остречинского погоста». См.: Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 117, 118.

³¹ Старицын А. Н. Сопротивление церковной реформе...

Среди бумаг, оставшихся от XVII века, сохранились материалы любопытного разбирательства, связанного с одним из вкладчиков важезерской обители. В первой половине 1660-х годов в олонецком приказе рассматривалась жалоба вдового священника Никольской церкви Святозерской волости Федора Анисимова и его сына дьячка Антипы Федорова, которые обвиняли в составлении ложного кабального иска своего земляка святозерского крестьянина Микиту Гаврилова, проживавшего в то время в Задне-Никифоровской пустыни. В повторной челобитной на имя царя Алексея Михайловича, посланной в мае 1664 года, истцы писали о том, что Микита по совету своего зятя, «безместного попа» Герасима Иванова напрасно упомянул их в своей духовной в числе должников: «писал он Микита по совету зятя своего безмесного попа Герасима Иванова сына Рагозы по недружбе на отца моево на Николского бывшего попа Федора Анисимова взяти ржи две коробы <...> неведомо по каким крепостем»³².

Еще в начале 1661 года дьячок Антипа Федоров подавал по поводу неверно составленной духовной первую челобитную олонецкому воеводе Терентию Васильевичу Мышецкому и просил, «чтобы ево Микиту поставить в городе на Олонце к очной ставке». Микита тогда «приставам отказал» и «поручи он по себе не дал, а отнимаетца будто стар». Из отрывка черновика наказной памяти видно, что воевода Терентий Мышецкий передал дело на рассмотрение поповского старосты Коловой десятины Евдокима Лазарева. Олонецкий стрелец Панфила Васильев должен был разыскать и выслать к тому обоих священников и Антипу Федорова³³.

Петрозаводская исследовательница Евгения Дмитриевна Суслова, обнаружившая материалы этого разбирательства в бумагах Олонецкой воеводской избы, предполагает, что «безмесный поп» Герасим Иванов вполне мог претендовать на должность в причте Никольской церкви Святозерской волости³⁴. Священник Федор Анисимов овдовел между 1660 и 1664 годами и, согласно требованиям Стоглава 1551 года, должен был оставить церковную должность. На нее, скорее всего, уже рассчитывал его внук Терешка Антипов, служивший никольским дьячком. Чем завершилась эта история, неизвестно³⁵.

³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Картон 5. Д. 162. Л. 1.

³³ Там же. Картон 4. Д. 109. Л. 16 об.

³⁴ Суслова Е. Д. Сельское духовенство и крестьянское сообщество в Карелии в контексте социально-экономических отношений (конец XVI — начало XVIII века) [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 110—111.

³⁵ Внук Федора Анисимова — Терентий — был священником в родном Никольском приходе Святозерской волости.

Е. В. Барсов не знал о существовании переписной книги Задне-Никифоровской пустыни, составленной 21 сентября 1677 года местным «черным священником» Игнатием и прибывшим из Святозерской волости диаконом Афанасием Григорьевым с целью передачи монастырского имущества новому строителю Варлааму. Она сохранилась до наших дней в составе коллекции рукописных книг в Архиве СПбИИ РАН. В ней содержатся важные и достоверные сведения о состоянии монастырских церквей: *«Задняя Никифорова пустыня, ограда около тово монастыря древяна ветха, а на монастыре храмъ Преображенья Господня ветхъ клецки, паперть досками забирана, крыта тесомъ, глава чешуею обита, все ветха, крестъ на церкви железный... Въ томъ же монастыре подале храмъ стоитъ во имя Успения Пресвятей Богородицы съ теплою трапезой и съ келарской, ветхой <...>. А переписавъ монастырь и всякую монастырьскую казну противу сихъ переписныхъ книгъ, отвели все налицо при братии строителю старцу Варлааму»*³⁶. Как видим, оба храма давно не ремонтировались и не перестраивались. Из переписной книги 1677 года становятся известны интересные подробности об архитектуре монастырских церквей, стоявших на Важеозере. Возведенный в 1623/24 году при новгородском митрополите Макарии II Успенский храм имел отапливаемую трапезную часть и отдельную келарскую. Более древняя Преображенская церковь, вероятно, возведенная еще в конце XVI века, была срублена в виде обычной небольшой клетки (сруба), покрытой тесом и увенчанной одной главкой, с обшитой досками папертью.

Сведения имущественной описи 1677 года дополняются важной информацией о существовании «за озером» скотного двора из переписной книги Олонецкого уезда, составленной в 1678 году стольником Иваном Александровичем Аничковым, Иваном Никифоровичем Аничковым и подьячим Иваном Веняковым: *«Монастырь Задняя Никифорова пустыня, а на монастыре церковь боголепнаго Преображения Господа нашего Иисуса Христа, другая церковь Успения Пресвятыя Богородицы, обе деревянные. Да от монастыря за озером двор скотьской, а в нем живут монастырьские работники»*³⁷. В данном отрывке, скорее всего, речь идет о разработанном монахами участке на другом берегу Важеозера, где в начале XX века будет устроен Митрофаниевский скит.

Вернемся к повествованию Е. В. Барсова. Далее он приводит следующее по хронологии описание монастырского имущества. По его данным, ревизия проводилась в 1679/80 году по случаю назначения нового

³⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 646. Л. 1–5, 22.

³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Л. 166–166 об.

строителя старца Савватия. Исследователь утверждает, что «в этой описи уже не встречаем прежних жалоб на бедность, напротив, видим, что и утварь церковная, и другое имущество монастырское, и скотоводство значительно умножились и улучшились»³⁸. При этом число важеозерских насельников, включая монахов и служек, выросло до двух десятков человек. Неужели прежний строитель Варлаам благодаря своим талантам и незаурядным личным качествам сумел всего за пару лет настолько улучшить положение мужской обители? Или же исследователь неверно датировал попавший в его руки древний документ? Эти вопросы пока остаются без ответов.

Изучив содержание оставшихся двух монастырских описей XVII века, Елпидифор Васильевич приходит к утешительному выводу: «Еще в лучшем положении находим обитель в 1685 и 1695 (1697) годах. Утварь церковная и имущество монастырское были в то время уже безбедные и довольно ценные. Так постепенно пустынная обитель Никифоровская возникла из пепла, в который обратили ее враги литовцы»³⁹. На этом историк завершает рассказ о событиях, происходивших в Задне-Никифоровской пустыни в XVII веке, и переходит к следующему столетию.

Благодаря выявленным архивным документам, неизвестным Е. В. Барсову, сегодня мы знаем, что в 1690/91 году на Важеозере был поставлен новый храм Преображения Господня⁴⁰. Одновременно со строительством соборной церкви в начале 1690-х годов Задне-Никифоровская пустынь успешно отстаивала свои давние права на богатые рыбные ловли на реке Свирь, отданные ей еще в последней четверти XVI века. В РГАДА, в фонде «Монастырские дела», который содержит делопроизводственные бумаги приказа Новгородской чети о монастырском землевладении, сохранилось дело «по челобитью Задней Никифоровой пустыни казначая Симона с братиею об отнятии у них Подпорожскими крестьянами рыбной ловли на реке Свири на пороге Сиговце, данной их пустынке царем Алексеем Михайловичем»⁴¹.

В XVII столетии монахи Задне-Никифоровской пустыни, выполняя наказ Иоанна IV, по-прежнему не владели крестьянскими или бобыльскими⁴² дворами и строго придерживались нестяжательских принципов. Здесь уместно

³⁸ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 77.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 309–309 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Связка 23. № 26. 1691 год.

⁴² Бобыли — одна из категорий крестьянства, которая несла тягло в пониженном размере.

добавить, что И. А. Чернякова при оценке земельных владений местных монастырей в Заонежских погостах в конце 1620-х годов приводит неверные сведения о Задне-Никифоровской пустыни (20 четвертей), спутав ее с Преображенским Вашеостровским монастырем в Никольском Шуйском погосте-округе⁴³.

По свидетельству Е. В. Барсова, в переписной монастырской книге 1697 года он нашел упоминания двух жалованных грамот царей Петра Алексеевича и его брата Иоанна (правили вместе в 1682–1696 годах) «о пахатной земли и пороге Сиговце, о рыбной ловли», а другая «о спуски в пороги карбасов»⁴⁴. Скорее всего, юные государи просто подтвердили уже имевшиеся права важеозерских старцев на ранее пожалованные русскими самодержцами земли и рыбную ловлю на реке Свирь.

Вклады в монастырь

Монастырские синодики («сенаники») Задне-Никифоровской пустыни, которые обычно позволяют узнать за кого конкретно молились монахи и на каких условиях, пока не обнаружены в отечественных архивах. Вероятно, как и в других малых северных обителях, чаще всего важеозерские старцы поминали в своих молитвах местные крестьянские роды⁴⁵. Вкладные книги Задне-Никифоровской пустыни, которые обязательно велись в XVII веке, так же не найдены. Самыми частыми, скорее всего, были «заупокойные» вклады с традиционными для поминальной практики формулировками «по родителям», «по отце», «по себе», «по сыне упокойном», «на сорокоустье» и пр.⁴⁶. Реже делались вклады «заздравные» и «на пострижение».

⁴³ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох... С. 85, 210.

⁴⁴ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 77.

⁴⁵ Например, см.: Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь — центр социально-экономической и духовной жизни Кубено-Заозерского края в XV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011; Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. СПб., 2011. С. 218–221.

⁴⁶ Об этом говорят исследователи на материалах других обителей. См.: Синодики Староладожского монастыря XVI–XIX века / подготовка текста и исследование Н. В. Башнина. М.; СПб., 2012; Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь... С. 157; Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб., 2006. Т. 2. С. 154–155.

Мне известны три вклада, поступившие в течение XVII века в Задне-Никифоровскую пустынь. При игумене Антонии был передан Служебник 1629/30 (7138) года с дарственной надписью по листам: *«Лета 7146 апреля в 19 день дана сия книга служебник по боярине, по князе Иване Ивановиче Шуйском в Новгородский уезд, в Обонежскую пятину в Преображенский монастырь, в Заднюю Никифорову пустынь игумену Антонию с братиею в вечное поминовение боярина Шуйского, во иноцех инока, схимника Ионы»*⁴⁷. Как видим, важеозерские монахи молились за душу умершего в 1638 году брата русского царя Василия Шуйского. Старопечатный Служебник при патриархе Никоне или позднее был изъят из богослужебного пользования, вывезен из монастыря и передан в Софийскую библиотеку в Великом Новгороде. Он упоминается в рукописном «Каталоге книг библиотеки Новгородского кафедрального Софийского собора», составленном в 1865 году священником Иоанном Никольским. В советское время Служебник до начала 1940-х годов хранился в архиве Новгородского музея, а во время Великой Отечественной войны бесследно пропал с другими старинными книгами⁴⁸.

Второй книжный вклад в Задне-Никифоровскую пустынь датируется 1659 годом. При строителе старце Иосифе от священника Преображенской церкви в Туксе Евдокия Лазарева поступила печатная «Общая минея»⁴⁹. Этот священник упоминается в составе туксинского причта составителями писцовой книги Заонежских погостов Иваном Писемским и Ларионом Суминым в 1646 году⁵⁰. Вкладная запись от 27 марта 1659 года гласила: *«Лета 7167го году марта въ 27 день книга сия глаголемая менея вобщая со всеми годовыми праздники преображенскаго попа Евдокима Лазарева. А положил ея в чесную обитель боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа к начелником игумена Никифора ученика Александра чудотворца и строителя Генадия в Заднюю Никифорову пустыню на Важени озери за вклад попады своеи Матрены да сыновеи своих Парфенья и Стефана и Якова и Лазаря двацати рублех. И дал сию книгу нынешнему строителю Иосифу старцу и з братьею а им сеи менеи из манастыря никуды не продать*

⁴⁷ Семенов А. И. Вкладные записи XVII века на книгах Новгородской Софийской библиотеки // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. С. 487.

⁴⁸ Там же. С. 484–485.

⁴⁹ Юхименко Е. М. Московская филипповская община и ее книжное собрание // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2017. Т. 25. С. 567.

⁵⁰ Сулова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века. Петрозаводск, 2013. С. 214–215.

а по смерти написать попадью и дети в литию и в сенаник и в сорокоустеную и в подстенной Сенаник а подписал сам поп Евдоким Лазарев своєю рукою». Далее по листам идет монастырская запись от 18 июня 1699 года: «Сия книга глаголемая Мен[е]я общая приписная к Александрову монастырю Задняя Никифоровы пустыни. Положена в Спасовъ домъ в славословие Божие и во спасение слышания слова Божия православнымъ християномъ и ис сея пустыни сея книга никуды не продать и не отдать. Подписана сия книга 7207го июня въ 18 день повелнием Александрова монастыря архимандрита Лаврентия»⁵¹. Добавлю, что в первой половине XVIII века книга все-таки была продана иеромонахом Иоакимом за шесть рублей, о чем свидетельствовала третья запись: «Сию книгу продали Задней Никифоровской пустыни продали сию книгу общею меню иеръманах и келарь Александръ и цену взято шесть рублейвъ. А купил сию книгу дячекъ Евсеи Назарьевъ. Продалъ иеромонахъ Иоакимъ»⁵².

Наконец, о третьем вкладе в Задне-Никифоровскую пустынь на поминание души умершего олонецкого воеводы князя Терентия Мышецкого известно из так называемой отписи настоятеля Александро-Свирского монастыря игумена Гермогена, отправленной новгородскому митрополиту Корнилию в 1680 году (такие же вклады были посланы в Александро-Свирский и Ильинский Свирский монастыри, в Андрусову пустынь)⁵³.

Монастырская повседневность

Повседневная жизнь важеозерского монастыря регламентировалась согласно общежительному уставу. Ее главным смыслом была молитва, повсюду сопровождавшая монахов. Их долгий день начинался в храме с полунощницы и утрени, после которой черноризцы получали благословение игумена на предстоявшие труды, а заканчивался «повечерницей» и чтением «келейного правила». Неграмотные черноризцы произносили короткую Иисусову молитву по четкам.

⁵¹ Сулова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии... С. 214–215.

⁵² Там же.

⁵³ Яновский П. Описание актов Новгородского Софийского дома // Летопись занятий Императорской Археографической Комиссии за 1901 г. СПб., 1902. Вып. 14. С. 50.

Дисциплинарный устав не позволял важеозерским насельникам держать еду и питье в кельях. Они сходились на общую трапезу два раза в день, кроме понедельников, сред и пятниц, когда обходились без ужина. В небогатом монастыре пища была простая⁵⁴. Один из главных продуктов питания — выловленная в озерах Важеозеро и Рандозеро рыба (лещи, щуки). Вместе с хлебным или брусничным квасом, грубым хлебом и рубленой репой в обычные дни она составляла основу братского стола. Также часто готовили мучную кашу из овсяного толокна. Во время постов рыбная пища разрешалась только в Благовещение Пресвятой Богородицы и Вербное воскресенье. В праздники братия могла получать мягкие калачи и пироги, пшеничную кашу с маслом, «ушное», по ставцу (чашке) молока. На четырех человек обычно подавалось одно деревянное блюдо с едой⁵⁵.

В последнее десятилетие XVII века важеозерский монастырь, можно сказать, крепко стоял на ногах. Деревянные храмы радовали глаз внешним и внутренним благолепием, монастырское хозяйство велось рачительно, и житницы не пустовали. Несомненно, большая заслуга в этом принадлежала тем, кто стоял во главе монашеской обители, кто добросовестно ею руководил и опекал братию. Все нити управления Задне-Никифоровской пустынью сходились в руках настоятелей и его помощников — келаря, казначея и духовника. Предположительно до середины XVII века ее возглавляли игумены, во второй же половине столетия — строители из иеромонахов, «черных попов» или простых монахов (см. приложение 1).

---

⁵⁴ Например, в зажиточном Кирилло-Белозерском монастыре, где община включала до двух сотен человек, в начале XVII века перечень кушаний был гораздо разнообразнее: первое блюдо (щи, или «шти») из капусты, свеклы, кислицы с чесноком; второе блюдо (жареная или вареная рыба; варево из гороха; каша из гречи); молоко и творог; яйцо; пироги. Приведу постное меню для братии: «После Федоровы недели, на второй неделе с понедельника и во весь пост, в понедельник, в среду, в пяток — скатерти одне, хлебы брацкие, по ставцем квас, в больших чашех вода, по мисам капуста крошена с хреном, толокно, репа, грузди или грибы под чесноком, каша терта с соком или тесто. А во вторник, в четверток — хлеба брацкого по чети, шти борщевы с соком, сухари, квас с меньшего погребя в больших чашах, горох или каша сочена, переменяя, когда что придучится». См.: Мерзляков К. А. Гастрономическая карта Кирилло-Белозерского монастыря в XVI веке // Церковный вестник. 2019. Т. 1, № 1. С. 171.

⁵⁵ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 2. С. 230–231.

«Седьмь важеозерских угодников»:
преподобные Игнатий, Леонид,
Дионисий, Феодор, Ферапонт,
Корнилий и Афанасий Островские

В краеведческой литературе, посвященной Задне-Никифоровской пустыни, и некоторых справочных изданиях о русских святых можно встретить краткие сведения о почитании семи важеозерских угодников Игнатия, Леонида, Дионисия, Феодора, Ферапонта, Корнилия и Афанасия⁵⁶. Единого мнения об этих преподобных не существует. Местом их молитвенных подвигов и трагической гибели называются Задне-Никифоровская (Задняя Никифорова) пустынь на Важеозере или Задняя пустынь на Ояти (будущий Введенский Островский монастырь)⁵⁷. Агиографическая путаница возникла из-за схожести названий двух располагавшихся в Межозерье обителей, чья история неразрывно связана с Александро-Свирским монастырем и его основателем.

В одном из списков «Описания о российских святых» семь старцев предстают учениками преподобного Александра Свирского, подвизавшимися на реке Оять: *«Преподобные отцы Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий, Афанасий, ученицы преподобного Александра Свирского, в Задней пустыни на Ояте реце в монастыре Введения Пресвятыя Богородицы, от Свиры реки 5 поприць по Ояте реце вверх села Архангельскаго Сермакса, идеже отец и матери Александровы погребены»*⁵⁸. Архимандрит Леонид (Кавелин) сообщает о том, что преподобный Дионисий Островский стал основателем Введенского монастыря на Сермаксе и после смерти был похоронен там же в церкви⁵⁹.

⁵⁶ Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых. СПб., 1868; Филарет (Гумилевский), епископ. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882.

⁵⁷ Архимандрит Никодим (Кононов) отрицал погребение семи подвижников на Важеозере и высказывал еще одну версию: *«Очень возможно, что и эти ученики преп. Александра погребены не в Оятском Введенском монастыре, а где-либо в основанных быть может ими пустынях»*. См.: Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники... 1903. № 6. С. 200.

⁵⁸ Романова А. А. Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий // Православная энциклопедия... Т. 21. С. 148–150.

⁵⁹ Леонид (Кавелин), архимандрит. Святая Русь... 1891. С. 93.

Именитый автор, однако, ошибается⁶⁰. На Сермаксе никогда не было обители с таким посвящением. При Введенской и Петропавловской церквях, стоявших на погосте на Ояти, издавна существовал так называемый двойной особножительный Введенский монастырь⁶¹ для стариц и старцев, живших в кельях и питавшихся милостыней⁶². Именно в нем во второй половине XV века приняли монашеский постриг родители преподобного Александра Свирского, Стефан и Васса⁶³. Во время монастырской реформы, проводившейся при новгородском архиепископе Макарии в первой четверти XVI века, для выросшей женской общины было найдено другое место, «на реке на Сермаксе». К середине 1560-х годов здесь возводятся деревянные монастырские храмы во имя святителя Николая Чудотворца и Рождества Иоанна Предтечи. Девичьей обителью, в которой подвизались 22 монахини, успешно управляла игуменья Устинья, а положенные по уставу богослужения проводил священник Григорий, которому помогали дьячки Дмитрий Никитин и Ларион Мелехов⁶⁴. Во время очередной русско-шведской войны 1590—1595 годов женский Никольский монастырь на Сермаксе был разграблен и более не восстанавливался⁶⁵.

Хотя преподобные отцы и считаются учениками свирского старца, они не упоминаются ни в его житии, ни в рукописных синодиках Александро-Свирского монастыря. Описание внешности угодников встречается в иконописных подлинниках XVIII века, что может свидетельствовать о начале их местного почитания в этот период. Как выяснила А. А. Романова, в старообрядческих святцах, датированных XIX столетием, островские

---

⁶⁰ Труд архимандрита Леонида создавался на основе «Описания о российских святых», списки которого изобилуют неточностями и недостоверной информацией. См.: Романова А. А. Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI — начале XVIII в.: религиозная практика и государственная политика: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2016. С. 271—272.

⁶¹ Архиепископ Сергей (Спасский) высказывал предположение о том, что создателем Введенского монастыря на Ояти мог быть преподобный Игнатий Островский. Никаких свидетельств в пользу этой версии нет. См.: Сергей (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 557.

⁶² Писцовые книги Новгородской земли: Писцовые книги Обонежской пятины XVI века. СПб., 1999. Т. 2. С. 95.

⁶³ Подробнее об истории монастыря см.: Иоанна (Егорова), игуменья. Введено-Оятский женский монастырь. СПб., 2010.

⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 60 об.

⁶⁵ Тогда же пострадал от «немецких людей» и Введенский монастырь «в Острове» (Введенский Островский монастырь): они дотла сожгли теплую церковь во имя апостолов Петра и Павла. См.: РГАДА. Ф. 1209. Д. 963. Л. 457.

подвижники упоминаются с отдельными днями памяти, которые, впрочем, совпадают с празднованиями тезоименитых им святых: 3 октября — Дионисий; 20 декабря — Игнатия, «*иже на Ояти, ученика святого Александра Свирского*»; 10 апреля — Феодора, «*ученика святого Александра Свирского, иже на Ояти*»; 16 апреля — Леонида, «*ученика святого Александра Свирского, в Островском монастыре*»; 16 мая — Феодора (вторично); 19 мая — Корнилия, «*ученика святого Александра Свирского*»; 27 мая — Ферапонта, «*иже на Ояти, ученика святого Александра Свирского*»⁶⁶.

В наши дни во Введено-Оятском женском монастыре (современное название возрожденной Введенской Островской обители) старцы Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий Островские почитаются как ученики преподобного Александра Свирского, который при жизни отослал их «*в монастырь своих родителей*» для поддержания его благополучия. Считается, что семеро подвижников погребены на Ояти, но память о месте их захоронения была утрачена к началу XIX века. Именно такого мнения придерживается автор изданной в 2010 году книги по истории Введено-Оятского монастыря, его настоятельница игуменья Иоанна (Егорова)⁶⁷.

По другой версии, семеро учеников преподобного Александра Свирского погребены в «пещере» вместе с основателями Задне-Никифоровской пустыни возле Преображенского храма на Важеозере. В справочном издании, составленном историком-искусствоведом Александром Ратшиным и увидевшем свет в 1852 году, читаем: «*При сей церкви, в пещере, почивают под спудом мощи основателя пустыни преподобного Никифора и его сотрудника Геннадия; также и учеников Александра Свирского: Игнатия, Леонида, Дионисия, Феодора, Ферапонта, Корнилия и Афанасия*»⁶⁸. Отмечу, что этот справочник содержит сомнительные данные и полностью доверять ему не следует. Так, например, А. Ратшин называл основателем Андрусовой пустыни некоего преподобного Корнилия, еще одного ученика преподобного Александра Свирского⁶⁹.

⁶⁶ Романова А. А. Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XXI. С. 148–150.

⁶⁷ Иоанна (Егорова), игуменья. Введено-Оятский женский монастырь... С. 76.

⁶⁸ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 423.

⁶⁹ См.: Кожевникова Ю. Н. Никольская Андрусова пустынь... С. 10.

Е. В. Барсов в списке «обонежских пустынножителей» говорит «о семи других учениках преподобного Александра Свирского», подвизавшихся на Важеозере с преподобным Никифором: «ни время, ни нашествие литовцев в начале XVII века, разграбивших обитель и избивших братию, не могли изгладить из памяти народной имен святых подвижников; зато уничтожили все источники, из которых можно было бы заимствовать сведения о их жизни и подвигах. Конечно, они были современны преподобному Александру и Никифору и скончались или еще при жизни преподобного Никифора, или вскоре после его смерти»⁷⁰.

К. А. Докучаев приводит дополненную версию о том, что после кончины преподобного Александра Свирского семеро старцев покинули его обитель и перешли в недавно созданную Задне-Никифоровскую пустынь, «где и скончались и погребены, но когда — при жизни ли основателей или после их смерти — неизвестно»⁷¹. Впрочем, исследователь приводит и иное предположение о святых: «по другому преданию, эти “семь” суть убиенные от литовцев во время разгрома Важеозерской обители, около 1612 года». Про замученных до смерти «буйными литовцами» важеозерских насельниках во главе с игуменом Дорофеем (семь или двадцать человек) Е. В. Барсов ранее писал: «доселе с благоговением указывают в обители то место, где сокрыты их мученические тела»⁷². До строительства каменного собора во имя Всех Святых место предполагаемой могилы убитых черноризцев указывалось возле старинной часовни над погребениями преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских, где располагалось братское кладбище (здесь продолжали хоронить в XIX веке).

Таким образом, первые известные сведения о традиции почитания семи важеозерских угодников относятся ко второй половине XIX века. При этом бытовавшие тогда предания о том, когда они жили и где погребены, разнятся. В монастырской топографии с трагическими событиями XVII века оказался также связан массивный поклонный крест, установленный в трех верстах от пустыни. Благочинный протоиерей Василий Громов в 1905 году сообщает о нем: «Есть еще устроенный крест в трех верстах от пустыни, на дороге, ведущей к почтовой. По преданию, на сем месте убито несколько человек из братии литовцами, разорившими Никифоровскую пустынь»⁷³.

⁷⁰ Новый Олонецкий патерик / сост. А. В. Пигин. СПб., 2013. С. 388.

⁷¹ Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб., 1887. № 5. С. 65.

⁷² Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 75.

⁷³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/14. Л. 42.

По письменным источникам известны иконописные изображения семи важеозерских угодников. В документах и краеведческой литературе про мужскую пустынь не раз говорится о том, что среди икон, пребывавших в монастырских храмах в конце XIX — начале XX века, самым любимым у протоиерея Иоанна Кронштадтского был новонаписанный образ преподобных Игнатия, Леонида, Дионисия, Феодора, Ферапонта, Корнилия и Афанасия⁷⁴. Еще одна их икона, но уже совместная с основателями Задне-Никифоровской пустыни, упоминается в новом каталоге собрания городского церковно-исторического музея в Петрозаводске, составленном в 1918 году его заведующим священником Дмитрием Островским, который датировал ее XIX веком⁷⁵.

---

⁷⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1.

⁷⁵ Там же. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 36.

Глава 4

Задне-Никифоровская пустынь в первой половине XVIII века

Российские законы о монашестве

В первой половине XVIII века произошли знаменательные события, сильно повлиявшие на ход истории российских монастырей и монашества. После смерти русского патриарха Адриана¹ и назначения «местоблюстителем» патриаршего престола митрополита Стефана (Яворского) по воле Петра I был воссоздан Монастырский приказ, распоряжавшийся земельными делами монастырей². Царь-реформатор полагал, что «чин монашеский» к началу столетия «во многая безчиния развратился» и его следовало исправить с помощью жестких ограничений и запретов³. Основным законом, регулировавшим положение православных монастырей и монашества, стало пространное «Прибавление к Духовному Регламенту» (1722 год). С этого времени впервые для тех, кто хотел принять монашеские обеты, на законодательном уровне вводились четкие возрастные, сословные и гражданские ограничения⁴.

Согласно объявленным правилам, пострижение разрешалось лицам, свободным от долгов, брачных отношений и судебных разбирательств, только при наличии официальных увольнительных и отпусковых документов.

---

¹ Патриарх Московский и всея Руси Адриан возглавлял Русскую Православную Церковь в 1690–1700 годы.

² В 1724 году Монастырский приказ переименован в Камор-контору синодального правительства, в 1726 году — в Коллегию экономии синодального управления. С 1738 года до своего упразднения в 1744 году Коллегия экономии находилась в ведении Сената. В 1763 году по указу императрицы Екатерины II она восстановлена и просуществовала до 1786 года. См.: Барсов Т. В. Синодальные учреждения прежнего времени. СПб., 1897. С. 242–249.

³ Из последних работ о петровской политике в отношении Церкви см.: Нестужилов К. Е. Оценка личности Петра Великого и преобразований Петровской эпохи в церковной историографии синодального периода // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, вып. 3. С. 277–284; Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 153–171.

⁴ В законах резко осуждался уход в монастырь «не по склонности, а для большей свободы и пропитания», а также «бежа от службы». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 6, № 4022.

Впервые в истории монашества царем-реформатором вводился жесткий возрастной ценз для желающих отказаться от мирской жизни⁵. Мужчины должны были достичь 30-летнего возраста. В отношении женщин закон был более суров: стать монахинями могли девицы не ранее 50 лет, вдовы — не ранее 60 лет. Обязательным становился «трехлетний иску», в течение которого испытывалась твердость намерения посвятить свою жизнь служению Богу. Также монашествующие не имели права «из монастыря в монастырь переходить» без письменного разрешения своего настоятеля. Для создания новой обители требовался соответствующий указ Синода. Запрещалось устройство скитов и не приветствовалось существование монастырей с небольшим числом иноков (менее 30 человек)⁶.

Наведение порядка в «монашеском чине» началось с первой всероссийской переписи монашествующих и дальнейшего закрепления их в монастырях (одновременно в государстве осуществлялась податная реформа, в основе которой лежала подушная перепись). Наиболее известный «запретительный» указ Петра I от 28 января 1723 года требовал переписать всех монахов и «впредь отнюдь никого не постригать»⁷. Из прагматических соображений Петр I мечтал превратить действовавшие монастыри в богадельни для «престарелых и увечных» отставных солдат воевавшей регулярной армии, предлагая заполнять ими возникавшие после смерти монахов «убылые места». Синодальный указ от 3 марта 1723 года напоминал о том, чтобы «во всех епархиях нигде в монастырях как монахов, так и монахинь отнюдь никого без указа из Синода не постригали», за исключением вдовых священников и диаконов⁸.

Не менее важен был указ Петра I от 31 января 1724 года⁹. Общие рассуждения царя об образе жизни «монахов древних» дополнялись конкретными предложениями, «како нынешних (монахов. — Ю. К.) исправить». Существование монастырей оправдывалось их пользой для общества: в них отправлялись «отставные солдаты, которые трудиться не могут, и прочие прямые нищие». Число братьев в общине определялось в пропорции: один монах на двух-четырех больных или нищих. Чернецы должны были жить в особых чуланах при больницах; необходимые для повседневной жизни вещи получать у келаря — «потребные по уставу

⁵ Строгие канонические правила на этот счет не существовали.

⁶ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 6, № 4022.

⁷ Там же. Т. 7, № 4151.

⁸ Там же. № 4672.

⁹ Там же. № 4450.

кому что». Законом предусматривались две «поварни», в которых еда готовилась отдельно для мирян и монашествующих. Если в монастыре находились монахи сверх «числа служения», они должны были «сами хлеб себе промышлять». Свободно выезжать из монастыря могли только настоятель, келарь и казначей «для нужд монастырских», остальным монахам требовалось «весьма выезд отсечь, ибо когда оставили мир, уже возвращаться в оной не надлежит»¹⁰.

По-видимому, воплотить в жизнь все перечисленные выше правила о монашестве не удавалось. Во многом этому помешала смерть Петра I. Его преемницы — Екатерина I (1725–1727 годы) и Анна Иоанновна (1730–1740 годы) — также издавали законы, продолжавшие «антимонашескую» политику государства. С 1733 года в российских монастырях стали проводиться масштабные проверки, всколыхнувшие монашеский мир. Составлялись новые списки всех монашествующих. При этом повсеместно выявлялись многочисленные нарушения законодательства в отношении постригов¹¹. Синод 19 февраля 1733 года провозглашает очередной императорский указ, требовавший сообщать «без всякия лжи и утайки, не имеются ли где постриженных монахов и монахинь, кроме священного чина и солдатства, из других чинов»¹². Именным указом от 10 июня 1734 года повторялся строгий запрет на постриги: «кроме вдовых священников, диакон и отставных солдат в монахи никого не постригать»¹³.

Усиливается борьба с «беспутно волочащимися» монахами, начатая при Петре I. Синодальный указ от 6 сентября 1732 года «об устройстве монашествующих» запрещал принимать бродяг в рясах «под страхом жестокого штрафованья»¹⁴. Беглыми считались монахи, приходившие «без письменного отпуска» от правящего епархиального архиерея или настоятеля другой обители. Монастырское руководство обязывалось срочно сообщать о таких пришельцах в местные духовные правления и консистории. Участь «плутов чернецов» была незавидна: за «презрением указов» непременно следовало расстрижение и публичное наказание.

¹⁰ Запрет монахам «бродить из монастыря в монастырь», скитаться и бродяжничать повторяется не раз в законах. См.: ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 5, № 2985; Т. 6, № 3718; Т. 8, № 6177; Т. 11, № 8303.

¹¹ Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна, 1905. С. 282–288.

¹² Там же.

¹³ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 9, № 6585.

¹⁴ Там же. Т. 8, № 6177.

Различные ограничения, содержащиеся в «Прибавлении к Духовному Регламенту», и особенно «запретительные» указы Петра I и его преемников привели к резкому сокращению численности монашествующих. Малолюдные обители, нередко расположенные в труднодоступных местах, без пополнения новыми постриженниками обрекались на постепенное вымирание. Вдовы священники и диаконы, а также инвалиды-военные — те, кому официально в виде исключения постриг разрешался¹⁵ — не слишком стремились к иночеству. Другая серьезная проблема заключалась в крайне малом числе или даже в отсутствии среди насельников иеромонахов, без которых становились невозможны литургия, исповедь и принятие Святых Тайн — ключевые моменты монастырской жизни.

В 1740 году было, наконец, позволено постригать в монашество с разрешения епархиального архиерея священно- и церковнослужителей, семинаристов, разночинцев «с вольными паспортами», крепостных крестьян с «отпускными за помещицьею рукой»¹⁶. При Екатерине II (1762–1796 годы), однако, постриги в малую и великую схиму снова стали возможны только по указу Синода¹⁷.

В первой половине XVIII века Задне-Никифоровская пустынь, как и прежде, находилась в составе Новгородской митрополии и подчинялась Новгородскому архиерейскому разряду через заказчика Олонецкого уезда, которым в те годы обычно являлся настоятель Александровского монастыря.

Задне-Никифоровская пустынь в первой половине XVIII века

В первой половине XVIII века Задне-Никифоровская пустынь вместе с остальными монашескими обителями Олонецкого уезда испытала на себе разрушительные последствия «запретительных» указов сурового в отношении монашества Петра I и его ближайших преемников. Какие события, происходившие в ее стенах в этот непростой период, отразились в дошедших до нас архивных документах?

¹⁵ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 7, № 4672.

¹⁶ Там же. Т. 11, № 8303.

¹⁷ Там же. Т. 18, № 12960; Т. 19, № 13721.

В коллекциях Архива СПбИИ РАН сохранилась переписная книга, составленная в Задне-Никифоровской пустыни в январе 1711 года¹⁸. Тогда по указанию уездного «заказчика» настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Феодосия иеромонах Варлаам отправился в мужскую обитель с заданием описать ее имущество и хозяйство. В пустыни подвизались семеро братьев: строитель монах Зосима, монахи Александр¹⁹, Киприан, Антоний, Феодосий, Иона и «крылошанин» Дионисий, читавший и певший на клиросе. Иеромонахи в братской общине на тот момент отсутствовали. Кроме того, при монастыре проживали трудившиеся в его хозяйстве восемь наемных работников и три коровницы. В имущественной описи приводятся сведения о значительном монастырском стаде: на «*конюшемъ дворе*» содержались восемь тяглых лошадей; на «*коровьемъ дворе*» — два десятка дойных коров и пятнадцать овец²⁰.

Задне-Никифоровская пустынь, согласно переписной книге 1711 года, по-прежнему имела два деревянных храма. Соборная «трапезная» Преображенская церковь описывается иеромонахом Варлаамом как ветхая, хотя ее срубили не так давно, в 1690/91 году, при последнем российском патриархе Адриане²¹. Над церковной папертью была устроена шатровая колокольня (на ней висели только два медных колокола и железное клепало). В составе иконостаса упоминаются несколько богато украшенных образов, среди них «*на золоте*» храмовая икона Преображения Господня в серебряном вызолоченном окладе, а также икона мученицы Иулии и преподобного Моисея с «*венцами резными серебряными золочеными*»²². Они свидетельствовали о недавнем благополучии мужского монастыря. Зимняя Успенская церковь, увенчанная одной главой, тоже имела трапезную часть, «*олтарь круглой*»²³. Как уже говорилось ранее, ее возвели «*мирскихъ людей подаяниемъ*» в 1623/24 году при новгородском митрополите Макарии²⁴ на месте прежнего храма, сожженного во время «*немецкаго разоренья*», постигшего монахов в тревожные годы Смуты. К моменту

¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 649.

¹⁹ Через десять лет монах Александр упоминается в документах как строитель Задне-Никифоровской пустыни. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10/74. Л. 96.

²⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 649. Л. 9 об.

²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Картон 11. Д. 12. Л. 309.

²² Там же. Кол. 115. Д. 649. Л. 2.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Управлял Новгородской митрополией в 1619–1626 годы.

составления переписной книги она тоже пришла в ветхость²⁵. Над мощами преподобных Геннадия и Никифора стояла деревянная часовня, в которой был устроен деисус из пяти икон и пребывала важная монастырская святыня, старинный образ «*праведного Геннадия чудотворца, писанъ на краскахъ на золоте*»²⁶.

К концу 1721 года братская община, возглавляемая строителем монахом Александром, включала казначея Матфея, келаря Илию, монахов Игнатия, Иону, Иосифа, Лаврентия и Феодосия, а главное — иеромонаха Аарона, который совершал богослужения в монастырских церквах (других священнослужителей в братии не было)²⁷. От того времени в фонде Александро-Свирского монастыря сохранилось несколько приходо-расходных книг, которые содержат любопытный для историков материал о хозяйственной деятельности и повседневной жизни монахов²⁸. Возьму для примера приходо-расходную книгу за 1721 год, которую заверили подписями строитель Александр и казначей Матфей.

В ее приходной части помесечно расписаны немногочисленные источники доходов небольшого северного монастыря, не владевшего вотчинными деревнями. Как выясняется, неплохую прибыль монахам приносила продажа домашней скотины: в январе они отдали «*охочимъ людямъ*» двух лошадей за 12 рублей; в октябре — семь коров и одного быка за 10 рублей; в ноябре — еще одну лошадь за 3 рубля. В течение года монах Игнатий не раз ездил на отдаленный монастырский участок «*на Нирке*», где продавал окрестным крестьянам «*хлебы и сено*»: в феврале и марте — за 7 рублей, в апреле — за 4 рубля, в сентябре — за 2 рубля 31 алтын, в ноябре — за 6 рублей 20 алтын. В июне-июле у монахов можно было купить сушеную важеозерскую рыбу. Осенью они разрешали крестьянам из ближайших деревень пользоваться за плату монастырской мельницей для помола выращенных ячменя и ржи (выручка в 1721 году составила 8 алтын 2 деньги).

Среди статей прихода в книге нашлись всего две записи о полученных пожертвованиях: 5 июля «*дали милостынь въ монастырь проезжие въ казну рубль*»; 2 декабря было «*принято за поминовение души Никиты Пряжанина*» 8 рублей 16 алтын 4 деньги. Отдельной строкой упоминаются деньги, поступившие в монастырскую казну в праздник

²⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 649. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11/12. Л. 268 об.

²⁸ Там же. Л. 267–270.

апостола Иоанна Богослова: *«принято из церкви свечных и молебных денег три рубли»*. Так называемые свечные деньги складывались за год в небольшую сумму, 1 рубль. В конце ноября чернецы высыпали *«изъ ящика денегъ рубль шесть алтынъ четыре денги»*. Итого в 1721 году приход составил 70 рублей 19 алтын 2 деньги.

Любопытна краткая запись о том, что в начале марта 1721 года важезерские монахи получили милостыню в 5 рублей от государыни царицы Параскевы Федоровны (вдовы царя Ивана Алексеевича, старшего брата Петра I), ехавшей на Петровские заводы. Безусловно, оказанное внимание вдовствующей государыней стало важным событием для скромной обители и ее насельников. Известно, что в ризницу Яшезерской пустыни Параскева Федоровна примерно в то же время пожаловала красную шелковую ризу с богатой вышивкой и парчовыми воздухами с кружевами из серебряных нитей. Скорее всего, про оба монастыря она узнала от князя Александра Даниловича Меншикова или кого-то из местных жителей в одну из своих поездок на Марциальные воды — основанный Петром I в 1719 году первый российский курорт.

Параскева Федоровна старалась поддерживать все нововведения царя-реформатора, хотя до переезда в 1708 году в Петербург ее дворец в Измайлово (ныне исторический район Москвы) оставался *«островком старины»* в новой России. Она не только любила шумные петровские ассамблеи, но и побывала на далеком северном курорте не менее пяти раз²⁹.

Весной 1721 года царица Параскева Федоровна проезжала через город Олонец с царевной Параскевой Ивановной. *«Об этой поездке известно, что для Царицы и Ея свиты требовалось шестьдесят подвод и что на Марциальных водах она пробыла до 15 марта»*, — сообщает историк Евгений Михайлович Прилежаев³⁰. В монастырской приходо-расходной книге не уточняется, заезжала ли высокая гостья в Задне-Никифоровскую пустынь или же монахи вышли встречать ее карету на почтовом тракте.

²⁹ Посетив однажды Олонец вместе с Екатериной I, Прасковья Федоровна подарила местному Троицкому собору бархатные ризы. См.: Прилежаев Е. М. Когда был в Олонце Петр Великий? // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 201.

³⁰ Прилежаев Е. М. Когда был в Олонце Петр Великий? // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 200.

Одна из первых записей расходной части гласит об уплате церковной дани, отосланной в митрополичью казну в Великий Новгород в феврале 1721 года. Обращает на себя внимание ее внушительный размер — 2 рубля. Приведу для сравнения несколько цифр: в 1725 году настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Кирилл за переданные под его управление в 1723 году мужские обители Олонецкого уезда должен был отдать архиерейскому подъячому Ивану Протопопу более скромную сумму: за Высокоезерскую пустынь — 5 алтын 4 деньги, Троицкую Кедринскую — 16 алтын 4 деньги, Троицкую Лужандозерскую — 6 алтын 4 деньги, Благовещенскую Яшезерскую — 2 алтына полшесть деньги, Петропавловскую Лобанову — 8 алтын 2 деньги. Всего за пять приписных монастырей тогда был уплачен 1 рубль 7 алтын с полденью³¹.

Приведу еще одну любопытную запись из приходо-расходной книги 1721 года: в день церковного новолетия 1 сентября богослужение в монастырском Преображенском храме совершал приходский «поп» (вероятно, его пригласили из ближайшей церкви в Коткозере), за что ему выдали 8 алтын 2 деньги. Как видим, до возведения во священство монаха Аарона в пустынь приезжали священники из соседних приходов. К такой практике вынужденно прибегали во многих малобратственных обителях Олонецкого уезда³². Даже в самом Александро-Свирском монастыре зачастую не хватало иеромонахов, поэтому служба велась не во всех его храмах: «*ежедневная бываетъ служба въ соборной и въ роце у чудотворца, а въ другихъ церквахъ за умалениемъ иеромонаховъ службъ не бываетъ*»³³. Чтобы восполнить недостаток в «черных попах», по указу епархиальных властей в Александро-Свирский монастырь «на помесячные очереди» направлялись священники многолюдных приходов, где «*обретается по три и по два попа*»³⁴.

Согласно записям в расходной части, для богослужений важеозерские черноризцы приобретали дорогие пчелиный воск и благовония: за полпуда воска и четыре фунта ладана в январе было отдано 4 рубля. Летом чернецы нанимали сезонных работников: дровосеков (за июнь они получили 2 рубля), сенокосцев (в июле 7 рублей), жнецов (работали в августе и сентябре

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12/3. Л. 35–35 об.

³² Например, см.: Кожевникова Ю. Н. Благовещенская Яшезерская пустынь... С. 88.

³³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 14. Д. 1. Л. 90.

³⁴ Так, в 1727 году служили священники церкви Успения Богородицы Ладвинской волости Дорофей Алексеев, Петр Михайлов. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 13. Д. 19. Л. 145–148 об.

за 9 рублей 56 алтын 4 деньги). В сентябре они заплатили кузнецу 16 алтын 4 деньги «за кузло»; каменщику «за починку печи» — 29 алтын; кожевникам «за зделье кожъ» — 1 рубль; летнему работнику — 19 алтын. «На луденье» монастырской утвари отдали 3 рубля 16 алтын 4 деньги. В декабре плотник «тесалъ доски» и получил за это 1 рубль 5 алтын 4 деньги. «Швецамъ за шитье» выдали 10 алтын 4 деньги; «шерстобоям» — 14 алтын. Таким образом, монахам приходилось постоянно нанимать мастеров-ремесленников, так как своих умельцев в братской общине не было.

Обязательно осенью и в течение зимы Задне-Никифоровская пустынь покупала у коткозерских крестьян недостающее сено для своей скотины (в 1721 году 46 заколей). На пропитание монастырской братии в октябре взяли бочку рыбы за 30 алтын, а в ноябре — 20 четвериков репы за 22 алтына. Соль «на монастырский обиход» привозили из Поморья. «Итого всего вышепомянутого въ расходе во весь годъ денегъ семдесятъ рублевъ десять алтынъ четыре денги. А ныне за расходомъ налицо у меня строителя монаха Александра, казначея монаха Матфея, келаря монаха Илии зъ братиею денегъ осмь рублевъ осмь алтынъ две денги», — писал отец Александр в конце года, подсчитывая расходы обитатели. Кстати, в Олонецкое духовное правление рапорт по просьбе важеозерских братьев сочинял ильинский дьячок Василий Иванов.

В 1722 году вышел строгий указ Святейшего Синода, запрещающий строить новые церкви без его специального разрешения: «понеже всякому здраворассудному известно, какое то небрежение славе Божьей въ лишнихъ церквахъ и множестве поповъ». В ответ на это требование важеозерский строитель монах Александр «с братией» сообщали епархиальному начальству о том, что после смерти последнего патриарха Адриана в 1700 году новые храмы в их пустыни не возводились, так как в них нет нужды. Богослужения в Успенской и Преображенской церквах с недавнего времени стал регулярно проводить новопоставленный иеромонах Аарон. Про себя чернецы писали: «А къ пропитанию удовлетворяемъ (довольствуемъ. — Ю. К.) мы, строитель зъ братиею, своими трудами и мирскихъ людей подаяниемъ, а божественная служба совершается у насъ повседневная, а именно въ церкви Успения Пресвятой Богородицы въ летнее время, а въ церкви Преображения Господня въ зимнее время»³⁵. Монахи дали обещание впредь не строить дополнительных храмов без дозволения духовного и светского начальства.

³⁵ Там же. Д. 11/12. Л. 309–309 об.

При строителе монахе Александре в Задне-Никифоровской пустыни проходило официальное освидетельствование останков преподобных Геннадия и Никифора, предпринятое по указанию Петра I. В первой четверти XVIII века местночтимые святые покоились «под спудом», а места их погребений отмечали две простые деревянные гробницы, укрытые покровами (см. подробнее далее).

В июле 1723 года тринадцать важеозерских монахов были переведены в Успенскую Сяндемскую пустынь, которую таким образом епархиальные власти «пополнили братией»³⁶. В этой мужской обители, как докладывал годом ранее в Новгородскую духовную консисторию местный дьячок Дмитрий Герасимов, «ныне обретается толико четырнадцать братовъ»³⁷. Помимо насельников Задне-Никифоровской пустыни, в нее вывели четырех монахов из другого «малобратного» монастыря Олонецкого уезда — Николаевской Андрусовой пустыни³⁸. Как утверждал тот же дьячок, «въ оной Сяндемской пустыни церковное и прочее строение невдавне возобновлено и братии означенныхъ пустынь пребывание въ оной иметь можно безъ нужды <...> пропитание иметь от пашенных земель, рыбных ловель своими трудами»³⁹.

Подобные объединения запустевших и захиревших обителей «для всегдашняго церковнаго пения и благообразнаго монашеского жительства» предписывались «Прибавлением к Духовному регламенту»⁴⁰. Новгородский архиепископ Феодосий (Яновский)⁴¹ неоднократно обращался к членам Синода с предложениями «о приписке в его епархии малолюдных обителей к знатным монастырям с переводом в сии последние и самого братства приписанных монастырей»⁴². В духе петровского времени он пояснял, что «находятся многие монастыри малобратные и монашескому житию неудобные, отъ чего въ нихъ святыя церкви стоятъ долгое время безъ пения, также и монашеское житие не по правиламъ

³⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 6. Д. 90. Л. 252–253.

³⁷ Там же. Л. 252 об.

³⁸ Там же. Л. 252–253; Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда. Петрозаводск, 1901. С. 4; Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь... С. 143.

³⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 6. Д. 90. Л. 252–253.

⁴⁰ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 6, № 4022.

⁴¹ Феодосий (Яновский), архиепископ Новгородский и Великолукский в 1721–1725 годы, первый вице-президент Святейшего Синода.

⁴² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1879. Т. 2, ч. 1. Стб. 1114–1115.

святыхъ отцевъ, но самовольное и растленное, а и къ которымъ знатнымъ монастырямъ не приписаны и живутъ по своей воле»⁴³. Для постоянной церковной службы, по его мнению, в приписные обители могли направляться «белые попы», получавшие бы для пропитания часть монастырской земли, сенных покосов и рыбных ловель.

Синодальный указ от 8 июля 1723 года гласил: «присовокупить къ той, Сяндемской пустыне, другие при ней въ близости обретающияся пустыни, а именно: Андрусову и Заднею Никифоровскую, изъ которыхъ и братство, по содержанию Духовного Регламента, въ тое, Сяндемскую пустыню перевести и земли ихъ съ угодьями и все, что есть ко оной приобщить»⁴⁴. Решающее значение в деле о приписке двух мужских обителей имело ходатайство царицы Параскевы Федоровны, к помощи которой обратились сяндемские монахи: они подали ей челобитную во время ее остановки в Александро-Свирском монастыре по дороге на Марциальные воды.

Как следует из ведомости о насельниках Сяндемской пустыни за 1726 год, в ее братской общине, возглавляемой в тот год 65-летним строителем иеромонахом Герасимом (Аверкиевым), подвизались девять рядовых монахов — постриженников Задне-Никифоровской пустыни⁴⁵. Документ подтверждает, что они появились в Сяндемской пустыни за три года до его составления. Перечислю их имена: бывший строитель 45-летний Александр (мирское имя Архип), от времени его пострига, как указано в ведомости, прошла уже четверть века; 75-летний Иона (Иоанн), который постригался в 1694 году; его сверстник монах Иосиф (Иоанн), принимавший монашеские обеты в 1717 году; бывший казначей Матфей (Михаил), 79 лет, облачившийся в монашескую рясу в 1714 году; того же преклонного возраста монах Игнатий (Иоанн), который стал монахом в 1717 году; самый старейший из важеозерских постриженников отец — 95-летний Лаврентий (Лука), его постригли 32 года назад, т. е. в 1694 году; бывший келарь 75-летний Илия (Иаков), постригавшийся в 1713 году; Тихон (Трофим), которому исполнилось 50 лет, «от пострига 6 лет»; 65-летний Исаия (Иаков), чей постриг

⁴³ Там же.

⁴⁴ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8. С. 105–106.

⁴⁵ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 110. Л. 66 об. Возможно, остальные важеозерские монахи умерли к тому времени или сбежали, не захотев подчиниться решению властей об их переводе в другую обитель.

состоялся в 1721 году. Все перечисленные монахи происходили из крестьянства Олонецкого уезда. Никто из них не нарушал «запретительных» указов петровского времени: постриги проходили до их принятия, с 1694 по 1721 год. В Задне-Никифоровской пустыни из братии оставался один монах, который присматривал за сохранностью ее построек, прежде всего церквей. Скорее всего, новгородский архиепископ Феодосий отказался от возможного варианта «*о употреблении оставшихся въ оныхъ къ той Сяндемской приобщенныхъ двухъ пустыняхъ церквей въ приходские и о определении къ нимъ мирскихъ священниковъ*»⁴⁶.

По существовавшим правилам, имущество приписываемых обителей, включая церкви и земельные угодья, должно было тщательно описываться в присутствии их насельников, а иногда и приглашенных понятых (крестьян ближайших деревень и священников соседних приходских церквей) доверенными лицами от монастыря-патрона и затем передавалось под присмотр его настоятеля. Переписная книга, составленная в 1723 году при переходе Задне-Никифоровской пустыни в подчинение строителя Сяндемской пустыни, не сохранилась или до сих пор не обнаружена в архивах.

Указ Екатерины I от 14 марта 1727 года даровал приписным «маловотчинным и безвотчинным монастырям и пустынькам» потерянную самостоятельность с обязательным строгим условием вернуть им все прежде взятые вещи и отпустить выведенных из них монахов обратно в родные обители. Братскую общину Задне-Никифоровской пустыни, как и прежде, возглавил монах Александр. В мае 1730 года он обращается к новгородскому владыке по радостному поводу — он просит благословения на освящение новопостроенной в их обители теплой церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и выдачи для нее освященного антимиаса⁴⁷. По всей видимости, новый храм был возведен на месте разобранной (или сгоревшей?)⁴⁸ Успенской церкви. Почему при этом сменилось посвящение престола, неизвестно⁴⁹.

⁴⁶ Полное собрание постановлений... С. 106.

⁴⁷ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 774. Л. 33.

⁴⁸ При отсутствии письменных источников ответ на этот вопрос можно получить с помощью профессионального археологического исследования на месте церкви.

⁴⁹ «Трапезная» церковь Успения Божией Матери издавна стояла в Сяндемской пустыни; в ней пребывал «образъ Успения Пресвятой Богородицы писанъ красками, на томъ образе три венца серебряныхъ гладкихъ золоченыхъ, у Богородицы ожерелье жемчужное, въ привесе три креста серебряныхъ, въ томъ числе одинъ женской». См.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 77. Смена посвящения престола произошла после того, как Задне-Никифоровская пустынь, приписанная к сяндемской обители, получила самостоятельность.

Монастырская жизнь иногда омрачалась неприятными событиями. В середине 1730-х годов важеозерский иеромонах Иоаким оказался замешан в судебном деле, разбиравшемся в Олонецком духовном правлении, о беглом «безуказном» монахе Данииле (родом из деревни Педасельга Ладвинской волости), который обвинялся в незаконном постриге и многолетнем укрывательстве от подушной подати. Следственная комиссия во главе с поповским старостой Адрианом Петровым, священником церкви во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в Коблуковской слободе близ Олонца, дотошно опрашивала всех участников дела. В своих показаниях монах Даниил говорил, что постриглся в 1728 году при двух свидетелях, иеромонахе Иоакиме из Задне-Никифоровской пустыни и священнике Успенской церкви в Ладве Димитрии Михайлове в Ильинской Машезерской пустыни, где и остался жить на какое-то время с согласия ее строителя монаха Герасима⁵⁰. Отец Иоаким на допросах отрицал всякое знакомство с монахом Даниилом и утверждал, что никогда не бывал в Машезерской пустыни⁵¹. Кто из них лжесвидетельствовал и чем завершилось дело, неизвестно из-за отсутствия других документов. Скорее всего, пойманного Даниила расстригли и вернули в родную Педасельгу, где проживали его родственники. Иеромонах Иоаким по-прежнему подвизался в Задне-Никифоровской пустыни: он упоминается среди ее насельников в 1741 году вместе с келарем монахом Александром, монахом Матфеем, работниками Василием Даниловым и Иаковом Емельяновым⁵².

Как следует из «тетради для записи наказаний», которая в 1720–1757 годах велась в Александро-Свирском монастыре⁵³, служба Тимофей Савельев, проживавший в Задне-Никифоровской пустыни, в начале 1720 года был высечен плетью за «ругательство и бесчестие» в присутствии всей братии и строителя монаха Александра⁵⁴. В октябре 1725 года, по сообщению иеромонаха Герасима — строителя Сяндемской пустыни, к которой тогда была еще приписана важеозерская обитель, — было «учинено наказание» вотчинному крестьянину Софрону Алексееву из Лоянской волости за воровство в Задне-Никифоровской пустыни: 4 июня 1725 года он «въ чуланахъ покралъ работнические деньги и платье и обувь»⁵⁵.

⁵⁰ См.: Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск, 2014. С. 106–108.

⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 18. Д. 9. Л. 173.

⁵² Там же. Картон 20. Д. 3. Л. 40, 51 об.

⁵³ В документе зафиксированы проступки насельников местных обителей и последовавшие наказания (чаще всего били плетью).

⁵⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 10. Д. 68. Л. 1 об.

⁵⁵ Там же. Л. 21.

Назову еще один документ, дошедший до нас от петровской эпохи — вкладная книга Задне-Никифоровской пустыни, которая подписана в 1721 году строителем монахом Александром⁵⁶. В наши дни она хранится в личном собрании Елпидифора Васильевича Барсова (ОПИ ГИМ), который, по всей видимости, приобрел старинную рукопись, когда работал над очерком по истории важеозерского монастыря.

В 1732 году про «малобратственные» обители Олонецкого уезда — Задне-Никифоровскую, Андрусову и Петропавловскую пустыни — в официальных документах Новгородской духовной консистории сообщалось: *«имеются строители монахи безграмотные, а братии малое число, церковнослужителей изъ постороннихъ местъ къ церковному служению наймутъ, а монастырские работы трудники вкладчики отправляютъ»*⁵⁷. Как видим, немногочисленные монахи всех трех обителей уже не имели возможности приглашать для богослужения приходских священников. В этих строках отчетливо отражается основная примета монастырской жизни того времени — ее катастрофическое оскудение при бесцеремонном вмешательстве государства.

Во время правления императрицы Анны Иоанновны в России стали проводиться следствия по делам о «неуказнопостриженных» монахах, в ходе которых вскрылись вынужденные многочисленные нарушения «запретительных» указов. По результатам проверки состава монашествующих выяснилось, что в 17 монастырях Олонецкого и Каргопольского уездов без ведома властей были пострижены 64 человека (12 женщин и 52 мужчины)⁵⁸. Как не согласиться с историком Борисом Васильевичем Титлиновым, писавшем о российских провинциальных обителях, разбросанных по глухим уголкам страны: *«Там регламентские правила существовали лишь на бумаге, а действительность текла своим путем»*⁵⁹. Для местных монастырей и пустыней «противозаконные» монашеские постриги стали чуть ли не единственным способом выживания.

⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 146. Л. 40–45 об.

⁵⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 22. Д. 286. Л. 13 об.

⁵⁸ В Кенской Пахомиевой пустыни — 9, Кодлозерской — 4, Хергозерской — 2, Яблонской — 2, Высокоезерской — 1, Троицкой Сунорецкой — 1, Задней Никифоровской — 1, Сяндемской — 1, Петропавловской Соломенской — 1; в Александровском монастыре — 9, Троицком Юрьегорском — 8, Рождественском Палеостровском — 7, Успенском Муромском — 5, Спасском Каргопольском — 1, женских Успенском Каргопольском — 10 и Вознесенском — 2 человека. См.: ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 358.

⁵⁹ Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны... С. 274.

Среди насельников Задне-Никифоровской пустыни при проверке обнаружился один человек, принявший монашеские обеты после выхода «запретительных» указов: монах Моисей *«природою Олонецкого уезда Святозерского погоста изъ крестьянства дворцовой вотчины деревни Важинова Наволока»* был пострижен по приказанию строителя монаха Александра важеозерским иеромонахом Иоакимом в один из дней Рождественского поста 1732 года. Уместно добавить, что из девяти «неуказнопостриженных» монахов, подвизавшихся в Александро-Свирском монастыре, отец Савватий, сын дьячка выставки Шокша Пречистенского Остреченского погоста-округа, был также пострижен иеромонахом Иоакимом, специально приехавшим из Задне-Никифоровской пустыни, 4 марта 1731 года в Высокоозерской пустыни⁶⁰.

За каждого «неуказнопостриженного» монаха с настоятеля монастыря, при котором происходил незаконный постриг, взимался штраф «на госпитали» в размере 10 рублей. Строитель монах Александр оплатил его и, таким образом, избежал более сурового наказания, о котором предупреждалось в указе: *«если кому такого штрафа заплатить будетъ нечемъ, таковыхъ лишивъ монашества и иеромонашества, сослать подъ началъ въ другие монастыри»*⁶¹. Обычно постриженного вопреки «запретительным» указам человека публично подвергали в Великом Новгороде, *«в консисторском собрании»*, специальной процедуре расстрижения: *«в знак того монашеского чина лишения, монашеское с них одеяние все обратъ, и на главах и брадах их власы остригиши, и обявав их надлежащими, о не ношении монашеского платья и о именовании себя монашествующими, сказками, разослать с письменными известиями на прежние жилища, кто откуда пришел в монашество»*⁶². Важеозерский монах-расстрига Моисей был выдворен из обители в родную деревню Важинов Наволок.

В 1739 году Святейший Синод собирал с мест статистические данные о количестве церквей и их престолов, а также священнослужителей, находившихся в монастырях. В Задне-Никифоровской пустыни богослужбная жизнь потихоньку продолжалась — здесь в двух однопрестольных храмах служил один иеромонах, без иеродиакона⁶³.

⁶⁰ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 29. Д. 358. Л. 15–16 об.

⁶¹ Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны... С. 285.

⁶² Полное собрание постановлений и распоряжений... СПб., 1905. Т. 9. С. 54–55.

⁶³ Описание документов и дел... СПб., 1913. Т. 19. Стб. 314.

В 1751 году в Петербурге важеозерские монахи приобрели печатную книгу «Триодъ постная», о чем говорила полистная надпись: «Сия книга глаголемая триодъ постная Задне-Никифоровской пустыни куплена въ СПетербурге въ 1751 году». После закрытия важеозерской обители в начале царствования Екатерины II она была вывезена в Александровский монастырь и долгое время хранилась в его ризнице. В монастырской описи есть ее краткое описание: «Въ листъ въ доскахъ обложенныхъ кожею, застежки оторваны, корешокъ переплета обложенъ белою кожею, переплетъ слабый, съ 337 по 344 листы отъ переплета оторваны, печатанъ въ Москве 1748 году»⁶⁴.

Осталось несколько свидетельств о хозяйственной жизни важеозерского монастыря в последнее перед его закрытием время. В 1759 году земельные владения Задне-Никифоровской пустыни по просьбе братии были вновь обмежеваны «бесспорно» по жалованным царским грамотам 7065 и 7096 годов⁶⁵. Насельники обители сами не пользовались далекой рыбной тоней на Свири, когда-то пожалованной им царем Иоанном Васильевичем, а сдавали ее в аренду желающим. Так, в 1762 году важеозерский игумен Тарасий с братией дали «мытное письмо» важенскому священнику Лазарю Иванову на право «рыбной ловли на Свири реке въ пороге Сиговцы съ верхними и нижними заколами того жъ Олонецкого уезду Воскресенского Важенского погосту» на один год⁶⁶.

Руководствуясь здравым смыслом и рациональной философией своего века, Петр Первый стремился по-своему улучшить состояние российского монашества, однако новые правовые нормы, прежде всего его «запретительные» указы, обернулись подлинной драмой для Задне-Никифоровской пустыни и других небольших обителей Олонецкого уезда. Массовые нарушения законодательства, выявленные в 1730-е годы, свидетельствовали о неприятии монастырской реформы в обителях края. Насильственное петровское реформирование «монашеского чина» и ужесточение контроля за соблюдением законов при Анне Иоанновне ставили их буквально на грань вымирания и не изменили к лучшему внутреннюю жизнь черноризцев.

⁶⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/331. Л. 211.

⁶⁵ Там же. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 33.

⁶⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 26. Д. 9. Л. 12; Там же. Картон 27. Д. 2. Л. 210.

Освидетельствование гробниц основателей пустыни

В первой четверти XVIII века в монастырях Олонецкого уезда все местночтимые подвижники в чине преподобных иноков покоились «под спудом», а места их погребений отмечали простые деревянные гробницы-кенотафы⁶⁷. «Открыто почивали» мощи только общероссийского святого, преподобного Александра Свирского: их обрели в 1641 году в созданном им монастыре при строительстве Преображенской церкви и положили для поклонения верующих в драгоценную серебряную раку, выполненную по указанию царя Михаила Федоровича искусными мастерами Оружейной палаты⁶⁸.

В краеведческой литературе второй половины XIX века можно встретить скурые указания на предпринятое по указанию Петра I освидетельствование мощей некоторых местночтимых святых⁶⁹. Вопросы о причинах беспрецедентного для Олонецкого края осмотра гробниц подвижников, обстоятельствах его проведения, сама процедура освидетельствования отечественными исследователями не изучались. Сохранившиеся в фонде Новгородской духовной консистории документы — синодальные указы, отправленные на имя епархиального архиерея, распоряжения Новгородского архиерейского разряда и рапорт «заказчика», настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Кирилла, о результатах его поездки по монашеским обителям — подтверждают факт освидетельствования гробниц местночтимых святых и предоставляют уникальные сведения о тех событиях первой четверти XVIII века.

Несколько предварительных замечаний о «нетленных мощах». Как утверждает Евгений Евсигнеевич Голубинский со ссылкой на жития святителя Антония Новгородского и других древнерусских святых, в XV—XVII веках вслед за греческой традицией слово «мощи» означало кости, а под «нетленными мощами» подразумевались целые (нераспавшиеся)

⁶⁷ Они сооружались в подражание ракам с обретенными мощами святых.

⁶⁸ Сказание о обретении мощей Преподобного Отца нашего Александра Игумена Свирского Чудотворца // Житие и чудеса преподобного Александра Свирского. СПб.: Царское дело, 1999. С. 131–142.

⁶⁹ *Ивановский Я. И.* Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб., 1874. С. 54; Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. П. Майкова. СПб., 1886. С. 17.

скелеты⁷⁰. При этом для канонизации усопшего подвижника не требовалось обретать его «честные останки»: главным признаком святости всегда был дар чудотворения. В редких случаях мощи представляли собой «целые тела», не подверженные тлению, что считалось только дополнительным доказательством особой близости умершего человека к Богу.

Когда нетленность («целость») тела святого после его кончины наряду с благоуханием стала восприниматься верующими как непереносимое доказательство подлинно благочестивой жизни? Вопрос остается дискуссионным в отечественной историографии. Георгий Петрович Федотов полагает, что «неправильное представление» о мощах укрепилось в народном сознании в синодальный период⁷¹. Александр Сергеевич Лавров говорит о смешении «рационалистических идей» проводившихся Петром I церковных реформ и сложившегося «народного взгляда на нетленность»⁷². По мнению Павла Геннадиевича Рогозного, уже во второй половине XVI века нетление рассматривалось как основной показатель святости⁷³.

Корни православной традиции благоговейного отношения к «честным останкам» подвижников уходят в историю ранней Церкви и связаны с почитанием останков первомучеников, которое получает юридическое оформление во втором правиле Карфагенского собора 345–348 годов. Как особые святыни мощи требовались для освящения новых храмов: после 7-го Вселенского собора (787 год) их обязательно закладывали в основание престола, устанавливаемого в середине алтаря. Византийские духовные и светские власти стремились регламентировать сложившиеся обычаи поклонения реликвиям, частицы которых могли быть церковной собственностью или находиться в частном владении. В начале V века принимаются первые законы по борьбе с фальсификацией мощей⁷⁴. Святитель Августин Блаженный говорил о необходимости доказательства их подлинности и свидетельства о подвигах мученика⁷⁵.

Византийское гражданское право запрещало самочинное «гробокопательство» с целью получения мощей и предусматривало суровые наказания вплоть до смертной казни виновника. Церковь, в свою очередь,

⁷⁰ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 28–34, 298.

⁷¹ Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М., 2000. Т. 8. С. 15.

⁷² Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1742 гг. М., 2000. С. 209.

⁷³ Рогозный П. Г. Большевики и святые мощи // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 993.

⁷⁴ Например, 91-е правило Карфагенского собора 401 года.

⁷⁵ Герд Л. А. Реликвии в византийском и поствизантийском каноническом праве // Античная древность и средние века. 2011. Т. 40. С. 60–78.

жестко наказывала за разорение погребений святых многолетним отлучением от участия в таинствах. Для разрешения противоречия между законодательством и сложившейся практикой были внесены поправки в законы «о разорении могил». Благодаря им уже существовавшие реликвии могли разделяться, а могилы святых раскапываться для обретения новых святынь, но только с разрешения иерархов и светских властителей⁷⁶.

Русская Православная Церковь с середины XVII века также стремится упорядочить сложившиеся на местах практики почитания реликвий. Вопрос о «нетленных телесах» рассматривался на Московском соборе 1667 года, одно из постановлений которого призывало различать истинные и ложные (т. е. никем не освидетельствованные) святыни: «*нетленныхъ телес обретающихся в нынешнемъ времени да не дерзаете кроме достовернаго свидетельства и соборнаго повеления во святых почитати*»⁷⁷. Считалось, что подлинные останки святого источают чудеса и благоухают. Верным же признаком покойника, отлученного при жизни от Церкви, было его неразложившееся тело безобразного вида и с дурным запахом. С XVI века существовали подробные инструкции для различения останков праведника и находившегося под анафемой грешника, которого «не принимала земля»⁷⁸. Только в конце XVIII века преподобный Никодим Святогорец осторожно заметит, что физическое состояние тела умершего может зависеть от характеристик почвы и других природных факторов⁷⁹.

В первой четверти XVIII века важной частью петровской церковной реформы стало ужесточение борьбы с объяснимым стремлением приходского духовенства и монастырского начальства иметь «честные останки» местных святых, которые привлекали бы паломников и богомольцев: «*священники или монахи спешили объявлять их за святые мощи, чтобы от пения над ними панихид или молебнов получать доход*»⁸⁰.

В 1716 году по решению Петра I в текст обещания (присяги), произносившегося епископами при хиротонии, вносятся существенные дополнения с целью религиозного дисциплинирования духовенства и мирян⁸¹. Одним из новых его пунктов правящие архиереи обязывались

⁷⁶ Там же. С. 66–69.

⁷⁷ Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 8 об.

⁷⁸ Герд Л. А. Реликвии в византийском и поствизантийском каноническом праве... С. 70.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви... С. 439.

⁸¹ Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 201–204.

следить за поведением верующих, «дабы неведомых и от Церкви несвидетельствованных гробов за святыню не почитали»⁸², и наказывать их за поклонение мощам непрославленных подвижников. Копии обновленного архиерейского обещания рассылались во все епархии с разъяснением, что его должны принести и «преждепоставленные» епископы, чья хиротония состоялась ранее 1716 года.

В «Духовном Регламенте» (1720 год) от епископов требуется «о мощах святых, где какия явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано»⁸³. Они должны были искоренять все суеверия, связанные с почитанием местных подвижников, подлинность мощей которых не была официально подтверждена духовными властями или тела которых не были обретенны, а «почивали под спудом»⁸⁴.

Принятые при Петре I законы о «несвидетельствованных гробах» нарушали сложившиеся в многочисленных российских монастырях благочестивые традиции почитания местных святынь и не позволяли архиереям прославлять новых подвижников. Так, в 1721 году в Олонецком уезде синодальным указом было запрещено поклоняться могиле некоего монаха Маркелла, подвизавшегося и погребенного в Александро-Свирском монастыре предположительно во второй половине XVII века⁸⁵.

Настоятелем Александро-Свирского монастыря в то время был недавно назначенный архимандрит Кирилл, выбранный в конце 1719 года из числа насельников «образцового» Александро-Невского монастыря в Петербурге, создававшегося под особым надзором царя-реформатора⁸⁶. Прежний архимандрит Александр (Пахомов), обвинявшийся в серьезных государственных преступлениях⁸⁷, был расстрижен 8 января 1720 года, подвергнут страшным пыткам и колесован по личному указанию Петра I⁸⁸.

---

⁸² ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 5, № 2985.

⁸³ Там же. Т. 6, № 3718.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Описание документов и дел... СПб., 1868. Т. 1. Стб. 450–452.

⁸⁶ Ранее архимандрит Кирилл несколько лет успешно управлял в Московской епархии Давидовой Вознесенской пустыней. См.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 235.

⁸⁷ Его судили за нарушение богослужебного порядка в царские праздники и присвоение денег, пожалованных лично Петром I монастырской братии. См.: Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII века. СПб., 1861. Т. 1. С. 146.

⁸⁸ Акты о назначении архимандрита в Александров Свирский монастырь. 1719 года (сообщ. А. Воронов) // Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 54.

Архимандрит Кирилл, помня о трагической судьбе предшественника, предусмотрительно оповестил епархиального архиерея о народном обычае почитания монаха Маркелла. В своем донесении от 14 июля 1721 года он сообщает новгородскому архиепископу Феодосию (Яновскому) о том, что у них *«въ роуце подъ березою»* стоит малая деревянная часовня, в которой будто бы *«въ давнихъ летехъ»* погребено тело монаха Маркелла, которого окрестные крестьяне считали святым⁸⁹. Неизвестный автор сочинил в честь него тропарь, кондак и сказание с описанием чудес, творимых подвижником. Приходившие в монастырь богомольцы обязательно посещали часовню и поклонялись образу Маркелла, призывая его в молитвах *«какъ прославленнаго святаго»*. Они брали *«изъ подъ березы, съ того места, которое считаютъ местомъ его погребения, песокъ по домамъ своимъ»*⁹⁰.

В ответ на свой рапорт архимандрит Кирилл получает из Синода указание освидетельствовать тело умершего монаха Маркелла. Официальная процедура проводилась в присутствии специально прибывшего из Александро-Невского монастыря иеромонаха Иоасафа (Маевского), протопопа Троицкого собора в Олонце Петра Гаврилова, местного духовенства и всей братии: *«Взявъ въ церковь стоявшій въ часовне образъ Маркелла и разобравъ часовню, они выкопали земли на две сажени въ длину и ширину и на сажень въ глубину; но ни тела монаха Маркелла, ни другихъ погребенныхъ и оставшихся невредимыми телъ “не явилось”; отрыты были только лежавшие по разнымъ местамъ три человеческихъ черепа и кости, но “самыхъ сухихъ” и, очевидно, “погребенныхъ издавна”, а “тела отъ техъ костей истлели все безъ остатка”»*⁹¹.

Найденные при раскопках разрозненные костные останки участники освидетельствования не рассматривали как возможные мощи усопшего праведника. В первой четверти XVIII века, как уже отмечалось выше, обязательным признаком святости умершего человека была именно «невредимость» его тела («как будто заснул»).

Синодальное постановление, подписанное 6 апреля 1722 года, определило *«за святаго того Маркелла отнюдь не почитать»*⁹². Его образ, рукописные тексты молитв и сказание о нем были увезены в Петербург. Остатки разобранной часовни сровняли с землей. Народная традиция

⁸⁹ Описание документов и дел... Стб. 450.

⁹⁰ Там же. Стб. 450–451.

⁹¹ Там же. Стб. 451.

⁹² Там же. Стб. 452.

почитания монаха Маркелла как местного подвижника была пресечена и со временем забыта: «в памяти монастыря не сохранилось никаких преданий»⁹³. Обнаруженные в начале XX века в монастырском архиве сведения об этом воспринимались как исторический курьез из далекого прошлого прославленной обители.

Составитель очерка об Александро-Свирском монастыре Я. И. Ивановский в 1874 году лаконично сообщает о том, что архимандриту Кириллу пришлось проводить освидетельствование гробниц некоторых местночтимых святых Олонецкого уезда. При этом, к сожалению, историк ошибся в датировке важного события (не в 1721, а в 1722 году) и его результатах, а также не смог объяснить, «какова цель была у этого освидетельствования»⁹⁴.

Скорее всего, решение о масштабной проверке мест погребения святых принималось после показательной истории с архимандритом Варлаамом (Высоцким), настоятелем богатого Переяславского Даниловского монастыря. В феврале 1722 года его обвинили в том, что он содействовал почитанию официально не канонизированных Церковью местных подвижников и установил для поклонения верующими в храме выкопанные им «подложные мощи» преподобного Даниила Переяславского. На допросах в Синоде архимандрит сознался в том, что «вынялъ изъ подъ земли человеческия весьма распавшиися кости подъ именемъ ево Даниловыхъ мощей», поместил их в раку и «вместо груди и рукъ и ногъ положилъ доволно бумаги хлопчатой и башмаки ветхие приложилъ»⁹⁵. Кроме этого, без архиерейского благословения он приказал вскрыть в женском Феодоровском монастыре погребение его строителя Сергия и перенес найденные кости в церковь.

Покаявшийся архимандрит Варлаам избежал сурового наказания только благодаря заступничеству своих духовных детей из ближайшего петровского окружения, Екатерины I и Александра Даниловича Меншикова. Царской волей он был оправдан⁹⁶. Его красноречивая и пространная исповедь с подробным описанием всех «дерзостей» была размножена и разослана в назидание архиереям по всем российским епархиям.

⁹³ Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб., 1901. С. 92.

⁹⁴ Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб., 1874. С. 54–55.

⁹⁵ Титов А. Архимандрит Варлаам Высоцкий (Из архивных дел XVIII века) // Русский архив. 1901. № 3. С. 358.

⁹⁶ Там же.

После описанных событий Синод 15 марта 1722 года обязал правящих епископов провести освидетельствование всех «подозрительных» гробниц, установленных в городских и монастырских церквях *«надъ не обретенными почитаемых отъ церкви святыхъ телесами»*⁹⁷. Как показали материалы следственного дела архимандрита Варлаама, в таких гробницах иногда *«вместо телесъ»* находились *«резные и издолбленные колоды, которые покрыты покровами»*, и простолюдины к ним *«приступаютъ съ великимъ страхомъ и целуютъ положенные на техъ колодахъ покровы»*⁹⁸. В синодальном указе специально подчеркивалось, что поставленные над почивавшими в земле мощами местных святых гробницы должны быть *«праздны»* (т. е. пусты) *«ради токмо воспоминания»* этих подвижников. Упомянутые *«резные и издолбленные колоды»* следовало немедленно изымать и высылать в Петербург, а *«оние гробницы и раки покрыть досками, на которыхъ бы были иконы техъ святыхъ»*.

Итак, архимандрит Кирилл, будучи «заказчиком» Олонецкого уезда, наблюдавшим за поведением местного духовенства, должен был проверить содержимое гробниц, поставленных над могилами местночтимых святых в основанных ими монастырях. Первыми для посещения он выбрал ближайшие Задне-Никифоровскую, Андрусову и Сяндемскую пустыни⁹⁹. Результаты поездки подробно изложены архимандритом в рапорте от 5 октября 1722 года, написанном на имя архиепископа Феодосия (Яновского)¹⁰⁰. Согласно этому уникальному документу, сохранившемуся в фонде Новгородской духовной консистории, настоятель не ограничился полным осмотром местных гробниц (в них не были найдены резные колоды). Он решил действовать так же, как и в случае со вскрытием предполагаемого захоронения монаха Маркелла: велел копать большие ямы глубиной в одну сажень (2,13 м), а шириной и длиной по две сажени.

В Задне-Никифоровской пустыни, расположенной на южном берегу озера Важе, над могилами основателей Геннадия и Никифора стояла небольшая часовня, внутри которой находились две деревянные гробницы, покрытые *«пеленами тафтянными съ крестами»*. Сверху на них лежали *«двои вериги железные съ крестами, въ которыхъ весу есть двенадцать фунтовъ»*¹⁰¹. В часовне же хранились житие игумена Никифора и служба в память схимонаха Геннадия вместе с его иконой *«на краскахъ»*.

⁹⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 72. Л. 9–9 об.

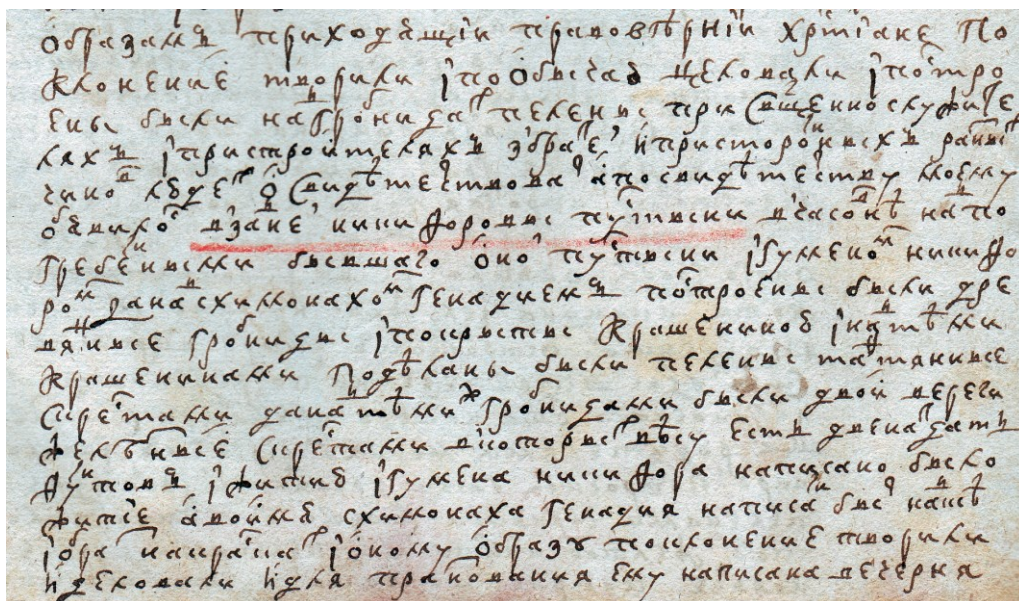
⁹⁸ Там же. Л. 9 об.

⁹⁹ Кроме указанных монастырей в Олонецком уезде, архимандрит Кирилл побывал с проверкой в Введенском Островском монастыре на реке Ояти в Новгородском уезде.

¹⁰⁰ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7–8.

¹⁰¹ Там же. Л. 7.

Архимандрит Кирилл сообщал в рапорте: «По свидетельству моему объявилось въ Задней Никифоровой пустыни въ часовне надъ погребенными бывшаго оной пустыни игуменомъ Никифоромъ да надъ схимонахомъ Генадиемъ построены были деревянные гробницы и покрыты крашениною и надъ теми крашенинами поделаны были пелены тафтянные съ крестами да надъ теми жъ гробницами были двои верегу железные съ крестами въ которыхъ весу есть двенадцать фунтовъ и житие игумена Никифора написано было житие, а во имя схимонаха Генадия написанъ былъ на доске и образъ на краскахъ и оному образу поклонение творили и целовали и для празнования ему написана вечерня и утреня и протчая служба и подъ теми гробницами и по стороне техъ гробницъ для сыску оныхъ погребенныхъ телъ выкопали земли въ длину на две сажени, въ поперечникъ на две жъ сажени, въ глубину на три аршина кубическихъ въ техъ местехъ оныхъ погребенныхъ такъ же и другихъ никакихъ целыхъ телъ не объявилось. А объявилось шесть главъ человеческихъ самыхъ сухихъ и прочие сухие человеческие кости безъ телъ»¹⁰². Из текста рапорта архимандрита Кирилла остается неясным, разбиралась ли предварительно часовня или же яма копалась внутри нее.

Фрагмент рапорта архимандрита Кирилла. 5 октября 1722 г.
Опубл.: Сяндема: путь сквозь века. Очерк истории Сяндемского монастыря
Петрозаводской и Карельской епархии. СПб.: Аврора, 2020

¹⁰² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 72. Л. 7–7 об.

Напомню, что ученики похоронили старца Геннадия по средневековому монастырскому обычаю на месте прижизненных молитвенных подвигов, в «пещере», завернув в старую монашескую мантию¹⁰³. Игумена Никифора погребли по духовному завещанию рядом с ним. Деревянная часовня, «построенная издревле» на небольшом холме недалеко от монастырских храмов Преображения Господня и Успения Богородицы, упоминается в имущественной описи 1711 года, составленной строителем монахом Зосимой¹⁰⁴. Скорее всего, ее возвели (возможно, восстановили) после страшного разорения Задне-Никифоровской пустыни в первой четверти XVII века, когда обе церкви были сожжены «литовцами», а оставшиеся в живых монахи долгие годы «скитались между дворъ»¹⁰⁵. Точные данные о месторасположении могил основателей за прошедшие века могли быть утрачены, и часовню поставили на старом братском кладбище, которое когда-то возникло рядом с погребениями родоначальников. Ее строительство свидетельствовало о начале местного церковного празднования памяти подвижников. Как следует из рапорта архимандрита Кирилла, особой реликвией Задне-Никифоровской пустыни в первой четверти XVIII столетия были тяжелые вериги (железные цепи) преподобных Геннадия и Никифора, которые после их смерти сохранялись в обители для поклонения братией и приходившими паломниками.

При освидетельствовании гробниц в монастырях составлялись подписанные «сторонними людьми» акты, согласно которым в раскопанных могилах вещи из органических материалов не были обнаружены. Одежания погребенных монахов уже истлели к тому времени. Иноческие средневековые параманы, представлявшие собой кожаные плетеные ремешки с изображением креста, в документах не упомянуты (возможно, участники освидетельствования не обратили внимания на их уцелевшие фрагменты). Находившийся в часовне образ преподобного Геннадия настоятель забрал с собой в Александро-Свирский монастырь. Архиепископ Феодосий, однако, требовал присылать в Петербург только «резные колоды» в случае

¹⁰³ Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 3. С. 153–169; Мусин А. Е. Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997. С. 85–90.

¹⁰⁴ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 649. Л. 7.

¹⁰⁵ Барсов Е. В. Исторический очерк о Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 76.

их обнаружения внутри гробниц. Вывезенные иконы олонецких подвижников, скорее всего, вернулись на свои прежние места. Они упоминаются в имущественных описях, составленных при упразднении монастырей Олонецкого уезда при Екатерине II¹⁰⁶.

Епархиальное начальство, ознакомившись с рапортом, осталось недовольно своевольными действиями настоятеля Александро-Свирского монастыря, вышедшего за рамки поставленной перед ним задачи. Как говорилось в указе от 18 октября 1722 года из архиерейского разряда, *«о свидетельстве умершихъ и положенныхъ телесъ въ часовняхъ и въ другихъ местехъ и о досмотре ихъ <...> чинить ему дерзновенно не надлежало, а что тако чинилъ, о томъ возответствовать»*¹⁰⁷. Как был наказан архимандрит Кирилл, документ не сообщает. После освидетельствования гробниц он возглавлял братскую общину Александро-Свирского монастыря еще в течение десяти лет и умер в декабре 1732 года¹⁰⁸.

Каким образом беспрецедентные действия архимандрита Кирилла по вскрытию погребений подвижников были восприняты местной монашеской общиной и окрестным населением, неизвестно из-за отсутствия сведений в имеющихся источниках. Народные или монастырские предания об этом значительном событии в жизни мужских обителей не сохранились. Именитые авторы Е. В. Барсов, К. А. Докучаев, создавшие во второй половине XIX века исторические очерки, посвященные пустыни, о нем молчат.

Как видно из документов, архимандрит Кирилл не обнаружил в Задне-Никифоровской пустыни единичные погребения, которые в наши дни можно было бы интерпретировать как могилы святых. Сведения о расположении могил родоначальников обители, по-видимому, оказались утрачены. Во второй половине XVII века первые монашеские захоронения уже не имели внешних признаков после разорения обители во время русско-шведских войн. Из-за неверно выбранного места земляных работ мощи могли остаться нетронутыми, не попав в границы раскопанной территории, и до сих пор пребывают *in situ*. Добавлю, что остатки гробовины с фрагментированным костяком были найдены только в Андрусовой пустыни: именно здесь монахи знали точное место погребения преподобного Андрусовского благодаря надежному ориентиру — каменному храму, построенному при его жизни.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 1 об.

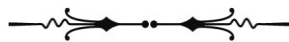
¹⁰⁷ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 9.

¹⁰⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 15. Д. 5. Л. 4.

Выдолбленные сосновые колоды, в которых хоронились подвижники, за долгие десятилетия пребывания в почве, вероятно, не сохранились или находились в «плачевном» состоянии. Архимандрит Кирилл проводил «непрофессиональные раскопки», поэтому при рытье глубоких ям остатки гробовин могли быть ненамеренно выброшены вместе со снятым слоем земли. Кроме того, по археологическим данным, в XVI веке сохранялась практика грунтовых погребений без гробов (тела покойников обертывались берестой)¹⁰⁹. Нельзя полностью исключать вероятность именно такого варианта захоронения основателей местных монастырей.

В понимании архимандрита Кирилла и его современников «сухие» черепа и кости «без тел», обнаруженные ими при вскрытии монашеских погребений в Задне-Никифоровской, не являлись обретенными мощами святых. Тем не менее результаты проведенного в 1722 году освидетельствования никак не повлияли на сложившуюся традицию почитания преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских.

Новые сведения о традициях почитания отцов-основателей важеозерской обители имеют важное значение для изучения агиографии Олонецкого края. Благодаря выявленным документам известно, что над могилами подвижников в первой четверти XVIII века «издавна» стояла мемориальная часовня, в интерьере которой пребывала икона преподобного Геннадия, существовали агиографические и молитвенные тексты в честь обоих важеозерских святых. Все это подтверждает факт установленного к тому времени местного празднования памяти создателей Задне-Никифоровской пустыни.

¹⁰⁹ Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 69.

Глава 5

«Просвещенный век» в истории монастыря

Упразднение монастырей при Екатерине II

Новый сложный этап в истории российских православных монастырей связан с секуляризационной реформой 1764 года: в начале правления Екатерины II их обширные земельные владения были переданы в собственность государства и подчинены Коллегии экономии. Бывшие монастырские крестьяне переходили в разряд экономических с обязательством платить *«вместо всех архиерейских и монастырских, пашенных и сенокосных работ, и всякого рода хлебных и других окладов»* денежный оброк, размеры которого постепенно увеличивались¹.

Наиболее знатные монастыри, разделенные на три класса и получившие казенное денежное жалованье для раздачи монахам и на содержание монастырских служителей, вошли в так называемые штаты. Остальные, *«маловотчинные»* и *«безвотчинные»*, обители полагалось *«на своем содержании оставить»* или *«по недостатку доходов упразднить и приходскими церквами учинить»*². *«За штатом»*, т. е. без государственного пособия, во всех епархиях Русской Православной Церкви оказался 161 монастырь³. В это число попадали только мужские (заштатные женские монастыри не предусматривались) *«самые лучшие приписные или не вошедшие в штат обители»*, которые *«могли бы иметь нескудное довольство от мирского подаяния»*⁴.

Накануне секуляризационной реформы на территории Олонецкой и Каргопольской викарной епархии, выделенной в том же 1764 году в составе Новгородской митрополии, по данным Василия Васильевича Зверинского,

---

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16, № 12060; Кавелин С. П. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. М., 1912; Дмитриев Ю. С. Специфика процесса секуляризации церковных земель на примере некоторых вотчин Троице-Сергиева монастыря в Переславском уезде // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 384.

² ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16, № 12121.

³ Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 278.

⁴ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16, № 12121.

находились 42 монастыря (39 мужских и 3 женских)⁵. К этому времени многие из них почти обезлюдели и пришли в упадок, о чем убедительно говорят сохранившиеся документы⁶. Только три наиболее крупных местных монастыря — Александро-Свирский, Александро-Ошевенский и Девичий Успенский в Каргополе — стали штатными и получили государственное жалованье. На собственном содержании в Олонецкой и Каргопольской епархии разрешалось оставить не более четырех заштатных мужских обителей с одним строителем и шестью братьями в каждой⁷. Епископ Иоанн (Никитин) определил «за штат» Рождества Богородицы Палеостровский, Успенский Муромский, Троицкий Климецкий и Спасо-Преображенский Каргопольский монастыри «безо всякого пособия от правительства». Все прочие «малобратственные» или совершенно опустевшие обители, включая Задне-Никифоровскую пустынь, упразднялись с последующим преобразованием в приходы.

Для «новоучиненных» приходов, находившихся, как правило, в пустынной местности и не изобиловавших прихожанами, найти белых священников и церковных служителей было сложно. Не каждый клирик соглашался на переезд в «медвежий угол» и нищенскую жизнь в бывших монашеских кельях. Епархиальные власти выбирали кандидатов «изъ праздноживущихъ священноцерковнослужительскихъ детей, а буде не отыщется, то изъ посвященныхъ диаконовъ или дячковъ и пономарей»⁸.

Епархиальное руководство волновал вопрос о монастырском имуществе, оставшемся после ухода последних монахов. «Поповские старосты» и настоятели «классных» обителей обязывались произвести его детальную опись. Также они получили строгие указания о «забрании из упраздненных монастырей и пустыней хлеба, вещей и прочих припасов»⁹. Недавно созданная Олонецкая духовная консистория неоднократно требовала как можно скорее присылать необходимые Коллегии экономии подробные имущественные описи закрытых обителей, впрочем, без особого успеха.

Сведения о собственности закрытых монастырей поступали в Коллегию экономии с большими задержками из всех великоросских епархий, в то время как высшие церковные и светские власти безотлагательно нуждались в исчерпывающих и достоверных данных. В январе 1768 года

⁵ Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890—1897.

⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457.

⁷ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16, № 12121.

⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 18. Д. 3/59. Л. 21.

⁹ Там же. Л. 15.

обер-прокурор Иван Иванович Мелиссино в очередной раз предлагает строго обязать правящих архиереев предоставить исчерпывающую информацию обо всех церквах с утварью в ризницах и жилых постройках закрываемых обителей с указанием «что куда продано и выслано»: «сколько в котором монастыре какого строения каменного и деревянного и оное строение к какому употреблению годно или негодно и зачем именно»; «о церковной утвари и ризнице, сколько оной в каждом монастыре порознь». В синодальном определении говорилось, что следовало делать с оставшимся после упразднения монастырей имуществом: «из всех упраздненных монастырей и пустынь оную церковную утварь и ризницу, оставя в оных ко употреблению, что надлежит для хранения, собрать в ризницы архиерейских домов и как оную утварь и ризницу, так и прочее тех монастырей имущество никуда до указу в расход не употреблять, а хранить где и как пристойнее во всякой целости»¹⁰.

Наиболее ценные вещи из церквей закрытых обителей края — богато украшенные и новые богослужебные книги, целые священнические облачения из парчи, атласа и тафты, серебряные и позолоченные церковные сосуды — вывозились в Троицкий Александро-Свирский монастырь, где с 1764 года размещалась резиденция викарных олонецких и каргопольских епископов. В Задне-Никифоровской пустыни для пополнения архиерейской ризницы были отобраны: деревянный благословящий крест, обложенный басменным серебром¹¹; печатное Евангелие 1762 года; оловянные сосуды со звездой из серебра; два медных кадила; пять священнических риз; епитрахиль из голубой парчи; поручи из голубого штофа (плотной шелковой ткани); покров и два воздуха; два покрывца¹². В книжном собрании Александро-Свирского монастыря, судя по его описанию середины XIX века, сохранялась ветхая постная Триодь, принадлежавшая когда-то важеозерской обители: «Въ листъ, въ доскахъ, обложенныхъ кожею, застежки оторваны, корешокъ переплета обложен белою кожею, переплетъ слабый, съ 337 по 344 листы отъ переплета оторвались, печатана въ Москве 1748 года»¹³. По листам шла надпись о том, что «сия книга глаголемая Триодь постная Задненикифоровской пустыни куплена въ СПетербурге 1751 года». Скорее всего, она попала в Александро-Свирский монастырь позднее, во второй половине XVIII века.

¹⁰ Цит. по: Никольский А. И. Заметки о прошлом упраздненных монастырей Новгородской епархии // Сборник Новгородского общества любителей древности. Великий Новгород, 1911. Вып. 5. С. 4–5.

¹¹ Басменное серебро — тонкие пластины драгоценного металла с тиснением.

¹² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1425. Л. 2 об. — 3.

¹³ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/331. Л. 211.

Немногочисленная братия, остававшаяся в закрываемых монастырях, переводилась в штатные и заштатные обители викарной Олонецкой и Каргопольской епархии. Как сообщается в «Истории Российской иерархии» (без указания источника сведений), из важеозерской обители «в 1764 при сочинении духовных штатов игумен Тарасий переведен в Муромский монастырь на степень строительскую, а самая пустынь обращена в приходскую церковь Коткозерского прихода»¹⁴. Эта скудная информация позднее приводилась во всех краеведческих работах, посвященных истории Задне-Никифоровской пустыни¹⁵. В справке, составленной архивариусами Олонецкого духовного правления в начале XIX века, уточняется численный состав братской общины упраздняемой обители: «А бывшей въ оной пустыни въ то самое время игуменъ Тарасий и двое монаховъ определены въ оставленный на свое содержание Муромский монастырь, игуменъ строителемъ, а монахи въ число братства... А святые церкви и въ нихъ всякую церковную утварь и всякое монастырское строение впредь до указа велено было поручить съ описью по близости къ той пустыни Олонецкого уезда Коткозерского прихода священноцерковнослужителям»¹⁶. Как следует из справки, две церкви упраздненной пустыни не были тогда приписаны к Коткозерскому приходу Олонецкого уезда, а только временно переданы под присмотр его причта.

Монастырь на Важеозере накануне закрытия

В РГИА хранится доклад для Святейшего Синода викарного Олонецкого и Каргопольского епископа Антония, который включает ведомости со сведениями об имуществе местных упраздненных обителей, подписанные настоятелями Александро-Свирского, Муромского и Спасо-Каргопольского монастырей¹⁷. Информация о Задне-Никифоровской пустыни содержится в документе, заверенном рукой свирского архимандрита Александра. Благодаря подробному описанию церквей, жилых и хозяйственных построек возможно представить, в каком же состоянии находилась предназначенная к закрытию мужская обитель.

¹⁴ Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии... Т. 4. С. 128.

¹⁵ Например, см.: Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 77; Петров К. М. Муромский монастырь на Онежском озере // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 116.

¹⁶ НА РК. Ф. 25. Оп 16 Д. 16/36. Л. 3–4 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457.

Итак, в середине XVIII века на песчаном холме над озером возвышались две деревянные церкви — во имя Преображения Господня и Благовещения Пресвятой Богородицы. Про сооруженный в конце XVII века летний *Преображенский храм*, крытый тесом и увенчанный одной главой в «чешуе», составители ведомости утверждали: «оная церковь состоит в твердости и впредь к священнослужению готова». Далее они сообщали о составе «гладкого» (т. е. без резьбы) трехрядного тяблового иконостаса и более скромном по сравнению с соборными храмами других обителей Олонецкого уезда церковном убранстве: «царские двери, сени и столпы писаны краски съ обыкновенными святыми, по правую сторону царскихъ вратъ образъ Преображения Господня писанъ краски, на немъ пять венчиковъ, малые серебрянные позолоченные, около того образа поля обложены серебромъ басменнымъ и вокругъ того образа праздники двенадцатые писаны красками; образъ Успения Пресвятой Богородицы писанъ краски. По левую сторону царскихъ вратъ образъ Пресвятой Богородицы Тихвинския писанъ красками, образъ преподобнаго Александра Свирскаго писанъ красками; двои пономарские двери, на однихъ писанъ образъ архидиакона Стефана, на другихъ ангела хранителя писанъ красками, образъ святаго великомученика Никиты съ тремя малыми серебрянными венчиками, около того образа поля обложены серебромъ басменнымъ, образъ преподобнаго Геннадия, на немъ два венчика серебрянныхъ малыхъ писанъ красками; предъ теми образами лампадъ медныхъ малыхъ две, жестяныхъ две, деревянныхъ две»¹⁸. Как видим, в Преображенской церкви в середине XVIII века, помимо жестяных лампад, все еще сохранялись деревянные (!) лампы, которые уже крайне редко встречались в интерьерах других монастырских храмов нашего края¹⁹. Возможно, они имели особое значение для насельников Задне-Никифоровской пустыни.

Отмечу местную особенность состава старинного тяблового иконостаса: рядом с пономарскими дверями помещались украшенные серебряными венчиками древняя икона преподобного Геннадия Важеозерского и образ великомученика Никиты Готского, почитавшегося в Задне-Никифоровской пустыни со времени ее основания. В Преображенском храме монахи

¹⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 1–5 об.

¹⁹ По ведомостям упоминается только водосвятный ковш из дерева в Троицкой церкви Рубежской пустыни. См.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 85.

и послушники молились перед иконой преподобного Александра Свирского, с чьим именем неразрывно связана начальная история мужской обители, и Тихвинской иконой Божией Матери, чудотворный подлинник которой пребывал в Богородичном Успенском монастыре в Тихвине.

«Въ тяблахъ образъ Спасителевъ сидяще на престоле, по сторонамъ зъ Богоматерью и Предтечей и со архангелы, апостолы на 14 доскахъ писаны красками. Во второмъ тябле праздники Господни пророки писаны на однехъ доскахъ красками. Предъ ними паникадило медное малое осми ручках. Хоругвь, на ней писанъ образъ Преображения Гоподня красками», — продолжали по порядку описывать внутри летнюю церковь составители ведомости. Напрестольные одежды были выполнены из простого грубоотканого полотна: *«Во святомъ алтаре престолъ оболченъ крашениной синею. Антиминсъ печатной новой²⁰. Крестъ благословящий деревянный, обложенъ серебромъ басменнымъ»²¹*. Недавно полученный антиминс бережно хранился в литоне²² из желтой тафты (шелковой ткани). Возможно, храм незадолго до объявления секуляризации духовных имений успели отремонтировать, поэтому он находился в неплохом состоянии. Упомянутый напрестольный крест позднее был забран в кафедральную ризницу для викарного епископа Олонецкого и Каргопольского вместе с печатным Евангелием (*«обложено трипомъ краснымъ на немъ еванелисты сребряные чеканные»*).

Вторую монастырскую церковь *Благовещения Пресвятой Богородицы* монахи построили в 1730 году вместо ее предшественницы с посвящением престола в честь другого Богородичного праздника — Успения Божией Матери. В ней служили в холодное время года. Она тоже была крыта тесом и увенчивалась одной главой, обитой *«чешуею»*. *«Оная церковь находится въ твердости, точию крыша весьма ветхая, а священнослужение отправлять еще можно»,* — отметили про нее составители имущественной ведомости²³. Судя по их записям, ее внутреннее убранство тоже не отличалось каким-то особым богатством. Возле икон возжигались железные и оловянные лампы; во время богослужений монахи пользовались оловянными сосудами (имелись два полных комплекта); только две звездицы были изготовлены из меди и серебра. В описи перечислены медные три кадила, водосвятная чаша, блюдо и два ковшика, а также блюдо оловянное

²⁰ В обеих монастырских церквях на престолах лежали новые печатные антиминсы. Очевидно, их меняли незадолго до описания монастырского имущества.

²¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 2.

²² Литон (илитон) — плат из шелковой или льняной ткани для завертывания антиминса.

²³ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 1–5 об.

малое. «Во святомъ алтаре престолъ оболченъ кумачомъ краснымъ»; «крестъ благословящій деревянный, обложенъ медью»²⁴. Многие священнические фелони с епитрахильями к моменту ревизии были изношены.

«При показанной пустыни колокольня малая на церковном крыльце, в ней колоколов малых медных три, — описывают дальше монастырские строения составители ведомости, — оная колокольня впредь способна»²⁵. Немногочисленные насельники размещались в четырех кельях, тут же стояли «хлебная келья» и «работницкая». За деревянной оградой находились два «анбара кладовыхъ», погреб, гумно с ригой и у воды братская баня. На берегу Важеозера, поодаль от двух церквей, располагался скотный двор с коровником и конюшней. Все жилые и хозяйственные монастырские постройки давно не обновлялись и названы в документе ветхими. В одной версте от мужской обители, на речке, стояла старая мельница. Таким образом, при помощи архивных свидетельств перед нами предстает скромный деревянный ансамбль, включавший два храма несложной «клетской» конструкции без дополнительных престолов, несколько братских келий и традиционные для северного крестьянского хозяйства строения.

В имущественной описи отдельно перечислены «медная посуда и железный материал»: трапезный звонок, рукомойник, котел, клещи и прочий инструмент. После упразднения Задне-Никифоровской пустыни все эти вещи были вывезены в Александро-Свирский монастырь. На скотном дворе содержались одна охромевшая лошадь (в примечании указывается, что она пала в феврале 1766 года), две коровы и трое телят. Животных продали за пять рублей олонецкому «посадскому человеку» Ивану Аврамову. В монастырских амбарах хранились зерновые припасы: десять четвертей ржи, два четверика жита (ячменя) и три четверика овса. Их также увезли в Александро-Свирский монастырь «для пропитания братии» (при расчете 26 октября 1765 года их зачли в дачу казенного жалования, полагавшегося ему как штатной обители).

В заключительной части ведомости переписчики имущества сообщали о «большой распродаже», устроенной в Задне-Никифоровской пустыни для жителей окрестных волостей: «Показанное хоромное строение, кельи и прочее, кроме церквей Божиих, отъ экономическихъ назначеняхъ дель обще съ Олонецкой воевоцкою канцелярией въ 1768 году все положено въ оценку въ продажу охочимъ людямъ»²⁶.

²⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 1–5 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

По сравнению с соседними мужскими монастырями, Андрусовый и Сяндемский пустыни, важезерская обитель была заметно беднее. Почти все ее постройки несли на себе печать вековой древности и заброшенности. Крестьяне-работники присматривали за последними животными, косили для них сено и обрабатывали только ближнюю пашню. Мизерное для монастырского хозяйства число коров и лошадей указывало на то, что пахотные земли, которые на суровом Севере требовалось постоянно унавоживать, пришли в сильное запустение. Многолетнее пребывание в подчинении сначала у строителей Сяндемской пустыни, затем у настоятелей Александро-Свирского монастыря не смогло уберечь Задне-Никифоровскую пустынь от постепенного разлада хозяйственной жизни и катастрофического уменьшения численности братской общины: это было невозможно в условиях жесткой «антимонашеской» политики государства, начатой в правление Петра I.

«Бесприходные» храмы на Важеозере

При проведении секуляризационных мероприятий Екатерины II Заднюю Никифорову пустынь постигла печальная участь всех «малобратственных» обителей Олонецкого края, которые преобразовывались в самостоятельные приходы: *«А из которых вотчинных или ружных и других каковых монастырей монахи и монахини выведутся в другие монастыри, а приходских дворов иметь им не откуда, то в оные монастыри определить по одному священнику и по два церковника и отвести из вотчинных земель тех же монастырей землю по пропорции против писцового наказа или прежние какие за оными монастырями были лавки и харчевни при них оставить. А если по близости от тех монастырей находятся приходы большие, то оных убавить или совсем те приходы к оным упраздненным монастырям приписать»*²⁷.

Многие закрытые обители Олонецкого уезда, как и Задне-Никифоровская пустынь, не только располагались далеко от мирских поселений, но и были труднодоступны в осеннюю или весеннюю распутицу. Извечное отсутствие хороших дорог на севере России становилось серьезным препятствием для сложения полноценной приходской общины вокруг монастырских храмов, стоявших в пустынной местности. Причты таких своеобразных «приходов без прихожан», лишенные «мирского подаяния», кормили свои семьи за счет земельных участков, выделенных

²⁷ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16, № 12060.

из прежних монастырских вотчин. Добавлю, что священники и церковные служители, уже переехавшие в «монастырские» приходы с женами и детьми к весне 1765 года, оказались в сложном положении; как они сами признавались, были *«принуждены крайнюю нужду претерпевать»*. Дело в том, что распределение земли *«против писцового наказа»*, как предписывал закон, продвигалось медленно. Олонецкая духовная консистория в конце апреля настаивала на том, чтобы все причты, определенные к церквям закрытых обителей, были безотлагательно наделены положенными участками *«доколе нынешнее удобное къ посеву земли время не минуетъ и чтобы священноцерковнослужители безъ пропитания остаться не могли»*²⁸.

В отечественной историографии можно найти только самые скудные сведения о событиях, происходивших в Задне-Никифоровской пустыни со времени ее закрытия и преобразования в приход вплоть до 1800 года, когда она была приписана к Александро-Свирскому монастырю по инициативе его настоятеля. Этот непростой и длительный период в истории мужской обители — почти полвека — оставался до наших дней неизученным. Выявленные в ходе работы над этой книгой архивные сведения позволяют наполнить его новыми фактами.

Стоявшие на Важеозере Преображенский и Благовещенский храмы стали духовным центром нового прихода, созданного на месте упраздненной пустыни и находившегося в непосредственном подчинении Олонецкого духовного правления. Вскоре после официального закрытия сюда по выбору его членов должен был приехать священник с двумя причетниками, чтобы по описи принять оставшееся от монахов имущество и приступить к исполнению своих пастырских обязанностей.

В консисторском архиве, который размещался в Троицкой части Александро-Свирского монастыря, еще в XIX веке отыскалось старинное дело с материалами о закрытии монастырей края при Екатерине II. Как выяснилось, по указу Коллегии экономии от 9 марта 1765 года и решению викарного олонецкого епископа Иоанна Задне-Никифоровская пустынь *«назначена быть приходскою церковью»*. Прибывшие в нее священник и пономарь могли *«довольствоваться только одною бывшею при той пустыни землею, поелику къ оной по близости приходскихъ дворовъ определено быть неоткуды»*²⁹. Не получая обычного ружного содержания, в поисках «хлеба насущного» важеозерский причт рассчитывал

²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 27. Д. 5. Л. 201.

²⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 3–4 об.

на собственные силы. Повседневные заботы местных клириков во второй половине XVIII века были так или иначе связаны с землей и рыбными ловлями, выделенными из прежних монастырских владений.

Небольшой по территории приход, образованный при монастырских церквях, относился к числу «бесприходных», не имея своей общины³⁰. За свою многовековую историю мужская обитель никогда не «ставила починков», как ей указывалось в царских жалованных грамотах, и не владела крестьянами, которые по реформе 1764 года могли бы стать прихожанами Преображенского и Благовещенского храмов. Все деревни, расположенные в ее дальней округе, издавна относились к приходским церквям в Коткозере, Святозере, Сямозере. Самый короткий путь связывал бывший монастырь с деревнями Коткозерской волости. В ее центральном поселении издревле стоял Петропавловский храм. По сведениям за 1741 год, при нем тогда находился полный причт, состоявший из «попа» Василия Иосифова, диакона Филимона Васильева, дьячка Ивана Герасимова и пономаря Алексея Осипова. В приходской общине насчитывалась, как тогда говорили, 201 душа мужского пола. «А церковной пашенной земли и сенокосовъ нетъ», — сообщается в «валовой уездной ведомости»³¹. При таких обстоятельствах для коткозерских клириков огромное значение имело «доброхотное хлебное подаяние» своих прихожан. Состав причта Никольской церкви Святозерской волости в это же время включал двух священников Амвросия Терентьева и Федора Моккеева, дьячка Ефима Афанасьева, пономаря Евсея Назарьева (не хватало диакона, дьячка и пономаря). Их прихожанами были 230 душ мужского пола. Святозерские клирики могли пользоваться небольшим земельным участком, отмежеванным к Никольскому храму: «церковной пашенной земли четверть въ поле, а въ дву потому жъ»³². Причты обоих приходов не стали бы соглашаться с потерей какой-то части своих прихожан: это неизбежно привело бы к уменьшению размеров и без того малой руги и платы за требоисправление³³.

³⁰ К числу таких же «бесприходных» относились церкви в Вашеостровской, Лебяжской, Яшезерской, Брусненской, Климецкой и др. обителях. См.: Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX века. Петрозаводск, 2009. С. 91–103.

³¹ ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 491а.

³² Там же.

³³ По древним церковным правилам главным средством содержания белого духовенства обыкновенно служили добровольные приношения христиан. Вещественные дары (хлеб, вино, елей, ладан и пр.) по традиции приносились непосредственно в церковь, а денежные — в дом священника.

Кто стал первым иереем, приехавшим в закрытую обитель и принявшим по описи имущество, оставшееся после ухода монахов, пока неизвестно. С 1770 года в пустыньских церквях стал служить священник Филипп Трофимов, перебравшийся сюда из Сямозерского погоста³⁴. Позднее в исповедной росписи Преображенской церкви упраздненной Задне-Никифоровской пустыни за 1779 год упоминается иерей Иоанн Сидоров³⁵. Документ сообщает нам, что в бывшей монастырской усадьбе тогда проживали две семьи — 51-летнего священника (жена Екатерина Иванова с трехлетним сыном Дмитрием и двадцатилетней дочерью Евдокией) и 53-летнего пономаря Корнилия Иванова (жена Пелагея Петрова с сыном Петром 12 лет и дочерью Евдокией, которой исполнилось 15 лет). Молодой и холостой дьячок Федор Корнильев, вероятно, был сыном местного пономаря. *«Всего при вышеозначенной Задне-Никифоровской пустыни обретающихся пять мужчинъ и четыре женщины»*³⁶.

Следующее известие о важеозерских клириках относится к 1788 году, когда проводилась очередная перепись духовенства Олонецкого наместничества³⁷. В течение года на имя его правителя статского советника Афанасия Ивановича Чирикова³⁸ поступали рапорты от уездных земских исправников с приложенными к ним поименными списками иереев, диаконов, дьячков и пономарей с детьми (учитывались даже грудные младенцы мужского пола). Согласно ведомости по Петрозаводскому уезду³⁹, *«Задне-Никифоровской пустыни церковь Преображения Господня учинилась праздна отъ 1783 года, для того, что тоя церкви священникъ Иванъ Сидоровъ за вдовством по желанию своему определенъ въ Крестной монастырь въ число братства, а на место ево никто къ произведению изъ саможелающихъ не явился, чего для священнослужение въ праздничные дни исправляетъ входящий Коткозерской выставки священникъ Филиппъ Ивановъ. А впредь*

³⁴ НА РК. Ф. 445. Оп. 1. Д. 251. Л. 69–70.

³⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1614. Л. 17.

³⁶ Там же.

³⁷ Созданное в 1784 году Олонецкое наместничество включало восемь уездов: Петрозаводский, Олонецкий, Вытегорский, Каргопольский, Повенецкий, Лодейнопольский, Пудожский и Кемский (последние три уезда с 1785 г.). См.: Бутвило А. И., Ефимова В. В. История государственного управления в Карелии: учебное пособие. Петрозаводск, 2005. С. 11.

³⁸ А. И. Чириков был правителем (губернатором) Олонецкого наместничества в 1788–1792 гг. См.: Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: биографический справочник. Петрозаводск, 2006. С. 26–27.

³⁹ НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 16/216. Л. 164 об.

при той пустыне священно- и церковнослужители содержаны быть могутъ пашенною землею и санными покосами указнымъ числомъ»⁴⁰.

В 1793 году по отношению Олонецкого духовного правления рассматривался вопрос об определении в Задне-Никифоровскую пустынь на место дьячка Алексея Иванова из упраздненной Андрусово́й пустыни⁴¹. Он был младшим сыном местного пономаря Ивана Дмитриева, который долгие годы прожил в бывшей обители, спокойно умерев в ней в 1814 году в восьмидесятилетнем возрасте. Впервые Алексей Иванов упоминается в исповедной росписи за 1779 год: многодетная пономарская семья, где недавно родился мальчик, проживала в Андрусово в одном дворе совместно с вдовой умершего местного священника Иоанна Иванова Евфимией Петровой и их детьми⁴². Юный Алексей провел в Задне-Никифоровской пустыни не более пяти лет.

По всей видимости, последним священником, недолго служившим в Преображенской и Благовещенской церквях, в конце 1794 года стал Петр Иосифов (Осипов) — до этого дьячок Ильинского Низовского прихода. На его освободившееся дьячеческое место по желанию «мирских людей» и причта (в Ильинском приходе при церкви Нерукотворенного Образа тогда служили два священника — Иоанн Васильев и Симеон Дмитриев) перешел из Задне-Никифоровской пустыни дьячок Алексей Иванов⁴³.

Сведения об отце Петре Иосифове встречаются в епархиальных документах за 1795 год в связи с сомнительным делом о его «фальшивосочиненном выборе» в Горский приход Олонецкого уезда. Крестьяне писали епископу, что вместо неожиданно приехавшего со стороны отца Петра они хотят на освободившееся иерейское место другого человека — пономаря местной церкви Петра Гусева, «избранного всеми единогласно»⁴⁴. Архиерей прислушался к горским прихожанам и благословил возвести во священника полюбившегося им пономаря.

Очевидно, после некрасивой истории с «ложным выбором» Петр Иосифов не перестал искать для служения более богатый и многолюдный приход. По сведениям за 1799 год, в обветшавших кельях на Важеозере оставался один пономарь — Иван Ермилин, который «сказкою объявилъ, что при оной

⁴⁰ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 844. Л. 15.

⁴¹ Там же. Ф. 29. Оп. 7. Д. 5.

⁴² ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1614. Л. 16.

⁴³ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 2/39.

⁴⁴ Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX века. Петрозаводск, 2009. С. 120.

пустыни кроме его, пономаря, церковнослужителей равно и протчихъ жителей никого не состоитъ»⁴⁵. В таких случаях в конце XVIII — начале XIX века епархиальные власти предпочитали передавать опустевшие храмы, стоявшие «без пенья», под присмотр причтам ближайших приходов. В 1799 году важеозерская обитель «напоследокъ уже была приписана къ состоящему не въ далекомъ расстоянии Олонецкого уезда Коткозерскому приходу»⁴⁶. В его «двукомплектном» причте состояли два немолодых иерея — Филипп Иванов и Парфений Харитонов, а также диакон Иван Иванов, дьячки Михайла Васильев и Василий Васильев, пономарь Феокист Харитонов⁴⁷. На Важеозере несколько раз в год совершал богослужения входящий священник Парфений Харитонов⁴⁸ с местным пономарем Иваном Ермилиным⁴⁹.

Упраздненная Задне-Никифоровская пустынь не могла стать приходом в обычном его смысле, поскольку не имела своих прихожан. Важное церковное правило, согласно которому совершение литургии в отсутствие мирян считалось крайне нежелательным, при этом нарушалось. Священническое служение белого духовенства сводилось здесь исключительно к богослужебной практике, так как входившая в его прямые обязанности пастырская деятельность в таких условиях была просто невозможна.

Генеральное межевание на Важеозере

В царствование Екатерины II в России проходило генеральное межевание для определения точных границ государственных и частных земельных владений⁵⁰. Впервые в стране на местности проводились точные геодезические

⁴⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 11. Д. 8/72. Л. 80.

⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 16/3. Л. 1–1 об.

⁴⁷ Там же. Оп. 19. Д. 2/20. Л. 429–446 об.

⁴⁸ Его сын Тимофей Парфенов служил пономарем в упраздненной Сяндемской пустыни и Никольском соборе в Олонце, в 1813 году был рукоположен во священника к Петропавловской церкви Коткозерского прихода. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 17/145. Л. 52–59. По исповедной росписи за 1856 год, отец Тимофей проживал «за штатом» в Коткозере. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 17/398. Л. 426 об.

⁴⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 24. Д. 7, 8. В апреле 1800 года Иван Ермилин был определен пономарем в Никольский собор Олонца. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 9/79. Л. 1.

⁵⁰ Манифест об этом был обнародован 19 сентября 1765 года. В ходе межевания составлялись межевые книги и планы с указанием землевладельцев, общего количества земель, их распределения по угодьям и месторасположения.

измерения, с помощью которых позднее составлялись специальные планы в масштабе 100 саженей в 1 дюйме. Согласно инструкции, дача — это исторически сложившиеся земли одного или многих владельцев или пользователей, составлявшие «неразобцанный округ селения или пустоши определенного названия»⁵¹. Каждая дача-округ обозначалась по названиям поселений (города, села, деревни, пустоши, монастыря и т. д.). Для определения ее границ, обозначавшихся специальными межевыми знаками, не требовались какие-то специальные документы, хватало взаимной договоренности соседей⁵². С момента проведенного межевания все споры, возникавшие в будущем по поводу разграничения обмежеванных земель, должны были разрешаться исключительно по выданным планам и книгам.

В Олонецком уезде, где находилась Задне-Никифоровская пустынь, межевые мероприятия проводили в течение 1782–1783 годов землемер секунд-майор Федор Шишкин и его помощник Дмитрий Марков (тогда в его границах они выделили 57 обширных дач-округов)⁵³. По итогам межевания выяснилось, что главными владельцами земель здесь являлись казна и государственные крестьяне. По сравнению с ними, пашня, сенокосы и угодья четырех мужских обителей — второклассного Александровского монастыря и упраздненных по реформе 1764 года Задне-Никифоровской, Андрусовой и Успенской Сяндемской пустыней — были незначительны⁵⁴.

Во владениях закрытой Задне-Никифоровской пустыни землемеры работали 10 сентября 1783 года. При помощи полуинструментальной

---

⁵¹ Земли, пожалованные русскими царями и церковными иерархами, межи которых описывались в писцовых и переписных книгах.

⁵² Многие поземельные владельцы (церкви, монастыри, городские общества и пр.) впервые получили планы с утвержденными границами своих земель и законодательное определение своих прав на них.

⁵³ Учет земель по дачам генерального и специального межевания и по владениям. Олонецкий уезд. Петрозаводск, 1915. Вып. 3. Межевая партия обычно состояла из двух землемеров, двух-трех помощников, учеников, копиистов, канцеляристов, военной команды — всего 15–20 человек. Каждая из них работала в определенном уезде, как правило, в летний период. Для удобства межевание начиналось с уездного центра и далее шло «циркульным порядком», т. е. от центра спиралью по часовой стрелке вплоть до границ уезда. См.: Милов Л. В. Исследование об экономических примечаниях к генеральному межеванию. М., 1965. С. 38.

⁵⁴ Учет земель по дачам генерального и специального межевания и по владениям. Олонецкий уезд. Петрозаводск: Издание Олонецкого губернского земства, 1915. Вып. 3.

съемки все участки, ранее принадлежавшие монастырю в его ближайших окрестностях, были объединены с казенной пустошью Нирки в одну казенную дачу-округ № 46 (З–1), которая на планах получила название «Задняя Никифоровская пустыня с пустошью Нирками упраздненная»⁵⁵. По всей видимости, никаких споров в ходе межевания не возникло, поэтому землемеры и их помощники справились с ответственной задачей за один день⁵⁶. В монастырской Преображенской церкви с начала 1783 года несколько раз в год совершал богослужения входящий священник Филипп Иванов из Коткозерского прихода. Прежний батюшка-вдовец Иоанн Сидоров, как уже говорилось ранее, был «по желанию своему определенъ въ Крестной монастырь въ число братства»⁵⁷.

По данным генерального межевания 1783 года, казенная дача № 46 включала «удобной земли» 14360,36 десятины, неудобий — 6780,11 десятины, а всего 21140,47 десятины⁵⁸. Согласно произведенным обмерам, под строениями монастырской усадьбы находились 1924 сажени; пашни насчитывалось только 38 десятин 1120 кв. саженей; сенные покосы простирались на 45 десятинах 1682 кв. саженях; наиболее значительную часть владений занимали лиственные и хвойные леса — 14275 десятин 945 кв. саженей⁵⁹.

В «Экономических примечаниях...»⁶⁰ к межевым планам при описании казенной дачи № 46, вытянутой с севера на юг, говорится, что она «простирается при большой столбовой петрозаводской дороги и по обе стороны оной, речек Мелнишной, Черной, Тукши, Рипукса, Чикозерки по течению ее на левой стороне и ручьев безымянных, при озерах Чикозере, Вирос, Важезере, Рандозере». Как видно на карте Олонецкого уезда, выполненной в масштабе 2 версты в 1 английском дюйме, в границы дачи входили разные гидрографические объекты: в северной

---

⁵⁵ Встречается другой вариант названия — «Задняя Никифоровская пустыня с пустошью казенного ведомства».

⁵⁶ Иногда в процессе межевания возникали споры, которые длились десятки лет. См.: Милов Л. В. Исследование об экономических примечаниях... С. 34.

⁵⁷ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 844. Л. 15.

⁵⁸ Учет земель... С. 2–3.

⁵⁹ Уточненные статистические данные за 1910 год отличаются от сведений 1783 год: удобной 9617,63 десятины, неудобной 12990,47 десятины, а всего 22608,10 десятины.

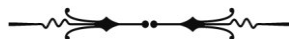
⁶⁰ «Экономические примечания к планам дач генерального межевания» содержат сведения о числе живших в них крестьян, качестве земель, способах их обработки, наличии мельниц, дорог, заводов и другую ценную информацию.

части — озера Чикозеро и Большое Чикозеро, реки Тукша, Черная, Чикозерка; в южной — полностью озеро Вирос и часть озера Рандозеро, а также реки Маленькая и Рипукса.

В тех же «Экономических примечаниях...» сообщалось, что *«реки в жаркое летнее время бывают шириною в две сажени, глубиною в пол аршина. В них и озерах ловится рыба щуки, окуни, плотва и налимы. А вода во оных для употребления людям и скоту здорова. Земля серопещаная. Ис посеенного на ней хлеба лутче родится рож и овес, а прочие семена посредственно»; «лес еловой, в отрубе от семи и до осми вершков, вышиною от девяти и до двенатцати сажен, для зжения поташа неспособен, а для хоромнаго стросения годной. Дрвеной березовой, олхвой, ивовой, осиновой и ребиновой. В нем находятся звери медведи, волки, зайцы, лисицы, белки, горностаи, птицы тетерева, рябчики, дикия голуби, орлы, ястребы, кречеты, соловьи, дрозды, скворцы, чижи, дикие гуси, утки, кулики, бекасы, рыболовы, а в полях жаворонки».*

Дачу № 46 окружали три других дачи-округа Олонецкого уезда: № 10 под названием «Погост Коткозерский с деревнями» («*владение города Олонца купцов и мещан и государственных крестьян*»), № 44 «Погосты Святозерский и Пряженской с деревнями» (владения государственных черносошных крестьян), № 9 «Погост Важинский с выставками и деревнями» («*бывшего владения Хутыня монастыря, а ныне купцов и мещан города Олонца, государственных крестьян и экономического ведомства крестьян*»). Пустошь Нирки с неплохими сенокосными угодьями, которую обмежевали в одну округу с бывшими монастырскими землями, находилась «*по обе стороны петрозаводской столбовой дороги*», возле реки Тукши, у придорожной деревни Нирки.

Следует отметить, что в кратком описании бывшей монастырской усадьбы приводятся неточные сведения о стоявших в ней деревянных храмах (упомянута «*церковь деревянная во имя Преображения Господня с пределом Благовещения Пресвятыя Богородицы*» вместо двух Преображенской и Благовещенской церквей).

Глава 6

Приписана к Александро-Свирскому монастырю (1800–1846 годы)

Возрождение упраздненных при Екатерине II российских монастырей стало возможным с конца XVIII века благодаря смягчению государственной политики в отношении Церкви. В 1797 году по указанию Павла I архиерейские дома и действовавшие обители могли рассчитывать на увеличение до 30 десятин своих разных «выгодных» угодий¹. При Александре I монахи обрели возможность принимать в дар и беспрепятственно покупать ненаселенные участки земли «с Высочайшего соизволения» (указы сенатский от 8 июня 1805 года²; именной от 24 мая 1810 года)³. Во время правления Николая I (1825–1855 годы) монастырское землевладение существенно расширилось за счет выделения лесных дач площадью от 50 до 150 десятин (1838 год)⁴. Таким образом, к середине XIX века многие обители вернули большую часть секуляризованных земель. Новые и восстановленные монастыри, открывавшиеся обязательно с разрешения императора⁵, должны были заниматься благотворительной и воспитательной деятельностью, которая прежде всего выражалась в устройстве больниц, инвалидных домов, богаделен для престарелых, приютов для нищих и детей-сирот, в создании духовных училищ и церковных школ⁶.

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 24, № 1827.

² «Когда монастырями или иными духовными властями монашеского чина будут покупаемы земли или другие угодья, каждый раз испрашивать Высочайшее на совершение купчих соизволение». См.: ПСЗРИ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 28, № 21785.

³ Там же. Т. 31, № 24246.

⁴ Ростиславов Д. И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Рязань, 2010. С. 91.

⁵ Жесткое правило, по которому монашеские обители могли открываться только после утверждения синодального указа императором, действовало до 1881 года. Его отмена вызвала бурный рост числа монашеских обителей: в 1890 году в России действовали 724 монастыря (496 мужских и 228 женских), в 1900 г. — 828 монастырей (503 и 325 соответственно), в 1914 году — 1025 монастырей (550 и 475). См.: Андроник (Трубачев), игумен, Бовкало А. А., Федоров В. А. Монастыри и монашество. 1700–1998 // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 329.

⁶ Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу духовных консисторий и своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. СПб., 1900. С. 13. О возрождении монастырей Олонецкой епархии см.: Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 105–175.

В течение почти полувека (1800–1846 годы) Задне-Никифоровская пустынь находилась в непосредственном ведении настоятелей Александро-Свирского монастыря. Упраздненная обитель указом Новгородской духовной консистории от 25 сентября 1800 года была приписана к нему по ходатайству архимандрита *Иосифа* (1800–1816 годы). С этого исторического события начался официальный процесс возрождения местных монастырей, закрытых по секуляризационной реформе 1764 года⁷. Почему свирский настоятель выбрал именно важезерскую обитель для возобновления в ней монашеской жизни, ведь в Олонецком уезде существовал целый ряд монастырей, основанных воспитанниками преподобного Александра Свирского? Например, Успенская Сяндемская пустынь была создана преподобным Афанасием, которого в церковной традиции считают самым юным учеником прославленного подвижника. По преданию, он был вместе со своим учителем в его келье на ночной молитве, когда тому явилась Богородица⁸.

Архивные документы говорят о том, что хорошо обдуманый выбор архимандрита Иосифа пал на Задне-Никифоровскую пустынь во многом из-за размеров ее земельных владений. В 1783 году, во время генерального межевания земель Олонецкого уезда, уголья закрытой важезерской обители были объединены «одной окружной мерой» с небольшой казенной пустошью Нырки (или Нирки) и составили единую казенную оброчную дачу, площадь которой равнялась 21 140,47 десятины⁹. Для сравнения приведу данные о землях той же Сяндемской пустыни, располагавшейся гораздо ближе к Александро-Свирскому монастырю, чем Задне-Никифоровская пустынь: по земельным планам, составленным в 1782 году, они включали в себя всего 2358,57 десятины¹⁰.

После закрытия Задне-Никифоровской пустыни, как уже говорилось выше, при ее церквах образовался приход, и «было въ оной белое священство». Из-за отсутствия приходских дворов и священника в конце XVIII века храмы оказались в ведении ближайшего Коткозерского прихода Олонецкого уезда¹¹; жившего при них пономаря Ивана Ермилина

⁷ См.: Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии... С. 112–113.

⁸ Барсов Е. В. Преподобные обонежские пустынножители: Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 64.

⁹ Учет земель по данным генерального и специального межевания и по владениям. Олонецкий уезд. Петрозаводск, 1915. Вып. 3. С. 31.

¹⁰ Там же.

¹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 2/39; Оп. 16. Д. 9/79.

по его желанию перевели в Николаевский собор Олонца¹². В 1800 году по благословению новгородского митрополита Гавриила (Петрова) в ответ на просьбу архимандрита Иосифа Задне-Никифоровская пустынь была «для возобновления предоставлена въ полное распоряжение Александро-Свирскому монастырю»¹³. Настоятель ранее подчеркивал, что бывшая мужская пустынь «находилась въ самомъ наибеднейшемъ положении, что единственно и монастырь Свирский побудило просить ее подъ свой присмотръ для поправления и потому более, что опочивающий тамъ той пустыни основатель преподобной Никифоръ чудотворецъ былъ сожитель преподобному Александру Свирскому»¹⁴. При этом не стоит забывать, что Александро-Свирский монастырь сам остро нуждался в средствах на постоянный ремонт своих церквей и других строений¹⁵. Значительную выгоду приносила рыбная ловля на Важеозере, от которой, как признавал архимандрит Иосиф, «доставляется немалое количество и въ Александро-Свирский монастырь для братии, и состоящихъ на монастырскомъ коште учрежденнаго при монастыре духовнаго училища учителей, и обучающихся въ училище бедныхъ священноцерковнослужительскихъ детей»¹⁶.

Ремонт монастырских построек

В историографии встречается мнение о том, что после «формальной» передачи Задне-Никифоровской пустыни Александро-Свирский монастырь «не спешил выводить ее из запустения»¹⁷. Это необоснованное утверждение опровергают новые архивные материалы. Выясняется, что монастырь-патрон не только пользовался нужными ему землями и угодьями приписанной обители, но и сразу же взялся восстанавливать ее обветшалые постройки. Прежде всего, предстояло починить старинные деревянные храмы. В 1802 году архимандрит Иосиф получил сборную книгу

¹² НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 9/79.

¹³ Там же. Д. 16/36. Л. 1–2 об.

¹⁴ Там же. Л. 19 об.

¹⁵ Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб., 1874. С. 60.

¹⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 2.

¹⁷ Галкин А. К. Из истории Задне-Никифоровской пустыни в XIX — начале XX в. // Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции / отв. ред. М. В. Пивоев. Петрозаводск, 2000. С. 48.

для ремонта обеих деревянных церквей: «Въ помянутой Задненикифоровой пустыни на соборной Преображения Господня деревянной церкви крыша ветхая и на другой Благовещения Пресвятой Богородицы церкви глава пообветшала и ограда около монастыря согнивши и прочее строение все обветшало и потому желательнo, во-первыхъ, на Преображенской церкви крышу перекрыть и на Благовещенской главу починить, а равно и ограду около монастыря деревянную новую сделать, и прочее нужное по хозяйству устроить»¹⁸. За год по сборной книге на задуманный ремонт и восстановительные работы удалось получить пожертвований на сумму 502 рубля 30 копеек. Примечательно, что деньги, взятые на ремонт пустыньских церквей из «неокладных доходов» Александрo-Свирского монастыря, планировалось вернуть за три года «изъ приходовъ той пустыни». Большую роль играли «доброхотные подаяния отъ собирающихся въ оной пустыни въ праздники богомольцевъ»¹⁹.

Любопытные факты обнаруживаются в судебном деле, возбужденном против Александрo-Свирского монастыря в 1803 году со стороны Лесного департамента и тянувшемся вплоть до 1810 года. Его причиной стала вырубка трехсот сосен для исправления церковных зданий Задне-Никифоровской пустыни. Архимандрит Иосиф признал вынесенное Олонецким уездным судом постановление о взыскании крупного штрафа (более трех сотен рублей) несправедливым, потому что действовал с предварительно полученного разрешения Новгородской духовной консистории. Судебное дело поступило на апелляцию в пятый департамент Правительствующего Сената, который поддержал постановление о денежном наказании архимандрита Иосифа. Тогда в защиту настоятеля Александрo-Свирского монастыря перед императором Александром I по ходатайству митрополита Амвросия (Подобедова) выступил обер-прокурор Святейшего Синода Александр Николаевич Голицын²⁰. В результате, как следует из указа, государь «соизволил принять во все милостивейшее уважение, что архимандритъ вырубилъ лесу по дозволению духовной консистории не для себя лично и не для монастыря, но собственно для пустыни, где почиваютъ святые мощи, высочайше повелелъ Александрo-Свирского архимандрита Иосифа отъ положенных ко взысканию пятымъ департаментомъ Правительствующего Сената 353 рубля 40 копеек освободить съ подтверждением, однако же, ему со стороны духовнаго начальства, чтобы впредь къ подобнымъ порубкам безъ сношения съ кемъ следуетъ не приступалъ»²¹.

¹⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/2. Л. 1–1 об.

¹⁹ Там же. Д. 16/36. Л. 19–24.

²⁰ Решение, утвержденное Сенатом, мог отменить только российский император.

²¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 31–32.

Монастырская усадьба на Важеозере постепенно обустроивалась. Уже к 1807 году ее комплекс состоял из двух храмов и братских келий, обнесенных добротной деревянной оградой, а также хозяйственных построек, стоявших поодаль: *«по старанию иждивениемъ и капиталомъ усердствующихъ къ почитающимъ преподобнымъ Никифору и Геннадию благодетелей построены вновь для жительства братии и прочихъ рабочихъ людей деревянные кельи и по кругу с башнями деревянная ограда, скотской дворъ и прочие необходимые нужные службы, а лежащая чрезъ многие годы впусте пахотная земля посредствомъ немалого труда приведена въ порядокъ и скотоводство заведено»*²². Как видим, вслед за появлением в пустыни домашней скотины, пашня была возрождена и снова введена в трехпольный севооборот.

В 1816 году архимандрит Иосиф из-за слабости здоровья ушел на покой *«съ определениемъ ему изъ неокладныхъ сего монастыря суммъ по 300 рублей въ годъ, келии для жительства удобной и порции иеромонашеской»*²³. Через два года бывший настоятель Александро-Свирского монастыря мирно скончался. Его погребли под каменным Троицким собором²⁴. После него не более трех лет настоятельством энергичный архимандрит Товия (в 1819 году его перевели наместником в Александро-Невскую Лавру). При нем, между прочим, установилась новая и важная для свирской обители традиция, привлекавшая сотни паломников, — перенесение мощей преподобного Александра в Духов день²⁵. Уникальное для Олонецкой епархии церковное торжество устраивалось с 1817 года. В празднование дней Святой Троицы и Святого Духа рака с нетленными

²² НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 1–2 об.

²³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 187 об. — 188.

²⁴ Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь... С. 61.

²⁵ Перенесение мощей преподобного Александра Свирского по времени совпадало с Троицкой ярмаркой *«в деревянном гостином дворе, находящемся возле обители, и во временных балаганах, устраиваемых на площади перед монастырскими стенами»*. Здесь продавались шелковые и шерстяные изделия, ткани, «колониальный товар» (сахар и восковые свечи), предметы из железа и продукты, от кренделей до апельсинов. Для обеспечения порядка (на ярмарке велась и «винная торговля») монастырское начальство было вынуждено приглашать сельскую полицию. Только при архимандрите Агафангеле, с чьим именем историки связывают расцвет внешнего и внутреннего благополучия Александро-Свирского монастыря в конце XIX века, шумная и досаждавшая монахам ярмарка была перенесена в Новую Александро-Свирскую Слободу. См.: Троицкая ярмарка в Александро-Свирском монастыре // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 25; НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 54/606. Л. 27.

мощами чудотворца переносилась из Преображенского собора в Троицкий и через два дня — обратно²⁶. По словам свидетелей, это происходило «при громадном стечении народа, который относится к сей священной процессии с особенным благоговением»²⁷. «Олонецкие губернские ведомости» писали о тысячах участников²⁸.

Маршрут паломников, шедших к мощам преподобного Александра Свирского из селений Петрозаводского и Олонецкого уездов, во второй половине XIX — начале XX века обычно пролегал через Задне-Никифоровскую пустынь: как писал благочинный, в ней «большая часть богомольцев бывает около Троицына дня, когда идут в Александрo-Свирский монастырь и обратно из него возвращаются»²⁹.

Деревянная часовня, в которой под спудом почивали мощи преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских, тоже нуждалась в поправках. Паломники, приходившие в приписную обитель помолиться в день Преображения Господня, пожелали расширить ее маленькое здание с тем, чтобы в будущем устроить в ней церковь. Архимандрит Товия, побывавший на престольный праздник в Задне-Никифоровской пустыни, писал епархиальному начальству в рапорте от 14 августа 1817 года: «Въ приписной Задне-Никифоровской пустыни основателей оной <...> мощи находятся въ земле, надъ которыми издревле построена деревянная часовня и въ память ихъ исправляется въ ней молитвословие. Въ бытность мою ныне тамъ ради поставления новой надъ теми мощами гробницы узналъ отъ стекшегося тамъ народа усердное желание пристроить къ той часовне приделъ во имя сихъ преподобныхъ съ темъ, чтобы сделать потомъ церковь»³⁰. В этом рапорте архимандрит Товия сообщает важные для нас сведения о том, что в 1817 году прежняя гробница, стоявшая над могилами основателей обители, была заменена на новую. Он полностью поддерживал инициативу паломников (возможно, сам и подсказал им идею обновить и расширить старую часовню).

²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 203–204; НА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 38–39.

²⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 22/316. Л. 33 об. — 34.

²⁸ Из Александрo-Свирского монастыря (Корреспонденция) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 12. С. 479–480.

²⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/97. Л. 236–239 об.

³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 220 об.

Из Новгородской духовной консистории в ответ на рапорт архимандрита Товии последовали вопросы: какой придел (каменный или деревянный) планируется устроить; когда бывает стечение богомольцев в приписной пустыни; каково расстояние от Александро-Свирского монастыря до Важеозера; как часто предполагается совершать богослужение в приделе; кто будет охранять часовню и, наконец, на какие средства придел будет строиться?³¹ Архимандрит Товия отвечает в очередном рапорте от 24 декабря 1817 года: «*Означенный приделъ по приличности находящегося въ той пустыни прочего деревяннаго строения предполагалъ я устроить деревяннымъ, да и потому что камня въ тамошнихъ местахъ не находится, <...> стечение народа тамъ бываетъ по древнему обыкновению на праздники Преображения Господня и Благовещения Богородицы и въ память почивающихъ тамъ отцовъ Никифора и Геннадия*»³². Приписная пустынь находится в девяноста верстах от монастыря, а богослужение в часовне может совершаться по воскресным и праздничным дням (что уже делается в двух возрожденных церквах): «*для того всегда живетъ тамъ одинъ иеромонахъ съ послушниками и штатными служителями*». Все работы планировалось проводить только на средства благотворителей. Последнее обстоятельство имело огромное значение. С благословения правящего архиерея деревянную часовню перестроили.

В начале XIX века прежде безлюдная и многими забытая пустынь оживилась и стала преображаться. На южном берегу Важеозера снова появились монахи, постепенно налаживалась привычная для любой православной обители церковная жизнь. Из Александро-Свирского монастыря по очереди присылались иеромонахи с послушниками³³. Известно, что в 1804 году в пустыни жил иеромонах Мартирий «*для священнослужения*»³⁴. Согласно «*рописи платья казеннаго*» насельников Александро-Свирского монастыря за 1806 год, на Важеозере тогда находился послушник Анникий Васильев³⁵. Благодаря регулярному богослужению в отремонтированных монастырских храмах, где теперь можно было заказывать требы (молебны за здравие и панихиды, поминовение на проскомидии), росло число крестьян, приходивших в возрожденную Задне-Никифоровскую пустынь из сел и деревень, располагавшихся вдоль почтового тракта Петрозаводск — Олонец.

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 105–105 об.

³² Там же. Л. 236 об.

³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 19 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 236 об.

³⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 10/5. Л. 49 об.

³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6. Л. 2.

Возвращение монастырских земель

Одной из первоочередных задач, стоявших перед архимандритом Иосифом, стало возвращение земельных владений и угодий, принадлежавших Задне-Никифоровской пустыни до ее упразднения по секуляризационной реформе при Екатерине II. В 1801 году по благословению старорусского епископа Антония (Соколова) и указу Новгородской духовной консистории из Олонецкого земского суда был впервые получен план на отмежеванные к приписной пустыни земли (за его составление Александрo-Свирский монастырь заплатил положенные деньги). В составе угодий находились оброчные казенные пашенная земля и сенные покосы, которые были отданы монахам за ежегодную арендную плату 31 рубль 20 копеек сроком на 12 лет³⁶.

В 1807 году архимандрит Иосиф вместе с братией просил Санкт-Петербургского митрополита Амвросия (Подобедова) об исключении пашни, сенокосов и леса Задне-Никифоровской пустыни из казенного оброка *«къ пользе и лучшему возобновлению и устройению той пустыни, а не менее и для поправления многих ветхостей въ большомъ Свято-Троицкомъ Александрo-Свирскомъ монастыре»*³⁷. Из приведенной цитаты следует необходимость срочного ремонта самого Александрo-Свирского монастыря, а именно его Троицкой части, на содержание которой государство не выплачивало денежного пособия, где *«крыши какъ въ церквахъ Божиихъ, такъ и въ кельяхъ, состоящихъ въ каменной оgrade, весьма нужно исправить и вновь перекрыть, а къ тому же и деревянное какое есть здание поддержать и исправить»*³⁸.

Архимандрит Иосиф обращался и к викарному старорусскому епископу Антонию (Соколову) с просьбой посодействовать в деле о передаче земель и угодий приписной Задне-Никифоровской пустыни *«без платежа в казну оброчных денег в полное распоряжение»*. Настоятель напоминал владыке, что *«на монастырский коштъ»* при Александрo-Свирском монастыре действует духовное училище, при этом монахи обеспечивают питанием учителей и учеников из детей обедневших клириков Олонецкого уезда. Троицкая часть монастыря, где когда-то размещался олонецкий и каргопольский архиерей со своей свитой, нуждалась в срочном ремонте полностью обветшавших построек. Свое прошение архимандрит Иосиф отвез

³⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Л. 3–4 об.

³⁸ Там же. Л. 20 об.

в Санкт-Петербург и лично подал епископу Антонию, который потребовал подготовить подробную архивную справку о владениях Задне-Никифоровской пустыни³⁹. Потребовалось еще несколько лет, чтобы решить вопрос о получении важеозерских земель в безоборочное владение.

При упразднении Олонецкой и Каргопольской викарной епархии в 1787 году бывшие архиерейские крестьяне — 106 мужских душ по шестой ревизии 1811 года — оставались на прежнем месте жительства «доколе удобные к переселению их земли приисканы не будут»⁴⁰. Их поселение рядом с Александро-Свирским монастырем стали называть Старой Александро-Свирской Слободой. Монахи не радовались шумному соседству с мирянами, просили их переселить. Взамен занятых крестьянами монастырских земель (каждому домохозяину полагалась 15-десятинная пропорция) государство предложило архимандриту Иосифу отдать любые понравившиеся участки из казенных дач. Настоятель согласился с заманчивой идеей и выбрал состоявшие на оброке пожни Куккос, Найковщина, Гайсарский Остров, Нурмушка и Каменка, а также в даче № 46 пять земельных участков: при озере Важеозеро; на реке Тукше (Туксе) под названием «Нырки» по обеим сторонам почтового тракта (40 десятин 2231 кв. сажень); при озере Рипуксозеро (7 десятин 2010 кв. сажень); по северному берегу озера Рандозеро до речки Тетерки (16 десятин 234 кв. сажени), у реки Рипуксы (10 десятин 556 кв. сажень). В 1813 году их отмежевали монахам в оброчное владение.

Следующий свирский настоятель архимандрит Товия заявил, что его предшественник согласился с предоставлением монастырских земель крестьянам Старой Слободы взамен других «из-за боязни бюрократической переписки с государственными организациями». Действительно, плохо чувствовавший себя под конец жизни архимандрит Иосиф не имел сил и желания отстаивать права своей обители на ее же владения, переданные в 1760-е годы Олонецкому архиерейскому дому. К тому же, он хорошо помнил тяжелые судебные мытарства по поводу вырубленного по его указу леса.

Архимандрит Товия снова поднимает вопрос о жителях Старой Слободы, причинявших немало беспокойства свирским монахам своим поведением и постоянными обращениями по поводу требоисправления, и просит найти им новое место жительства подальше от стен обители.

³⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/36. Л. 3–4 об.

⁴⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 88–90 об.

«Чемъ более будетъ въ той слободѣ жителей, темъ более монастырь теряетъ свою собственность», — пишет он в донесении на имя новгородского митрополита Амвросия от 12 апреля 1817 года⁴¹. Проблема обсуждалась на высоком уровне, в переписке синодального обер-прокурора и министра государственных имуществ, который не соглашался на перемещение слободы: «переселение упомянутыхъ крестьянъ на другіе земли сопряжено съ великими затруднениями и убыткомъ, могущихъ довести их до совершеннаго разорения, ибо грунтъ земли въ Олонецкой губернии вообще болотистъ и заросшій лесомъ, а потому для расчистки оного подъ новое поселение требуется немалыхъ трудовъ, времени и издержекъ»⁴².

В июле 1823 года в безоброчное владение Александрo-Свирского монастыря по указанию Сената были отмежеваны земли, прилегавшие к Важеозеру вместе с его половиной (401 десятина 414 кв. сажень) — на этом наиболее значительном участке располагались строения приписной обители, ее поля и огороды; при речках Тукса, Тетерка и Рипукса, а также при озерах Рандозеро и Рипуксозеро⁴³. В ноябре 1829 года Олонецкая казенная палата выдала геометрические специальные планы и межевые книги на все пять участков, ранее выделенных из казенной дачи № 46 «взаменъ земли, отошедшей къ экономическимъ крестьянамъ»⁴⁴. Далее свирские монахи могли пользоваться ими без уплаты государству денежного сбора.

⁴¹ Там же. Л. 94—97 об.

⁴² Там же. Л. 89 об. — 90. Дело о переселении крестьян рассматривалось в разных инстанциях много лет. Наконец, в 1825 году по распоряжению правительства им были отданы земли в двух верстах от монастыря (здесь образовалась Новая Слобода) и «по бедности» их выделены пособия «без возврата» из Лодейнопольского уездного казначейства. См.: НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 133/1080. Л. 3—4. Новая Слобода входила в состав Самбатукского прихода. В 1862 году по предложению благочинного протоиерея Илии Лебедева предпринимались попытки создать самостоятельный приход для ее жителей при монастырской церкви преподобного Иоанна Дамаскина. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 3. Д. 11/175. Л. 94—94 об. В 1910 году на кладбище в Новой Слободе на средства Александрo-Свирского монастыря была построена часовня в честь Казанской иконы Божией Матери. См.: Александрo-Свирская слобода Олонецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 32. С. 653.

⁴³ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/330. Л. 261 об. — 263 об.

⁴⁴ Там же. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 36; Там же. Оп. 1. Д. 82/11. Л. 20 об. — 21.

Старец Феодор Свирский

В конце первой четверти XIX века в Задне-Никифоровской пустыни некоторое время подвизался известный в истории православного старчества схимонах Феодор (мирское имя Федор Ильич Пользиков). По воспоминаниям современников, он мог *«деятельно проходить подвиг умной молитвы»* и одновременно *«пребывать в постоянном общении с вопрошавшими его братьями и посетителями, просившими его советов духовной опытности»*⁴⁵. Старец Феодор принадлежал к тому типу инока, *«благодаря которому полнокровно существовала сильная аскетическая традиция, приведшая в XIX веке к расцвету Оптиной и ее старчества»*⁴⁶.

Необычная биография Феодора Свирского полна житейских коллизий⁴⁷. Он был близким учеником и сподвижником преподобного Паисия Величковского (1722–1794), особо почитавшего умное делание — *«искусство всех искусств»*. Старец родился в 1758 году в мещанской семье, жившей в городе Карачево Орловской губернии. Еще в младенчестве он лишился отца Ильи Никитича и по решению матери отроком обучался грамоте и пению в доме одного карачевского протоиерея. Как пишет святитель Игнатий (Брянчанинов), *«скоро обнаружил он пылкие способности быстрыми успехами, в особенности блистало в нем необыкновенное дарование к пению, соединенное с превосходным голосом»*⁴⁸. В ранней юности боголюбивый юноша ушел в одну из местных обителей, Богородицкую Площанскую пустынь, где пребывала чудотворная Казанская икона Божией Матери, пожалованная обители патриархом Филаретом. *«Мать силой вернула его и тем самым ввергла в страшные соблазны. Поступив приказчиком в богатый купеческий дом, он после смерти хозяина сошелся сначала со старшей его дочерью, затем и с младшей, на которой впоследствии женился»*⁴⁹. Федор мучается совестью, *«узнает он цену потерянных им сокровищ <...>. Не сильный переносить тяжкую язву скорби о потере утешительных чувств, не находя никаких отрад в суетных занятиях, решает оставить отечество, имение, супругу, младенца дочь»*⁵⁰.

⁴⁵ Валаамский патерик: Схимонах Феодор. СПб., 1997. С. 67.

⁴⁶ Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М., 2002. С. 77.

⁴⁷ Нилус С. А. На берегу Божией реки. Сергиев Посад, 1916. С. 159–175.

⁴⁸ Игнатий (Брянчанинов), свт. Житие старца схимонаха Феодора. СПб., 2011.

⁴⁹ Котельников В. А. Православные подвижники... С. 77.

⁵⁰ Игнатий (Брянчанинов), свт. Житие старца схимонаха Феодора. СПб., 2011.

Узнав во время паломничества в Киево-Печерскую лавру про «чудного старца Паисия», жившего в то время в Нямецком монастыре (Молдавия), молодой человек захотел присоединиться к нему для духовного назидания и совершенствования. После пятилетней епитимии за тяжкие грехи Феодору в 1784 году разрешили принять монашеский постриг. Он стал помогать преподобному Паисию переписывать славянские переводы святоотеческих трудов, до этого систематизированные Никодимом Святогорцем (1748–1809) и напечатанные в 1782 году в Венеции на греческом языке. После смерти своего старца-наставника, сыгравшего ключевую роль в возрождении подлинного монашества в России, отец Феодор, уже будучи схимником, покинул Молдавию в 1801 году⁵¹. Несколько лет он провел в Спасо-Челнском монастыре Орловской епархии, где при его участии был введен общежительный устав; затем в 1805 году перебрался в Брянскую Белобережскую пустынь, которую возглавил его ученик иеромонах Леонид (Наголкин)⁵². В этой обители в 1807 году отец Феодор опасно заболел и трое суток находился в летаргическом сне. После выздоровления он объявил настоятелю и братии о своем желании удалиться из монастыря ради уединенной молитвы. Вместе с иеромонахом Леонидом, оставившим строительскую должность, и вторым своим учеником иеросхимонахом Клеопой старец Феодор подвизался в лесной келье, поставленной в двух верстах от Белобережской пустыни, но затем вынужден был ее покинуть из-за многочисленных посетителей, постоянно нарушавших покой монахов. Они ушли на север, в Кирилло-Новоезерский монастырь. Постепенно смиренный старец «приобрел такую духовную опытность и способность душеведения, что иноки повсюду искали его советов и толкований»⁵³.

По решению Санкт-Петербургского митрополита Амвросия (Подобедова) отец Феодор оказался в пределах Карелии, где, кроме почитания со стороны насельников местных обителей и паломников, ему вновь пришлось испытать на себе неприязнь монастырского начальства. В 1809–1811 годах он находился в малобратственном Рождественском Палеостровском монастыре на острове в северной части Онежского озера. Быстрый рост влияния новичка на братию

⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 174 об. – 175 об.

⁵² Монах Леонид (в схиме Лев) (ум. В 1841 году) в истории русского монашества известен как один из великих оптинских молитвенников, родоначальник новой для старчества традиции окормления мирян (до него главной заботой старцев было духовное воспитание иночества). Среди его духовных детей — святитель Игнатий (Брянчанинов), бывший при нем послушником Александрo-Свирского монастыря. Спустя несколько лет после смерти Феодора Свирского, отец Леонид в 1828 году покинул свирскую обитель и перешел в Оптину пустынь.

⁵³ Котельников А. В. Православные подвижники... С. 77.

вызвал серьезное недовольство со стороны недавно назначенного строителя иеромонаха Иоасафа (Белоусова), усмотревшего в непривычном для него старчестве покушение на собственную власть⁵⁴.

Если верить словам палеостровского строителя, в ночь на 15 сентября 1811 года вместе с послушником Яковом Егоровым старец Феодор, взяв монастырскую лодку, самовольно покинул негостеприимную островную обитель⁵⁵. Десятого октября он явился на аудиенцию к епархиальному архиерею в Петербург с прошением определить его в Валаамский монастырь. За дерзкое непослушание владыка вернул старца на Палеостров «в черные труды» с лишением права носить камилавку⁵⁶. Через несколько месяцев отец Феодор все же был переведен на Валаам, куда за ним последовали его духовные дети Леонид и Клеопа. Здесь он тоже встретился с недоброжелательностью настоятеля: в те годы монастырь возглавлял игумен Иннокентий (Моруев), который жаловался епархиальному начальству на упрямое «своеволие» отца Феодора, принявшего «некоторых из братии под свое управление совести их, сделавшись их наставником»⁵⁷. Настоятелю не понравилось, что синодальный обер-прокурор Александр Николаевич Голицын во время своего приезда в Валаамский монастырь слишком долго общался со старцами в их келье⁵⁸. По донесению игумена Иннокентия, обвинявшего старцев в ереси, митрополит Амвросий поручил благочинному епархиальных монастырей коневскому строителю игумену Илариону (Кирилову) провести следствие по вопросу «нестроений» в островной обители⁵⁹. Старцы были полностью оправданы, а игумен получил архиерейское указание беречь их покой.

С июня 1817 года, после кончины иеросхимонаха Клеопы, отец Феодор вместе с иеромонахом Леонидом состоял в братской общине Александро-Свирского монастыря. Сохранился рапорт архимандрита Товии (подписан 30 апреля 1817 года), который сообщал новгородскому митрополиту Амвросию, что готов взять к себе двух валаамских братьев Феодора

⁵⁴ Валаамский патерик... С. 22; Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 10. Л. 110–110 об.; Кожевникова Ю. Н. Заштатные монастыри Олонецкой и Петрозаводской епархии. Результаты и последствия секуляризационной реформы 1764 года (на примере Палеостровского Рождества Богородицы монастыря) // Кижский вестник: Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 2005. С. 31–45.

⁵⁵ Архив СПбИИРАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 10. Л. 110–110 об.

⁵⁶ Там же. Л. 174 об. – 175 об.

⁵⁷ Там же. Л. 110–110 об.

⁵⁸ Валаам Христовой Руси. М., 2000. С. 61.

⁵⁹ Берташ А., священник. Иларион (Кирилов) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 176–178.

и Леонида и разместить их в тихой важеозерской обители: «*На принятие Валаамскаго монастыря иеросхимонаха Леонида и схимонаха Феодора въ число братства Александрo-Свирскаго монастыря согласенъ и поместить ихъ въ приписную къ сему монастырю Никифоровскую пустыню удобно, где они и проживать могутъ спокойно*»⁶⁰. Как долго подвизались старцы на Важеозере, неизвестно. Есть скудные сведения о том, что отец Феодор, находившийся в крайне болезненном состоянии, перед самой смертью уединился в отходной пустыньке рядом с Александрo-Свирским монастырем, на берегу Роцинского озера. Позднее на этом месте устроили скит с церковью преподобных Сергия и Германа Валаамских и великомученика Пантелиимона, освященной настоятелем архимандритом Евгением 31 августа 1915 года⁶¹.

Отец Феодор мирно скончался 7 апреля 1822 года, в Светлую Пятницу, на 66-м году. Его погребли в Александрo-Свирском монастыре. До конца дней продолжал общаться со своими учениками по переписке⁶². По воспоминаниям современников, нестяжательство и самовольная нищета почтенного старца достигали крайних размеров: «*Вынуждаемый обстоятельствами переходить из одной обители в другую, не брал он с собой никаких вещей, ни даже лишней одежды. Одно неоцененное сокровище составляла для него книга преподобного Исаака Сирина в переводе старца Паисия с собственноручной его подписью, которую Феодор всегда брал с собой*»⁶³. На своем теле подвижник носил тяжелые железные вериги.

Огромное впечатление старец Феодор произвел на имеретинского митрополита Евфимия (Шервашидзе)⁶⁴ и табанского архимандрита Григория (Цкитишвили), которые были сосланы в 1820 году в Александрo-

⁶⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 199 об. Билет для проезда в Александрo-Свирский монастырь, данный Леониду и Феодору, был подписан 8 июня 1817 года. См.: Там же. Л. 258.

⁶¹ «*Вновь построенная церковь не велика, от монастыря она в 1 1/2 верстах, у Роцинского озера, на красивой местности, окруженная лесом, преимущественно еловой и сосновой пород, построена из материала крепкого, на каменном фундаменте, иконостас и иконы работы хорошей, утварью и ризницею снабжена на первый раз достаточно. Колокола повешены отдельно от церкви, на перекладине, вблизи церкви домик небольших тоже размеров*». См.: Священные торжества в Александрo-Свирском первоклассном монастыре Олонецкого уезда, 30 и 31 августа 1915 года // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 29. С. 549.

⁶² Некоторые из писем опубликованы. См.: Валаамский патерик... С. 25–39; Нилус С. А. Полное собрание сочинений. М., 2000. Т. 3. С. 111–122.

⁶³ Валаамский патерик... С. 75.

⁶⁴ Коридзе Т. Евфимий (Шервашидзе) // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 399.

Свирский монастырь за «политическое дело»⁶⁵ (резкие перемены в их жизни имели прямое отношение к событиям, изменившим положение всей церковной иерархии и ее паствы в Грузии в начале XIX века⁶⁶). Митрополит Евфимий и архимандрит Григорий со своими свитами располагались в бывших архиерейских покоях в Троицкой части⁶⁷.

На страницах «Валаамского патерика» читаем: «Однажды во время жестокой болезни Феодора он (митрополит Евфимий. — Ю. К.) вместе с архимандритом Грузинским Григорием пришел посетить его; ему сказали, что Феодор по причине болезни не может с ними беседовать. Митрополит целый час стоял на дворе на холоде, не желая нарушить спокойствия болящего, и ожидал удобного лучшего времени для собеседования с ним»⁶⁸. Здоровье грузинского иерарха, которому исполнилось 76 лет, тоже ухудшалось. Митрополит Евфимий умер 1 апреля 1822 года — всего за шесть дней до кончины самого Феодора Свирского. Его погребли под алтарем Троицкого собора на личные средства настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Макария⁶⁹, которые позднее, впрочем, были ему все же возвращены из государственной казны. В 2005 году по просьбе католика Илии II мощи митрополита Евфимия, причисленного к лику святых Грузинской Православной Церкви, были перевезены в монастырь Гелати.

⁶⁵ В очерке по истории монастыря, изданном в 1874 году, неверно указан год прибытия грузинских иерархов (1822 год). См.: Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь... С. 64.

⁶⁶ Иверская Церковь с V века обладала автокефалией. В результате присоединения территории Грузии к Российской империи она перешла в подчинение Святейшему Синоду, а ее глава, католикос, стал его постоянным членом. Вскоре после создания Грузинского экзархата (1811 год) началась эпоха русификации, вызвавшая ожесточенное сопротивление грузинского духовенства и населения, мечтавших о восстановлении прежней самостоятельности. Сохранилась секретная переписка между синодальным обер-прокурором А. Н. Голицыным, новгородским митрополитом Михаилом (Десницким) и настоятелем Александро-Свирского монастыря архимандритом Парфением, в которой обсуждались различные вопросы, касающиеся размещения сосланных лиц. См.: ГАНО. Ф. 480. Св. 286. Д. 2473; Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. 2. Приложение. С. 751.

⁶⁷ ГАНО. Ф. 480. Св. 286. Д. 2473. Л. 27–27.

⁶⁸ Валаамский патерик... С. 24.

⁶⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 23. 142–143. Архимандриту Григорию неожиданно разрешили уехать в столицу: «Государь император, снисходя на просьбу Имеретинской царицы Анны Матвеевны, изъявить изволил Высочайшее соизволение на проезд в Санкт-Петербург как находящегося Олонецкой губернии в Александро-Свирском монастыре Табанского архимандрита Григория, так и переводчика Абуладзева, и служителя Макария, оставшегося после кончины Генатского митрополита Евфимия в том же монастыре». После переезда архимандриту предоставили возможность служить в домовый церкви его покровительницы. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 23. Л. 132–133.

Есть сведения, что именно для личной встречи и беседы с двумя смиренными старцами Феодором и Леонидом в Александрo-Свирский монастырь приезжал летом 1819 года император Александр I⁷⁰. Его маршрут пролегал по почтовому тракту из Петербурга в Каргополь и обратно через Петрозаводск и Олонец в Куопио (он побывал также в Андрусово́й пустыни и Спасо-Каргопольском монастыре). По замечанию свидетелей, государь во время кратких неожиданных посещений этих древних обителeй вел себя как простой паломник, пришедший со смирением поклониться их святыням. Он почитал преподобного Александра Свирского, день памяти которого совпадал с празднованием перенесения мощей небесного патрона императора святого князя Александра Невского (30 августа по старому стилю). *«Посещение было нечаянное, и Государя встретил у ворот один только настоятель, архимандрит Парфений II без всякой церемонии и провел его в Преображенский собор, где почивают мощи преподобного Александра Свирского, — рассказывает историк монастыря. — Здесь отслужил соборне молебен угоднику Божию, по окончании которого Благочестивый путник приложился ко кресту и мощам и принял поднесенную настоятелем икону преподобного Александра»*⁷¹. После разговора с настоятелем в его кельях Александр I *«велел представить братию, которую так милостиво и снисходительно принял, что у каждого иеромонаха испросил благословения с целованием руки»*⁷². Государь, ранее слышавший про старцев Феодора и Леонида от А. Н. Голицына, задал им несколько вопросов. Те отвечали *«сдержанно и кратко»*, дабы избежать искушений⁷³.

«Монастырские хроники»

К концу 1820-х годов вполне окрепшая Задне-Никифоровская пустынь уже имела отдельного управляющего, который постоянно проживал в ней и следил за порядком. В первой половине 1828 года им был иеромонах *Иннокентий* (мирское имя Иоанн)⁷⁴. Он родился в городе Великий Устюг в семье пономаря Варваринской церкви и обучался в Устюжской духовной

⁷⁰ Валаам Христовой Руси. М., 2000. С. 62.

⁷¹ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими особами в XIX столетии. Петрозаводск, 1877. Вып. 1. С. 12.

⁷² Там же.

⁷³ Валаам Христовой Руси... С. 62.

⁷⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 103 об. — 105.

семинарии. Монашеские обеты принял 28 июля 1811 года в Александро-Невской лавре. Там же его рукополагал во иеродиакона 21 апреля 1812 года новгородский митрополит Амвросий (Подобедов). В 1821 году отца Иннокентия перевели в Троице-Сергиеву пустынь «для исправления перводиаконской должности». Здесь в день памяти святителя Николая Чудотворца 6 декабря 1822 года другой новгородский митрополит Серафим (Глаголевский) возвел его во священство. До появления в важеозерской обители пять лет отец Иннокентий был настоятелем Рождественского Сямского монастыря в Вологодской епархии. В мае 1828 года по благословению епископа он покинул Задне-Никифоровскую пустынь и перешел на иеромонашескую вакансию в Михаило-Архангельский Устюжский монастырь⁷⁵.

После него хозяйством приписной пустыни заведовал иеромонах Варфоломей. Вместе с ним здесь находились послушник Александр, два работника и коровница, присматривавшая за монастырской скотиной⁷⁶. При отце Варфоломее на ближайшей речке Важеозерке вновь поставили мукомольную мельницу, приносящую небольшой доход осенью, когда крестьяне из соседних селений смальвали на ней выращенное и убранное зерно⁷⁷. Как следует из рапорта архимандрита Варсонофия на имя олонецкого епископа Игнатия, «колесуху» построили на средства благотворителя: *«Тверской губернии города Калязина купец Василий Алексеев Усов объявил мне свое желание и просит позволить ему <...> выстроить дом и мельницу в пользу оной пустыни с тем, чтобы в доме жить ему и его матери доколе они пожелают»*⁷⁸. Разрешение было получено в указе Олонецкой духовной консистории от 17 июля 1829 года⁷⁹.

В начале февраля 1829 года иеромонах Варфоломей был отстранен от должности после трагического события, случившегося на Важеозере. С мая 1828 года в пустыни проживала коровница девица Ирина, дочь умершего штатного служителя Александро-Свирского монастыря Меркурия Григорьева⁸⁰.

---

⁷⁵ В 1835 году иеромонах возвращается в Олонецкую епархию, в Александро-Свирский монастырь, откуда 8 июня 1838 года отправляется капелланом на один из кораблей Балтийского флота. Попав в непривычную для себя обстановку, отец Иннокентий поддался искушениям, и уже 11 июля его вернули «за нетрезвое и вздорное поведение». В 1844 году он снова упомянут в числе насельников Задне-Никифоровской пустыни. См.: Там же.

⁷⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 29. Л. 203–203 об.

⁷⁷ Там же. Л. 66, 289–289 об.

⁷⁸ Там же. Л. 289–289 об.

⁷⁹ Там же. Л. 66.

⁸⁰ Там же. Оп. 3. Д. 45. Л. 211–216.

По своей неосторожности она умерла «от угару» в избе, где хранились выращенные овощи. Происшествие, как и полагалось, разбирали в Олонецком земском суде. При вскрытии могилы погибшей девицы выяснилось, что она была погребена «без гроба ниц лицом босая». На допросах иеромонах Варфоломей утверждал, что болел и девицу хоронили два монастырских работника. Его, однако, сразу отстранили от заведования Задне-Никифоровской пустынью и священнослужения до выяснения всех обстоятельств неясного дела⁸¹.

Новым управляющим временно стал белый священник *Алексий Григорьевич Водлицкий*. Сохранилась опись имущества, составленная им 24 января 1829 года: «Принято сей пустыни по обоимъ церквамъ церковное благолепие равно имущество, ризницу, сосуды серебряные, двои оловянные, книги и колокола по описи все сполна состоятъ въ целости, равно и по кельям домовое имущество, посуда столовая оловянная и палевая и деревянная по описи целая, самовар черной, чайник медный въ целости, чайной посуды не имеется. Также и по коровни три лошади, шесть коровъ, одинъ быкъ, малыхъ телятъ двое. Конская и крестьянская сбруя вся по описи въ целости. По анбару хлебныхъ припасовъ ржи 40 четвериковъ, овса 45 четвериковъ, ячменя 9 четвериковъ, муки намолотой 60 четвериковъ»⁸². Как видим, спустя три десятка лет после причисления к Александрo-Свирскому монастырю в важеозерской обители велось самостоятельное и довольно обширное хозяйство. На скотном дворе содержались три лошади, шесть коров, бык и два теленка⁸³. В амбаре хранились достаточные зерновые припасы (рожь, овес, ячмень). Состояние церквей в документе не описывается, но из текста следует, что их благолепие исправно поддерживается монахами. Отмечены три комплекта литургических сосудов, выполненных из серебра и олова. Все вещи, перечисленные в имущественной описи, были в целости на месте.

В апреле 1829 года в Задне-Никифоровской пустыни проживали монах Вениамин⁸⁴, послушник Александр, два работника Василий Дмитриев из деревни Новинки и Иван Егоров из деревни Коткозеро, а также

⁸¹ Там же. Д. 29. Л. 18–19.

⁸² Там же. Л. 177.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Монах Вениамин есть в списках братии Александрo-Свирского монастыря за 1817 год. Тогда ему был 51 год. Родился в городе Конотоп. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 17. Л. 167–178.

коткозерская же крестьянка коровница Агафья Яковлева⁸⁵. Количество животных на скотном дворе заметно убавилось: одна лошадь, две коровы и двое телят. Остальные были отданы в Александро-Свирский монастырь.

Священник Алексей Водлицкий недолго заведовал мужской обителью на Важеозере. Доставленный из Петрозаводска очередной указ Олонецкой духовной консистории, подписанный ее членами 20 мая 1829 года, сообщал о назначении другого управляющего вместо батюшки, который был нужен в самом Александро-Свирском монастыре для исправления череды священнослужения⁸⁶.

После него по выбору свирского архимандрита Варсонофия отвечать за имущество Задне-Никифоровской пустыни и следить за ее хозяйством стал иеромонах *Никандр*, при назначении которого 17 января 1830 года была снова проведена положенная в таких случаях проверка имущества⁸⁷. Благодаря довольно обстоятельной описи известны интересные подробности о монастырских постройках и их внутреннем убранстве. В поставленной незадолго до упразднения пустыни скромной деревянной церкви Преображения Господня по-прежнему находились *«царские двери простой гладкой работы, писаны красками»*. Перед образами невысокого двухъярусного иконостаса теплились четыре медные посеребренные лампы. За правым клиросом пребывала совместная икона преподобных Никифора и Геннадия Важеозерских. Церковное пространство во время воскресных и праздничных богослужений освещали свечи небольшого паникадила, выполненного из меди. Холщовый антиминос был освящен 14 декабря 1763 года известным новгородским митрополитом Димитрием (Сеченовым)⁸⁸. В монастырской описи перечислены напрестольный серебряный позлащенный крест, *«сосуды сребропозлащенные малой руки»*, ковшик для теплоты, *«еще двои сосуды оловянные»*. В келье управляющего поочередно упомянуты все находившиеся в ней вещи, принадлежавшие обители: семь икон, два стола, медный самовар, жестяной поднос, белый палевый чайник, четыре пары чайных чашек фарфоровых *«да две с позолотою»*, палевая сахарница, чайная серебряная ложечка, железные щипцы, медный рукомоийник, медная солонка, небольшое зеркало в золоченой раме, два стула простых. Недорогая посуда в братской кухне, где насельники пустыни собирались на трапезу за *«столом простой работы»*, была рассчитана на несколько

⁸⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 29. Л. 203–203 об.

⁸⁶ Там же. Л. 59.

⁸⁷ Там же. Л. 293А – 293Г.

⁸⁸ Митрополит Димитрий (1709–1767) совершал коронацию Екатерины II в Успенском соборе Московского Кремля.

человек (не более десятка): четыре больших оловянных блюда, девять тарелок и две миски из олова же, а также старьй чайник черной меди. В сарае при коровнике хранились разные хозяйственные инструменты: пять заступов, шесть кос, пять топоров, три отбойных молотка, две ручные пилы, «третья сортовка», долото, два струга, рубанок, скобель, три с половиной десятка серпов, безмен и три пешни. Тут же находились две лодки и три якоря. В бане, устроенной на берегу Важеозера, вода нагревалась в медном котле.

В конце 1830 года в истории приписной Задне-Никифоровской пустыни начался новый и важный период, связанный с появлением здесь знаменитого старца Исаии (в схиме Игнатия), перебравшегося на Важеозеро из Коневского монастыря на Ладожском озере вместе со своим братом Феодором и учеником отцом Герасимом (см. далее).

По всей видимости, с момента восстановления монашеской жизни в Задне-Никифоровской пустыни действовал общежительный устав. Александрo-Свирский монастырь являлся тогда штатной обителью второго класса, которая, подобно ставропигиальным Соловецкому и Симонову Московскому монастырям, с марта 1800 года получила «правила общежития»⁸⁹ по личному распоряжению новгородского митрополита Гавриила (Петрова). При этом они были «даны въ Александрo-Свирский монастырь неположительно во всемъ къ исполнению непременному и всегдашнему, а къ исполнению того, что по онымъ можетъ быть полезнымъ для обители до усмотрения»⁹⁰. Настоятели «имели управление по всемъ частямъ <...>. Трапеза, одеяние, обувь, келейные приборы, чай, сахаръ и все настоятелю и братии производились на братскую и неокладную сумму, денегъ же изъ техъ суммъ никому не выдавалось, штатное жалование получали по принадлежности, но въ хозяйственномъ управлении не видно никакой определенности»⁹¹. При архимандрите

⁸⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1915. Т. 1. С. 112.

⁹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 64. Л. 94–95.

⁹¹ Из рапорта архимандрита Павла на имя архиепископа Аркадия (Федорова) от 8 октября 1855 года. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 64. Л. 94. По мнению архимандрита Павла, именно «правила общежития» довели некогда процветающий монастырь до жалкого состояния к 1855 году: «Здания церковные и въ нихъ иконостасы, равно какъ и здания монастырские, находятся весьма въ обветшаломъ положении, особенно последние... Хозяйственная часть такъ запущена, что при принятии мною монастыря в сентябрь 1855 года не оказалось ни заготовлений для продовольствия, ни годныхъ хозяйственныхъ обзаведений, ни кухонныхъ, ни келейныхъ ни рухольныхъ даже и кладовой и рухольной надлежащей нетъ. Скотоводство, хлебопашество и огороды въ несоответствующемъ потребностямъ монастыря состоянии».

Иосифе монахи вместе со штатными служителями участвовали в осушении заболоченных земель: Александро-Свирский монастырь остро нуждался в новых полях для посева зерновых культур.

Ранее, с 1764 по 1799 год, по указанию новгородского митрополита Димитрия (Сеченова) было велено «разделять архимандриту кружку, а вкладные употреблять в монастырскую нужду и строение по своему усмотрению с приговором братским и по прежним обыкновениям»⁹². Таким образом, братские суммы, собранные от пения молебнов в кружку, делились настоятелем Александро-Свирского монастыря «на Богомоление и поминовение», «на одеяние, обувь, утешение и прочие келейные потребности». При этом «трапеза же имелась общая, какъ отъ землепашества, такъ и отъ неокладныхъ суммъ»⁹³. Уместно добавить несколько слов о том, как именно делилась церковная кружка между монахами до начала XIX века. На этот счет существовало особое правило: «настоятелю третью часть, а две части братии, по достоинству и заслугамъ, по усмотрению настоятеля съ советомъ старшей братии»⁹⁴.

Монахам и послушникам Задне-Никифоровой пустыни регулярно выдавалось из Александро-Свирского монастыря «казенное платье» (верхняя одежда на холодное время года, обувь и головные уборы). Благодаря сохранившимся спискам отпущенных из рухольной вещей можно представить, во что одевались монастырские насельники в начале XIX века. Иеромонах Мартирий, проживавший в важеозерской обители, по сведениям за 1806 год получил от монастыря на зиму овчиную белую шубу («крыта китайкою»), тулуп «серыхъ овчинъ», полушубок серых овчин, «рукавицы с денницами» (перчатки), «русские чулки» и «валяные носки» с юфтевыми сапогами. Из другой обуви в разное время года он мог носить мягкие козловые сапоги и «босавяки». В описи названы головные уборы отца Мартирия: плисовая камилавка, фланелевый клобук, поярковая (шерстяная) шляпа и черная «калмыдская» шапка. Монашеские облачения составляли

⁹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 64. Л. 94.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. Д. 64. Л. 95 об. Например, в 1758 году при архимандрите Андронике по одной доле получали казначей иеромонах Иона, иеромонах келарь, иеромонах Тарасий, иеромонах Павел, иеродиакон Филарет, иеродиакон Макарий, диакон Филипп; треть доли — пономарь монах Ефрем; из «крылоских»: четверть доли — иеромонах Пафнутий, две трети доли — подъячек Иван Егоров, 30 копеек — монах Мельхиседек, 1 рубль — Гавриил Парфенов, 60 копеек — Софон Михеев; певшие на клиросе ученики из примонастырской школы: по 30 копеек — Флор Авдиев и Карп Андреев; по 25 копеек — Феодот Терентьев; по 20 копеек — Василий Кирьянов, Харлампий Богданов, Григорий Семенов; по 10 копеек — Андрей Иванов, Неофит Елезаров, Иван Ферапонтов. См.: Там же. Л. 96 об. — 97.

две длинные рубашки, два подрясника из сукна, две рясы, мантия, кушак. Также в списке есть два халата (один тиковый, другой «белого канифасу»⁹⁵), рубашка с портками и отдельно двое портков. Таким образом, в начале XIX века набор одежды отца Мартирия включал рясы на разную погоду, подрясники и рубахи из шерстяных и хлопчатобумажных тканей, кожаные сапоги. Кроме того, он получал для кельи рушник (полотенце), тюфяк и подушку⁹⁶.

Старец Исаия Никифоровский и его ученики

Как верно отмечено в дореволюционном очерке по истории Александро-Свирского монастыря, старцы Феодор Свирский и будущий Лев Оптинский основали «школу монашества. К ним собралось много учеников для пользования их назиданиями в иноческой жизни»⁹⁷. Успешное развитие традиции старчества, заложенной в конце первой четверти XIX века Феодором Свирским, связано с именем Игнатия Важеозерского, или Исаии Никифоровского (мирское имя Иван Софронов), отличавшегося строгим образом жизни и особенным благочестием⁹⁸. Именно благодаря ему в 1830-е — начале 1850-х годов среди православных обителей Олонецкой епархии Задне-Никифоровская пустынь пользовалась особенным авторитетом у местного населения.

Отец Исаия родился в 1778 году в деревне Перес Нижне-Коломенской вотчины Старорусского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. Еще будучи совсем юным, он испытывал себя в так называемом келейничестве — мирской жизни в уединении с соблюдением безбрачия и монашеского подвижничества, построив себе хижину вне селения. В двадцать лет Иван покинул родные места и долго странствовал по разным обителям, включая Соловецкий монастырь и Киево-Печерскую лавру. Монашеский постриг он принял в 1819 году в греческом монастыре Пантакратор (Вседержитель)⁹⁹ на Афоне, где все свободное время посвящал

⁹⁵ Канифас — легкая хлопчатобумажная ткань.

⁹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6а. Л. 3 об.

⁹⁷ Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб., 1901. С. 164.

⁹⁸ Шевелкин И. Воспоминания о старце Исае, возобновителе Никифоровской пустыни // Душеполезное чтение. 1864. № 12. С. 111–119.

⁹⁹ Монастыри Святой горы Афон // Поместные Православные Церкви. М., 2004. С. 142–146.

изучению Священного Писания и святоотеческой литературы. После того как в 1821 году началась Греческая война за независимость против Османской империи, монах Исаия вместе со многими русскими черноризцами вернулся на родину. Он поселился в Рождественском Коневском монастыре на острове в Ладожском озере. С разрешения настоятеля молчаливый подвижник удалился в «пустыньку», располагавшуюся в двух верстах от обители, пребывая там *«въ подвигахъ поста и бденія, въ богомыслии и молитве»*. Ведомость о монашествующих уточняет, что монах подвизался в Коневском монастыре с 31 августа 1822 года и *«находился въ келейныхъ рукодельяхъ на безмолвномъ уединении»*¹⁰⁰.

В декабре 1830 года отец Исаия и подвизавшийся вместе с ним его родной младший брат Феодор по их просьбе были переведены в Александро-Свирский монастырь, точнее, в приписанную к нему Задне-Никифоровскую пустынь¹⁰¹. Первое время богослужения проводили поочередно приезжавшие со Свири иеромонахи. Четвертого декабря 1832 года олонецкий епископ Игнатий (Семенов) возвел во священство иеродиакона Феодора. Через три года пребывания на Важеозере тот отправился служить на флот священником¹⁰² (10 июня — 29 октября 1835 года), а *«по возвращении оттуда съ хорошимъ отъ командира корабля аттестатомъ»* был послан в Андрусову пустынь, чтобы возглавить ее общину¹⁰³. В отличие от уехавшего брата, отец Исаия не покидал ставшую родной важеозерскую обитель, где скромно жил в уединенной тесной келье. Во время ежедневных богослужений в монастырском храме он смиренно исполнял обязанности пономаря, *«показуя собой примеръ братіямъ и на всякое послушание»*¹⁰⁴. Фактически именно он являлся заведующим приписной пустыни.

Знакомство подвижника с влиятельными чиновниками помогло ему добиться самостоятельности для Задне-Никифоровской пустыни, которая к середине 1840-х годов представляла собой небольшую, но достаточно преуспевающую обитель. Прошение к синодальному обер-прокурору А. Н. Протасову о *«возможности къ независимому состоянію»* было

¹⁰⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 97 об. — 98.

¹⁰¹ С 1830 года вместе с отцами Исаией и Федором в Задне-Никифоровской пустыни проживал богорадник Григорий, позднее определенный в число послушников. См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 97 об. — 99.

¹⁰² По традиции военных моряков на российском флоте окормляли иеромонахи.

¹⁰³ Андрусова-Николаевская пустынь: Историко-статистический очерк / сост. Дамаскин, игум. СПб., 1856. С. 28–29; Кожсвникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск, 2017. С. 231–233.

¹⁰⁴ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 17 об.

написано от имени монаха Исаии¹⁰⁵. Позднее ему же было поручено, «*принявъ въ свое заведование пустынь, иметь ее въ своемъ управлении до определения действительного строителя*»¹⁰⁶.

В 1849 году отец Исаия принял схиму с именем Игнатий. В народной памяти долгие годы сохранялись о нем добрые воспоминания: «*Сам старец всегда и во всем служил примером для братии и трудился наравне со всеми: рубил дрова, носил воду, помогал в поварне и пекарне, трудился летом на огороде, обрабатывал землю под пашню и косил сено. Он вел суровый образ жизни и мало заботился об удобствах ея, проживая в землянке, устроенной им самим в предгории*»¹⁰⁷. Важеозерский старец «*пользовался авторитетом и уважением и был лично известен Московскому и Санкт-Петербургскому митрополитам — Филарету и Серафиму и многим высокопоставленным лицам, с которыми беседовал*»¹⁰⁸. Со всех уголков страны к нему стекались просьбы о молитвенной помощи. В коллекции документов Александрo-Свирского монастыря уцелела посланная 17 августа 1844 года «*записка въ Никифоровскую пустынь къ отцу Исаие о поминовении за упокой чрез целый годъ великой княгини Александры Николаевны*» — младшей дочери Николая I, умершей от тяжелой формы туберкулеза вскоре после родов¹⁰⁹.

Схимонах Игнатий мирно отошел ко Господу в воскресный день 20 апреля (по старому стилю) 1852 года, через три недели после Пасхи, в возрасте 72 лет. «*Старец приобщился и с особенною задумчивостью взглядывался в местные иконы. Как он себя ни чувствовал слабым, но по просьбе братии, рад праздника, он пошел на трапезу, но почти ничего не ел. Когда в два часа некоторые из братии пришли к нему, он сказал: Затеплите пред иконами лампадки. Я умираю. Слава тебе, Господи! Братия в страхе заплакала. Старец сидел молча, в полном самоуглублении. Пробыло три часа (по восточному девять), время крестной смерти Спасителя, и один брат подумал, не в этот ли час отойдет к Богу душа старца. Проникая в эту мысль, старец*

¹⁰⁵ Указ Святейшего Синода «об оставлении приписанную к Александрo-Свирскому монастырю Задне-Никифоровскую пустынь самостоятельной» датирован 6 февраля 1846 года. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26/3. Л. 1–1 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁰⁷ Цит. по: Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда. Петрозаводск, 1901. С. 5. Схимонах Игнатий упоминается среди олонецких подвижников благочестия в докладе членов Олонецкой духовной консистории. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 75/29. Л. 20–20 об.

¹⁰⁸ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 4.

¹⁰⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 240.

обернулся к этому брату и посмотрел на него долгим любящим взором. Через несколько минут душа старца отлетела»¹¹⁰. Его похоронили под возводившимся тогда в обители каменным Всехсвятским храмом, где его мощи почивают до наших дней.

Прожив долгую праведную жизнь, подвижник обрел много учеников. К нему шли те, кто искал духовного прозрения, желал постичь монашескую аскезу. Когда старец уходил из Коневецкого монастыря, за ним захотел последовать его преданный воспитанник иеромонах Иосиф. В 1831 году он просил о переводе в Задне-Никифоровскую пустынь, потому что хотел быть в одной обители вместе со своим старцем: *«Имея постоянное расположение къ пустынной богомольной жизни, уже несколько проходимой мною, я давно желалъ найти обитель, соответствующую таковому расположению моему и своей уединенностию и мирнымъ устройствомъ любящего безмолвие братства <...>. Задне-Никифоровская пустыня единственная въ своем роде какъ по уединению и безмолвию, такъ наипаче по малочисленности единокорного братства, руководствуемого опытнымъ въ духовной жизни старцемъ, коего советами и наставлениями я пользовался съ назиданиемъ уже более семи летъ, и теперь всеусердно желаю быть подъ его руководствомъ»*¹¹¹.

Настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Варсонофий был вынужден отказать просителю. В братской общине тогда насчитывалось 13 иеромонахов, 3 священника, 5 иеродиаконов, диакон, 4 монаха и 6 послушников, всего 32 насельника вместо положенных по штатному расписанию 26 человек. Приписной Задне-Никифоровской пустынью, где молитвенный подвиг несли родные братья Исаия и Феодор, официально управлял иеродиакон Иона¹¹².

По данным ведомости «о бытии монашествующих у исповеди и святого причастия» за 1837 год, в кельях на Важеозере вместе с монахом Исаией подвизались ставшие его воспитанниками рясофорные послушники Михаил Шевандин, Григорий Тихонов и Роман Прокопиев, которых во время четырех постов исповедовал и причащал священник, приехавший из Коткозерского прихода¹¹³. Все три послушника в скором будущем были пострижены в монашество с именами Митрофан, Герасим и Прохор. Они сыграли видную роль в истории монашества Олонецкой епархии,

¹¹⁰ Поселянин Е. Н. Русские подвижники 19-го века. СПб., 1910. С. 147.

¹¹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 40/47. Л. 1.

¹¹² Там же. Л. 2–2 об.

¹¹³ Там же. Оп. 3. Д. 3/35. Л. 7.

продолжая развивать традиции старчества на Важеозере после смерти схимонаха Игнатия. Богослужения в приписной пустыни с 1839 года совершал иеромонах Корнилий, который проживал в ней с 1833 года в качестве богорадника, а затем послушника¹¹⁴.

Из сохранившихся в архиве ведомостей известны биографические сведения о каждом из важеозерских насельников. В 1844 году в приписной пустыни проживали иеромонахи Прохор и Иннокентий, иеродиакон Митрофан, монахи Исаия и Герасим, два послушника¹¹⁵. Иеромонаху Прохору (Прокопиеву) в тот год исполнилось 43 года. Он родился в деревне Федяково Вологодского уезда Вологодской губернии в семье господского крестьянина¹¹⁶. По указу Олонецкой духовной консистории от 5 сентября 1836 года вольноотпущенного Романа определили по его прошению в число послушников Александрo-Свирского монастыря. Здесь 6 ноября 1837 года он был пострижен архимандритом Варсонофием в рясофор, 10 февраля 1839 года — в монашество. Через полтора года, 9 июня 1840 года, олонецкий архиепископ Игнатий (Семенов) рукоположил его во иеродиакона, а 16 июня того же года — во иеромонаха. *«Исправляетъ священнослужение и другіе послушанія въ приписной Задненикифоровской пустыни»*, — сообщается в его послужном списке. Именно иеромонах Прохор, пользовавшийся среди монашествующих большим уважением и авторитетом, по выбору архимандрита Варсонофия выполнявшего обязанности благочинного монастырей, участвовал в разбирательстве «секретного дела» Андрусовой пустыни в 1844 году¹¹⁷.

Иеродиакона Митрофана до принятия пострига, как указывалось выше, звали Михаилом Шевандиным¹¹⁸. Он был уроженцем Невельского уезда Витебской губернии из господских крестьян статского советника Михаила Жуковского. В архиве сохранились документы, связанные с его принятием в монашеское братство по просьбе отца Исаии¹¹⁹. Архимандрит Варсонофий 5 июля 1832 года сообщал об этом епископу: *«Поданное мне помещикомъ Витебской губернии статскимъ советникомъ и кавалеромъ Михаиломъ Стефановымъ сыномъ Жуковскимъ*

¹¹⁴ Там же. Оп. 15. Д. 28/725.

¹¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 88–112.

¹¹⁶ Там же. Л. 93–94 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 182–204.

¹¹⁸ Там же. Л. 96 об. – 97.

¹¹⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 17/382.

отъ отпущенного въ монашество Михаила Емельянова прошение о принятии его въ число братии вверенного мне монастыря съ помещениемъ его на жительство въ приписную Задне-Никифоровскую пустыню и приложенный при ономъ прошении увольнительный документъ при семъ Вашему Преосвященству представляя на Архипастырское благорассмотрение, прошу покорнейше не соблаговолено ли будетъ означенного просителя Михаила Емельянова определить въ число братии вверенного мне монастыря, съ помещениемъ его на жительство въ Задне-Никифоровскую пустыню, такъ какъ заведывающий оною пустынею монахъ Исаия объявивъ мне, что сей проситель къ послушаниямъ способенъ и для него по пустыне нуженъ, просилъ исходатайствовать у Вашего Преосвященства ему Стефану указное определение»¹²⁰. Просьба важеозерского старца была уважена: Михаил официально стал послушником 7 июня 1833 года. Через четыре года, в 35-летнем возрасте, его постригли в монашество с именем Митрофан, во священство возвели 6 декабря 1838 года.

Ближайшим учеником отца Исаии был монах Герасим (мирское имя Григорий Тихонов), который по примеру учителя всю жизнь оставался простым монахом. Он появился на свет в деревне Блитово Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии в крестьянской семье¹²¹. С 1830 года проживал по паспорту в Задне-Никифоровской пустыни богорадником, а после увольнения от сельского общества 21 мая 1837 года указом консистории был определен послушником Александрo-Свирского монастыря. В рясофор его постригал архимандрит Варсонофий в один день вместе с отцом Прохором 6 ноября 1837 года, а в монашество — 12 февраля 1839 года.

Кроме монахов в приписной обители накануне возвращения ее самостоятельности находились два послушника, Никита Иванов и Дмитрий Мирошников¹²². Первый был родом из крестьян деревни Маньга Петрозаводского уезда; в послушники его зачислили 5 августа 1839 года. Второй, Дмитрий Мирошников — будущий архимандрит Даниил — происходил из господских крестьян слободы Алексеевка Бирюченского уезда Воронежской губернии. Первое время он подвизался богорадником по увольнительному документу с мая 1841 года, а затем в 1843 году был «определенъ въ число послушниковъ съ надеждою пострижения въ монашество».

¹²⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 17/382. Л. 1–1 об.

¹²¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 97 об. — 99.

¹²² Там же. Л. 108 об. — 110.

К середине 1840-х годов Задне-Никифоровская пустынь была полностью готова, чтобы обрести самостоятельный статус и перестать зависеть от Александрo-Свирского монастыря. Преображенский храм был основательно обновлен на средства, привлеченные отцом Исаией. Об этом пишет в рапорте архимандрит Варсонофий в Олонецкую духовную консисторию 9 декабря 1844 года: «деревянная церковь съ колокольнею въ приписной къ вверенному мне монастырю Задненикифоровской пустыне, во имя Преображения Господня подъ надзоромъ моимъ и заведывающаго оною пустынею монаха Исаии на сумму, отъ Санкт-Петербургскихъ купцовъ по личной ихъ къ монаху Исаии расположенности пожертвованную, съ наружной стороны новымъ тесомъ съ окраскою онаго маслянною краскою обшита прочно и благоприлично и подъ углы оныя церкви для прочности по одному дикому камню подложено; суммы на сии предметы употреблено до 2 тыс. рублей ассигнациями»¹²³.

Паломников привлекала в Задне-Никифоровскую пустынь строгость иноческой жизни и присутствие в стенах обители опытных в духовной жизни старцев-аскетов, слава о которых быстро и широко распространялась по Олонецкой губернии и за ее пределами¹²⁴. Годы ученичества, проведенные в «афонской монашеской республике», укрепили монаха Исаию в уверенности придерживаться киновиального (т. е. общежительного) устава. Заведенные им порядки — прежде всего ежедневное богослужение в храме — старались сохранять его ближайшие преемники.

Олонецкий епископ Венедикт и старец Исаия Никифоровский

Задне-Никифоровская пустынь получила самостоятельность при олонецком епископе Венедикте (Григоровиче), который окормлял Олонецкую епархию в 1842—1850 годы¹²⁵. Архивные документы донесли до нас любопытные сведения о том, как владыка попытался забрать в штат

¹²³ Там же. Л. 261.

¹²⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 52/2. Л. 43; Там же. Оп. 1. Д. 75/12. Л. 98.

¹²⁵ При этом первые пять лет он оставался в Санкт-Петербурге для присутствия на заседаниях Святейшего Синода. Из двенадцати олонецких архиереев еще двое — Аркадий (Федоров) и Никанор (Надежин) — удостоивались такой высокой чести. См.: Деятельность архиепископа Аркадия // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 2—3; Преосвященный Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский: Некролог // Известия общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5—6. С. 59; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. Петрозаводск, 1864. С. 181.

своего архиерейского дома важеозерского монаха Герасима, хорошо разбиравшегося во всех тонкостях земледелия. Он ему понадобился для ведения хозяйственных дел на Древянке, где находилась его резиденция.

Следует пояснить, что при создании Олонецкой епархии для загородного дома владыки петрозаводское общество выделило участок земли (255 дес. 1332 кв. сажени) «отъ такъ называемаго большого моста черезъ реку Лососинку до общественнаго сада три огорода и гору, называемую Древянка, съ пашней и покосами къ ней»¹²⁶. В архиерейской усадьбе построили две деревянные избы в одной связи со службами (каретником, скотными хлевами, санным сараем), «мастерскую избу», баню и «осмиугольную беседку съ куполомъ»¹²⁷. Несмотря на то что Древянка была покрыта «дикимъ лесомъ, негоднымъ даже для дровъ, и камнемъ огромной величины, а по местамъ болотомъ и водой», под руководством первого олонцкого архипастыря — архиепископа Игнатия (Семенова) — здесь устроили образцовое по тем временам хозяйство¹²⁸. Кроме обширных и хорошо возделанных полей и лугов, на Древянке раскинулась красивая роща на высокой горе, откуда виднелся весь Петрозаводск и Онежское озеро¹²⁹.

При архиепископе Венедикте, занявшем олонцкую кафедру после отъезда Преосвященного Игнатия, срочно потребовались монахи и послушники, хорошо разбиравшиеся в вопросах сельского хозяйства. До владыки дошли сведения об опытности отца Герасима. Недолго думая, он повелел перевести его в штат архиерейского дома и назначить помощником эконома «на хозяйственность по Древянке»¹³⁰. Консistorский указ об этом был подписан 31 июля 1844 года¹³¹.

¹²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 29. Л. 62–63 об.; Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. Петрозаводск, 2001. Кн. 2. С. 271–272.

¹²⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 130/2460. Л. 52–54.

¹²⁸ Примечательно, что в богатой библиотеке первого олонцкого архиерея заметную часть занимали книги по ведению сельского хозяйства, например, «Энциклопедия сельского хозяйства», «Мысли о сельском хозяйстве», «Наблюдения и опыты по части сельского хозяйства». См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 130/2460. Л. 43.

¹²⁹ Позднее, в 1871 году, в одном из деревянных домов, который служил летней резиденцией олонцкого владыки, по желанию Преосвященного Ионафана (Руднева) появилась небольшая церковь в честь Преображения Господня и иконы Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина». См.: Олонцкие губернские ведомости. 1871. № 42; Кожевникова Ю. Н. Малые церкви и часовни Петрозаводска: История, традиции, святыни второй половины XIX — начала XX в. // Краевед: Сборник статей. Петрозаводск, 2007. С. 68–78.

¹³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 238 об. — 239.

¹³¹ Там же. Л. 276.

Старец Исаия не хотел расставаться со своим любимым собратом и написал настоятелю Александрo-Свирского монастыря архимандриту Варсонофию о том, что монах Герасим неспособен из-за плохого здоровья «исправлять должность на Древянке»¹³². Тот немедленно отправил рапорт в Петрозаводск со словами: «Вверенного мне монастыря монах Исаия, заведующий приписною къ сему монастырю Задне-Никифоровскою пустынею, 29 минувшего августа донесъ мне, что отправленный мною въ оную духовную консисторию съ билетом отъ 3 того августа за № 62 монахъ Герасимъ, прибывъ въ оную пустынь, на другой день по получении помянутаго билета сделался нездоровъ и до выздоровления въ духовную консисторию явиться не можетъ»¹³³. Эти новости вызвали сильное недовольство владыки, который был известен своей неуравновешенностью и, судя по отзывам современников, «в сношениях с подчинёнными был бранчив, груб, недоверчив и подозрителен»¹³⁴.

Пространная архиерейская резолюция от 9 сентября 1844 года на рапорте архимандрита Варсонофия гласила: «Охотно готовъ поверить преподобию отцу Исаии, что Герасимъ, уведомившись объ резолюции касательно перемещения его въ Архиерейский Домъ для помощи въ чемъ необходимо, впалъ отъ печали и скуки въ горячку. Весьма напрасно болезнующего такими тремя болезнями и отправили туда, лучше бы сделали, если бъ о томъ жалости достойномъ приключении отрепортовали предварительно. Отправляя, может быть, полагали, что человекъ выздоровелъ, поелику известно, что на новом месте, будучи и здоров, ничего онъ не делает да и делать не думает, а это есть следствие горячекъ совсемъ другого уже рода. То предлагается Духовной Консистории скорее отослать этого монаха назадъ, да исцелеетъ тамъ отъ недуговъ своихъ. Обойдемся, дастъ Богъ безъ этакихъ сотрудниковъ»¹³⁵. Монах Герасим благополучно вернулся в Задне-Никифоровскую пустынь.

---

¹³² Там же. Л. 63.

¹³³ Там же. Л. 119.

¹³⁴ Святейший Синод и состав его в царствование императора Николая I // СИРИО. СПб., 1902. Т. 113, кн. 1. Материалы для истории Православной Церкви в царствование Николая I. С. 87.

¹³⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 63.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) и Задне-Никифоровская пустынь

Летом 1843 года в Александро-Свирском монастыре проездом останавливался благочинный монастырей Санкт-Петербургской епархии будущий святитель Игнатий (Брянчанинов), когда-то бывший послушником этой прославленной обители. В тот краткий визит он впервые встретился со старцем Исаией, о чем написал своему делопроизводителю Павлу Петровичу Яковлеву: *«В Свирском провел я время довольно приятно, познакомился с отцом Исаиею, который приехал со мною и в Введенский»*¹³⁶. Благочинный был наслышан об исключительных духовных качествах важезерского монаха и, скорее всего, просил его мудрых наставлений по поводу разбиравшегося тогда дела о «нестроениях» в Введено-Островском монастыре на Ояти¹³⁷.

Архимандрит Игнатий часто отправлял страждущих к старцу Исаие. Из его опубликованных писем известно, что он советовал одной монахине из Старо-Ладожского Успенского монастыря побывать на Важеозере, чтобы избавиться от искушавших ее желаний перейти в другую обитель: *«Что может быть тяжелее состояния души, томимой искушениями? Это пребывание во аде, в вечных муках. Воспоминание о них облегчает здешние искушения. “Враг мой, — говорит (в Лествице) уныние, — есть память смертная”. Вспомните об обществе бесов во аде и — искушения сделаются для вас легкими. Если помысел Ваш отстраняет пример Затворника рукою смирения, по крайней мере таким кажущегося по наружности, то послушайте совет святого Иоанна Лествичника, говорящего в 4-й степени своей Лествицы так: “Легко решающиеся на прехождение с места на место вполне неискусны: ибо ничто так не делает душу бесплодную, как нетерпение... преходя, ты можешь потерять то искупление, которым тебя искупил Христос”. Святой Григорий Синайский уподобляет преходящих с места на место пересаживаемым деревьям, при каждой пересадке находящимся в опасности*

¹³⁶ Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова. М., 2011. Т. 2. С. 588.

¹³⁷ В письме П. П. Яковлеву от 27 августа 1843 года Игнатий сообщает: *«26-го рано утром выехали в проливной дождь из Старой Ладogi и в 8-м вечера прибыли в Введенский, где застали о. Строителя больным... я послал с утра гонца в Никифоровскую пригласить о. Исаию»*. См.: Полное собрание писем... Т. 2. С. 587.

погибнуть, а уже непременно теряющим значительную часть силы своей. По всему, что ощущаю из письма Вашего, и по всему, что вижу из святых Отцов, не даю вам совета к прехождению. Для отрады же души Вашей советую съездить в Никифоровскую пустыню Олонецкой епархии к старцу Исаии. Его беседа будет вам отрадна, и думаю, что он подтвердит мой совет вам и скажет вам с откровенностию, что помыслы Ваши о прехождении не что иное, как злострое советование бесовское»¹³⁸.

После знакомства между благочинным и старцем завязалась переписка. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде П. П. Яковлева, сохранились три послания отца Исаии, полученные архимандритом Игнатием в 1843 году¹³⁹. В одном из них, датированном 13 октября 1843 года, он пишет об исключительной важности их встречи для себя, отвечает на вопросы благочинного и приглашает его навестить Задне-Никифоровскую пустынь по пути на Валаам: «Во-первых, воздадим благодарение Господу Богу, приведем нас в познание Друг Друга, в известное время видеть и наслаждаться Духовною беседою и Единомыслием. Сколько я живу на свете, жил в разных местах и имел беседу со многими, но не нашел человека так по сердцу, как ты, Отец Игнатий. Письмо твое я получил 28-го Октября и в нем читаю, как в сердце моем, все расположение Добрай Души Твоей. И очень сожалею о несогласии Отца Аполлоса: я ему писал и советовал всячески со смирением примириться с Вами; но ответа от него не получил. Что делать, это Вам явный пример, узнайте Державу нынешнего времени: что не можем жить по отцам. И те, которые имеют ревность ко спасению и веру к Настоятелю, пока еще новоначальные и малозначащие, до тех пор и мирно и хорошо. А как войдут в знание, тогда горе ученику и учителю с ним, виждь нонешний успех и разум. Еще ты пишешь, что желал бы видеть меня в Вашей Обители; это еще и благое, усердное желание, но неудобное оно исполнение. А потому и прошу тебя, Бога ради, увольте меня от сего послушания. Во-первых, и лета мои не позволяют, также и слабость здоровья. А главное и самое нужное, удаление от Мира: вспомни, что я должен ехать во многолюдный Град С. П. и сколько я должен видеть разных обстоятельств, лиц и нравов в моем к тебе путешествии.

¹³⁸ Полное собрание писем... Т. 3. С. 374.

¹³⁹ ОР РГБ. Ф. 425. Картон 3. № 47. Опул. в кн.: Полное собрание писем... Т. 1. С. 508–511.

Видеть строение Вашего монастыря; красно и согласно в нем поющих; все это хорошо по внешнему и для миру: но есть ли внутреннее устройство. Испытай и виждь нонешние успехи Духовной жизни; не Душевной, но Духовной. Если я приеду, то однако не надеюсь, чтобы мог пользоваться кого своим советом. Да без веры и говорить нельзя всякому сие. Отцы Святые празднословием называют. И так кроме самого тебя не на что обратить внимания. А потому и прошу тебя Бога ради, если ты желаешь спокойствия моего, Душевного и телесного и любишь меня о Господе, в чем я и не сомневаюсь, то прошу тебя Бога ради, ты и сам этого не желай. А если приведет Бог имиже весть судьбами еще видеться с тобою, то я почти это за великое удовольствие. Если случится тебе проезжать на Валаам, прошу тебя покорно заезжай ко мне в Никифоровскую пустынь, с Валаама проселочными дорогами недалеко можно проехать, я бы лучше желал видеть тебя в пустыне, нежели в Петербурге, уведоь меня об этом. Теперь я маленько свою келлию преустроил и не хочется расстаться с любимым мне безмолвием. Если же не случится тебе заехать, тогда еще Бог восхоцет и живы будем, нешто весною вздумаю побывать к тебе, и на долгое время, месяцев на пять или шесть к тебе на Духовный пир. Однако я думаю, что присутствием своим я не сделаю тебе удовольствия, а напротив того тут могут быть большие неприятности, потому что если я увижу нестроение в твоём монастыре, то я по невежеству своему не умолчу. И тогда ты умаловеришься ко мне. А я и отсюда вижу, что устройство твоего монастыря не Духовное, но душевное. А в Душевном делании только ум умножают, а Души не оживляют и живота не ощущают. Просим Ваших Святых молитв и благословения. Остаемся должныи Богомольцы монах Исаия о Христе с братию»¹⁴⁰.

Как видно из сохранившихся писем, архимандрит Игнатий неоднократно приглашал важеозерского старца погостить в своей Сергиевой пустыни¹⁴¹, однако отец Исаия ссылался на проблемы со здоровьем и отказывался от поездки: «Ты все желаешь видеть меня в вашей Обители, и я бы не отказался, но слабость здоровья моего не позволяет. И теперь два месяца так болен, что иногда и живота отчаиваюсь, и это со мною

¹⁴⁰ Полное собрание писем... Т. 1. С. 508–509.

¹⁴¹ Этот монастырь был основан в правление Анны Иоанновны, которая пожаловала для него бывшую мызу своей сестры царицы Екатерины Иоанновны в Стрельне. Расцвет мужской обители связан с именем архимандрита Игнатия (Брянчанинова), бывшего ее наместником с 1834 года.

случается почти каждую зиму. А летом мне легче бывает, как и сам ты видел. Тем-то я и обещался к вам летом побывать... А нынче я весьма слаб здоровьем, едва дойду до церкви, занимается дух, и тому малое облегчение от присланного от отца Аполлоса рискового балъзяну, и уже dokonчился, и отец Аполлос обещал к нам побывать, и вы его благословите и соблаговолите с ним мне прислать рискового балъзяну и балъзяной водки два полуштофика» (письмо от 7 декабря 1843 года)¹⁴².

В конце декабря 1843 года отец Исаия пишет архимандриту Игнатию о своем улучшившемся самочувствии и намерении вскоре посетить Сергиеву пустынь, попутно поясняя, как быстрее оформить для себя необходимый проездной документ (каждый монах, отправляясь из монастыря в другое место по каким-то делам, должен был иметь при себе «билет», выданный из местной духовной консистории): «Объясняю вам о моем обстоятельстве. Ныне чувствую облегчение своей болезни, и, если Господь соблаговолит, желаю прибыть в вашу обитель для личного с вами свидания. И наслышан я, что весьма удобно и можно из домовой Канцелярии от Преосвященного нашего Венедикта чрез вас выслать мне пропуск или билет для прибытия к Его Преосвященству Венедикту. И если можете сделать чрез такой случай, весьма бы мне спокойно выбыть к вам. А форменно весьма будет затруднительно и медленно. И если эдаким случаем будет сделать невозможно, то поскорее попросите Отца Архимандрита Варсонофия (настоятеля Александрo-Свирского монастыря. — Ю. К.), чтобы меня соблаговолит отпустить к вам. И меня о всем уведоьте... Еще отец Аполлос пишет, чтобы уведомить вас рекомендацией о Ладожском племяннике отца Герасима Петре Сергееве. Он у меня жил прежде, и я с ним имел общение и ныне с ним и с его семейством часто имею и рекомендую вам. Они весьма поведения обстоятельного и верны и благонадежны»¹⁴³.

В проездном документе, выданном старцу 3 января 1844 года, сообщалось: «Предъявитель сего Олонецкой епархии Никифоровской пустыни монахъ Исаия по прошению его и резолюции Преосвященнаго Венедикта, архиепископа Олонецкаго и Петрозаводскаго, уволенъ Санкт-Петербургской епархии въ Сергиевскую первоклассную пустыню срокомъ отъ нижеписаннаго числа на два месяца»¹⁴⁴.

¹⁴² Полное собрание писем... Т. 1. С. 510.

¹⁴³ Там же. С. 511.

¹⁴⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 119.

В Сергиевой пустыни старец Исаия провел полтора месяца. Архимандрит Игнатий сообщал в Олонецкую духовную консисторию 13 марта 1844 года о его скором возвращении в Задне-Никифоровскую пустынь: «Монахъ Исаия по прибытии въ Сергиеву пустыню, состоящую близъ Санкт-Петербурга, въ первыхъ числахъ февраля месяца сего 1844 года пользуюсь былъ въ оной по настоящее время отъ болезни докторомъ Стрельнинскаго дворцоваго ведомства медик-хиругомъ Бутузовымъ, а сего числа изъ Сергиевой пустыни выбылъ для следования въ свою обитель»¹⁴⁵. Как видно из приложенного к рапорту медицинского свидетельства, во время пребывания в Сергиевой пустыни важеозерский старец попутно лечил свое хроническое легочное заболевание: «Олонецкой епархии Никифоровской пустыни монахъ Исаия со дня прибытия своего въ Сергиеву пустынь въ первыхъ числахъ прошлаго февраля месяца пользуюсь былъ мною по сие время отъ застарелаго удущья, сопровождаемаго лихорадочными припадками, и получилъ выздоровление, въ чемъ свидетельствую»¹⁴⁶. Документ был подписан медико-хиругом Бутузовым, доктором Двора и Мызы Стрельны Его Императорского Величества Великого Князя Константина Николаевича.

Когда в 1846 году отец Исаия хлопотал в Санкт-Петербурге об отделении приписной Задне-Никифоровской пустыни от Александровского монастыря, он поселился у статс-дамы Татьяны Борисовны Потемкиной, которая ходатайствовала за него перед бывшим синодальным обер-прокурором А. Н. Голицыным. Известная своей благотворительной деятельностью Т. Б. Потемкина — супруга действительного тайного советника Александра Михайловича Потемкина — «болела за всех бедствующих и страждущих своею прекрасною душою»¹⁴⁷. Она часто посещала Сергиеву пустынь и много жертвовала в ее пользу. Сохранились воспоминания Татьяны Борисовны о старце Исаие: «Такого человека, каков был о. Исаия, я более не видала, в нем было что-то особенное, невольно привлекавшее к нему душу. По наружности был он весьма прост и молчалив, но зато, когда начнет бывать говорить, то всякое его слово звучало силою необыкновенною. Даже в молчании своем, одним присутствием своим имел он заметное влияние на ближних. Однажды было у нас довольно посетителей, в том числе одна моя родственница, весьма не расположенная

¹⁴⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 119 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 120.

¹⁴⁷ Аскоценский В. И. Татьяна Борисовна Потемкина // Домашняя беседа. 1869. Вып. 29. С. 762–763.

к монашеству. О. Исаия тоже приглашен был к закуске: он поместился в дальнем углу залы и, по простоте своей, руками начал очищать рыбные кости поданного ему кушанья. Родственница моя, видимо, этим возмущалась. Старец, взглянув на нее пристально, взялся за вилку и нож. Взгляд его был так пронизателен, что родственница моя долго потом не могла его забыть. По ее словам, точно сила какая коснулась ее тогда, потрясла все ее существо. <...> А как он молился! Бывало в церкви взглянуть на него не решалась я, потому что лицо старца при молитве точно озарялось светом неземным. Просишь бывало его, — помолитесь, батюшка, о том, о другом. “Для чего молиться о многом? — ответит он сурово. — Молиться нужно об одном, о спасении, о помиловании души, о прощении грехов; а прочее все, Господь сказал, приложится вам”. Скорби наши о. Исаия считал сокровищами бесценными, и всегда удивлялся моим иногда жалобам, говоря: “что за скорби теперь? вот будет скорбь, когда не увидим ей конца — мука вечная. Пред эту скорбь всякая временная скорбь покажется шуткою”¹⁴⁸.

Архимандрит Игнатий всегда интересовался событиями, происходившими в Задне-Никифоровской пустыни, хотя она и не входила в состав Санкт-Петербургской епархии и не подчинялась ему как благочинному. Он всемерно поддерживал стремление отца Исаии добиться самостоятельности для важеозерской обители и радовался его успеху. Зимой 1846 года они снова встретились в Сергиевой пустыни. Об этом он напишет иеромонаху Макарию в Оптину пустынь 12 февраля 1846 года: «В настоящее время гостит у меня Отец Исаия, монах, а ныне и Строитель Никифоровской пустыни, которая на днях отделена от Свирского монастыря и образован из нее скит. Он, возвращаясь из Афонской горы, был в Площанской пустыни, гостил там три дня, был принят Вами и покойным старцем Афанасием; он просил меня засвидетельствовать Вам от него поклонение с прошением Святых Молитв»¹⁴⁹.

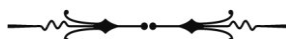
После кончины важеозерского старца архимандрит Игнатий долгие годы продолжал общение с его учеником и постриженником Задне-Никифоровской пустыни иеромонахом Феофаном, который в 1857 году стал духовником при Андреевской церкви Ставропольского архиерейского дома (архимандрит Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского с местопребыванием в Ставрополе). Летом 1861 года часто недомогавший владыка ушел на покой с епископской кафедры и удалился

¹⁴⁸ Полное собрание писем... Т. 1. С. 506–507.

¹⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 66.

в Николо-Бабаевский монастырь вместе с отцом Феофаном и другими своими верными сподвижниками (игуменом Иустином и ризничим иеромонахом Каллистом)¹⁵⁰. «Теперь я в своем кругу! Среди братьев, несущих мои немощи. Весьма сошелся с отцом Феофаном, бывшим Никифоровским, который здесь помаленьку старчается. И прежнее братство Бабаевское простое, с пустынным направлением, мне, старику, на руку. Монастырь преуединенный, особливо зимою. Слава Богу, давшему покой после продолжительного обуревания. Здоровьишко очень слабо, и за то слава Богу!» — сообщал епископ Игнатий оптинскому монаху Михаилу в письме от 10 марта 1862 года¹⁵¹.

---

¹⁵⁰ Полное собрание писем... Т. 2. С. 267.

¹⁵¹ Там же. С. 512.

Глава 7

«Оставлена самостоятельной»

Официально самостоятельность Задне-Никифоровская пустынь приобрела в 1846 году, одной из первых среди приписных обителей Олонецкой епархии. К тому времени зависимость от Александро-Свирского монастыря стала обременять ее управляющего и монашескую общину. Архимандрит Варсонофий, будучи благочинным, часто посещал важезерских монахов и отмечал, что они полностью обеспечивают себя всем необходимым для жизни. Он поддержал инициативу старца Исаия, обратившегося к синодальному обер-прокурору Николаю Александровичу Протасову с прошением, в котором говорил о возможности дальнейшего существования фактически возрожденной Задне-Никифоровской пустыни без помощи Александро-Свирского монастыря.

Отец Исаия писал о ставшей родной обители, что она *«издавно содержалась и ныне содержится от принадлежащих ей угодий, на которые имеются надлежащие документы и от пожертвований благотворителей, имея при том и все средства к отправлению Богослужения и возможность к независимому существованию»*. Он справедливо полагал, что *«в таком положении братия ее не может не желать видеть у себя свое собственное управление, тем более, что нынешния отношения ее, как приписной, по самому значению их, подчиняя и хозяйство, и весь церковный порядок ее непосредственному влиянию настоятеля Александро-Свирского монастыря, лишает братию возможности поставить пустынь на ту степень благосостояния, на которой она могла быть при самостоятельности ее»*. Для большей убедительности мудрый старец высказывал мысль о «полезности» самостоятельной пустыни в борьбе с «расколом»: *«Сверх того, обитель сия при самостоятельности и всегдашнем усердии к ней окрестных сынов Православной Церкви получит гораздо более средств к распространению благочестия в окрестном народе и впоследствии по мере возрастания усердия к ней, может сделаться оплотом для православных от всяких раскольников, живущих в окрестностях ее в немалом количестве»*¹.

---

¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26/3. Л. 1–1 об.

Вместе с отцом Исаией на берегу Важеозера ежедневно трудились и молились его верные ученики. Монастырские земли, расположенные рядом с мужской обителью, разрабатывались под пашню и сенокосы, старинные деревянные храмы Преображения Господня и Благовещения Богородицы были поставлены на прочные фундаменты из «дикого камня», покосившаяся от времени небольшая часовня над погребениями основателей пустыни перестроена. Братские кельи, трапезная, хлебопекарня, баня, скотный двор — в пустыни имелись все необходимые для жизни постройки и службы.

Важеозерская братия просила о том, чтобы их обитель «считалась впредь самостоятельной с наименованием ей семибратским штатом; оставлена была при тех угодьях и средствах, какие имеются у нее в настоящее время; освобождена была от всякого влияния настоятеля Александро-Свирского монастыря и чтоб по поставлении строителя в ней состояла по делам своим в непосредственном ведении Олонецкой консистории и епархиального архиерея»².

Высокий духовный авторитет важеозерского старца сыграл свою роль и ускорил решение важного вопроса о независимости Задне-Никифоровской пустыни: синодальным указом от 6 февраля 1846 года она «освобождена была отъ всякого влияния настоятеля Александро-Свирского монастыря» с оставлением при ней всех земельных угодий³. «Олонецкие губернские ведомости» сообщали об этом значительном событии в начале мая: «Олонецкая духовная консистория от 22 апреля № 945 уведомила губернское правление, что приписанная к Александро-Свирскому второклассному монастырю Задне-Никифоровская пустынь, по указу Святейшего Синода от 6 февраля 1846 года, оставлена самостоятельною, с существующим в оной настоятельством строительским и с семью монашескими вакансиями»⁴.

По резолюции правящего епископа Венедикта (Григоровича) старец Исаия должен был принять имущество Задне-Никифоровской пустыни по описи от архимандрита Варсонофия и «иметь ее в управлении до назначения действительного строителя»⁵. Согласно рапорту свирского настоятеля, передача строений и вещей обители состоялась в конце мая 1846 года, однако составленная тогда опись до наших дней не сохранилась⁶.

² НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26/3. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 1—1 об.

⁴ Об оставлении Задне-Никифоровской пустыни самостоятельною // Олонецкие губернские ведомости. 1846. № 18.

⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26/3. Л. 2—3.

⁶ В архивном деле опись отсутствует. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26/3.

Личность архимандрита Варсонофия — настоятеля Александро-Свирского монастыря, при котором Задне-Никифоровская пустынь получила самостоятельность, — заслуживает отдельного внимания. С первых лет существования Олонецкой епархии он стал заметной фигурой в ее управлении. Родился в Тверской губернии, окончил местную духовную семинарию, поступил в Новоторжский Борисоглебский монастырь, где в марте 1812 года принял монашеский постриг, а в декабре того же года сначала был возведен в сан иеродиакона, затем — иеромонаха. К моменту перевода в Олонецкую епархию 46-летний архимандрит Варсонофий уже имел большой опыт за плечами: с 1817 года ему довелось поочередно управлять Кирилло-Белозерским, Углицким Алексеевским (здесь он получил сан архимандрита с дозволением носить мантию со скрижалями зеленого цвета) и Старорусским Спасским монастырями Новгородской епархии. Архимандрит Варсонофий 15 мая 1826 года присутствовал при отпевании и погребении императора Александра I, что было занесено особой строкой в его послужной список. С 16 сентября 1827 года он возглавлял братство Александро-Свирского монастыря⁷.

Олонецкий архиепископ Игнатий сразу обратил внимание на толкового свирского настоятеля и определил его действительным членом только что учрежденной духовной консистории. Архимандриту Варсонофию приходилось совмещать несколько ответственных должностей, требующих от него много физических сил и пристального внимания: одновременно он был благочинным монастырей и приходов, смотрителем Олонецкого духовного училища, цензором проповедей, произносимых в церквях городов Олонец и Лодейное Поле⁸. Из-за большой занятости ему позволялось присутствовать на заседаниях консистории *«тогда только, когда будетъ надобность быть здесь»*⁹. В 1844 году его наградили золотым наперсным крестом, выданным из Императорского кабинета по соизволению Николая I¹⁰. Свою консисторскую службу архимандрит Варсонофий исполнял в течение 25 лет до конца жизни. В качестве благочинного монастырей он занимался разбором всех, серьезных и мелких, спорных дел и конфликтов, возникавших среди монашеской братии в епархиальных обителях. Архимандрит Варсонофий умер 27 августа 1853 года. После его кончины Александро-Свирским монастырем временно управлял один из учеников старца Исаии Никифоровского иеромонах Даниил¹¹.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 28. Л. 192–196.

⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 43/143.

⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 28. Л. 65–65 об.

¹⁰ Там же. Д. 45. Л. 34.

¹¹ Там же. Д. 56. Л. 108.

Вернемся к синодальному указу, даровавшему Задне-Никифоровской пустыни самостоятельность. В нем оговаривалась передача всех ее земельных владений, отмежеванных когда-то Александро-Свирскому монастырю. Судить об их состоянии в середине XIX века позволяют свидетельства Е. В. Барсова, писавшего об этом в своем очерке: *«Пахотная земля. Ее не много, потому что большая часть принадлежащей монастырю состоит из болот и мхов, которые не позволяют разводить хлебопашества в больших размерах. Все полеводство заключается в нескольких полосах распаханной земли на самом пригорке, где стоит монастырь. Здесь высевается около 15 четвериков ржи и до 30 овса. Сенокосная земля около монастыря в разных местах. Земля при реке Тукише под названием Нирка. Но эта земля за дальним расстоянием не обрабатывается братиею, а отдается в аренду за 5 рублей 71 1/2 копеек в год <...>. Что же касается до той земли — двух островков и рыбной ловли на реке Свири, на владение коими уполномочена была пустыня двумя царскими грамотами, то пустыня не владеет ими уже с незапамятных времен. Количество всей земли, удобной и неудобной к обрабатыванию, которая состоит во владении Никифоровской пустыни, простирается до 476 десятин»¹². Добавлю, что права на участки Рая-Сельга и Березовая Сельга важеозерские монахи потеряли вместе с закрытием монастыря по секуляризационной реформе 1764 года. При генеральном межевании эти земли вошли в состав дач Важинского и Коткозерского погостов.*

Итак, в первой половине XIX века историческая судьба Задне-Никифоровской пустыни складывалась благополучно. По инициативе настоятеля Александра-Свирского монастыря она была возрождена с помощью благотворителей, в то время как многие монастыри, закрытые по секуляризационной реформе 1764 года, так и оставались приходами или бесследно исчезали¹³. Успешное возобновление монастырского комплекса и хозяйства на Важеозере, обретение прежней самостоятельности во многом зависели от яркой личности старца Исаии Никифоровского, благодаря которому в мужской обители развивался древний институт старчества. К середине XIX века она по праву относилась к числу лучших мужских монастырей Олонецкой епархии.

¹² Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 80

¹³ Кожневникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 104.

Монастырский комплекс в середине XIX века

Подробное описание комплекса деревянных строений Задне-Никифоровской пустыни до появления каменного храма Всех Святых, строившегося в 1854–1858 годах, содержится в очерке по истории мужской обители Елпидифора Васильевича Барсова. Приведу несколько цитат из его работы и прокомментирую их. Историк пишет: *«Здания ее заключены внутри деревянной, рубленой в тарасы ограды, которая представляет вид четырехугольника, с невысокими башенками по углам. Вход в монастырь с западной стороны, прямо против дороги, ведущей путника из леса»*¹⁴. Монастырская ограда, защищавшая храмы и братские кельи, была возведена по инициативе свирского архимандрита Иосифа около 1810 года. *«Рубленая в тарасы»*, она относилась к так называемому венчатому типу: ее наружная и внутренняя стены соединялись поперечными бревнами, что в плане образовывало четырехугольные клетки («тарасы»), которые могли использоваться монахами для различных хозяйственных нужд (в них часто устраивали складские помещения, погреба)¹⁵. Проселочная земская дорога, по которой добирались до Важеозера, сворачивала с почтового тракта Петрозаводск — Олонец недалеко от деревни Кескозеро¹⁶. Путь к мужскому монастырю от большой дороги указывала стоявшая на дороге деревянная часовня во имя его основателей.

«Прежде всего, когда вы вступите во внутренность ограды, — продолжает Е. В. Барсов, — глазам вашим представляется церковь Преображения Господня, холодная; она стоит посреди монастыря; над входом в нее с западной стороны возвышается небольшая колокольня. Поближе к северной стороне ограды стоит другая церковь, во имя Благовещения Пр[есвятой] Богородицы, теплая. Обе церкви деревянные; когда они строены, неизвестно. В настоящее время они поновлены — покрыты и обшиты новым тесом, полы в них настланы новые, и все это окрашено масляною краскою. Внутренность их также поновлена

¹⁴ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 78.

¹⁵ Секретарь Л. А. О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 59–73.

¹⁶ В начале XIX века эта дорога в обитель *«удобна была лишь для пешеходов»*. Насельники возрожденного монастыря расчистили ее и поставили на ней верстовые столбы. См. Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 78.

и по возможности украшена»¹⁷. Как уже указывалось ранее, архивные документы сохранили для нас сведения о времени возведения монастырских церквей. Благовещенский храм был построен в 1730 году, а Преображенский — в 1690 году. В отчетах о состоянии монастыря говорится, что крыша на зимней церкви была «покрыта и обшита тесомъ, окрашена красной краской», а «стены снаружи обиты тесомъ и выкрашены белой краской, внутри обита белыми обоями по серпанке». Ее «во всех частях» исправили в 1847 году¹⁸. Холодный храм, с папертью и устроенной над ней невысокой колокольней, со стенами, тоже покрашенными снаружи в белый цвет, был отремонтирован в 1849 году¹⁹.

Ризница монастырских храмов при строителе иеромонахе Митрофане пополнилась щедрыми дарами особого жертвователя. В 1850 году великий князь Константин Николаевич, младший брат Александра II, прислал в Задне-Никифоровскую пустынь три Евангелия с серебряными накладками под золотом, три набора сребропозлащенных сосудов, два напрестольных креста и дарохранительницу (тоже сребропозлащенных), украшенный серебряной ризой образ преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских в киоте из красного дерева под стеклом²⁰. Также из Мраморного дворца поступили бархатные ризы с оплечьями, на которых были вышиты царственные вензеля.

«В самом углублении ограды в северо-восточном углу, в тени дерев стоит небольшая деревянная часовня, в которой почивают под спудом мощи преподобных основателей пустыни — Никифора и Геннадия. Подле этой часовни указывают могилы братии, убитых вместе с игуменом Дорофеем литовцами, около 1612 года»²¹. В противоположном от часовни углу стоит двухэтажное здание; в нижнем этаже его помещается общая трапеза с хлебнею. Кроме этих зданий помещаются еще в ограде флигель настоятельских келий в три связи и пять келий, стоящих порознь для братии. Вне ограды находятся новая гостиница деревянная, при самом входе в ограду с западной стороны. Не в дальнем также расстоянии от монастыря находятся скотный двор, рыбная сушильня и прочее»²².

¹⁷ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 78–79.

¹⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 75/29. Л. 15 об.

¹⁹ Там же. Л. 16.

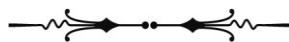
²⁰ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 79.

²¹ В примечании Е. В. Барсов добавляет: «Тут же хоронят тела умерших братий и в настоящее время».

²² Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 78–79.

Информацию Е. В. Барсова требуется уточнить. Историк описывает монастырский комплекс, существовавший в 1851–1854 годах, т. е. до начала возведения каменного храма. Двухэтажный корпус с братской трапезой (вверху располагались шесть келий), который он упоминает, был построен на восточной стороне монастырского каре в 1851 году. По непонятной причине Елпидифор Васильевич не называет сооруженные в 1849 году одноэтажные флигели — один с квасоварней и восемью братскими кельями возле южной стены деревянной ограды, а другой на северной стороне с двумя кельями²³. Следует добавить, что в конце 1850-х годов при строителе иеромонахе Данииле в монастырь вели каменные святые ворота «съ четырьмя каменными каменными при нихъ кельями», а «надъ воротами деревянная храмина»²⁴. По бокам от парадного входа в 1859 году выросли новые одноэтажные флигели с башнями: в правом жили монахи, а в левом сначала находились настоятельские покои, а затем разместилась братская трапеза, перенесенная сюда из двухэтажного корпуса. В 1862 году их обшили тесом и покрасили²⁵.

Вмещавшая шесть комнат одноэтажная гостиница для паломников, построенная в 1848 году, традиционно располагалась за монастырской оградой. По древней традиции монашеская обитель предоставляла богомольцам, приходившим поклониться ее святыням, бесплатный кров и питание в течение одного-трех дней²⁶. «Больницы въ пустыни не имеется, но бедные, страные и богомольцы по заведенному обычаю призрываются въ монастырской гостинице и бываютъ довольствуемы пищею, приготовляемою для братии», — писал в отчете о состоянии пустыни в 1855 году строитель иеромонах Даниил²⁷. Надо сказать, все монастыри Олонецкой епархии старались по мере сил исполнять это правило монашеских уставов и давали приют паломникам даже в случае грозивших материальных трудностей.

²³ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 75/29. Л. 16 об.

²⁴ Смета и план на постройку каменных ворот двух деревянных корпусов были утверждены в 1856 году. См.: НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 11/28. Л. 1.

²⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 16. Д. 75/29. Л. 16 об.

²⁶ Уже в древних монастырях строились особые гостиницы, или странноприимницы, и на одного из братьев возлагалась «хлопотливая обязанность принимать странников и прислуживать им». См.: Смирнов С. И. Духовный отец в Древней Восточной Церкви: История духовничества на Востоке. М., 2003. С. 244–245.

²⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 10/100. Л. 104.

Фрагмент карты Олонецкой губернии. 1871 г.

Опубл.: Списки населенных мест Российской империи. Вып. 27.
Олонецкая губерния. СПб.: Издание Центр. стат. комитета МВД, 1879

Глава 8

Задне-Никифоровская пустынь во второй половине XIX века

Присутствие опытных монахов-подвижников — Игнатия Важеозерского и его учеников — крепко сплачивало братство Задне-Никифоровской пустыни, где соблюдались главные принципы киновии: общие ежедневные молитва, трапеза и физическая работа. Настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Варсонофий, будучи благочинным монастырей Олонецкой епархии, в 1851 году давал высокую оценку состоянию мужской обители, прежде всего обращая внимание на регулярное богослужение в ее церквах, несмотря на малое число иеромонахов, и совместный труд братии: *«Въ сей обители, состоящей въ глухомъ лесу, среди мховъ и болотъ и въ отдаленности отъ обывательскихъ селений, богослужение, за болезнью съ давнишнего времени иеромонаха Прохора, отправляется самимъ настоятелемъ, отцомъ строителемъ иеромонахомъ Митрофаномъ попеременно съ казначеемъ иеромонахомъ Данииломъ ежедневно и неотложно, сколько только то для нихъ какъ должностныхъ лицъ возможно <...>. Пахотные и сенокосные работы большей частью, по недостатку средствъ, исправляют сами <...>. Настоятель на претерпение ими (братией. — Ю. К.) пустынного безмолвия и трудолюбия и примером, и наставлениями возбуждаетъ»*¹.

В обители в то время находились два десятка человек, включая богорадников. *«Все они пользуются не только въ окрестныхъ городахъ и селенияхъ, но и въ Санкт-Петербурге уважениемъ, откуда и немалые имъ присылаются пожертвования <...>. Въ числе братства созреваетъ немало благонадежныхъ къ пострижению въ монашество и принятию рукоположения во иеромонашеский и иеродиаконский санъ»*². В других рапортах, отправленных на имя олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова), архимандрит Варсонофий восхищается деятельным участием монахов и послушников в хозяйственных занятиях: *«всякие работы и службы по хлебопашеству, сенокосу, рыбной ловле и по другим монастырскимъ заготовкамъ исправляются самимъ братствомъ*

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 56. Л. 45 об. — 46 об.

² Там же.

при пособии богорадниковъ»³. По отзывам благочинного, важеозерские насельники исправно присматривали за водяной мельницей и содержали ее в полном порядке⁴.

Монастырские здания, возведенные в начале XIX века, постепенно нуждались в ремонте или перестройке. Архимандрит Варсонофий докладывал владыке 13 октября 1851 года о необходимости устройства более просторной трапезной и крепкой монастырской ограды взамен уже пришедшей в негодное состояние: «въ Задненикифоровской пустыни по умножающейся тамъ братии новое здание для братской трапезы съ пекарнею и поварнею необходимо нужно по той причине, что покой, где теперь помещается трапеза съ хлебною весьма тесенъ и уже приходитъ началъ въ ветхость равно и построения новой ограды около той пустыни чинъ и благоприличие монастырские требуютъ, ибо прежняя ограда <...> начала уже въ развалины превращаться»⁵. Масштабное строительство развернулось при следующем строителе, иеромонахе Данииле, возглавлявшем важеозерское братство в 1852–1870 годах.

При игумене Данииле (1852–1870 годы)

В 1852 году прежний строитель Задне-Никифоровской пустыни иеромонах Митрофан был «по необходимости» переведен в Палеостровский монастырь⁶. После него во главе братской общины встал опытный в духовных вопросах ученик схимонаха Игнатия Важеозерского иеромонах Даниил (Мирошников), как гласит послужной список, происходивший из бывших дворовых крестьян графского рода Шереметевых⁷. Его настоятельство — целая эпоха в истории важеозерской обители. Благодаря разумному управлению отца Даниила, ее хозяйство успешно развивалось: расширялись посевные площади, росло монастырское стадо, постепенно увеличивался денежный капитал. Управляя пустыню почти двадцать лет, он сумел привести ее «въ отличный видъ во всехъ отношенияхъ» и, самое главное, сплотить вокруг себя монашескую семью. Его трудами в монастырском ансамбле появились каменные храм и парадные святые врата, а также два новых деревянных корпуса «для помещения въ оныхъ настоятеля съ братиею»⁸.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 56. Л. 67.

⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32/32. Л. 45 об. — 46.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 56. Л. 53 об. — 54 об.

⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32/32. Л. 92.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 45. Л. 109 об. — 110.

⁸ НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 11/28. Л. 1.

Строительство церкви во имя Всех Святых

Приняв в управление мужской монастырь в 1852 году, отец Даниил прежде всего задумался о постройке добротного и вместительного храма, в котором можно было бы безопасно служить и молиться в холодное время года: старинная зимняя церковь Благовещения Божией Матери, несмотря на все поправки и ремонты, неумолимо ветшала с каждым годом. Как следует из переписки Олонецкой губернской строительной комиссии с духовной консисторией, первоначально планировалось снова построить деревянную церковь. Именно о ней шла речь в консисторском запросе, отправленном в комиссию в ноябре 1852 года⁹. Инициативным же документом стало прошение иеромонаха Даниила на имя олонецкого владыки от 19 октября 1852 года. Он писал о необходимости соорудить в мужской обители еще один храм и предлагал освятить его престол в честь основателей монастыря, преподобных Никифора и Геннадия, Важеозерских чудотворцев. Церковь предполагалось строить «на сумму от благотворителей»¹⁰. Уже были готовы план и фасад ее здания, представленные отцом Даниилом олонецкому архиепископу Аркадию (Федорову), который своей резолюцией от 21 октября 1852 года отправил документы на рассмотрение членам духовной консистории. Со своей стороны они не нашли каких-либо препятствий и вынесли решение: *«Представленный управляющим Задне-Никифоровской пустынью иеромонахом Данииломъ съ братиею планъ и фасадъ на постройку въ той пустыни новой деревянной церкви препроводить при отношении въ Олонецкую Строительную и Дорожную комиссию для рассмотрения и съ возвращениемъ сего плана Консисторию уведомить, можетъ ли быть по оному плану произведена постройка предполагаемой церкви»*¹¹. Во второй половине декабря 1852 года из комиссии пришел положительный ответ: план предполагаемой церкви в честь преподобных Геннадия и Никифора оказался составлен верно и *«согласно правилъ архитектуры»*¹². Между тем деревянный храм в честь отцов-основателей так и не был построен на Важеозере. Вместо него возвели каменную церковь и с другим посвящением престола во имя Всех Святых¹³.

Тридцатого мая 1853 года архиепископ Аркадий обращается к начальнику Олонецкой губернии Валериану Николаевичу Муравьеву с просьбой направить в Задне-Никифоровскую пустынь архитектора для

⁹ Там же. Д. 6/70.

¹⁰ Там же. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 3–4.

¹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 23. Отд. 2. Ст. 2. Д. 111.

предварительного освидетельствования грунта под строительство нового, теперь уже каменного храма¹⁴. Накануне владыка слушал доклад благочинного ахимандрита Варсонофия, недавно побывавшего в обители, о готовности ее начальства начать сбор необходимых средств. Архиерей особо отмечал немаловажную деталь о том, что для командированного специалиста прогонные и вознаграждение будут выделены «*изъ монастырскихъ неокладныхъ суммъ*»¹⁵.

На заседании строительной комиссии, прошедшем 5 июня 1853 года, освидетельствование грунта было поручено опытному губернскому архитектору Василию Васильевичу Тухтарову¹⁶, который уже в конце июля отчитывался о поездке на Важеозеро¹⁷. Его профессиональная деятельность заслуживает особых слов восхищения¹⁸. В 1830–1850-е годы он проектировал множество деревянных и каменных церквей для приходов и монашеских обителей Олонецкой епархии. Так, по его плану в Благовещенской Яшезерской пустыни строился каменный храм в честь Преображения Господня, освященный в 1855 году и по праву признанный ее чудесным украшением¹⁹.

В отечественной историографии встречаются сомнительные сведения о том, что важеозерская кирпичная церковь возводилась по проекту столичного архитектора Романа Романовича Генрихсена из Императорской Академии художеств, который известен своими промышленными объектами и частными домами в Санкт-Петербурге²⁰. Благодаря новым архивным документам есть все основания твердо полагать, что храм Всех Святых в Задне-Никифоровской пустыни был сооружен по проекту В. В. Тухтарова²¹. Еще в апреле 1853 года, как следует из делопроизводственных документов, помощник губернского архитектора Владимир Прокопьевич

¹⁴ НА РК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 8/64. Л. 1–2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 3–4.

¹⁷ Там же. Л. 13 об. – 14.

¹⁸ О нем подробнее см.: *Ицксон Е. Е.* Василий Тухтаров — олонецкий губернский архитектор. Формулярный список 1860 года о службе В. В. Тухтарова с комментариями // Краеведческие чтения. Материалы II научной конференции. Петрозаводск, 2008. С. 14–28.

¹⁹ *Кожевникова Ю. Н.* Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск, 2014. С. 150–151.

²⁰ *Берташ А. В.* Стилистические особенности храмо строительства в 1830–1870-е годы в России: столица и национальные окраины // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. Т. 3, № 1. С. 178–198.

²¹ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2517; *Мошина Т. А.* Протоиерей Иоанн Кронштадтский и Олонецкая губерния // Православие в Карелии: Материалы IV научной конференции. Петрозаводск, 2016. С. 207.

Генрихов начертил под его руководством план и фасад нового храма, за что важеозерские монахи отдали 25 рублей²². Василий Васильевич лично наблюдал за строительными работами на Важеозере и регулярно проверял их качество. В августе 1854 года «за составление местного плана о состоянии Задне-Никифоровской пустыни» из монастырской казны ему выделили 10 рублей²³. По сведениям Татьяны Александровны Мошиной, этот план местности, выполненный В. В. Тухтаровым акварелью, сохранился в фонде Департамента искусственных дел главного управления путей сообщения и публичных зданий (РГИА. Ф. 218). Дело, начатое по отношению Святейшего Синода с 4 декабря 1853 года и оконченное 9 ноября 1854 года, содержит также упоминавшийся выше чертеж фасада каменной церкви, составленный помощником В. П. Генриховым. Его подлинность и правильность удостоверена подписями олонечского гражданского губернатора Юрия Алексеевича Долгорукова, самого В. В. Тухтарова и инженер-майора Семенова²⁴.

На плане местности В. В. Тухтаров указал все монастырские постройки, существовавшие на тот момент в мужской обители: две деревянные церкви, Преображенскую и Благовещенскую, часовню, настоятельский корпус, братские кельи, святые ворота и башни по углам ограды. Документ содержит ценную информацию о том, что старинная часовня над мощами преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских имела посвящение во имя Всех Святых²⁵. Видимо, по этой причине каменный храм, построенный на этом же месте, был освящен в честь этого праздника.

Судя по записям в монастырской приходо-расходной книге, 23 мая 1855 года В. В. Тухтаров приезжал в Задне-Никифоровскую пустынь «для освидетельствования заготовленных на сооружение каменной церкви разных материалов»²⁶. Тогда же он выдал «письменные и словесные наставления и чертежи на производство по церкви работ»²⁷. На проезд из Петрозаводска и обратно монахи выдали ему значительную по тем временам сумму в 50 рублей серебром²⁸. В конце ноября 1855 года

²² НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 3.

²³ Там же. Л. 14.

²⁴ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2517. Л. 2. Моя глубокая признательность Татьяне Александровне Мошиной за предоставленные выписки из архивного дела.

²⁵ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2517. Л. 13.

²⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 23 об.

²⁷ Там же. Л. 23 об.

²⁸ Там же. Л. 24.

губернский архитектор побывал на Важеозере «для освидетельствования выкладенныхъ стенъ до верхнихъ карнизовъ и до пять сводовъ каменной церкви»²⁹. В начале июня 1856 года он получил от монастыря 40 рублей «на прогоны для присмотра за производствомъ работъ и на материалы на шаблоны и другие рисунки»³⁰. Таким образом, В. В. Тухтаров внимательно наблюдал за строительными работами на Важеозере и следил за тем, как постепенно воплощался в жизнь его замысел.

Во второй половине XIX века в провинциальном храмостроительстве определяющую роль играли образцовые проекты церквей академика Константина Андреевича Тона (1794–1881), разработанные по предписанию Николая I и опубликованные в Санкт-Петербурге в 1838 и 1844 годах. Их рассылали по губернским правлениям всей России с целью помочь провинциальным архитекторам в их работе и повысить уровень строительной культуры на местах³¹. Всехсвятская церковь в Задне-Никифоровской пустыни по стилю представляет собой усложненный вариант «тоновского» трехчастного бесстолпного храма «кораблем», увенчанного не привычной одной, а пятью луковичными главами. Простая и лаконичная в исполнении, но при этом художественно выразительная каменная церковь вмещала до трех сотен человек³². Ее внутреннее пространство освещалось окнами, оформленными рустованными наличниками и сандриками с килевидным завершением (в кафоликоне были устроены прямоугольные спаренные окна). Церковные стены по замыслу архитектора увенчивались несложным классическим карнизом. Стоявший на небольшом песчаном обрыве, в ясную погоду белый храм нежно светился в лучах закатного солнца.

Средства на сооружение Всехсвятского храма собирали в течение пяти лет, пока шли строительные работы. В фонде Олонецкой духовной консистории сохранилась «книга прихода и расхода денежной суммы для строения церкви в Задне-Никифоровской пустыни»³³. В ней велись записи с 9 апреля 1853 года по август 1858 года на 64 листах разными почерками³⁴. В архивное дело вместе с приходо-расходной книгой подшит весь комплекс финансовых документов, связанных со строительством. Все они были отосланы иеромонахом Даниилом после освящения каменного храма епархиальному начальству: общие отчеты о приходе, расходе и остатке

²⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 32.

³⁰ Там же. Л. 56.

³¹ Берташ А. В. Стилистические особенности храмостроительства... С. 178–198.

³² Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 6.

³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 72/2. Л. 2.

³⁴ Там же. Оп. 19. Д. 17/228.

денежной суммы и материалов, «*шнуровая книга денежной суммы*», «*шнуровая книга материалов*», «*при особой описи приложения къ денежной книге, а именно 27 расписокъ, накладныхъ и счетовъ*», а также реестр вещам, пожертвованным в церковь³⁵.

Из общего денежного отчета видно, что деньги на каменный храм поступали из нескольких источников: по сборной книге билетами кредитных учреждений — 1973 рубля, наличными от разных лиц — 4994 рубля, из церковной кружки — 132 рубля 88 копеек, процентов по билетам — 84 рубля 16 копеек. Всего 7946 рублей 84 копейки, которые были полностью истрачены³⁶. Львиная доля получаемых средств шла «*на работы и рабочихъ съ материалами*». Приведу некоторые цифры. На приобретение необходимых материалов для строительства самого церковного здания монахи отдали 3794 рубля 13 копеек, для изготовления иконостаса — 158 рублей 75 копеек, для икон — 19 рублей 50 копеек; на покупку церковной утвари были потрачены 452 рубля 25 копеек; «*за постройку здания церкви и отделку его*» каменщикам заплатили 538 рублей 50 копеек, плотникам и столярам — 246 рублей 90 копеек, пильщикам — 170 рублей 69 копеек, кровельщикам — 158 рублей, штукатурам — 113 рублей 16 копеек, кузнецам — 45 рублей 20 копеек. Кроме того, для рабочих закупались продукты (ржаная и первого сорта пшеничная мука, «*крупы гречишные и житные*», пшено, горох, масло коровье и конопляное) на 425 рублей 46 копеек³⁷. Среди других статей расхода указываются оплата труда иконостастного мастера — 650 рублей, траты на иконописание — 932 рубля 40 копеек, «*за канаву вокругъ церкви съ водосточною трубою, бревенчатый срубъ и земляную насыпь при церкви*» — 47 рублей. Последний пункт в денежном отчете гласит: «*Архитектору выдано и на заключение контракта*» 194 рубля 90 копеек³⁸.

В общем отчете по материалам сообщаются интересные подробности о закупленных монастырем в 1853–1858 годах вещах для церкви³⁹. Так, были приобретены «*для иконостаса и купола*» 5 книжек листового серебра по 30 копеек, 16 книжек золота по 2 рубля и 60 книжек по 1 рублю 30 копеек; «*для омытия престола*» 8 грецких (антиминсных) губ; для икон 8 липовых досок и 30 аршин фландского полотна. Церковная утварь стоила 452 рубля 25 копеек, в том числе «*люстра накладнаго серебра въ 36 свечей*

³⁵ Там же. Оп. 16. Д. 72/2. Л. 66.

³⁶ Там же. Л. 65.

³⁷ Там же. Л. 69.

³⁸ Там же. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 69.

³⁹ Там же. Л. 70–73 об.

въ два яруса» — 250 рублей, два выносных подсвечника — 50 рублей, четыре лампады к местным образам — 100 рублей, четыре маленькие лампадки — 40 рублей, два подсвечника — 5 рублей, антиминс — 3 рубля 25 копеек⁴⁰.

«Шнуровая денежная книга» изобилует важной для нас информацией о том, кто финансово участвовал в сооружении первого и единственного каменного храма в Задне-Никифоровской пустыни. Первые пожертвования поступили в апреле 1853 года: Санкт-Петербургские купцы Никифор Иванович Стремин и Алексей Петрович Апасов дали соответственно 15 рублей серебром и кредитный билет на 143 рубля; еще четыре билета — 300, 1000 и два по 400 рублей — в пользу строительства церкви внес неизвестный жертвователь⁴¹. Деньги поступали нерегулярно (не каждый месяц). Среди благотворителей можно найти выходцев из разных российских сословий: купечества, мещанства, крестьянства и дворянства. В книге упоминаются вклады титулярного советника из Санкт-Петербурга Михаила Ивановича Синецына, рязанской генеральши Софии Платоновны Кайсаровой, графа Дмитрия Николаевича Шереметева, ладожского купца Назария Фомича Калугина, олонецкой купчихи Ирины Кузнецовой. Поступали пожертвования со Свири от мятусовских и пидемских лоцманов и сотских Важинского берегового стана. Самым скромным оказался вклад — 1 рубль — святозерского крестьянина Григория Иванова⁴². Наиболее щедрые дары делали жители столицы. В марте-июне 1856 года иеромонах Феофан собрал с их помощью 1102 рубля⁴³.

Перед началом строительства церкви была разобрана деревянная часовня, издавна накрывавшая погребения преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских. В ходе подготовительных работ приобретались и подвозились необходимые материалы: булыжный камень, известь, железо, смола, толченый мел. Одной из важных и ответственных задач стало изготовление кирпича. Стены Всехсвятской церкви складывались из так называемого железняка: пережженный кирпич практически не впитывает влагу и особенно долговечен. Его делали в Задне-Никифоровской пустыни наемные мастера из Каргопольского уезда, который всегда славился своими умелыми кирпичниками⁴⁴. Первоначально монахи заключили договор в октябре 1853 года с крестьянином из деревни Осташевская Никольской волости Филиппом Григорьевичем Кузнецовым,

⁴⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 72/2. Л. 73 об.

⁴¹ Там же. Л. 1 об.

⁴² Там же. Л. 36 об.

⁴³ Там же. Л. 41 об.

⁴⁴ Кустарная промышленность в Олонцкой губернии. Петрозаводск, 1895. С. 46–47.

который со своими помощниками взялся изготовить кирпич по цене 2 рубля 50 копеек за каждую тысячу штук (всего на 250 рублей). В 1854 году работали уже другие кирпичные мастера за чуть меньшую стоимость: «Каргопольского уезда Никольской волости Озерцакого сельского общества деревни Озерка государственный крестьянинъ Евменій Филиповъ Едакинъ въ течение сего лета обязался сделать для постройки каменной церкви обожженного кирпича 100 000 ценою по 2 рубля 43 копейки за тысячу»⁴⁵. Едакин получил задаток 25 рублей, а в конце лета оставшиеся 208 рублей⁴⁶.

Из Петербурга на Важеозеро привозили железо разного сорта, петли для окон и дверей, алебастр, гвозди и пр. В лавке столичного купца Луки Потапова позднее были куплены для отопления построенной церкви три железные печи со всеми приборами за 56 рублей 45 копеек⁴⁷, а в магазине фабриканта В. М. Дубинина — двухъярусное паникадило накладного серебра в 36 свечей⁴⁸. На Успенскую ярмарку в Новую Ладугу монах Герасим ездил за смоляным канатом и тонкими пеньковыми веревками. В лавке Ивана Петровича Накропина в Петрозаводске и Олонецком провиантном магазине закупились рогожи для укрытия кирпича. Приобреталась продукция местных предприятий. В марте 1854 года с Куйтежского железоделательного завода олонецких купцов братьев Владимира и Николая Серебряковых привезли пять железных ломов за 8 рублей 87 копеек; в августе 1854 года на Обжанском железном заводе купца Пиккиева взяли полосовое железо на 19 рублей 88 копеек⁴⁹.

Каменный храм в Задне-Никифоровской пустыни был торжественно заложен 25 июня 1855 года⁵⁰. В его строительстве охотно участвовали жители из окрестных селений, получавшие за свои труды от монахов хорошее вознаграждение. Так, крестьяне из Коткозерского прихода — Яков Туманов, Илья Васильев, Сидор Пекшин, а также из Тукинского прихода — Егор Федоров «с товарищи» — вывозили на своих лошадях из монастырского леса бревна, пилили и рубили их на дрова. Другие доставляли к месту строительства песок и булыжный камень «на церковной бутъ»⁵¹. Поставкой извести в 1853—1856 годах занимался крестьянин Пряжинского прихода Иван Власов, заработавший внушительную сумму — 657 рублей 50 копеек.

⁴⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Л. 16.

⁴⁷ Там же. Л. 41.

⁴⁸ Там же. Л. 63.

⁴⁹ Там же. Л. 43.

⁵⁰ Там же. Оп. 20. Д. 10/99. Л. 18.

⁵¹ Там же. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 25.

Контракт на постройку каменной церкви был заключен в Петрозаводске 27 июля 1855 года с подрядчиком Михаилом Семеновичем Седовым, получившим в тот день задаток 100 рублей серебром (за составление самого контракта монахи уплатили пошлину 6 рублей)⁵². После этого к работе приступили каменщики, начав возведение церковных стен. К зиме 1855/56 года они успели выложить их «до верхних карнизов». Как следует из «шнуровой денежной книги», в сентябре была выкопана «вокруг каменной церкви канава» (глубиной 2 аршина 30 сажений) и «для стоку воды в оной же канаве» проложена труба. За это 12 рублей серебром получил финляндец Павел Иванов «с товарищи»⁵³. Высокий песчаный берег, на котором возводился тяжелый храм, осыпался в озеро. Для его укрепления важеозерские монахи наняли коткозерского крестьянина Сидора Петрова, который соорудил «набережную отъ озера противъ вновь строящейся церкви изъ бревенъ», засыпанную фашиником с песком. Тот же крестьянин устроил на церковных стенах временную крышу для защиты от снега⁵⁴.

После освидетельствования осенью 1856 года губернским архитектором качества работы каменщиков монастырь полностью рассчитался с подрядчиком Михаилом Седовым. По условиям заключенного с ним контракта ему полагалось заплатить за кладку 225 тысяч кирпичей 427 рублей 50 копеек. «Сверхъ сего за уложенный имъ въ церковной бутъ 37 сажений булыжнаго камня» его артели выдали 111 рублей⁵⁵.

Насельники Задне-Никифоровской пустыни вносили свою лепту в церковное строительство, о чем отдельно указывается в отчетах строителя иеромонаха Даниила. Он писал: «*Бесплатно произведено иноками пустыни работы (оцениваются по смете)*»:

- «вырыто земли на 1 1/2 аршина подъ полъ для столбовъ и выкладено 28 столбовъ булыжнымъ камнемъ съ заливкою известью, и подъ три печи, определенные сметою, сделаны фундаменты изъ булыжнаго камня» — 10 рублей;
- все печные работы — 18 рублей;
- «изъ столярныхъ работъ клиросы» — 3 рубля;
- малярные работы — 35 рублей;
- «стекольщичы работы» — 5 рублей;
- уборка мусора, мытье полов, подвозка и подноска материалов — 22 рубля;
- «отбелка снаружи и внутри церкви» — 16 рублей.

⁵² НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 27.

⁵³ Там же. Л. 29.

⁵⁴ Там же. Л. 30.

⁵⁵ Там же. Л. 43.

По смете произведенные братией работы оценивались в 111 рублей 10 копеек⁵⁶. Иеромонах Даниил сообщал начальству в отчете интересные подробности: «Сверх сметы въ куполе вызолочены звезды на изображении неба и подведены красками карнизъ и по пилястрамъ капители и раскрашены пилястры подъ мраморъ, выкрашенъ иконостасъ, подъ шпаклевку и подъ яшень разделаны 8 окошекъ, зимние и летние переплеты и подоконники, трои двери и въ паперти вешалки и другое»⁵⁷.

К внутренней и внешней отделке церкви приступили весной 1857 года. Кровельные работы выполняла артель холмогорского крестьянина Григория Собинина: церковные главы и крыша были покрыты белым железом. Стены снаружи и внутри отделали белой штукатуркой. Коткозерские крестьяне под началом Сидора Петрова аккуратно выполнили столярную и плотницкую работы: настелили чистые полы, навесили двери и рамы на окна. Они же обшили церковный фундамент досками⁵⁸.

В строительстве каменного храма участвовали крестьяне из других губерний: в мае 1853 года «за пиловку для новой церкви тесу 900 тесницъ» Василий Яковлев и его помощники из Кадниковского уезда Вологодской области получили 81 рубль⁵⁹; в феврале 1855 года монастырь рассчитался за проделанную работу со столяром Василием Ильиным из Рыбинского уезда Ярославской губернии⁶⁰. Решетки для восьми церковных окон изготовил кузнец Ян Юган, уроженец Финляндской губернии, за что получил 14 рублей⁶¹.

Монахи расплачивались с наемными работниками не только деньгами, но и продуктами (печеным хлебом, зерном, солью, постным маслом). Их также сытно кормили каждый день на монастырские деньги. В начале марта 1854 года «для кирпичниковъ, каменщиковъ и всехъ рабочихъ, которые находятся для постройки новой каменной церкви, куплено хлеба въ деревне Кашкины у крестьянина Василия Петрова ржи зерномъ 100 четвериков за 71 рубль 75 копеек»⁶². Продукты брали в петрозаводской

⁵⁶ Там же. Л. 69 об.

⁵⁷ Там же. Л. 69 об.

⁵⁸ Там же. Л. 60, 61.

⁵⁹ Там же. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 21.

⁶¹ Там же. Л. 26.

⁶² Там же. Л. 12.

лавке Марка Пименова («*крупъ гречишныхъ 8 мешковъ, пшена 5 мешковъ, муки пшеничной 2 мешка, гороху 3 мешка*») на 67 рублей 50 копеек в начале марта 1854 года).

Записи о первых расходах, связанных с иконостасом для строившейся церкви, появляются в «шнуровой денежной книге» в июле 1856 года. Тогда в лавке купца Ивана Горева на Лесной бирже в Петербурге были куплены шесть досок за 9 рублей для написания икон⁶³. У другого столичного купца Федора Богданова монахи взяли фландрское полотно «*для написания на ономъ иконъ*» на 10 рублей 50 копеек⁶⁴. Деньги на «*иконное написание вновь построенной каменной церкви во весь иконостасъ*» были пожертвованы по духовному завещанию неизвестным вкладчиком 1 августа 1856 года (от него поступили 1070 рублей)⁶⁵. Иконы писал талантливый живописец из Смоленска Даниил Лукьянович Литвинов, который по контракту получал деньги с конца сентября 1856 года по январь 1858 года (всего 800 рублей). При этом важеозерские монахи снабжали его необходимыми красками и кистями⁶⁶.

Изготовление иконостаса монастырь заказал в марте 1857 года Петру Кононовичу Березкину, крестьянину из Галицкого уезда Костромской губернии, «*вотчины госпожи Екатерины Алексеевны Бартеневой*». Его работа по контракту оценивалась в 650 рублей⁶⁷. Петра Березкина, получившего к 1862 году отпускную от Бартеневых и записавшегося в петрозаводское мещанство, в Олонецкой губернии знали как искусного и талантливого мастера по иконостасной резьбе и золочению⁶⁸. Его работу, судя по отзывам современников, отличала «*чистота, прочность, изящество*». Вместе со своей артелью он делал иконостасы для Никольской церкви Корбозерского прихода в Пудожском уезде, Троицкой церкви города Пудожа, Богоявленской церкви в селении Данилово (бывшая соборная часовня старообрядцев) в Повенецком уезде. По рисунку В. В. Тухтарова выполнил иконостас для Преображенской церкви Благовещенской Яшезерской пустыни. Важеозерский иконостас был готов к началу 1858 года.

⁶³ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 41.

⁶⁴ Там же. Л. 45.

⁶⁵ Там же. Л. 43 об.

⁶⁶ Там же. Л. 46, 55, 58, 62.

⁶⁷ Там же. Л. 53.

⁶⁸ Фролова Г. И. Иконостасные мастера Обонежья XVIII — начала XX в. // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. Вып. 5. С. 180–190.

В архивном деле сохранился список вещей, пожертвованных разными благотворителями в пользу новопостроенной каменной церкви Всех Святых (с оценкой их стоимости)⁶⁹. Приведу его полностью:

- кипарисная доска на святой престол — 20 рублей серебром;
- парча для облачений на святой престол и жертвенник, холст для срачиц — 50 рублей серебром;
- крест сребропозлащенный напестольный — 50 рублей серебром;
- Евангелие напестольное с сребропозлащенною накладкою на верхней доске — 100 рублей серебром;
- сосуды сребропозлащенные (полный прибор, 4 фунта серебра) — 160 рублей серебром;
- кадило серебряное (1 фунт 6 золотников серебра) — 40 рублей серебром;
- чоругви из золотого глазета с живописными праздничными изображениями — 50 рублей серебром;
- лампадки серебряные (4 штуки) — 40 рублей серебром;
- чаша для благословения хлебов — 50 рублей серебром;
- чаша для водоосвящения — 50 рублей серебром;
- ковры гарусные⁷⁰ (3 штуки) — 100 рублей серебром;
- поднос накладного серебра — 15 рублей серебром;
- шелковая материя для завесы к царским вратам — 10 рублей серебром;
- живописный на холсте образ Триипостасного Божества, запрестольный, большого размера — 75 рублей серебром.

Общая стоимость пожертвованных вещей составила 810 рублей, что засвидетельствовали своими подписями строитель иеромонах Даниил, иеромонахи Прохор и Игнатий, казначей иеродиакон Евфимий.

Итак, в 1854–1858 годах вместо старой часовни над местом погребения святых основателей Задне-Никифоровской пустыни — «у северной отлогости холма к южному берегу Важ-озера, поросшему вековыми березами»⁷¹ — из кирпича был сложен пятиглавый храм в честь Всех Святых. При его возведении могила схимонаха Игнатия Важеозерского оказалась под царскими вратами⁷². Освящение единственного престола состоялось 8 августа (7 августа) 1858 года по благословию олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова). Собранные под каменными

⁶⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 67.

⁷⁰ Гарус — род мягкой крученой шерстяной пряжи.

⁷¹ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 6.

⁷² Там же. С. 5.

сводами насельники пустыни и паломники молились о здравии жертвователей, с чьей помощью чаяния братии о новом добротном храме воплотились в жизнь. После торжества в «шнуровой денежной книге» появилась запись о том, что 10 августа из кружки были высыпаны 118 рублей 88 копеек серебром⁷³.

Монастырь в 1860-е годы

При работе с архивными документами в деле 1913 года обнаружился случайно подшитый в него документ по истории Задне-Никифоровской пустыни с описанием ее комплекса, составленный неизвестным автором не ранее 1858 года (после освящения каменного храма) и не позднее 1885 года (т. е. до пожара, разорившего монастырь)⁷⁴. Это был краткий период, когда мужскую обитель при строителе иеромонахе Данииле украшали сразу три церкви: Преображенская, Благовещенская и Всехсвятская. Приведу некоторые отрывки из сохранившегося текста, где речь идет о состоянии пустыни в 1860-е годы: *«Никифоровская пустынь отстоит от города Олонца только в 47 верстах, от большой Олонецкой — Петрозаводской дороги в 11 верстах и от ближайшего селения в 13 верстах, при озере Важе, от имени коего и называется Важеозерская пустынь, среди диких лесов и непроходимых болот на возвышенном пригорке, в округ ея расположены поля и огороды. В виду обители с западной стороны во всю стену выстроен деревянный корпус братских келий, а по середине Святые Врата с четырьмя каменными кельями, на левом углу братская трапеза. Внутри обители виднеются три церкви: а) во имя Преображения Господня, деревянная холодная с колокольнею; б) во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы деревянная же, обе церкви возобновлены внутри и снаружи, в) каменная построена в 1858 году над мощами преподобных отец наших Никифора и Геннадия во имя сих угодников Божиих и всех святых и на том месте, где была прежде часовня. Здесь же погребены тела убитых иноков вместе с игуменом Дорофеем около 1612 года. На юго-восточном углу стоит двухэтажная прежняя братская трапеза с шестью каменными кельями. Вне ограды гостиница⁷⁵ деревянная для приезжающих богомольцев»⁷⁶.*

⁷³ НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 17/228. Л. 63 об.

⁷⁴ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 7–19 об.

⁷⁵ Одноэтажная гостиница с шестью комнатами перед каменными парадными воротами была построена в 1848 году. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 3. Д. 11/175. Л. 115.

⁷⁶ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 7–7 об.

Автор текста, как видим, уточняет престольное посвящение каменного храма — в честь преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских и Всех Святых. Далее он приводит сведения о местных праздниках, отмечавшихся в мужской обители: в день Преображения Господня *«по заведенному издревле обычаю собирается сюда из окрестных селений, а частью и из городов, разного сословия богомольцев до 400 человек, и все они питаются монастырскою пищею»*; в день Благовещения Богородицы *«стечение народа бывает гораздо меньше»*; в неделю Всех Святых *«богомольцев бывает немного»*⁷⁷.

Главными источниками содержания братии, как и прежде, оставались земельные владения Задне-Никифоровской пустыни, проценты с основного капитала, хранившегося в кредитных билетах (6415 рублей серебром), и пожертвования — *«благовторение некоторых особ, имеющих жительство в Санкт-Петербурге, Петрозаводске и других местах»*⁷⁸. По поводу угодий отмечалось, что *«как пахотная земля, так и сенокосная, немного приносят пользы обители»*⁷⁹. Участок, прилегавший к монастырской усадьбе, по его мнению, был неудобен для использования, так как находится в окружении болот и *«требует большого удобрения»*; другие поля расположены слишком далеко от обители, и лугов для выгона домашних животных рядом нет, поэтому *«монастырский скот в каждый день и ходит на пастбище верст за восемь»*⁸⁰.

В 1866—1867 годах межевые документы на владение земельными участками были приведены в безупречный порядок⁸¹. Отец Даниил обратился за помощью к олонецкому архиепископу Аркадию (Федорову)⁸². Он объяснял владыке, что при получении самостоятельности в 1846 году Александро-Свирский монастырь отдал Задне-Никифоровской пустыни копии планов и межевых книг на земли, отмежеванные внутри казенной дачи (476 десятин 635 кв. сажень). По запросу Олонецкой духовной консистории спустя несколько лет важные бумаги были высланы в Петрозаводск и не возвращены в обитель. В консисторском архиве по архиерейскому поручению действительно нашлись межевые документы Задне-Никифоровской пустыни: на сенные покосы под названием «у озера

⁷⁷ Там же. Л. 18.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Л. 18 об.

⁸¹ Там же. Оп. 4. Д. 28/13.

⁸² Там же. Л. 1—1 об.

Рипуксозера» с планом на 2 листа; на сенные покосы под названием «у речки Рипуксы» с планом на 2 листа; на сенные покосы под названием «у озера Рандозера» с планом на 2 листа; на дачу у озера Важеозера с планом на 7 листах; на дачу под названием «у речки Тукши — Нирка» с планом на 3 листа. Они были немедленно высланы в пустынь для вечного хранения в монастырском архиве⁸³.

Важеозерское братство

В соответствии с действовавшими российскими законами в XIX веке монашеский постриг разрешался мужчинам не моложе тридцати лет, а женщинам — сорока лет. В 1832 году выпускники духовных семинарий и академий получили право становиться монахами с 25 лет. Для всех без исключения предусматривался трехлетний испытательный срок, «искус», в течение которого настоятель монастыря и братский духовник внимательно наблюдали за послушником, желавшим принять «ангельский образ». Будущий инок не должен был находиться в браке, иметь малолетних детей и непоплаченных долгов. Крестьяне и мещане из податных сословий при поступлении в братию обязательно предоставляли увольнительный документ от своих обществ и заручались согласием губернской казенной палаты. Монашеские постриги совершались только с формального разрешения Синода, что значительно затягивало по времени получение необходимого указа и порождало бумажную волокиту на всех уровнях церковной иерархии. Для того чтобы сократить огромные объемы синодального и консисторского делопроизводства, при Николае I епархиальным архиереям Русской Православной Церкви дали право самостоятельно постригать в монахи без предварительного запроса в Синод⁸⁴.

Ряды монашествующих пополнялись представителями разных сословий — выходцами из духовенства и мещанства, гораздо реже — дворянства. В обителях Олонецкого края, главным образом, подвизались бывшие государственные или господские крестьяне. Повсеместное появление к началу XX века «мужицких» обителей историки объясняют отменой крепостного права: крестьянин, облачаясь в рясу, поднимал свой социальный статус и избавлялся от вечной угрозы голода в мирской жизни⁸⁵.

⁸³ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 28/13. Л. 2–2 об.

⁸⁴ *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX веков в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. Харьков, 1905. С. 28.

⁸⁵ *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX — начале XX века. М., 1999. С. 28.

Заштатному мужскому монастырю полагались семь монашеских вакансий. Как отмечается в отчете о состоянии Олонецкой епархии за 1852 год, «*въ пустыняхъ Андрусовой и Задне-Никифоровской настоятели и вся братия изъ однихъ мещанъ и крестьянъ безъ всякаго образования, которые въ простоте сердца неся иго монашескаго жития, нередко недоумеваютъ даже и относительно начальственныхъ предписаний*»⁸⁶. Приведу сведения о важеозерской братии из архивных документов.

Вольноотпущенный крестьянин Федор Морозов, бывший крепостной дворян Беклемишевых, с 17 октября 1848 года проживал в пустыни, а в 1850 году был по указу Олонецкой духовной консистории зачислен в ее послушники и смиренно ожидал монашеского пострига. Для этого требовалось соблюсти все установленные законом правила и подготовить несколько официальных документов, которые затем долгие годы хранились среди «*моря бумаг*» в консисторском архиве в Петрозаводске. Настоятель монастыря должен был обратиться к правящему епископу с представлением о будущем монахе, сам кандидат — написать прошение на имя настоятеля; для дальнейшего делопроизводства служащими консистории составлялся послушной список послушника; после полученного от владыки письменного благословения принимался соответствующий указ с разрешением пострижения; наконец, настоятель отдельным рапортом сообщал о совершенном постриге в Петрозаводск.

Итак, Федор Морозов с момента появления в Задне-Никифоровской пустыни до 2 августа 1852 года был «*под наблюдением*» схимонаха Игнатия Важеозерского, а после его смерти — братского духовника иеромонаха Прохора. «*Велъ себя честно и скромно, къ Церкви Божией тщателенъ, къ послушанию рачителенъ, исправляетъ должность маляра и другие, послушания проходитъ съ усердиемъ, узаконенные лета къ пострижению имеетъ... былъ всегда поведения хорошаго, почему и признается благонадежнымъ къ пострижению въ монашество*» — такую характеристику дал 46-летнему послушнику Федору иеромонах Даниил в представлении от 22 февраля 1853 года на имя олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова)⁸⁷.

К тому моменту в общине Задне-Никифоровской пустыни находились пятеро монахов и шестеро послушников, другими словами, вакансии оставались. Архиепископ Аркадий, прочитав хороший отзыв от иеромонаха Даниила, разрешил Федору принять монашеские обеты, что подтвердил

⁸⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32/32. Л. 91 об.

⁸⁷ Там же. Д. 33/17. Л. 1–1 об.

указ консистории от 8 апреля 1853 года. Вскоре важеозерский строитель отчитывался перед владыкой, что 23 мая 1853 года благонадежный послушник был им пострижен с именем Ферапонт⁸⁸. Таким образом, для положительного решения «дела о пострижении» тогда потребовалось всего три месяца.

В марте 1848 года в обитель пришел богорадником 29-летний Федор Никифоров, «из господских крестьян Вологодской губернии». Через полтора года он был зачислен в братию с облачением в рясофор. Его духовным наставником был иеромонах Прохор. Исполнял сначала послушания маляра и сапожника, потом — чтеца и певчего⁸⁹. В сентябре 1851 года он обратился с прошением о своем постриге к строителю отцу Митрофану: «имея желание посвятить жизнь свою на служение Богу во вверенной Вам пустыне, для вящего в том усовершенствования желаю принять на себя монашеский образ»⁹⁰. Все условия для этого (возраст более 30 лет, отсутствие семьи и задолженностей, получение увольнительной) были соблюдены. Члены консистории подготовили проект рапорта для Синода, который архиепископ Аркадий подписал 6 октября 1851 года. В начале ноября из столицы пришел утвердительный ответ⁹¹. Монашеский постриг Федора Никифорова, который отныне стал отцом Феофаном, совершал сам владыка в Крестовой церкви в Петрозаводске 8 декабря 1851 года. Через пять дней архиепископ Аркадий рукоположил его во иеродиакона⁹².

В том же декабре 1851 года в Задне-Никифоровской пустыни иеромонахом Митрофаном был пострижен послушник Евгений Арсеньев с именем Евфимий⁹³. Он тоже «из господских крестьян Вологодской губернии», поступил богорадником в пустынь в 1848 году, стал послушником 19 сентября 1849 года. «Исполнял должности» кузнеца и квасника, чтеца и певчего. Его духовным отцом с момента появления в обители до вступления в братию был схимонах Игнатий, потом — иеромонах Митрофан, который считал, что тот «к монашеской жизни признается благонадежным».

Вольноотпущенный крестьянин Сергей Бахарев, из бывших крепостных графа Дмитрия Николаевича Шереметева в Тульской губернии, стал послушником Задне-Никифоровской пустыни в 1855 году. В архивном деле сохранился подлинник его увольнительной, составленной на актовой

⁸⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33/17. Л. 9.

⁸⁹ Там же. Д. 31/50. Л. 1.

⁹⁰ Там же. Л. 2.

⁹¹ Там же. Л. 13.

⁹² Там же. Л. 21.

⁹³ Там же. Л. 18.

(гербовой) бумаге и выданной в августе 1854 года, с подробным описанием внешности двадцатилетнего Сергея («волосы и брови русые, глаза серые, нос прямой, лицо рябое»). В «отпускной», заверенной Санкт-Петербургской палатой гражданского суда, от имени графа сообщалось: «Отпущенъ отъ меня для поступления въ монашеское званіе въ Задне-Никифоровскую пустынь»⁹⁴. Эта «отпускная» прилагалась к прошению Сергея, написанному им 15 февраля 1855 года⁹⁵. В представлении на имя епископа от 16 февраля 1855 года отмечалось, что крестьянин жил в обители с 1852 года, «отчасти знаетъ шорное мастерство, по хозяйственной части очень сведущъ»⁹⁶. Прежде чем принять решение, Олонецкая духовная консистория отправила запрос о дворовом человеке Бахарева в Тульское губернское правление. Оттуда пришел ответ об отсутствии каких-либо препятствий для определения того в послушники Задне-Никифоровской пустыни. В конце августа 1855 года была получена положительная архиерейская резолюция. Члены консистории протоиерей Феодор Рождественский, иеромонах магистр Дмитрий, ключарь протоиерей Антоній Нечаев, управляющий Александро-Ошевенским монастырем иеромонах Нафанаил и священник Иоанн Другов подписали нужный указ⁹⁷.

С 1852 года в братской общине Задне-Никифоровской пустыни подвизался еще один бывший крепостной графа Д. Н. Шереметева из Воронежской губернии. Отец Вениамин (Рыбицкий) был пострижен в монашество строителем иеромонахом Даниилом 27 июля 1857 года. В 1870 году его возвели во иеродиакона⁹⁸. Он много лет добросовестно и честно нес послушание монастырского казначея, а также следил за порядком в ризнице, которая находилась в храме Всех Святых.

Временный управляющий иеромонах Феофан

В 1853–1856 годах, когда иеромонах Даниил временно управлял Александро-Свирским монастырем, Задне-Никифоровской пустынью заведовал иеромонах Феофан, при котором продолжалось строительство каменного храма во имя Всех Святых. Важеозерскими насельниками тогда были иеромонахи Митрофан, Прохор, иеродиакон Евфимий, монахи

⁹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 5/106. Л. 2.

⁹⁵ Там же. Л. 3.

⁹⁶ Там же. Л. 1.

⁹⁷ Там же. Л. 14–15.

⁹⁸ Там же. Оп. 16. Д. 82/6. Л. 3 об. – 4.

Герасим и Ферапонт, рясофорные послушники Яков, два Михаила, послушники Стефан, Захарий, Карп, Андрей, Василий, Дмитрий, Тимофей, богорадники Трифон, Евсевий, Алексей, Константин, Семен, Григорий, Иоанн, Никифор и Сергей.

В феврале 1854 года управляющий иеромонах Феофан съездил в Петербург для сбора пожертвований и покупки необходимых для монастыря и его насельников вещей⁹⁹. Среди привлеченных им благотворителей — княгиня Зиновия Петровна Шаховская, купчиха Феодосия Тарасьевна Громова (попечительница детского приюта преподобного Сергия Радонежского), новолодожский купец Назар Фомич Калугин. В ту февральскую поездку отец Феофан собрал более шести сотен рублей наличными. Монастырский капитал также пополнился *«билетом сохранной кассы на бессрочное время»* в 200 рублей серебром, полученным в столице от ее почетного гражданина Федора Алексеевича Гудкова *«на помин сродников»*. Он же вручил отцу Феофану *«на стихарь серебряного белого глазета с гасом и подкладкою и десять книг разных поучений святых отец»*. От графа Дмитрия Шереметева, помимо 100 рублей серебром, поступили *«для церкви масла деревянного 7 пудов и для хранения масла куб белого железа с насосом и лейкою»*.

Иеромонах Феофан возвращался в обитель с многочисленными вещами, купленными в Петербурге на 308 рублей 17 копеек¹⁰⁰. *«Для церкви»* он привез свечи из белого и желтого воска (3 пуда 11 фунтов), кагор (3 ведра), ладан росный (2 фунта) и простой (5 фунтов), *«деревянное масло»* (2 пуда) и двадцать икон разной величины преподобных Никифора и Геннадия Важеозерских¹⁰¹. Список покупок *«для обители»* весьма длинный и включает *«сталь и железо разных сортов, гвозди»*; серое мыло (2 пуда); верхнюю одежду (четыре тулупа, два дубленых и четыре простых полушубка); писчую бумагу; *«полубелое стекло»* и разный столярный инструмент; ткань (коленкор, черный плис, черное и серое сукно, крашенина); рукавицы (30 пар), чулки (12 пар), *«русские носки»* (30 пар), сапоги (7 пар); выделанные кожи.

⁹⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 13. Д. 1/5. Л. 11–12 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 12–12 об.

¹⁰¹ Своих иконописцев в пустыни не было, поэтому монахи регулярно покупали написанные под заказ иконы основателей обители. Так, в 1855 году *«на церковную сумму»* были приобретены 115 икон преподобных Никифора и Геннадия Важеозерских (они стоили 48 рублей 25 копеек). См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 72/2. Л. 28 об.

«Для братства» отец Феофан привез 20 фунтов «фамильного черного чая», 10 фунтов «цветочного чая», 6 пудов сахара-рафинада, 5 пудов осетрины, три бочонка конопляного масла и три пуда подсолнечного. Все эти покупки обошлись в 271 рубль 72 копейки. В конце отчета о поездке управляющий прибавляет сведения о своих путевых издержках: «уплачено извозчикам как за мой проезд в Петербург и обратно до пустыни и за провоз всех монастырских вещей до пустыни 39 рублей 63 копейки»¹⁰².

Составленная при отце Феофане выписка из «хлебной книги» за 1853 год представляет интересные сведения о скромном наборе продуктов питания насельников мужской обители¹⁰³. От прошедшего года в монастырских закромах оставалась одна ржаная мука (288 пудов 20 фунтов). В новом земледельческом сезоне монахам удалось намолотить из собранной на своих полях ржи 109 пудов муки. Кроме того, они взяли с государственных крестьян деревень Кашкино и Замошье, находившихся при речке Важине, «за починку и поправку монастырского, принадлежавшего им участка большой дороги»¹⁰⁴ на 10-верстное расстояние» 62 четверика зерном, и «с оной ржи вышло 74 пуда 16 фунтов муки». Дополнительно на зиму пришлось купить в разных селениях еще 116 с половиной четвериков, а всего в приход были записаны 638 пудов 28 фунтов ржаной муки, из которых в течение года было «отпущено на хлебы, квас для братской трапезы, рабочих людей и богомольцев» 420 пудов 34 фунта. Также «мука ржаная давалась лошадям на месивку» (16 пудов). Более дорогая пшеничная мука — покупная и пожертвованная — шла на выпекание просфор (21 пуд 5 фунтов) и «на булки» по праздникам (109 пудов). В монастырских амбарах хранились «разные крупы» (43 пуда), «гречишные» (71 пуд), «житные» (19 пудов 20 фунтов) и горох (4 пуда). Необходимой в любом хозяйстве соли насчитывалось 24 пуда 15 фунтов, постного масла «в еду» — 25 пудов и скоромного — 18 пудов 20 фунтов. Для братской трапезы были приобретены мед (2 пуда 8 фунтов), чай (36 фунтов) и сахар (6 пудов 20 фунтов).

¹⁰² Там же. Оп. 13. Д. 1/5. Л. 12 об.

¹⁰³ Там же. Л. 6–7.

¹⁰⁴ Дорога в Задне-Никифоровскую пустынь от Важинского погоста, пролежавшая через Согинский погост, деревни Гришина Гора, Мошничье, Васильевскую пустошь, Кашкино, в середине XIX века не входила в разряд проселочных земских дорог.

В фонде Олонецкой духовной консистории есть любопытные документы, составленные в 1863 году в ходе проверки приходо-расходных книг Задне-Никифоровской пустыни за прошедшие десять лет. У епархиального начальства возникли придирчивые вопросы по поводу некоторых *«статей, не очищенных расписками получателей денег за разные монастырские вещи»*¹⁰⁵. Иеромонах Феофан, при котором совершались эти покупки, в 1858 году покинул важеозерскую обитель и уехал в другую епархию к преосвященному Игнатию (Брянчанинову) по его приглашению. За неправильное ведение денежной отчетности пришлось отчитываться иеромонаху Даниилу. Сделанные им выписки из старых монастырских документов дают любопытный материал о связях мужской пустыни с мирским населением¹⁰⁶.

Статьи расхода, не подтвержденные расписками, самые разные. Монахам приходилось нанимать крестьян из соседних селений. В 1853 году за бондарную работу коткозерскому крестьянину Исааку Иванову, сделавшему для монастыря кадку, дюжину шаек и три ведра, заплатили 4 рубля 50 копеек; коткозерскому же сапожнику Михаилу Аверкиеву за шитье 45 пар сапог и 5 пар *«босовиков»* отдали 14 рублей 75 копеек; ладвинскому плотнику Алексею Агапитову — 10 рублей; коткозерцу Якову Туманову *«за пиловку теса для покрыши вновь построенной конюшни 340 тесниц и на покрышу новой бани 126 тесниц»* — 41 рубль 94 копейки; крестьянину Никифору Лукину из деревни Юшкалицы *«за крашение холста для рабочих балахонов»* выдали 86 копеек; *«за поправку и починку печей»* — 1 рубль; *«копанье канавы на Нирковском покосе»* обошлось в 11 рублей 15 копеек. У лумбозерского кузнеца монахи приобрели три лошадиных колокольчика за 1 рубль 25 копеек; на коткозерской ярмарке покупались *«берестяные бураки»* для сенокосцев; в Кескозере — овсяная мука, лук и скоромное масло. Несмотря на то что мужской монастырь стоял на озере, регулярно покупалась свежая рыба для братской трапезы. В середине декабря из Петрозаводска отец Феофан привез один пуд сига (они стоили почти два рубля серебром) и десять пудов сельди. Дорого обходилась покупка домашней скотины: каргопольский крестьянин Михаил Едаков продал Никифоровцам лошадь за 63 рубля; лодейнопольский протоиерей Стефан Гостинчиков — корову за 21 рубль. Для наемных работников, трудившихся на строительстве каменного храма, монахи купили в Коткозере

¹⁰⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 13. Д. 1/5. Л. 25–25 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 28–39.

«хлебное полукрасное вино» (полтора ведра за 6 рублей 75 копеек). Еще одна интересная подробность: в сентябре 1853 года в Александро-Свирский монастырь «на послушание в помощь отцу Даниилу» был отправлен послушник Семен Гончаров, которому выдали на дорогу 1 рубль¹⁰⁷.

В 1855 году монах Герасим ездил в Старую Ладогу на ярмарку, откуда привез множество нужных покупок¹⁰⁸. В лавке новолодожского купца Василия Ивановича Воронова он приобрел «разного сорту кожи для шитья сапогов» (белые, черные, подошвенные, опойчатые кожи) на 70 рублей 65 копеек. У местного купца Михаила Яковлевича Мещанинова взял черного сукна и нанки на 36 рублей, у тихвинского купца Ивана Петровича Селезнева — «разных мелких гвоздей для подбивки сапогов и костыльков», семь топоров, пять дуг для запряжки лошадей и «для кухни разной деревянной посуды» на 17 рублей 20 копеек. Бежецкий купец Александр Васильевич Кеворотин продал отцу Герасиму двадцать пар шерстяных носков и чулок, двадцать же варежек, тридцать пар рабочих рукавиц (они были нужны для строителей церкви) и одну пару замшевых перчаток, взяв за товар ассигнацию в 80 рублей и серебром 23 рубля. Также «у носящих из рук у разных продавцов» монах купил 415 аршин рубашечного холста и крашенины на 57 рублей 29 копеек.

В приходную часть монастырских книг попадали записи о пожертвованиях вещами. Так, один из благодетелей пустыни из Петербурга, Григорий Никитич Катков, прислал медный самовар, два чайника, по дюжине «тарелок белого железа» и «глубоких фаянсовых тарелок» и 150 кленовых ложек¹⁰⁹.

Чем завершилось дело о проверке приходо-расходных книг Задне-Никифоровской пустыни, архивные документы не сообщают. В октябре 1863 года строитель иеромонах Даниил писал в Олонецкую духовную консисторию о невозможности письменно подтвердить все покупки и контракты, которые совершались и заключались при отце Феофане: «Имею честь донести, что в течение десяти—девяти лет из числа оных получателей одни померли, другие переменили место жительства, третьи не грамотные, а четвертые даже и неизвестные. Например, многие вещи покупаемы были в городах и на рынках совсем у неизвестных продавцов»¹¹⁰.

¹⁰⁷ Там же. Л. 34 об.

¹⁰⁸ Там же. Оп. 16. Д. 72/2. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Л. 22 об.

¹¹⁰ Там же. Оп. 13. Д. 1/5. Л. 25 об.

Визит архипастыря

Летом 1859 года Задне-Никифоровскую пустынь для награждения иеромонаха Даниила наперсным крестом и осмотра каменного храма посещал владыка Аркадий¹¹¹. Он возвращался из Александро-Свирского монастыря, где накануне Пятидесятницы освящал обновленный после капитального ремонта Спасо-Преображенский собор, под сводами которого открыто почивали мощи преподобного Александра Свирского¹¹². Тогда по благословению архиерея, полагавшего, что для праздничного богослужения «монастырской братии не достанет», а священники окрестных приходов останутся в Троицу и Духов день со своими прихожанами, в Александро-Свирский монастырь были вызваны настоятели ближайших епархиальных обителей, в том числе иеромонах Даниил. После завершения трехдневного торжества архиепископ Аркадий проехался по приходам и монастырям Лодейнопольского, Олонецкого и Петрозаводского уездов, даже побывал на месте упраздненных островных пустыней — Яблонской на реке Свири и Брусненской в юго-западной части Онежского озера. Из подробного рапорта владыки процитирую отрывок о его путешествии по Свири с посещением Важинского прихода — родины преподобного Никифора Важеозерского: *«Ехалъ на освящение Преображенскаго собора по тракту черезъ Вознесенскую пристань <...>. После Хевроньино — Подпорожье. Теперь плыли по порогамъ. Встретили железный пароходъ въ 23 сажени, поднимавшийся по Свири вверхъ и въ порогахъ брошенный на луду, за несколько часовъ до нашего проезда. Этотъ пароходъ принадлежитъ компании Волжскаго пароходства, онъ въ 140 силъ и назначенъ на Волгу. Несчастный случай сей былъ причиною, почему оставил насъ, сопроводивъ до Подпорожья, господинъ Цурикъ. Онъ поспешилъ со своими распоряжениями на помощь пароходу. Подпорожский приходъ одинъ изъ новооткрытыхъ, онъ отделился отъ Важинскаго. Подпорожская деревянная церковь построена на высокомъ берегу Свири, где оканчиваются свирские пороги. Ныне здесь священникъ изъ соборныхъ диаконовъ Василий Коротецкий. Не безъ удовольствия совершился вечерний путь отъ Подпорожья до Важинъ, при тихой и теплой погоде, при ясномъ солнце, мимо покрытыхъ зеленью и лесами береговъ. Приплыли въ село Важины въ 10 часовъ и расположилсь на ночлегъ. Приходская церковь осталась на правой руке, въ стороне отъ Свири, за 2 версты <...>.*

¹¹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 39/5.

¹¹² Там же. Л. 39.

Погасшее дело о постойке лоцманами на лодейнопольском берегу особой церкви возбуждается вновь и есть надежда на успех. Тогда один из важинских священников остается при прежней церкви, а другой будет исправлять богослужение и требоисправление при новой церкви»¹¹³.

Архиепископ Аркадий приводит интересные сведения о почитании преподобного Никифора Важеозерского в обители преподобного Кирилла Новоезерского в середине XIX века: «Старец Новоезерскаго монастыря, проходящий въ Задне-Никифоровскую пустынь, рассказалъ, что въ ведение Новоезерскаго монастыря на томъ месте, где некогда встретились преподобный Кирилл Новоезерский и преподобный Никифоръ, посланный святымъ Александромъ Свирскимъ къ преподобному Кириллу за благословениемъ, будетъ строиться часовня, по распоряжению владыки Митрополита Григория, почему тотъ старецъ и хочетъ получить въ Задне-Никифоровской пустыни икону преподобнаго Никифора для устрояемой часовни»¹¹⁴.

Пробыв в Александро-Свирском монастыре две недели¹¹⁵, в обратный путь владыка отправился по Свири на пароходе «Гавриил Москвин»¹¹⁶ до Вознесения, а оттуда в конном экипаже по Вытегорскому тракту в Олонец. Далее архиепископ Аркадий посетил Мегрецкий, Юргильский, Судальский приходы¹¹⁷; после ночлега с 1 на 2 июля 1859 года в Андрусовой пустыни направился к преподобному Афанасию Сяндемскому, а оттуда на Важеозеро: «Изъ Сяндемской пустыни в Задне-Никифоровскую

¹¹³ Там же. Л. 7–15 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 20–27 об.

¹¹⁵ Владыка высоко оценил труды ее настоятеля архимандрита Павла: «Братство избранное, способное и готовое к послушаниям, жизни примерной. Настоятель деятельности удивительной. Дела по хозяйству. Забота по постройкам, занятия Богослужбные, новые и новые предприятия к благоустройству монастыря — требуют неослабного терпения, непоколебимого мужества». См.: Там же. Л. 27 об.

¹¹⁶ Гавриил Москвин был владельцем железоделательного завода на реке Усланке.

¹¹⁷ В Судальском приходе владыка заинтересовался местной чудотворной иконой: «Здесь осмотрена въ частномъ доме, где, впрочемъ, и квартира священника, икона святой великомученицы Варвары, особенно чтимая, и комната, обращенная въ молитвенницу. Кроме иконы святой великомученицы Варвары съ серебряными и жемчужными украшениями, въ особомъ киоте за стекломъ помещенной, есть много и другихъ иконъ не малой величины въ киотахъ и безъ киотъ, съ серебряными украшениями и безъ украшений. Есть предъ иконами лампы и подсвечники». См.: Там же. Л. 28 об. Здесь же ему встретилась «странствующая московская мещанская девица Настасья Михайлова, много собравшая ризничныхъ вещей для Андрусовской пустыни и ныне доставившая туда часть свечей и масла и украшения изъ цветовъ къ балдахину у гробницы преподобнаго Адриана и серебряную лампадку». См.: Там же. Л. 29.

проезжали мы чрезъ Коткозерский приходъ, въ который прибыли 3 июля въ два часа по полудни подъ дождемъ. Сюда выезжалъ Задне-Никифоровской пустыни отецъ строитель Даниилъ съ монахомъ Ферапонтомъ и, принявъ благословение, отправился обратно въ свою пустынь, которую еще прежде предполагали мы посетить. Въ Коткозере, где нетъ станции, пришлось умедлить по недостатку лошадей, да и народа по рабочему времени было мало. Ночлегъ с 3-го на 4-е число июля былъ въ Задне-Никифоровской пустыни <...>. Должно упомянуть здесь, что 4-го числа предъ началомъ литургии въ новоосвоенной церкви Всехъ Святыхъ возложенъ Высочайше пожалованный наперсный отъ Св. Синода выдаваемый крестъ на строителя Задне-Никифоровской пустыни иеромонаха Даниила, который затемъ совершилъ литургию соборне съ иеромонахами Митрофаномъ и Прохоромъ. По выслушании литургии и по обозрени хозяйства пустыни и экономическихъ документовъ, мы съ истиннымъ утешениемъ въ мире и любви оставили пустыню въ 10 часовъ по полуночи»¹¹⁸.

Новый каменный храмъ владыке очень понравился, о чем он писал членамъ Олонецкой духовной консистории: «Мало найдя утешения въ Сяндемской пустыни¹¹⁹, мы оставили ее <...> и направили свой путь чрезъ Коткозерский приходъ въ пустыню Задне-Никифоровскую, прибывъ въ оную въ 7 часовъ по полудни. Здесь новоосвоенная церковь Всехъ Святыхъ въ отличномъ благоустройстве и благолепии»¹²⁰. В Задне-Никифоровской пустыни строгий архиерей внимательно ознакомился с записями в ее приходо-расходныхъ книгахъ и остался доволен, невзирая на небольшие огрехи в ихъ заполнении: «Къ чести здешняго хозяйства, стоитъ заметить, что заработные цены здесь следующие: косяку, напримеръ, въ день 40 копеекъ серебромъ, вывезть бревно отъ 5 до 7 вершковъ въ отрубе — 12 копеекъ, сажень дровъ — 30 копеекъ и т. п. По книге о неокладной сумме значится капитала 3962 рублей, въ томъ числе деньгами 21 рубль 72 копейки серебромъ, а прочее въ билетахъ. Бываютъ

¹¹⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 39/5. Л. 33 об. — 34.

¹¹⁹ Здесь архиепископъ Аркадий съ большимъ удивлениемъ узналъ, что къ обшивке и покраске Успенской церкви и задуманному возобновлению храма, где подъ спудомъ лежатъ мощи преподобнаго Афанасия Сяндемскаго, еще не приступали. См. подробнее: Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI—XX вв. Петрозаводск, 2017. С. 241—242. По указанию архиепископа Аркадия строитель Задне-Никифоровской пустыни иеромонахъ Даниилъ вместе съ монахомъ Ферапонтомъ вошли в составъ «временной комиссии по возобновлению церкви в Сяндемской пустыни». См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 39/5. Л. 40.

¹²⁰ Там же. Л. 40 об.

вклады до 100 и свыше рублей серебромъ вдругъ, о коихъ, однако, должны быть особые донесения. За июнь приходъ и расходъ суммы не выписанъ еще и не сделано месячное свидетельство въ книге, а за истекшее время запись верна. Записки о хлебномъ обороте и другихъ предметахъ продовольствия и быта ведутся, но такихъ книгъ, какие указаны правилами для обителей Олонецкой епархии не введено въ употребление и по Задне-Никифоровской пустыне. Предпринята вновь постройка каменныхъ святыхъ воротъ и при нихъ двухъ деревянныхъ корпусовъ на благотворительную сумму. По сему предмету ведутся две книги: одна о приходе и расходе денежныхъ суммъ, а другая — материаловъ. По первой книге, начатой съ 1 ноября 1858 года, значится въ обороте 957 рублей серебромъ. Сумма сия вся поступила отъ благотворителей. Въ обоихъ книгахъ записи верны и месячные свидетельства учинены, но въ месячныхъ свидетельствахъ, произведенныхъ въ марте, апреле, мае и июне, не показаны числа, въ кои чинены свидетельства»¹²¹.

Уже вернувшись в Петрозаводск, архиепископ Аркадий высказал свое предложение вернуть из Сяндемской пустыни иеромонаха Сергия в важеозерскую обитель, чтобы Божественная литургия совершалась здесь ежедневно¹²².

* * *

Главный смысл монашеской жизни для иеромонаха Даниила заключался в келейной молитве и церковном богослужении, которое он совершал аккуратно и благоговейно. Батюшка с готовностью окормлял несколько пустынноиц, подвизавшихся в лесных кельях в окрестностях Задне-Никифоровской пустыни и всемерно поддерживал идею о создании Лумбозерской женской общины, состоявшей из уроженок Олонецкого уезда (см. об этом далее). Автор упоминавшегося ранее описания важеозерского монастыря справедливо называл 1850—1860-е годы временем его расцвета под мудрым руководством отца Даниила: «Обитель Никифоровская молитвами угодника Божия процветает, в ней ныне три церкви, все они благоуукрашены; церковная утварь и ризница довольно ценна... По уставу общежития в обители сей вся братия участвует во всех послушаниях; труды общие, общая трапеза, общий чай и общая одежда, а по силе и келейные занятия. Более же всего общая молитва и правило церковное»¹²³.

¹²¹ Там же. Л. 34 об.

¹²² Там же. Л. 36—36 об.

¹²³ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 18.

Будучи строителем Задне-Никифоровской пустыни, иеромонах Даниил серьезно подходил к выбору новых насельников. В составе важеозерской братии, костяк которой поначалу состоял из учеников старца Игнатия, монахи оставались надолго. В последний год пребывания игумена Даниила на Важеозере в монашескую общину входили 18 человек: иеромонахи Адриан, Митрофан, Филипп, Азарий и Никодим, иеросхимонах Феодосий, иеродиаконы Сильвестр и Макарий, монахи Герасим, Мельхиседек, Вениамин, Афанасий, Амфилохий, Игнатий, Иоиль и Дионисий, послушники Иаков и Стефан¹²⁴. Как писал настоятель в ежегодных отчетах о состоянии мужского монастыря, «для духовного руководства, испытания и очищения совести каждый из братии поручаем был старцу, которому и вверялся как при поступлении в обитель, так и при пострижении в монашество, так равно и с общим в пустыне духовником»¹²⁵.

Во второй половине XIX века не терялась связь важеозерской обители с родиной преподобного Никифора. В сентябре 1870 года возведенный в сан архимандрита Даниил, незадолго до своего назначения настоятелем Александро-Свирского монастыря, участвовал в освящении новой церкви апостолов Петра и Павла в Важинском погосте — на родине преподобного Никифора Важеозерского. Его совершал олонецкий епископ Иоанафан (Руднев). Накануне же самого торжества строитель Задне-Никифоровской пустыни возглавлял всеобщее бдение, и ему сослужили священники из ближайших сельских приходов Лодейнопольского и Олонецкого уездов¹²⁶.

Последние годы жизни (1870–1872) архимандрит Даниил снова управлял Александро-Свирским монастырем¹²⁷. Его перевели сюда по настоянию епископа для поддержания захиревшей второклассной обители. Со свойственной ему энергичностью он принялся налаживать ее запущенное хозяйство. «Трудами его достроен корпус для помещения братии и приема богомольцев, исправлены настоятельские и братские келии, исправлена и по местам вновь построена монастырская ограда, много сделано по исправлению и приведению в приличный вид громадного корпуса, окружающего в виде ограды монастырь Троицкий, улучшено монастырское хозяйство, достроена и в 1871 году 11 апреля освящена при состоящей в Санкт-Петербурге Александро-

¹²⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 16/52. Л. 7–7 об.

¹²⁵ Там же. Оп. 20. Д. 10/100. Л. 102 об.

¹²⁶ Иванов В. Освящение церкви в Важинском погосте Олонецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1870. № 80.

¹²⁷ Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб., 1874. С. 77.

Свирской часовне церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского в память чудесного спасения жизни Государя Императора Александра Николаевича 4 апреля 1866 года от угрожавшей опасности, затем учреждено при ней общежитие, увеличено братское помещение и положено при монастыре начало иконописной школы. Сверх того архимандрит Даниил, отличавшийся строгостью жизни и духовною опытностью, весьма много содействовал восстановлению обители в духовно-нравственном отношении»¹²⁸. Благодаря его опытным действиям, мужская обитель снова расцвела. Архимандрит Даниил скончался в 1872 году во время страшной эпидемии холеры, затронувшей почти все российские губернии¹²⁹. По ходатайству братии он был погребен в придельной церкви преподобного Александра Свирского. После него настоятелем монастыря стал сам преосвященный Иоанафан (Руднев)¹³⁰.

Уместно добавить, что незадолго до смерти архимандрит Даниил вместе со своим предшественником — бывшим настоятелем Александро-Свирского монастыря архимандритом Антонием, проживавшим на покое в Задне-Никифоровской пустыни, по приглашению олонецкого епископа Аркадия (Федорова) участвовал в Петрозаводске 21 мая 1872 года в освящении главного престола Кафедрального Свято-Духовского собора, иконостасы для которого были созданы мастерами-иконописцами свирской обители во главе с иеромонахом Вениамином¹³¹.

Итак, при игумене Данииле, заботливо поддерживавшем важные традиции, заложенные старцем Игнатием Важеозерским, Задне-Никифоровская пустынь была основательно благоустроена. В память о золотом времени его настоятельства нам осталась прекрасная каменная церковь в честь Всех Святых, укрывшая место погребения преподобных Геннадия и Никифора. Незаурядно сложившаяся жизнь этого человека доказывала, что бывший крепостной благодаря выдающимся личным качествам мог достойно войти в корпус настоятелей российских монастырей, где во второй половине XIX века, по признанию историков, все еще преобладали

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ В Олонецкой губернии принимались меры по борьбе с грозным инфекционным заболеванием. См.: НА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22/63, 24/16, 29/32 и др.

¹³⁰ См.: Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии... С. 41.

¹³¹ НА РК. Ф. 593. Оп. 3. Д. 1/2. Т. 1. Л. 76. Архимандрит Даниил в 1871 году обращался к правящему епископу с просьбой разрешить строительство в Александро-Свирском монастыре «школы иконописания с комнатами для учителей рисования и учеников». См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 90/1925. Л. 15 об. — 16. В 1871–1875 годах наставником иконописной школы был иеромонах Вениамин (Тихонов), позднее подвизавшийся в Задне-Никифоровской пустыни. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 52/2. Л. 43.

выходцы из духовного сословия¹³². Не случайно в дружной братской общине, сплотившейся вокруг игумена Даниила, была велика доля господских крестьян, получивших «отпускные» в 1850-е годы.

Братская община в 1870 — первой половине 1880-х годов

После ухода игумена Даниила в Александро-Свирский монастырь строители и управляющие важеозерской обители часто сменяли друг друга. Во главе братии с 11 марта 1871 года встал иеромонах *Сильвестр*, недавно возведенный во священство олонецким епископом Ионафаном (Рудневым). Он был постриженником Задне-Никифоровской пустыни; в его послужном списке говорится, что «в школе не обучался, грамоту знает частично»¹³³. Как следует из ведомости за 1875 год, в состав братской общины входили пятеро монахов, двое из них в священном сане. Иеромонах Серафим (Перский), появившийся в Задне-Никифоровской пустыни в конце 1871 года, часто перемещался из одной обители в другую. Среди местных насельников он был единственным, кто окончил курс наук в Олонецкой духовной семинарии. Его монашеский путь изобиловал переменами послушаний. После учебной скамьи юноша поступил в Андрусову пустынь, где принял монашеский постриг 11 октября 1853 года, через год был рукоположен во иеродиакона и затем иеромонаха. В 1854 году отца Серафима отправили на место казначея в Спасо-Каргопольский монастырь. В 1856 году его вернули в Андрусову пустынь, нуждавшуюся в грамотных монахах для ведения финансовой отчетности. Здесь он исполнял те же обязанности монастырского казначея, пока незадолго до приезда архиепископа Аркадия (Федорова) не был переведен в Благовещенскую Яшезерскую пустынь, которой срочно потребовался второй монах-священник для регулярного богослужения, так как ее строитель иеромонах Пимен бывал слишком занят хозяйственными делами¹³⁴. Вскоре, однако, отца Серафима отправили в островной Клименецкий монастырь на Онежском озере, откуда в 1862 году иеромонах вернулся на Яше-озеро. Через четыре

¹³² Запальский Г. М. Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М., 2020. С. 279–289.

¹³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 79/2.

¹³⁴ Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск, 2014. С. 195.

года его забрал к себе в Петрозаводск архиепископ Аркадий, поручив ему сразу два важных послушания — духовника и помощника эконома архиерейского дома¹³⁵. В 1867 году владыка отправил его в Александро-Свирский монастырь, а оттуда — в Задне-Никифоровскую пустынь¹³⁶.

Второй иеромонах, Нафанаил (Карчагин), по увольнении от крестьянского общества поступил сначала во Введено-Островский монастырь на Ояти. Оттуда в 1856 году его переместили в соседний Александро-Свирский монастырь, где через год он был пострижен в монашество олонецким архиепископом Аркадием. Будучи иеродиаконом, в 1863—1868 году отец Нафанаил находился в Александро-Невской лавре. Именно здесь его рукополагал во священство новгородский митрополит Исидор (Никольский), первенствующий член Святейшего Синода, известный своей мудростью и независимостью взглядов¹³⁷. В течение трех лет монах подвизался в Московском Богоявленском монастыре, а затем в 1871 году вернулся в Олонецкую епархию. Несколько лет провел сначала в Александро-Свирском, а потом в Клименецком монастырях. С 13 августа 1874 года он обосновался на Важеозере.

Старожилом Задне-Никифоровской пустыни можно назвать ее казначея — находившегося здесь с 1852 года иеродиакона Вениамина, ученика и постриженника отца Даниила. Монах Геннадий (мирское имя Василий Павлович Борисов), напротив, совсем недавно появился в монастыре. Он был местным уроженцем из государственных крестьян Важинской волости. Отца Геннадия постригал в монашество иеромонах Сильвестр на Важеозере 22 марта 1875 года после его двухлетнего пребывания в обители в качестве послушника. В том же 1875 году он был рукоположен во иеродиакона (8 ноября), а в следующем — возведен во священство (19 сентября). В послужном списке перечислены его послушания: письмоводство, печение хлеба и просфор¹³⁸. Имя отца Геннадия навсегда останется в истории Задне-Никифоровской пустыни как ее самого усердного сборщика пожертвований (подробнее об этом см. главу 9). Вторым монах

¹³⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/338. Л. 1 об. — 2.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ На заявление обер-прокурора К. П. Победоносцева, выступавшего против отпевания и погребения И. С. Тургенева «как человека неверующего», владыка отвечал, что со своей стороны не находит причин отказать, а «за все содеянное ответит пред Богом сам почивший». См.: «Быть может и в моем песке и соре найдется какая-нибудь крупица...» (Дневник Аполлинария Николаевича Львова) // Нестор. 2000. № 1. С. 22.

¹³⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 82/6. Л. 3 об. — 4.

Никифор (Фаддеев) — 56-летний малограмотный крестьянин Каномской волости Лодейнопольского уезда — проживал в Задне-Никифоровской пустыни с 1869 года как богорадник, а с 1874 года — в качестве послушника. Монашеский постриг он принял вместе с отцом Геннадием в один день, 22 марта 1875 года¹³⁹.

В 1878–1879 годах важеозерской обителью управлял иеромонах *Азария*, до этого возглавлявший Успенскую Сяндемскую пустынь. Братская община при нем пополнилась новыми монахами, постриженными им в декабре 1878 года — Павлином (Павлом Семеновым) и Германом (Григорием). Оба были холостыми крестьянами, достигшими тридцатилетнего возраста¹⁴⁰. В марте 1879 года из сяндемской обители на Важеозеро перешел еще один постриженник отца Азарии, монах Сергей (в миру Стефан), бездетный вдовец из крестьян Олонецкого уезда.

В конце 1879 года во главе Задне-Никифоровской пустыни поставили 42-летнего иеромонаха *Вениамина (Тихонова)*. До отречения от мирской жизни он числился в мещанском сословии города Тамбова. По указу Пензенской духовной консистории от 26 июля 1863 года вступил послушником в братскую общину Краснослободского Преображенского монастыря, откуда через год перевелся в Александро-Свирский монастырь, где принял монашеские обеты 15 февраля 1867 года и был возведен во священство 21 мая 1872 года. В свирской обители ярко проявился его талант живописца: с 1871 по 1875 год он являлся наставником ее иконописной мастерской. Архиепископ Аркадий высоко оценил работу отца Вениамина по росписи монастырской церкви преподобного Иоанна Дамаскина и предложил ему в 1873 году участвовать в написании икон и устройстве иконостаса для нового кафедрального собора Петрозаводска¹⁴¹.

В 1882 году важеозерская община включала троих иеромонахов (один из них «запрещенный»), иеродиакона, троих монахов, четверых послушников и двух богорадников «в качестве послушников». Нити управления мужской обителью, как и полагалось, сходились в руках старшей братии — управляющего, духовника иеромонаха Модеста, казначея иеродиакона Вениамина и иеромонаха Азарии (он оставался в обители), чьи подписи можно видеть на сохранившихся ежегодных рапортах о состоянии Задне-Никифоровской пустыни для епархиального начальства¹⁴².

¹³⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 82/6. Л. 4 об. — 5.

¹⁴⁰ Там же. Оп. 20. Д. 11/107. Л. 4 об. — 5.

¹⁴¹ Там же. Оп. 12. Д. 43/3.

¹⁴² Там же. Оп. 20. Д. 8/86. Л. 88 об. — 89.

При строителе Вениамине мужской монастырь продолжал благоустраиваться. В 1882 году появилась бревенчатая «ригача с гумном» (десять сажень в длину), крытая железом и обогревавшаяся «кирпичной печью о трех подъездах». В братской трапезной были сложены две новые печи: «железная круглая» и кирпичная голландского образца¹⁴³. На скотном дворе в 1882 году содержались 8 лошадей и 18 голов рогатого скота¹⁴⁴. Согласно выпискам из приходо-расходных книг, к началу нового 1883 года в казне оставались деньги: церковной суммы 109 рублей 3 копейки, неокладными билетами 14715 рублей и наличными 370 рублей 15 копеек¹⁴⁵.

Пожар в монастыре в 1885 году

Летом 1885 года в Задне-Никифоровской пустыни по чьей-то неосторожности произошел сильный пожар, в одночасье полностью изменивший ее внешний облик и разрушивший ее благополучную жизнь. «Олонецкие губернские ведомости» сообщали о трагическом событии сухим официальным языком: «25 июля в Коткозерской волости сгорела от неизвестной причины Задне-Никифоровская пустынь, состоявшая из жилых строений и трех церквей. Спасен капитал пустыни и с одной из церквей антиминос и священные сосуды. Убыток, исчисленный от пожара, простирается до 100 000 рублей»¹⁴⁶.

Небольшие подробности о случившемся бедствии, принесшем монахам огромные убытки, содержат краеведческие работы о важеозерской обители, вышедшие в свет в последней четверти XIX — начале XX века. Так, Карп Андреевич Докучаев-Басков пишет: «Пожар, при северо-восточном ветре быстро распространившийся на все деревянные корпуса, четверугольником выстроенные в одной связи вокруг монастырских церквей, истребил все удобосгораемое дотла. Никакие усилия братии и служителей (и тех и других до 20 человек), старавшихся и тушить огонь, и вытаскивать вещи, не могли остановить пожара. На месте обители остались кучи пепла, и обгорелые остовы каменной церкви, и голые стены каменного небольшого одноэтажного флигеля с воротами. Вне обители дочиста сгорели прилежавшие к ней из монастырских зданий гостиница, скотный двор, избы служителей,

¹⁴³ Там же. Л. 87 об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 88 об. — 89.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Сгоревшая пустынь // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 61.

хлебный амбар и экипажный тележный сарай. Бедная братия и служители теперь помещаются кое-как в уцелевших риге с гумном, бане и кузнице. А молиться могут только в уцелевшей часовне св. великомученика Никиты, над колодезем, будучи лишены духовного утешения даже присутствовать на божественной литургии»¹⁴⁷.

Один из послушников Задне-Никифоровской пустыни, подвизавшийся в ней в конце XIX века, Петр Ягодкин, дополняет сведения о громадных масштабах трагедии: «Страшный пожар, начавшийся при сильном ветре в самое короткое время опустошил все строения пустыни, кроме деревянной часовни св. великомученика Никиты над кладезем, под горю — у самого озера, и риги да обгоревших каменных стен церкви Всех Святых и небольшого дома у входных ворот (западных). После пожара все проживавшие в пустыни богорадники должны были разойтись, а братия была размещена частью по другим обителям епархии, а частью — в уцелевшей риге. В пустыни остались только управляющий иеромонах Вениамин и трое священнослужителей для совершения богослужений в уцелевшей часовне странникам и другим посетителям святого места, для приведения в порядок монастырских дел и охраны оставшегося имущества»¹⁴⁸. В том пожаре бесследно исчезли все монастырские документы, сохранившиеся в обители от предшествовавших веков. Невосполнимая потеря старинных грамот, приходо-расходных и вкладных книг, описей имущества значительно затрудняет изучение истории Задне-Никифоровской пустыни¹⁴⁹.

Восстановление монастырских построек

Строитель иеромонах Вениамин прикладывал все усилия для скорейшего восстановления монастырских построек. Через полгода после пожара, в середине января 1886 года, Олонецкая духовная консистория обратилась в строительное отделение Олонецкого губернского правления с просьбой рассмотреть представленные ею готовые «восемь планов и восемь смет на устройство зданий сгоревшей Задне-Никифоровской пустыни, а именно: 1) деревянной церкви во имя Преображения Господня; 2) башни над св. воротами, трех угловых башен и деревянной ограды вокруг пустыни;

¹⁴⁷ Докучаев-Басков К. А. Преподобные олонецко-каргопольские чудотворцы // Русский паломник... № 49. С. 586.

¹⁴⁸ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 6.

¹⁴⁹ См.: Докучаев-Басков К. А. Об архивах // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 23. С. 31–47.

3) трапезной и настоятельской при пустыне; 4) для братских келий; 5) странноприимный дом при пустыне; 6) амбары при пустыне; 7) конского двора; 8) скотного двора при пустыне»¹⁵⁰.

Епархиальное начальство просило специалистов строительного отделения «в видах спешности» как можно быстрее проверить посланные документы. Младший архитектор Нюхалов вместе с инженером Боковым пришли к заключению, что представленные «проекты и сметы за исправлением в последних некоторых неточностей красными чернилами составлены правильно». С небольшими поправками их утвердили 6 февраля 1886 года и выслали обратно в консисторию. В пустыни начались строительные работы.

Оставшись без церквей, важеозерские насельники продолжали богослужение. Первое время на молитву собирались в часовне великомученика Никиты. Пострадавший от огня каменный храм Всех Святых с помощью благотворителей был приведен в порядок внутри и освящен спустя полгода после пожара, 6 февраля 1886 года¹⁵¹.

Для важеозерского звона требовались новые колокола. В 1887 году на знаменитом бронзолитейном заводе Александра Степановича Лаврова, действовавшем в Гатчине, одном из главных российских центров колокольного производства¹⁵², на монастырские и пожертвованные деньги был отлит большой колокол весом 50 пудов 8 фунтов¹⁵³. Надпись «между верхними бардюрами» сообщала о времени и обстоятельствах его создания: «Вылит в благочестивое царствование Государя Императора Александра Александровича Всяя России, по благословению Преосвященнейшего Павла, епископа Олонецкого и Петрозаводского, в управление пустынею настоятеля иеромонаха Вениамина, в лето от создания мира 7395, от рождества же Бога слова 1887-е в г. Гатчине А. С. Лавровым»¹⁵⁴. На «нижней бардюре» читались вычеканенные слова, призывавшие монахов к молитвенному пению: «Глас вопиет в пустыне, пению время и молитве час, грядите братие в Церковь Божию на молитву». На лицевой стороне колокола были изображены Господь Саваоф с исходящим от него Духом Святым (в верхней части), преподобные Никифор и Геннадий, Важеозерские чудотворцы (по бокам), и Преображение Господне (в нижней части).

¹⁵⁰ НА РК. Ф. 2. Оп. 50. Д. 99/21. Л. 15–16.

¹⁵¹ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 6.

¹⁵² Гатчинские колокола заслуженно получали высшие награды (золотые и серебряные) на всероссийских выставках, проходивших в 1882, 1883, 1889 годах.

¹⁵³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 138.

¹⁵⁴ Там же. Л. 134.

В том же 1887 году вдова ладвинского лесопромышленника Акулина Никоновна Кипрушкина по просьбе отца Вениамина прислала в Задне-Никифоровскую пустынь второй колокол весом 10 пудов 6 фунтов (стоимостью около 200 рублей)¹⁵⁵. Для них устроили временную колокольню на четырех столбах около трех сажень в высоту, покрытую тесом на четыре же ската, с металлическим восьмиконечным крестом. Нижний этаж колокольни обшили тесом с четырех сторон. Для входа к колоколам, повешенным на канатах, была установлена лестница с перилами¹⁵⁶.

Особой святыней для насельников пустыни и ее паломников стала пожертвованная в 1887 году столичным купцом Яковом Ивановичем Ивановым большая икона Божией Матери с Предвечным Младенцем на правой руке «Достойно есть»¹⁵⁷ на кипарисной доске «по золотому фону» (размером 1 ½ аршин × 1 аршин 2 вершка¹⁵⁸). В нижней части иконы шла памятная надпись, сообщавшая о том, что ее написали в греко-византийском стиле «по ходатайству настоятеля» специально для важеозерской обители на Афоне в общежительном скиту Святого Андрея Первозванного¹⁵⁹.

Благодаря свидетельствам благочинного Алексия Михайловского, дважды в год приезжавшего в Задне-Никифоровскую пустынь осматривать ее состояние, известно, какими трудами восстанавливалась погоревшая обитель. В отчете за 1887 год он писал о том, что строительные материалы с разрешения светских властей доставлялись из монастырской и казенной лесных дач: «на исправление каменной церкви и других неплановых зданий вывезено 400 дерев <...> отпущено из казенных дач лесных 7841 дерево; напилено для некоторых построек досок и вывезено для фундамента более 10 сажень булыжного камня»¹⁶⁰.

В 1887 году каменную церковь покрыли железной крышей с пятью восьмигранными куполами, на которых были изображены «фальшивые окна с рамами». Главы и кресты кровельщики оббили белым листовым

¹⁵⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 138.

¹⁵⁶ Там же. Л. 134 об.

¹⁵⁷ На Афоне, в городе Кареи, в алтаре Успенского храма с конца X века до наших дней пребывает чудотворная икона Божией Матери «Достойно есть» (Милующая): по преданию, перед ней впервые была пропета песнь «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу...» Списки с этой иконы имелись в российских храмах. Поясное изображение Божией Матери с Младенцем на правой руке.

¹⁵⁸ То есть 107 × 79 см.

¹⁵⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 138 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 131 об.

железом «с запайкою их оловом»¹⁶¹. Для защиты церковных стен от воды они устроили кровельные карнизы и шесть водосточных труб из листового железа. Крышу покрасили на два раза зеленою краской на масле (медянкой), а купола и карнизы — белой масляной краской. Благодичинный писал об установленных трех печных «боровах» и двух дымовых трубах «с поставкой на трубах железных колпаков»¹⁶².

Одновременно продолжались внутренние работы: «в церкви, алтаре, паперти и на хорах переделаны полы <...>. Сделаны две кружки из прочного соснового дерева, обиты оные железом и окрашены масляною краскою. Устроен для хранения монастырских капиталов из толстых досок квадратный сундук, оббит железом и окрашен масляною краскою. Сундук запирается внутренним хорошего качества замком. Для св[ящен]ных сосудов, Евангелия, крестов и ценных вещей устроен из соснового дерева шкаф в 3 аршина вышины, покрыт он лаком и отполирован. Шкаф запирается прочным внутренним замком»¹⁶³.

В том же 1887 году ремонтировался каменный корпус со святыми воротами: в четырех кельях были обшиты тесом потолки, переделаны и окрашены полы; поставлены филенчатые двери; побелены стены; устроен туалет¹⁶⁴. «В коридоре братского помещения перебраны бревенчатые стены с укладкою их на мох, стены внутри обтесаны, сделано три новых окна с рамами и стеклами, новые пол и потолок, лестница на вышку, кладовый чулан и ватерклозет с гладкими дверями. Для входа в келии сделаны два крыльца с колоннами и ступенями на три стороны. Крыльца покрыты черным листовым железом и окрашены крыши масляной краскою медянкою на два раза. У каменных святых ворот сделаны четыре водосточные трубы из черного листового железа и окрашены оные масляною краскою на два раза»¹⁶⁵.

В летнюю поездку благодичинный внимательно осматривал возводившийся двухэтажный скотный двор (15 на 7 сажений) «для рогатого скота и помещения для служащих»¹⁶⁶. Он был уже «построен вчерне, кроме внутренней и внешней отделки и погреба, по утвержденному плану». Его покрывала деревянная крыша «в два ряда на гвозди». Вместо каменного

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. Л. 132 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 133.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. Л. 133 об.

фундамента, «по случаю неудобства достать определенное количество булыжного камня», здание поставили на деревянные стулья, вкопанные в землю один от другого на полтора аршина¹⁶⁷. В двух комнатах ранее восстановленного деревянного корпуса плотники переделали наспех сколоченные потолки «с замазкою их глиною на протяжении 32 квадратных саженьей»¹⁶⁸. Построенный в 1886 году деревянный амбар тоже следовало доделать: в нем устроили полы и лестницу наверх; для входа — крытое тесом крыльцо на двух столбах. Его железную крышу покрыли на два раза медянкою. В погребе под ним прорубили два продушных окна¹⁶⁹. Для хранения стройматериалов соорудили «сарай на столбах» и крышей из горбылей (11 × 5 саженьей).

В год празднования 900-летия крещения Руси освящалось основание деревянного на каменном фундаменте храма в честь Преображения Господня: 15 июля 1888 года на месте будущего престола водрузили деревянный крест. Важеозерская братия, «желая увековечить этот день, просила благословение на сооружение иконы св. Владимиру и ежегодное проведение крестного хода вокруг монастыря»¹⁷⁰.

Следующий рапорт благочинного Алексея Михайловского, сохранившийся в петрозаводском архиве, относится к началу 1889 года¹⁷¹. В нем, помимо прочего, содержится важная информация о постройке вчерне Преображенской церкви. «Братия пустыни живет скромно <...>. Все члены братии во главе с о[тцом] настоятелем иеромонахом Вениамином озабочены восстановлением пустыни после пожара, что и выказывают они на деле. Так, после обозрения моего сей пустыни в начале июля минувшего 1888 года сооружены в оной следующие постройки: 1. срублена вчерне деревянная церковь во имя Преображения Господня, с таковою же под папертью колокольнею, с отделкою на них карнизов и крилец, ведущих в церковь; 2. срублен и отделан внутри двухэтажный деревянный настоятельский дом на каменном фундаменте с надстройкою башни на северо-западном углу сего корпуса, покрыт железом с приделкою водосточных железных труб и с изображением Архангела с трубою в летящем виде, поставленного на углу башни; 3. новый коровник отделан вполне внутри и совне как

¹⁶⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 133 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 133.

¹⁶⁹ Там же. Л. 133 об.

¹⁷⁰ Там же. Д. 68/1. Л. 188–189.

¹⁷¹ Там же. Д. 69/7. Л. 10–11.

с жилыми помещениями, так и для стойки скота; 4. выстроено три деревянных сарая для хранения в них разных хозяйственных и строительных монастырских принадлежностей; 5. поправлены на мельнице плотина и колодезь под часовней Св[ятого] Великомученика Никиты; 6. заготовлены материалы для будущей постройки (кирпичи, тес, мох, булыжный камень, известь, гвозди, разные краски, железо белое и черное для покрытия вновь построенной церкви и другие строительные материалы). Работы произведены прочно и из материалов надлежащего достоинства»¹⁷².

Летом 1891 года, по сведениям благочинного, обшивались и красились снаружи возведенная Преображенская церковь, деревянные настоятельский и братский корпуса. Одновременно завершалась их внутренняя отделка¹⁷³. Помимо этого, в Задне-Никифоровской пустыни вчерне были срублены странноприимный дом и «конский двор» с помещением для рабочих (монахи содержали восемь лошадей)¹⁷⁴.

Храм в честь Преображения Господня был полностью готов к началу 1892 года: его построили на месте сгоревшей предшественницы, поставив на каменный фундамент. Торжественное освящение престола происходило 19 июля 1892 года: тогда ради этого долгожданного и знаменательного события в важеозерскую обитель специально приезжал протоиерей Иоанн Сергиев из Кронштадта¹⁷⁵.

Объявление о предстоявшем визите знаменитого пастыря в Задне-Никифоровскую пустынь с запланированным посещением Петрозаводска напечатали в «Олонецких губернских ведомостях» крупным шрифтом, который использовался для наиболее важных сообщений: «Из Пинеги Архангельской губернии получена здесь телеграмма, что о. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) прибудет в город Петрозаводск 14 или 17-го сего июля и остановится в доме купца М. Н. Пикина. Отсюда о. Иоанн отправится в Задне-Никифоровскую пустынь на освящение храма»¹⁷⁶.

Владелец лесопильного завода, продолжавший торговое дело отца, Марк Николаевич Пикин (1847–1907) был известен в Петрозаводске своей особой щедростью: «Для него не было большего наслаждения в жизни, как благотворить и доставлять удовольствие другим.

¹⁷² Там же. Л. 10–10 об.

¹⁷³ Там же. Оп. 2. Д. 24/1639. Л. 58–59.

¹⁷⁴ Там же. Л. 331.

¹⁷⁵ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 6.

¹⁷⁶ Олонецкая летопись // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 52. С. 552.

Монастыри, церкви, учебные заведения, тюрьмы, приюты, нищие и знатные, пользовавшиеся его гостеприимством, могут это свидетельствовать»¹⁷⁷. Как вспоминали современники, близко знавшие благочестивого купца, в его доме «обстановка поражала чистотой и патриархальностью; нигде ни пылинки; по всем углам иконы в богатых окладах с возжженными лампадами; в простенках и на столах портреты лиц, наиболее чтимых хозяином. Случайного своего гостя он подводил к этим иконам, портретам и рассказывал о каждом из них свою историю: это — фамильная святыня, эту привез из Сарова, ту прислал архимандрит»¹⁷⁸. Через год после визита отца Иоанна Марку Николаевичу пожаловали золотую шейную медаль на Станиславской ленте¹⁷⁹. К 200-летию Петрозаводска на его средства была сооружена каменная Петропавловская часовня «в византийском стиле» на правом берегу Лососинки¹⁸⁰. Жизнь благотворителя окончилась печально: он не смог вынести постигшего его полного «позорного» банкротства и скончался 24 января 1907 года в своем доме, стоявшем на углу Владимирской набережной и Святнаволоцкой улицы¹⁸¹. Вместе с городским духовенством его отпевал важеозерский настоятель иеромонах Георгий, с которым умершего связывали дружеские отношения.

Отец Иоанн Кронштадтский посетил много приходов Олонецкой епархии, особенно Вытегорского уезда (по пути на малую родину, в село Сура на реке Пинеге), и не забывал жертвовать в пользу местных церквей и обителей¹⁸². Каждый его приезд становился огромным событием в размеренной провинциальной жизни. В день освящения храма в Задне-Никифоровской пустыни было многолюдно — собралось около полутора тысяч человек. Перед богомольцами говорил приехавший вместе с батюшкой протоиерей Василий Яковлевич Михайловский, настоятель Вознесенского собора в Санкт-Петербурге, за которым шла слава одного из лучших проповедников Северной столицы.

¹⁷⁷ Н. Три встречи (Памяти М. Н. Пикина) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 7. С. 269.

¹⁷⁸ Там же. С. 269–270.

¹⁷⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 5/137. Л. 12–13.

¹⁸⁰ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Петрозаводск, 2001. Кн. 2. С. 347–348.

¹⁸¹ Ныне угол Онежской набережной и проспекта Ленина.

¹⁸² Мошина Т. А. Протоиерей Иоанн Кронштадтский и Олонецкая губерния // Православие в Карелии: Мат. IV науч. конф. Петрозаводск, 2016. С. 206–219.

На обратном пути отец Иоанн побывал в Лодейном Поле. Восторженные горожане делились яркими впечатлениями: «20 июля вечером посетил нас глубокочтимый пастырь, протоиерей о. Иоанн Кронштадтский, проездом из Задне-Никифоровской пустыни. Благодаря такому посещению, ожидавшемуся уже давно, и тому, что 20 июля день праздничный, народа собралось в Лодейном Поле громадное число; тут были больные, калеки и просто жаждавшие получить благословение. Еще на Каномском перевозе, в двух верстах от города, экипаж о. Иоанна едва мог двигаться в толпе людей, на перерыв старавшихся подойти к нему под благословение, а в городе толпа удесятилась. Здесь о. Иоанн остановился на некоторое время у купцов Борошневых, где, совершив в присутствии избранной публики молебствие, принял приглашение на обед, хотя и поздний, и затем на пароходе «Важинец» около 9-ти часов вечера проехал рекою Свирью в село Важины... О. Иоанн, сняв шляпу, благословлял народ во время проезда из экипажа и затем на пароходе до его отхода, причем допускалась публика к нему под благословение по очереди. Не успевшие почему-либо получить благословение от о. Иоанна были в большом огорчении, а немало и просто плакали. 21 июля утром пароход «Важинец» проследовал с о. Иоанном в С.-Петербург. На этом же пароходе о. Иоанн проезжал Ладожским озером, следуя на освящение храма в Никифоровской пустыни, зайдя в реку Олонку и затем высадясь в сел. Ильинском Олонецкого уезда»¹⁸³.

Финансовое положение монастыря

Каково было финансовое положение Задне-Никифоровой пустыни после пожара? Об этом тоже подробно сообщает благочинный священник. В 1887 году денежный капитал в 34 билетах составлял 15 365 рублей¹⁸⁴. В пользу пострадавшего монастыря в течение года поступали пожертвования от разных лиц, привлеченных строителем и сборщиком иеромонахом Геннадием (Борисовым). Наиболее значительные из них — 5 % билет государственной комиссии погашения долгов выпуска 1867 года на 1000 рублей по духовному завещанию вдовы титулярного советника

¹⁸³ Е. О. Лодейное Поле (Корреспонденция) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 58. С. 621.

¹⁸⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 135.

Софии Засецкой; облигация Санкт-Петербургского городского кредитного сообщества в 100 рублей и облигация второго восточного займа 1878 года в 100 рублей по завещанию вдовы титулярного советника Александры Оберг (оба билета были получены через отца Геннадия и обналичены); традиционные 200 рублей от графа Александра Дмитриевича Шереметева «*через его контору*» на церковные богослужебные потребности; 100 рублей «*по словесной просьбе настоятеля пустыни в бытность его лично в Санкт-Петербурге*» на постройку зданий пустыни «*в поминовение Анны*» от коммерции советника Григория Елисеева; 100 рублей «*по письменной просьбе настоятеля на постройку же*» от купца города Елабуга Дмитрия Ивановича Стахеева; 102 рубля 95 копеек от санкт-петербургской купеческой девицы Поповой «*на устройство колокола*»; 198 рублей 52 копейки «*по просьбе настоятеля от иеромонаха Александра*» в поминовение «*на устройство колокола*»¹⁸⁵. Также в пользу пустыни поступали мелкие пожертвования на сумму 213 рублей 50 копеек.

Статьи монастырских доходов в 1887 году распределялись следующим образом: по сборным книгам — 1489 рублей 85 копеек; проценты с банковских билетов — 563 рубля 7 копеек; от продажи свечей и просфор, за молебны, поминовения и «*за книжки о схимонахе Игнатии*»¹⁸⁶ — 460 рублей 46 копеек; высыпано из часовенных кружек — 15 рублей 75 копеек; от продажи «*растопившегося во время пожара серебра*», продуктов и скота — 91 рубль 90 копеек; доход от мукомольной мельницы — 25 рублей 60 копеек; от размена процентных билетов — 2642 рубля 67 копеек; высыпано из кружек в пользу православных святой земли в Иерусалиме — 75 копеек. Всего в билетах — 2200 рублей, наличными деньгами — 6205 рублей 2 копейки. От 1886 года в казне оставалось в билетах 13 165 рублей и наличными 475 рублей¹⁸⁷.

Благочинный сообщает о расходах Задне-Никифоровской пустыни в 1887 году: «*на церковные принадлежности*» — 524 рубля 15 копеек, на наем работников — 571 рубль 88 копеек; на наем плотников и других мастеров — 1743 рубля 68 копеек; «*на столовое содержание братии и мастеров и служителей*» — 672 рубля 87 копеек; на одежду, обувь, на наем портных и сапожников — 194 рубля 72 копейки; на отопление и освящение монастырских помещений — 52 рубля 80 копеек; на корм

¹⁸⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 136.

¹⁸⁶ Жизнеописание схимонаха Игнатия. Петрозаводск, 1886.

¹⁸⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 136 об.

и постилку скоту, покупку конской сбруи, выездных рабочих дровней и тарантаса — 88 рублей 24 копейки; на покупку строительных материалов и инструмента, хозяйственных принадлежностей — 1652 рубля 39 копеек; «на путевые расходы и перевозку кладей» — 243 рубля 85 копеек; «на выпуск метрических листов, книг и журналов и за переплет книг» — 23 рубля 53 копейки; на почтовые расходы — 12 рублей 35 копеек; «на выпуск богорадникам документов» — 1 рубль 60 копеек; на покупку медикаментов — 9 рублей 78 копеек; на расходы «по канцелярии» — 24 рубля 30 копеек¹⁸⁸. Также в 1887 году важезерские монахи отослали 1 рубль «в пользу пострадавших от землетрясения в городе Верном» и оказали помощь в содержании в 1888–1890 годах Кескозерской почтовой станции, относившейся к Архангельскому почтово-телеграфному округу (дали 75 рублей).

Материальное благополучие Задне-Никифоровской пустыни, как и любого другого монастыря Олонецкой епархии, во второй половине XIX века зависело от притока постоянных пожертвований. В истории возрожденной обители на Важеозере нет отдельного вкладчика-покровителя, на средства которого ремонтировались бы старые и сооружались новые храмы, с чьей регулярной финансовой помощью содержались бы ее насельники¹⁸⁹. Монастырский достаток поддерживался множеством разных людей: кто-то присылал свои дары издали, кто-то приносил их в обитель во время паломничества. Однако стоит отметить одного человека, по указанию которого важезерские монахи во второй половине XIX века ежегодно получали 100–200 рублей серебром. Граф Дмитрий Николаевич Шереметев (1803–1871) славился на всю Россию своей небывалой щедростью, направленной на строительство церквей, создание и поддержку благотворительных заведений (странноприимных домов, богаделен, приютов и пр.)¹⁹⁰. Когда и от кого он узнал про Задне-Никифоровскую пустынь, мне неизвестно. Впервые его денежный вклад фиксирует приходо-расходная

¹⁸⁸ Там же. Л. 137.

¹⁸⁹ Для Яшезерской пустыни таким надежным покровителем стал Марк Пименов, для Андрусово́й пустыни — Андрей Сергеев. См.: Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск, 2014. С. 155–157; Она же. Николаевская Андрусова пустынь... С. 186–189.

¹⁹⁰ См.: Виноградов А. И. История Странноприимного дома графа Шереметева в Москве и отдельных видов его благотворительной деятельности. М., 1910; Ходякова О. А. Традиции благотворительности графского рода Шереметевых в Санкт-Петербурге XIX века // Петербургские чтения. Петербург и Россия. Науч. конф. СПб., 1994. С. 123–125.

книга за 1854 год¹⁹¹. После смерти Д. Н. Шереметева один из его сыновей, Александр Дмитриевич, продолжал оказывать помощь Задне-Никифоровской пустыни и переводил ей по 200 рублей серебром в год¹⁹².

Часть даров присылались для монастырских храмов (иконы, лампы, богослужебные облачения). В ежегодных отчетах о состоянии пустыни упоминаются наиболее значительные из них. Так, в 1882 году из Санкт-Петербурга от придворного гоф-фурьера Петра Афанасиевича Алексева поступили три образа в серебряных окладах — Божией Матери «Владимирская», Спасителя и святителя Димитрия Ростовского, а также серебряная лампада стоимостью 200 рублей; от «купеческого сына» известного петрозаводчанина Марка Николаевича Пикина — двухпудовый подсвечник *«медный изящной работы, высеребренъ чрезъ огонь, украшения вызолочены на огне»* к раке преподобных Никифора и Геннадия (оценивался в 100 рублей); из Санкт-Петербурга *«отъ двухъ особъ, известныхъ только по имени Авдотья Осипова и Наталья Степанова»* — посеребренный медный подсвечник тоже к раке преподобных (50 рублей); священнические облачения из медной парчи дорогой (80 рублей)¹⁹³.

В 1884 году от купеческой девицы Марии Феодосьевны Замориной, которая проживала богородницей в Старо-Ладожском Успенском монастыре, на вечное поминовение ее родственников (Феодосии, Марии, отроковицы Софии и девицы Марии) поступил *«5 % Государственного банка 2-го выпуска на 3-е десятилетие за № 34106 с сделанною банком надписью “Выданный Задне-Никифоровской пустыни Олонецкой губернии” билет в 100 рублей»*¹⁹⁴. Вкладчица была представлена *«за заслуги по духовному ведомству к благословению Святейшего Синода»* (списки щедрых жертвователей подписывались епископом и отсылались четыре раза в год в Синод).

В 1898 году на поминовение родственников из Петрозаводска от Ольги Ефимовны Пименовой — 100 рублей, из далекого Екатеринслага¹⁹⁵ от Натальи Васильевны Роде — 100 рублей¹⁹⁶, из Таржеполя от крестьянина Макара Колоколова — 233 рубля (он также привел с собой лошадь для пустыни). Всего 756 рублей 70 копеек.

¹⁹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 13. Д. 1/5. Л. 11 об.

¹⁹² Там же. Оп. 1. Д. 79/38; Там же. Д. 85/14.

¹⁹³ Там же. Оп. 20. Д. 8/86. Л. 88 об. — 89.

¹⁹⁴ Там же. Оп. 4. Д. 46/1. Л. 7.

¹⁹⁵ До 2016 года — Днепропетровск, в настоящее время — Днепр.

¹⁹⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 79/38. Л. 148 об.

Источники доходов Задне-Никифоровской пустыни не менялись десятилетиями. В 1892 году от разных жертвователей в обитель поступили 716 рублей 65 копеек; вклады на поминовение составили 1139 рублей; из часовой кружки монахи высыпали 65 рублей 46 копеек; от крестьян за пользование монастырской мукомольной мельницей был получен 21 рубль 79 копеек; в обители продавались пядничные иконы преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских на 52 рубля 78 копеек. Среди других доходных статей благочинный называет ежегодные проценты по кредитным билетам — 456 рублей 91 копейка; деньги от богомольцев за пение молебнов — 225 рублей 95 копеек; продажу свечей — 325 рубля 5 копеек; так называемые просфорные деньги — 148 рублей 80 копеек; продажу монастырского скота и продуктов — 135 рублей 86 копеек и 122 рубля 10 копеек соответственно; казенное пособие — 24 рубля 62 копейки¹⁹⁷. Наиболее существенные суммы мужской обители приносил сбор пожертвований, которым в то время успешно продолжал заниматься иеромонах Геннадий (Борисов): в 1892 году ему удалось привезти более пяти тысяч рублей (точнее 5042 рубля 57 копеек).

Братская община в 1890-е годы

В 1892 году важеозерская братия состояла уже из четырнадцати человек: трех иеромонахов, иеродиакона, двух монахов и шести рясофорных послушников¹⁹⁸. Во время отъездов настоятеля иеромонаха *Вениамина* по монастырским делам в Санкт-Петербург в пустыни его заменял иеромонах Никифор (Фадеев), назначенный указом духовной консистории 31 декабря 1888 года духовником важеозерской братии¹⁹⁹.

Иеромонах Геннадий, ставший самым деятельным помощником строителя, по-прежнему собирал по российским городам пожертвования для нуждавшейся пустыни²⁰⁰. Именно от его имени в марте 1889 года было направлено прошение в Синод «*об оказании пособия на постройку новых церквей и келий монастырских взамен сгоревших*»²⁰¹. В формулярном списке монаха говорится, что он родом из крестьян

¹⁹⁷ Там же. Д. 72/15. Л. 468.

¹⁹⁸ Там же. Оп. 12. Д. 52/2. Л. 43.

¹⁹⁹ Отец Никифор был пострижен строителем иеромонахом Сильвестром 22 марта 1875 года. См. НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 52/2. Л. 48 об. — 49.

²⁰⁰ Там же. Оп. 2. Д. 24/1639. Л. 58–59.

²⁰¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 16. Д. 639.

Олонецкой губернии, обучался в сельском училище, «поведения очень хорошего»²⁰². В 1878–1884 годах он управлял Андрусовою пустынью и за пятилетнее настоятельство значительно улучшил ее благосостояние, уделив большое внимание развитию монастырского хозяйства. Ему пришлось покинуть монастырь после незаслуженного обвинения в его будто бы «злоупотреблениях по управлению»²⁰³. Следствие проводил благочинный второго округа Олонецкого уезда священник Симеон Соловьев²⁰⁴. Со слов доносчиков, строитель был нечестен в ведении приходо-расходных книг и утаивал часть пожертвований, а также закрывал глаза на странное поведение игумена Сильвестра, выведенного в Андрусову пустынь из Александро-Свирского монастыря якобы «за предосудительное знакомство» с Пелагеей Алексеевой, которая проживала в Александро-Свирской Слободе²⁰⁵. Упоминаемый в доносе игумен Сильвестр — пострижник Задне-Никифоровской пустыни, который управлял ею с 1871 по 1877 год. Затем по предложению олонецкого архиерея его перевели в Александро-Свирский монастырь, определили духовником братии и «гробовым» при раке со святыми мощами преподобного Александра Свирского²⁰⁶. Разобравшись в деле, благочинный священник Симеон Соловьев советовал епархиальному начальству наказать доносчиков и как можно скорее освободить отца Геннадия от управления мужской обителью, что и было сделано в начале 1884 года²⁰⁷. В течение следующих трех лет отец Геннадий по воле владыки перемещался в Александро-Свирский, Муромский и Александро-Ошевенский монастыри «для пользы службы». Он был прирожденным талантливым руководителем, способным «вытащить» захиревшие епархиальные обители из бедственного положения.

Указом Олонецкой духовной консистории от 21 августа 1887 года он, наконец, снова оказался в родной Задне-Никифоровской пустыни, где когда-то принимал иноческие обеты. «За успешный сбор пожертвований», «за понесенные по сему труды», «за усердие и ревность сбору» в 1890 и 1895 годах правящий епископ Павел выражал ему «душевную благодарность с призванием Божиего благословения».

²⁰² НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 57/2. Л. 1 об. — 3 об.

²⁰³ Там же. Оп. 7. Д. 80/32. Л. 60–63.

²⁰⁴ Там же. Л. 1–17 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 78.

²⁰⁶ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 11/318. Л. 74.

²⁰⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 7. Д. 80/32. Л. 38.

Благодаря близкому знакомству с протоиереем Иоанном Сергиевым иеромонаху Геннадию удавалось собирать внушительные денежные суммы, необходимые для восстановления обители после пожара и на устройство монастырского подворья в Санкт-Петербурге (см. главу 9).

Под управлением иеромонаха Вениамина за несколько лет все необходимые монастырские постройки на Важеозере были заново отстроены. Пережив страшный пожар, мужская обитель продолжала развиваться. К сожалению, главная и дополнительная описи монастырского имущества, составленные в 1886 и 1887 годах, не уцелели до нашего времени. Усердный труд строителя, неустанно следившего за восстановительными работами в Задне-Никифоровской пустыни и постоянно занятого поисками средств ради продолжения строительства и на содержание братии, заслуженно получал одобрение со стороны благочинного и епархиального начальства. Отец Алексей Михайловский всегда отмечал в своих отчетах природную сметку и практический ум настоятеля: *«хозяйство в монастыре благодаря опытности настоятеля в сем деле ведется как нельзя быть лучше»*²⁰⁸. Шестого декабря 1892 года отец Вениамин, управлявший тринадцать лет, из-за ухудшавшегося здоровья был уволен от должности строителя и по желанию оставался в обители до скорой смерти в 1893 году²⁰⁹.

После иеромонаха Вениамина Задне-Никифоровскую пустынь временно возглавлял 29-летний иеромонах *Иоанн (Борисов)*, из крестьян Тверской губернии, который в юности обучался в Кронштадтской портовой бухгалтерии. Его стремительная «монастырская карьера» отразилась в сохранившемся послужном списке: он поступил в Задне-Никифоровскую пустынь 27 февраля 1892 года, принял монашество 1 апреля, стал иеромонахом 10 мая, а в конце лета вместе с награждением набедренником *«за добрую и полезную службу»* был назначен одновременно на должность духовника и управляющего важеозерской обителью. По замечанию благочинного священника Алексея Михайловского, с его назначением в пустыни заметно участились богослужения: Божественную литургию стали совершать и по будням (ранее на неделе иногда служились только заказные *«обедни по умершим»*)²¹⁰. При отце Иоанне в 1892 году была перестроена деревянная часовня преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских, стоявшая при почтовом тракте.

²⁰⁸ Там же. Оп. 1. Д. 69/7. Л. 11.

²⁰⁹ Там же. Оп. 12. Д. 52/2. Л. 46 об. — 49.

²¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 72/15. Л. 466.

Будущий важеозерский строитель иеромонах *Филарет (Колпашиников)* родился в 1852 году²¹¹. Выходец из мещанства, он по какой-то причине не получил систематического образования в учебных заведениях, но был грамотен. В 1873 году по увольнительному свидетельству молодой Федор приезжает в Валаамский монастырь и через три года становится его послушником. Монашеский постриг он принимает 12 мая 1884 года при игумене Ионафане (Дмитриеве), который управлял обителью после смерти знаменитого игумена Дамаскина (Кононова). Здесь же, на Валааме, отец Филарет 6 декабря 1885 года возводится во иеродиакона, а 18 марта 1890 года — во иеромонаха. В его послужном списке говорится о том, что в течение восьми лет он «находился при кельях настоятеля» Валаамского монастыря²¹². После смерти игумена Ионафана был «командирован во флот» и служил священником на знаменитом броненосном фрегате «Адмирал Спиридов²¹³» на Балтийском море. Иеромонах Филарет проявил «кроткий нрав и хороший характер», за год плавания «приобрел искреннюю любовь от сослуживцев, о чем выдан аттестат от командира фрегата» 7 сентября 1891 года. В апреле следующего года его зачислили в братство Александро-Свирского монастыря, где он исполнял послушание ризничего. После смерти управляющего Задне-Никифоровской пустыни иеромонаха Вениамина по предложению правящего епископа Павла (Доброхотова) в октябре 1893 года он был определен на освободившееся место²¹⁴.

При иеромонахе Филарете с разрешения строительного отделения Олонецкого губернского правления, полученного в начале марта 1894 года, по специальным планам началось возведение кирпичной монастырской ограды (предварительно изготавливалось нужное количество кирпича для стен) и в очередной раз была укреплена «набережная при Задне-Никифоровской пустыни»²¹⁵.

С 16 мая 1895 года по 7 ноября 1896 года Задне-Никифоровской пустыню временно управлял иеромонах *Никифор (Фадеев)*, родом из крестьян Олонецкого уезда. Он пришел в монастырь после смерти жены, будучи зрелым человеком. В 54-летнем возрасте принял монашество

²¹¹ Иеромонах Филарет сделал, по всей видимости, последнюю по времени копию с рукописной службы преподобному Геннадию Важеозерскому с житием преподобного Никифора Важеозерского. См.: Новый Олонецкий патерик... С. 571.

²¹² НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 99/6.

²¹³ Русский адмирал Григорий Андреевич Спиридов (1713–1790) прославился сокрушительной победой над турками в Чесменском сражении.

²¹⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 99/6.

²¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 41/5. Л. 1–1 об.

(его постригал строитель иеромонах Сильвестр 22 марта 1875 года). В 1884 году, 24 декабря, олонецкий епископ Павел рукоположил его во иеродиакона, а на следующий день — во иеромонаха. С 1888 года отец Никифор был духовником важеозерской братии. Его пребывание в качестве управляющего длилось полтора года. После этого, несмотря на слабое здоровье, он продолжал окормлять монахов и послушников. В 1904 году при настоятеле иеромонахе Георгии принял великую схиму с именем Иасон и проживал в своей келье «на покое». Его последнее упоминание среди насельников мужской обители относится к 1904 году²¹⁶.

После иеромонаха Никифора, в 1896–1899 годах, братскую общину возглавлял иеромонах *Иона (Петрунин)*²¹⁷. От времени его краткого управления осталось несколько подписанных им отчетов о состоянии Задне-Никифоровской пустыни. На озере Рангозеро, на монастырском участке, была построена деревянная изба, на реке Важеозерке — исправлена мукомольная мельница, для нового братского корпуса заготовлено 77 000 кирпичей²¹⁸. При отце Ионе в обители дважды побывал правящий епископ Назарий (Кириллов) (17–18 мая и 9–11 декабря 1898 года). В свой первый приезд владыка слушал вечерню и читал акафист Божией Матери, а наутро после литургии сразу же отправился в Коткозерский приход. В декабре он оставался на три дня и успел подробно ознакомиться с монастырским хозяйством, провести всенощное бдение и литургию в сослужении четырех важеозерских иеромонахов, а также рукоположить во иеродиакона монаха Василия (Богданова), постриженного четыре месяца назад иеромонахом Ионафаном.

В 1899 году настоятелем важеозерской обители был определен игумен *Митрофан (Воезерский)*, который одновременно управлял ее подворьем в Северной столице. Он постриглся в монашество 1 ноября 1875 года в часовне на подворье Александро-Свирского монастыря в Санкт-Петербурге. С июля 1894 года его поставили во главе Александро-Ошевенского монастыря с возведением в сан игумена²¹⁹. Отец Митрофан несколько лет безуспешно пытался оспорить права государства на вторую половину Важеозера с прилегавшим к нему лесным угодьем. При нем в окрестностях пустыни был основан небольшой скит, где сначала стояла одинокая настоятельская келья с поклонным крестом, а позднее появился деревянный храм, жилые и хозяйственные постройки (см. далее).

²¹⁶ В 1907 году его имя в списках важеозерских монахов уже отсутствует. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 67/7.

²¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 79/38. Л. 128.

²¹⁸ Там же. Л. 144–154.

²¹⁹ Там же. Оп. 12. Д. 67/8.

Со времени возрождения Задне-Никифоровской пустыни до начала XX века епархиальные власти, наряду с остальными епархиальными монастырями, использовали ее как место исправления проштрафившихся клириков. В 1849 году за нетрезвость в нее был отправлен иеродиакон Дионисий из Палеостровского монастыря «с запрещением священнослужения и низведением на послушническую должность». Через несколько недель его перевели в Андрусову пустынь²²⁰. В 1878 году священник Иоанн Островский из Ильинской церкви Салменижского прихода (Петрозаводский уезд) проходил здесь наложенную на него епитимию «за нетрезвость». В 1882 году из Климецкого монастыря переводится «запрещенный» иеромонах Нифонт (диаконский сын из Пензенской епархии, постриженник Андрусово́й пустыни), неоднократно отлучавшийся от богослужения из-за пьянства, самовольных отлучек и «неисполнения распоряжений епархиального начальства» (через полтора года он был сослан в Палеостровский монастырь «в звании послушника впредь до исправления без ношения рясы и без кlobука», а оттуда в Муромский монастырь²²¹). В 1902 году на Важеозере два месяца «для нравственного исправления» находился диакон церкви святителя Василия Великого Вохтозерского прихода (Петрозаводский уезд)²²².

Сами важеозерские насельники крайне редко оказывались в числе провинившихся монахов или послушников, отправленных «под начал» в какой-нибудь епархиальный монастырь. В этом видится влияние старческих традиций, укоренившихся в мужской обители со времени пребывания в ней подвижника Исаии Никифоровского.

Состав иноческих общин во всех мужских монастырях Олонецкой епархии в последней трети XIX — начале XX века постоянно обновлялся. На имя правящего архиерея Олонецкой епархии ежегодно поступало множество жалобных прошений от монастырских насельников, умолявших о переводе в другую обитель²²³. Причины подобных просьб довольно однообразны — конфликты с настоятелями или другими монахами, расстроенное здоровье из-за плохого климата в том месте, где располагался монастырь. «Эта святая обитель по своей сырой и гнилой местности совершенно уьбет мое надломленное здоровье», — с такими словами

²²⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 55/631. Л. 7.

²²¹ Там же. Оп. 12. Д. 52/19.

²²² Там же. Оп. 1. Д. 82/23. Л. 203 об.

²²³ См.: Там же. Д. 63/30; Оп. 15. Д. 5/107.

обращался в 1883 году к епископу Павлу (Доброхотову) духовник Задне-Никифоровской пустыни иеромонах Модест, часто болевший и потому не служивший в церкви.

Такая же безрадостная картина складывалась и в других российских епархиях, что вызывало резкую критику монашества. Раздавались мнения о том, что монашеские ряды пополняются теми, кто стремится «найти в монастыре даровой приют и содержание, найти там жизнь более или менее легкую и беззаботную, не требующую каких-либо тяжелых и ответственных трудов»²²⁴. На страницах общественных журналов развернулась целая дискуссия о необходимости реформирования монастырского быта²²⁵. Раздавались настойчивые предложения повсеместно ввести общежительный устав²²⁶ и тем самым направить монахов на восстановление строгого личного аскетизма.

Важеозерская обитель существовала на основе правил «общего жития», однако, как мы могли убедиться, основной принцип киновии — «полное подчинение начальнику и точное исполнение устава»²²⁷ — увы, здесь нередко нарушался. Постоянное перемещение братии из одного монастыря в другой препятствовало складыванию крепкой, сплоченной монашеской семьи со своими традициями. Это обстоятельство вынуждало епархиального архиерея напрямую назначать главу обители, тогда как по общежительному уставу насельники имели право сами выбирать настоятеля из своей среды.

---

²²⁴ Д-в. Вопрос о реформе монастырей... С. 574.

²²⁵ Например, см.: Д-в. Вопрос о реформе монастырей // Вестник Европы. 1873. Кн. 8. С. 559–582; Пимен (Мясников), архим. Монашество и современные о нем толки // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1874. Кн. 2. С. 76–112.

²²⁶ Неприятие и неисполнение общежительного устава историки называют среди основных причин, вызывавших постоянное снижение общего нравственного уровня иноческой жизни в синодальный период: Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 288. Авторитетное мнение об общежительном уставе для монастырей известного схимонаха Паисия Афонского см.: Дионисий Тауис, священник. «Когда чужая боль становится своей»: Жизнеописание и наставления схимонаха Паисия Афонского. М., 2000. С. 54–55.

²²⁷ Сидоров А. И. Становление культуры святости: Древнее монашество в истории и литературных памятниках // У истоков культуры святости: Памятники древне-церковной аскетической и монашеской письменности. М., 2002. С. 21.

Борьба за Важеозеро

В истории возрожденных монастырей Олонецкой епархии дела о возвращении прежних земель, даже частичном, были всегда связаны с целым рядом сложностей и в некоторых случаях могли растянуться на многие десятилетия, при этом необязательно решиться в пользу бывшего владельца. Задне-Никифоровская пустынь отстаивала свои права на озеро Важе «для рыбного промысла» с прилегающими к нему землями вплоть до начала XX века²²⁸. Земельный вопрос был поднят после сильнейшего пожара, разорившего обитель летом 1885 года. Управляющий иеромонах Вениамин (Тихонов) просил казенные ведомства о выделении лесного участка, расположенного по берегам Важеозера, которое до упразднения монастыря целиком находилось в ее владении²²⁹.

В мае 1888 года отец Вениамин искал содействия у епархиального владыки в утверждении монастырского права владения всем озером. Насельники знали, что именно в его дальней части располагались лучшие тони, там издавна стояла изба для рыбного промысла²³⁰. Управляющий писал епископу Павлу: «Представляю при семъ планъ съ межесвою книгою, значущиися по церковной описи подъ № 1 и 2, местности Задне-Никифоровской пустыни, находящейся при озере Важеозере, но из коихъ права принадлежности этого озера пустыни не видно, но подлинно известно, что озеро это принадлежитъ обители съ самого основания ея, именно съ 1520 года, на что имеется указание въ книге исторического очерка Важеозерской пустыни за 1868—69 годъ и все это озеро служитъ единственнымъ источникомъ продовольствия живущей братии въ пустыни. Хотя изъ плана и видно, что половина его находится около земли, принадлежащей пустыни, но она пользовалась, пользуется, управляла и управляетъ всемъ озеромъ съ незапамятныхъ временъ, и главные рыбные промыслы находятся въ той половине озера, которая не обозначена въ плане и на дальнем берегу въ конце озера пустынею построена изба для рыбного промысла съ незапамятныхъ временъ. Крестьяне, поселенные въ отдаленномъ расстоянии отъ обители, иногда приходятъ для рыбной ловли на это озеро и испрашиваютъ дозволения и благословения настоятеля.

Все это служитъ доказательствомъ всегдашней всецелопринадлежности этого озера пустыни. Въ настоящее время въ Задне-Никифоровской пустыни никакихъ прямыхъ документовъ

²²⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 28/13, 50/8.

²²⁹ Там же. Д. 50/8. Л. 1–2.

²³⁰ Там же.

на право владения этим озером не имеются. Все бывшие документы на право владения им истреблены литовцами в XVII веке, на что есть указание в том же вышеуказанном очерке, и пожаром, бывшим в 1885 году. Так как пустынь указом Святейшего Синода от 6 февраля 1846 года № 15 утверждена самостоятельной, то я в настоящее время нахожу крайне необходимым иметь план с документом на законное владение этим озером»²³¹. Как видно из текста, иеромонах Вениамин доказывал принадлежность пустыни озера целиком на основе очерка Е. В. Барсова, изданного в 1869 году²³², а также отсутствием каких-либо споров с крестьянами ближайших селений.

Епископ Павел распорядился подготовить от своего имени официальный запрос синодальному обер-прокурору об утверждении прав за монастырем на все озеро, так как «право владения не оспаривается ни со стороны казны, ни со стороны ближайших к оному крестьян»²³³. Члены духовной консистории — протоиерей Адриан Благовещенский, священники Василий Соколов, Петр Грандов и Василий Павинский — подписали соответствующий указ. Казалось бы, вопрос о Важеозере был решен, однако в сентябре 1888 года неожиданно приходит письмо от юристконсульта обер-прокурора Синода с просьбой выслать все подлинные документы, связанные с «делом о праве Задне-Никифоровской пустыни на владение Важеозером»²³⁴.

Вслед за этим владыка получил ответ от самого обер-прокурора²³⁵, в котором говорилось: «Изъ рассмотрения доставленных Вами, Преосвященнейший Владыко <...> плана и межевой книги на занимаемую Задне-Никофоровской пустынею при озере Важеозере земли оказывается, однако же, что начало владения помянутого монастыря водами озера Важеозера должно быть относительно не ранее как к 1823 году, именно к тому времени, когда часть прибрежной к сему озеру земли отмежевана была Александро-Свирскому монастырю, и что до 1823 года все озеро Важеозере, вместе с окружавшею оно со всех сторон дачею “казенной оброчной статьи Задне-Никифоровской пустыни”, составляло достояние казны. Равным образом и ссылка иеромонаха Вениамина на печатную статью о Задне-Никифоровской пустыни, как на доказательство принадлежности сей последней Важеозера в XVII столетии, вовсе не подтверждается содержанием»

²³¹ Там же. Л. 1–2.

²³² Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 69, 80.

²³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 3.

²³⁴ Там же. Л. 12.

²³⁵ Там же. Л. 16–18.

той статьи, заключающей въ себе указание лишь на принадлежавшие той пустыне въ означенномъ веке рыбныя ловли на реке Свирь. Вместе съ темъ остаются невыясненными какъ основания, на коихъ Правительствующимъ Сенатомъ предоставлено было Александро-Свирскому монастырю владение прибрежной къ озеру Важеозеро частью дачи “казенной оброчной статьи Задне-Никифоровской пустыни” в количестве 401 десятины 414 сажений, такъ и то, въ чьемъ именно владении, во владении ли казны или частныхъ лицъ, находится въ настоящее время та прибрежная къ озеру Важеозеру полоса земли, которая не вошла въ составъ помянутыхъ отмежеванныхъ по указу Сената монастырю 401 десятины 414 сажений».

Лесной департаментъ Министерства земледелия и государственныхъ имуществ отклонилъ ходатайство настоятеля иеромонаха Вениамина «о предоставлении казенной половины Важеозерского озера съ окружающею полосою земли» и уведомилъ объ этомъ Управление государственныхъ имуществами²³⁶. После этого в течение несколькихъ летъ тянулась межведомственная переписка. Собранные иеромонахомъ Вениаминомъ исторические свидетельства и документы не убедили светские власти передать все Важеозеро в пользу Задне-Никифоровской пустыни. С болезнью и смертью важеозерского строителя дело об озерѣ само собою прекратилось.

В 1899 году другой настоятель, игуменъ Митрофанъ (Воезерскій), возобновилъ попытки добиться от казны передачи Важеозера целикомъ вместе с дополнительнымъ леснымъ участкомъ. Онъ обратился за содействиемъ къ влиятельному сановнику, товарищу обер-прокурора Владимиру Карловичу Саблеру, жалуясь на нехватку «лесного материала» для отопления монастырскихъ зданій и ихъ ремонта. Члены Синода приняли решение обер-прокурору обратиться къ министру земледелия и государственныхъ имуществъ Алексею Сергеевиу Ермолову и «ходатайствовать о содействии къ бесплатному отводу изъ казны дополнительного лесного участка, расположенного вокругъ озера, а также къ включению въ этотъ наделъ всего озера»²³⁷.

В октябрѣ 1900 года изъ министерства последовалъ рядъ вопросовъ: «Задне-Никифоровская пустынь приписная или самостоятельная; въ какомъ порядкѣ къ ней во владение поступили 539 десятинъ 745 сажений; какова ежегодная потребность пустыни въ дровяномъ или строевомъ материалѣ?»²³⁸. Игуменъ Митрофанъ отвѣтилъ на каждый изъ нихъ: «пустынь самостоятельная съ 1846 года; земельные и лесные

²³⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 22–22 об.

²³⁷ Там же. Л. 29–29 об.

²³⁸ Там же. Л. 32–33.

угодья, коими владеетъ пустынь, даны Александрo-Свирскому монастырю изъ казенной оброчной статьи взаменъ земли, отошедшей къ экономическимъ крестьянамъ. Пустынь же владеетъ по указу Синода отъ 6 февраля 1846 года № 363 — 5 участковъ удобной и неудобной земли 476 десятинъ 645 саженьей. Копии съ плановъ и межевой книги, утвержденные 26 ноября 1829 года, хранятся въ пустыни; ежегодно заготавливается для отопления зданій до 200 и более саж.³, для ремонтнoвки до 500 деревьевъ разнoго сорта и для изгородей до 3000 жердей»²³⁹. В очередномъ запросе министерство интересовалось «личнымъ составомъ пустыни», числом и размерами ее зданій, а также количествомъ печей²⁴⁰.

В марте 1901 года игуменъ Митрофанъ сообщалъ благочинному затребованные сведения. По его даннымъ, в Задне-Никифоровской пустыни находились 30 монаховъ и послушниковъ, а также 35 богорадниковъ. Монастырский комплексъ включалъ 18 зданій, изъ нихъ отапливались: 16 печами настоятельскій двухэтажный домъ с башнею (в нем трапезная, кухня, хлебная и просфорная с 12 кельями), его размеры 12 × 8 саженьей; 2 печами каменный корпусъ у святыхъ воротъ (в нем 4 кельи), 14 × 4 сажени; 10 печами братскій одноэтажный корпусъ с башнею (9 келий), 12 × 6 саженьей; 9 печами «странноприимная» (9 келий), 12 × 6 саженьей; печами скотный двухэтажный дворъ (5 келий), 15 × 7 саженьей; 1 печью каменный корпусъ «об одной келье», 9 × 4 сажени; 2 печами конскій дворъ (3 кельи), 15 × 7 саженьей; 5 печами старая рабочая изба (5 келий), 12 × 4 сажени; 1 печью гумно с ригою, 9 × 4 сажени; 2 печами баня, 5 × 4 сажени; 2 печами прачечная, 5 × 3 сажени; 1 печью кузница, 4 × 3 сажени; 1 печью изба при мельнице; 3 печами каменная церковь, 9 × 6 саженьей; 1 печью деревянный храмъ, 13 × 5 саженьей. Помимо этого, в обители были деревянная часовня над колодеземъ, 4 × 3 сажени; два амбара для хранения провизии, 4 × 3 и 3 × 3 сажени; ледникъ, 4 × 3 сажени. Всехъ печей — 62.

Дальнейшая переписка велась от имени новаго настоятеля иеромонаха Георгія. Изъ нее становится известна «веская» причина, по которой министерство не соглашалось на передачу озера с прилегающимъ лесомъ: «просимый въ пользу пустыни лесной участокъ площадью 54,31 деситны, расположенный вокругъ Важеозера, а равно и само Важеозеро, въ известной своей части являются крайне важными для казеннаго леснаго хозяйства въ целяхъ сплава черезъ данный пунктъ лесныхъ материаловъ изъ казенныхъ дачъ»²⁴¹.

²³⁹ Там же. Л. 36—36 об.

²⁴⁰ Там же. Л. 39—39 об.

²⁴¹ Там же. Л. 47.

В одном из рапортов на имя владыки отец Георгий рассказывает о качестве монастырских угодий: при Важеозере «*небольшие островки съ годнымъ строевымъ лесомъ, преимущественно ельникомъ, разделеннымъ большими топями и болотами*» (не более 300 десятин) и в Нирках монастырские сенные покосы (ежегодно до 1500 пудов сена) и «*незначительное количество строевого и дровяного леса*» (его не вывозили из-за дальности расстояния), а «*большая же часть — болота и заросли кустарника*»²⁴².

В начале XX века пустыни ежегодно требовалось до 200 кв. саженей дров и «*до 200 и более бревенъ для построек и ремонтровки, отъ 2 до 3 тысяч жердей*». За счет лесных участков расширялись пашня и сенокосы. Число насельников постепенно увеличивалось (до шести десятков человек)²⁴³. «*Пустыня начинаетъ крайне нуждаться! Желательно иметь другой участокъ, такъ какъ рыбной ловлей монастырь и такъ беспрепятственно пользуется въ полномъ объеме, а на озере Важе и его побережье пригодного леса мало*», — сокрушался настоятель²⁴⁴. Потеряв надежды на вторую половину озера с его берегами, он присмотрел лесной участок «*отъ монастырских владений къ Чонжинской дороге, по обе стороны дороги изъ монастыря къ почтовому тракту*».

В январе 1904 года из министерства на имя епископа Анастасия (Опоцкого) приходит окончательный вердикт по многолетнему делу о выделении новых земель Задне-Никифоровской пустыни: «*въ виду категорическихъ отказовъ со стороны Лесного департамента на все ходатайства настоятеля Задне-Никифоровской пустыни о бесплатномъ отводе для последней казенныхъ лесныхъ участковъ, управление имеетъ честь донести <...>, что не находитъ никакихъ оснований для возбуждения вновь предъ Леснымъ Департаментомъ ходатайства монастыря*»²⁴⁵. Вплоть до закрытия Задне-Никифоровской пустыни в ее владении оставались только те пять участков, которыми она обладала со времени обретения самостоятельного статуса в 1846 году²⁴⁶.

²⁴² НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 47 об.

²⁴³ Настоятель также упоминает лесную келью игумена Митрофана, которая отапливалась одной печью.

²⁴⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 48–48 об.

²⁴⁵ Там же. Л. 53.

²⁴⁶ Там же. Д. 67/2. Л. 23–30 об. В коллективной работе, посвященной истории православия в Карелии, приводится неверная информация об успешном завершении в 1888 году судебного дела Задне-Никифоровской пустыни, которая, по мнению авторов, отстояла свое право на озеро Важе вместе с лесным участком вокруг него. См.: Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.). М., 1999. С. 83.

Дело о казенной пустоши Нирки

К середине XIX века внутри дачи № 46, входившей в границы Олонецкого уезда, земли распределялись между казной, государственными крестьянами и возрожденной Задне-Никифоровской пустынью. При этом государству по-прежнему принадлежала большая часть угодий, а именно 21943 десятины (9120 десятин леса, остальное неудобья)²⁴⁷. В распоряжении мужского монастыря находились 476,27 десятины²⁴⁸. Небольшой участок (188,83 десятины, из них 61 десятина сенокосов и 31,80 десятины под лесом)²⁴⁹ по специальному межеванию был отдан в пользование жителям двух десятков деревень Святозерской волости Петрозаводского уезда²⁵⁰.

Во второй половине XIX века многие годы в разных инстанциях (в Олонецком уездном суде, Олонецкой палате уголовного и гражданского суда, Олонецкой палате государственных имуществ и Правительствующем Сенате) велось запутанное «дело о самовольномъ завладении крестьянами Петрозаводского уезда Задне-Никифоровскою оброчною статьею»²⁵¹. Суть непростого разбирательства излагается в сенатском указе, присланном в Олонецкую палату уголовного и гражданского суда в 1867 году²⁵².

Накануне восстановления самостоятельности Задне-Никифоровской пустыни казенная пустошь Нирки находилась под контролем Лесного департамента. По данным окружного лесничего, эту оброчную статью отдали в арендное содержание некоему канцеляристу Ермолаеву. Тот не платил полагавшиеся за нее деньги в казну, поэтому окружное лесное правление 18 марта 1845 года постановило ее «отдать въ содержание съ торговъ другимъ благонадежнымъ лицамъ»²⁵³. Назначенные торги,

²⁴⁷ Учет земель по дачам генерального и специального межевания и по владениям. Олонецкий уезд. Петрозаводск, 1915. Вып. 3. С. 90–91.

²⁴⁸ Там же. С. 124–125.

²⁴⁹ «Олонецкий уезд оказался спутанным с Петрозаводским уездом, т. е. в межевых дачах, принадлежащих к Олонецкому уезду, находятся земли владельцев Петрозаводского уезда, где они и облагаются земскими сборами». См.: Учет земель... С. 132–133.

²⁵⁰ Маньга, Большая Коккойла, Острова, Малая Коккойла, Ребята, Каскеснаволоок, Габанова, Никонова Сельга, Тюпия, Афонасьева Сельга, Мая-Сельга, Палатозеро, Кики, Прокки, Плоскозеро, Палгуба, Кирсоны, Мельницы, Лижма, Сиг-Наволоок, Важинская Пристань, Вашикова, Кара и Нирки. См.: Учет земель... С. 8.

²⁵¹ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 78/847.

²⁵² Там же. Л. 10–17.

²⁵³ Там же. Л. 10 об.

однако, не состоялись «по неявке желающих»²⁵⁴. Олонецкая палата государственных имуществ 31 августа 1845 года предписала окружному начальнику Вельяминову-Зернову «иметь наблюдение, чтобы Никифоровскою статью никто самовольно не пользовался»²⁵⁵. В декабре 1845 года окружной начальник докладывал, что «по причине не отмежевания Никифоровской статьи невозможно приискать желающих взять ее в арендное содержание»²⁵⁶. В ответ на это заявление Олонецкая палата государственных имуществ приказала провести необходимую съемку местности по правилам специального межевания.

Вельяминов-Зернов 18 июня 1846 года сообщал начальству, что ему были указаны границы только части оброчной статьи, а именно сенокосов, находившихся около деревни Нирки, «кои самовольно владеют какъ проживающие въ этой деревне, такъ и прочие разныхъ деревень Петрозаводского уезда крестьяне»²⁵⁷. Эти же крестьяне, по его словам, незаконно пользовались пахотной землею, «не считая ее за оброчную статью». По указанию губернской палаты государственных имуществ началось дознание с целью выяснить, кому же принадлежит право владения Нирками (казне, крестьянам или возрожденному монастырю). Одновременно в Олонецком уездном суде рассматривалось дело по жалобе проживавших в Нирках крестьян, которые в мае 1849 года писали начальнику Олонецкой губернии о том, что уездный чиновник Вельяминов-Зернов несправедливо включил их земли в оброчную статью, за пользование которой полагалось платить государству. В сентябре 1850 года по запросу из суда Олонецкое окружное правление сообщало, что пустошь Нирки (в действительности уже жилая деревня) является казенной и не принадлежит Никифоровой пустыни²⁵⁸. По плану генерального межевания, проведенного в 1783 году, эта оброчная статья формально находилась в Задне-Никифоровской казенной даче в составе Олонецкого уезда.

Пустошь Нирки ко времени описываемых событий была вновь населена, а ее пахотные земли разработаны. В 1856 году в ней стояли три избы, в которых жили семейные крестьяне Святозерской волости Петрозаводского уезда Амос Никифоров, Никифор Карпов и Яков Иванов,

²⁵⁴ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 78/847. Л. 10 об.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же. Л. 11.

²⁵⁸ Там же. Л. 13 об.

утверждавшие, что их прадеды поселились здесь около 60 лет назад на пустой земле. О том, что она состоит на оброке, крестьяне узнали только в 1846 году от приехавших из Петрозаводска землемеров. Все трое высевали на небольших участках рожь и овес, однако сенокосы им приходилось арендовать у важеозерских монахов, которые получили угодья на реке Тукше (Туксе) в 1846 году²⁵⁹.

В качестве свидетелей были опрошены жители соседней деревни Кескозеро Михаил Дмитриев, Иван Федоров и Данила Иванов. Они показали, что лесная деревушка Нирки «при колодцах»²⁶⁰ существует давно, однако, на каком основании в ней живут крестьяне, им неизвестно. Пашенной земли здесь не хватает, а «сенокосу вовсе нетъ и потому сенокосомъ пользуются крестьяне отъ Задне-Никифоровской пустыни»²⁶¹.

Олонецкая палата государственных имуществ приказала всех троих «устранить от использования» земельного участка, а накошенное ими сено продать с торгов²⁶². Между тем, Олонецкий уездный суд, рассмотрев спорное дело вместе с депутатами Олонецкого горного завода, 31 октября 1857 года неожиданно принял решение в пользу крестьян: те «бесспорно» проживают уже более 70 лет в деревне Нирки, населенной их предками, поэтому им можно здесь оставаться и дальше. Кроме того, указывалось возвратить крестьянам полученные бывшим окружным начальником Вельяминовым-Зерновым за сено 20 рублей и 12 рублей 50 копеек, отданных за первое полугодие пользования оброчной статьёй в залог; прогонные же расходы следовало принять на счет казны и провести новое следствие о незаконной рубке леса для строительства домов в Нирках²⁶³. Выше стоявшая инстанция Олонецкая палата уголовного и гражданского суда 31 июля 1858 года решение уездного суда утвердила, однако Олонецкая палата государственных имуществ категорически не согласилась с таким исходом дела. По ее мнению, крестьяне горнозаводского ведомства

---

²⁵⁹ Сенные покосы в участке под названием «Нирки» (его площадь 40 десятин 2231 кв. сажень) находились в 30 верстах от пустыни. Здесь ежегодно скашивалось до 1500 пудов сена. Большую же часть участка занимали болота, густые заросли кустарников. Дровяной лес из Нирок монахи не вывозили из-за трудностей доставки.

²⁶⁰ Деревня Нирки стояла на возвышенном месте, поблизости не было ни озера, ни реки.

²⁶¹ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 78/847. Л. 12 об.

²⁶² Сено было продано за 20 рублей крестьянину деревни Нирки Амосу Никифорову. См.: Там же. Л. 11 об.

²⁶³ Там же. Л. 14.

не могли воспользоваться правом «десятилетнего срока давности» проживания на одном месте²⁶⁴ и должны были иметь документы, подтверждавшие официальную передачу оброчной статьи в надел.

В указе Правительствующего Сената разъяснялось, что по планам генерального межевания оброчная статья находится внутри казенной дачи «Упраздненный монастырь Задне-Никифоровская пустынь». По признанию самих же крестьян, они не имеют никаких письменных свидетельств о своих правах на земли, где проживают. По данным генерального и специального межевания, Задне-Никифоровская дача ранее никогда не была замежевана во владение Святозерского общества Петрозаводского уезда. По закону крестьян надлежало бы выселить из Нирок и земли у них отобрать, поскольку *«межи генерального межевания не могут быть нарушены давностью владений»*. Столь резкие перемены в жизни трех семейств причинили бы *«большие расстройствa въ хозяйственномъ ихъ быту»*. По этим соображениям Сенат согласно с мнением министра государственных имуществ А. А. Зеленого постановил указом от 13 ноября 1867 года оставить крестьян *«въ настоящем месте водворения съ темъ, чтобы они за право владеть тою землею платили въ казну оброчную подать на общемъ основании съ прочими государственными крестьянами Олонецкой губернии»*²⁶⁵. По поводу же незаконной рубки леса для строительства крестьянских домов и использования земли в течение многих лет без уплаты оброчных денег Сенат пояснял, что Амоса Никифорова, Никифора Карпова и Якова Иванова необходимо освободить от их вины согласно манифесту от 26 августа 1856 года по случаю коронавания Александра II²⁶⁶.

---

²⁶⁴ Это право подтверждалось Сводом Законов (издан в 1857 году). *«Когда лицо ссылается на давность как на основание своего права собственности и доказывает, что владение его продолжалось более десяти лет, судебные места обыкновенно довольствуются этим и не требуют доказательств бесспорности, непрерывности владения»*. См. подробнее: *Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. М., 2003.*

²⁶⁵ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 78/847. Л. 17.

²⁶⁶ Там же.

Отшельницы в окрестностях Задне-Никифоровской пустыни

«Туманный Олонецкий край с его бесчисленными озерами и дремучими лесами» всегда привлекал строгих аскетов, избравших безмолвное уединение. По словам архимандрита Никодима (Кононова), автора «Олонецкого патерика», во второй половине XIX — начале XX века здесь образовался «новый круг великих ревнителей иноческой жизни», среди которых он упоминает подвижниц благочестия Анастасию и Евдокию Паданских, Марию, Матрону и Пелагею Олонецких²⁶⁷. Именно Задне-Никифоровская пустынь стала центром притяжения для тех, кто искал тишины и бежал от мирской суеты. В мужской обители в это время подвизались монахи, продолжавшие традиции старчества, заложенные здесь Игнатием Важеозерским. Одной из первых под покровительством ее строителей иеромонахов Митрофана, Феофана и игумена Даниила в маленькой деревянной келье, построенной в монастырских окрестностях, поселилась старица Акулина. Подробных сведений о ней нет. В начале XX века в ризнице пустыни сохранялись вериги весом 15 фунтов (около 6 кг) «после умершей одной пустынницы»²⁶⁸. Они, скорее всего, принадлежали Акулине, в глубокой старости проживавшей на Важеозере и после кончины погребенной на братском кладбище. Позднее в ее келье три года провели вместе благочестивые старицы Мария Олонецкая²⁶⁹ и Анастасия Паданская. Обе пустынницы, будучи духовными детьми важеозерских монахов, получали у них полезные советы и наставления в повседневной иноческой жизни, регулярно исповедовались и причащались в обители.

Остановимся подробнее на событиях, связанных с образованием общины сестер вокруг Анастасии Паданской (до пострига Анны Трофимовны Яценковой)²⁷⁰. Детали этой истории подробно описаны в рапорте строителя иеромонаха Даниила на имя олонецкого архиепископа Аркадия (Федорова) в ноябре 1863 года: «Назадъ тому около 17 летъ, въ шести верстахъ отъ пустыни въ лесу выстроивъ келью, поселилась

²⁶⁷ Никодим (Кононов), архим. Олонецкая пустынножительница инокиня Анастасия Паданская. Петрозаводск, 1910. С. 3.

²⁶⁸ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 10.

²⁶⁹ Олонецкая отшельница Мария. Петрозаводск, 1887.

²⁷⁰ Подробнее о ней см.: Никодим (Кононов), архим. Олонецкая пустынножительница инокиня Анастасия Паданская. Петрозаводск, 1910; Сорокина Т. В. Анастасия Паданская // Олонецкая епархия: страницы истории. Петрозаводск, 2000. С. 197–200.

родомъ изъ Кіева записавшаяся въ мещанки города Олонца грамотная девица Анна Трофимова <...>. Отъ роду она ныне около 50 летъ»²⁷¹. Выбор места для уединенной кельи — в шести верстах от восстановленной мужской Задне-Никифоровской пустыни — не был случайным. В Олонецкую губернию Анна пришла вместе со своей единомышленницей, пустынноницей Марией Олонецкой, племянницей и духовной дочерью старца Игнатия Важеозерского. Как уже говорилось ранее, в течение трех лет девушки под его руководством жили вместе в лесной келье, а затем по благословению духовника разделились, чтобы каждой из них уединиться в полном безмолвии.

После кончины важеозерского старца, согласно его предсмертной воле, заботу о двух отшельницах взяли ближайшие ученики монахи Герасим и Даниил, автор цитируемого рапорта. Мария провела несколько лет на Кавказе, а затем вернулась в окрестности Задне-Никифоровской пустыни с двумя родственницами Матроной и Пелагеей, которые поселились недалеко от ее избушки. Тяжелое длительное путешествие, а также жизнь в холодной и сырой келье подорвали слабое здоровье Марии. Она умерла 9 февраля 1860 года и была погребена на братском кладбище. Анна все время оставалась в лесу около мужской обители, продолжая великий подвиг пустынножительства. По словам отца Даниила, «питалась она прежде мхом с мукою и грибами, а ныне питается то подаяниями от приходящих к ней родственников и знакомых, то получаемую платою от рукоделия ее»²⁷². Спала на полу кельи.

В конце 1850-х годов вокруг отшельницы начинает формироваться костяк будущей женской Паданской общины. Первой пришла сорокалетняя грамотная девица Евдокия Карпова из Тамбовской губернии, «бывшая келейницею у таковой же пустыннолицы на своей родине, около построивъ келью в 200 сажнях от кельи Трофимовой» (Евдокия умерла 14 января 1887 года, прожив вместе с Анной 30 лет²⁷³). Она стала ближайшей помощницей олонецкой подвижницы. Иеромонах Даниил рассказывает о женщинах: «Обе эти богорадницы поселились тутъ для уединенной и богоугодной жизни, а потому проводили и проводятъ оную богобоязненно, — и добавляет немаловажную для епархиальных властей деталь: — На жительство здесь имеютъ отъ своего начальства паспорта»²⁷⁴. Чуть позднее, по свидетельству отца Даниила, к двум

²⁷¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 71/1539. Л. 1–8 об.

²⁷² Там же. Л. 1.

²⁷³ Никодим (Кононов), архим. Олонецкая пустынножительница... С. 8.

²⁷⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 71/1539. Л. 1 об.

пустынницам присоединились две крестьянские девицы из окрестных селений: «Видя первой изъ нихъ добродетельное житие, въ версте отъ кельи Трофимовой по совету ея построивъ кельи, крестьянская девица Коткозерского прихода деревни Погостской Евдокия и деревни Челмозера Марфа Михайлова поселились въ нихъ. Первая отъ роду 25 лет, поселилась назадъ тому около 7 летъ, а последняя отъ роду 45 летъ, а поселилась около 3 летъ. Жилища этихъ богорадницъ находятся отъ пустыни на западъ, но какъ они местные, то на жительство тутъ паспортовъ не имеютъ»²⁷⁵.

Число пустынницъ продолжало постепенно увеличиваться: «Въ другую сторону на полдень отъ пустыни въ 5 верстах, отъ кельи Трофимовой въ 3 верстахъ, поселились въ выстроенныхъ кельяхъ Новгородской епархии Старорусского уезда крестьянские грамотные девицы Пелагея и Матрона и въ сторону къ деревне Нирки Коткозерского же прихода, отъ пустыни въ 10 верстах, крестьянские девицы Псковской губернии неграмотная Мария и Павла грамотная, первые две отъ роду около 35 летъ, а последние около 30 летъ. Эти девицы живутъ здесь по паспортамъ»²⁷⁶.

По благословению олонецкого епископа Иоанафана (Руднева) община пустынницъ во главе с Анной Трофимовой в конце 1860-х годов переселилась на земли бывшей Паданской Корнилиевой пустыни в Лодейнопольском уезде. На этот маленький монастырь, закрытый по реформе 1764 года, обратил внимание архиепископ Игнатий (Семенов), впервые посетивший его весной 1831 года во время ознакомительного объезда южной части епархии. Древний Введенский храм, к тому времени опечатанный, продолжали часто посещать богомольцы, поэтому архиерей распорядился приписать его к соседнему Винницкому приходу и на казенные деньги отремонтировать²⁷⁷. «На редкие церковные службы, совершавшиеся Винницким причтомъ въ Корнилиевой пустыни, собиралось много народа изъ окрестностей ея, а въ остальное время пустынницы сами совершали келейно утреню, часы и вечерню»²⁷⁸. В 1891 году при церкви упраздненной Паданской пустыни была официально учреждена женская община²⁷⁹.

Незадолго до своей смерти (в 1901 году) матушка Анна приняла монашеский постриг с именем Анастасия. Всю жизнь она оставалась верна

²⁷⁵ Там же. Л. 1–2 об.

²⁷⁶ Там же. Л. 1 об.

²⁷⁷ Там же. Оп. 16. Д. 79/6. Л. 2.

²⁷⁸ Никодим (Кононов), архим. Олонецкая пустынножительница... С. 11.

²⁷⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 23/1638. Л. 52–52 об.

пустыннолюбие, будучи истинной духовной дочерью Игнатия Важеозерского, в свою очередь продолжавшего традиции «жизни в духе веры», воспринятые им во время пребывания на Афоне. Архимандрит Никодим (Кононов) писал, что благочестивая старица, прожившая в Паданской пустыни 35 лет, «отличалась строгостью жизни, творила постоянно благодеяния и все свои помыслы направляла ко Всевышнему Господу»²⁸⁰.

Лумбозерская женская община

В начале 1860-х годов молодые жительницы двух деревень ближайшего к Задне-Никифоровской пустыни Коткозерского прихода при поддержке Анны и ее сподвижниц пытались организовать собственную общину: «деревни Утозера две девицы подруги, довольно зажиточных отцовъ, а трое деревни Лумбозера, посредственного состояния, ни одной изъ нихъ нетъ 25 летъ, довольно изъ себя красивы и хорошихъ качествъ, за которыхъ сватались хорошие женихи, но они решительно отказались отъ супружества и согласились между собой последовать примеру оныхъ пустынныхъ и спастись въ уединении»²⁸¹. К ним присоединились еще четыре утозерские девушки. Несколько маленьких келий, перестроенных из разобранных амбаров и бани, расположились «въ захолустье на островку» всего в 100 сажнях от деревни Лумбозеро, стоявшей на петрозаводском почтовом тракте²⁸², и в 12 верстах от важеозерской обители. В отличие от соседних стариц, благочестивые карелки, поселившиеся у Лумбозера, были безграмотны и не умели говорить по-русски, поэтому со строителем иеромонахом Даниилом при личных встречах беседовали через «переводчика» (родственника одной из них). Одна из отшельниц-старожилок с разрешения «старшей богорадницы» Анны переселилась к ним и начала «учить ихъ молитвы по-русски говорить и прочее»²⁸³.

Крестьяне из ближайших деревень, поначалу настороженно относившиеся к появлению «подозрительных» отшельниц, со временем привыкли к ним и стали их поддерживать. Об этом сообщал иеромонах Даниил своему начальству: «проживающие въ здешнихъ лесахъ пустынницы

²⁸⁰ Никодим (Кононов), архим. Олонецкая пустынножительница... С. 11.

²⁸¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 71/1539. Л. 4.

²⁸² В 1873 году здесь проживали 54 человека, 24 мужчины и 30 женщин. См.: Олонецкая губерния: список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879.

²⁸³ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 71/1539. Л. 1.

произвели сильное впечатление на окрестных жителей. Сначала было носились разные и нелепые слухи, но после все оные умолкли и теперь все миряне единодушно признают, что проживающие девицы въ здешнихъ лесахъ совершенно Бога ради удаляются отъ мира и спасаются въ уединении»²⁸⁴.

Важеозерский строитель, со своей стороны, не замечал каких-либо серьезных препятствий к созданию женской общины при деревне Лумбозеро: «въ жизни богорадницъ мы не видимъ ничего противного христіанской жизни и полагаемъ, что примеръ добродетельной жизни ихъ привлечетъ сюда многихъ и со временемъ здесь съ разрешения начальства устроится Православный Девичій монастырь. Христіанскій долгъ исповеди и святого причащения исполняютъ каждагодно въ обители во все посты»²⁸⁵.

Испугавшись, однако, столь быстрого роста числа пустынниц, отецъ Даниилъ решил поставить в известность епархіальные власти о стихійно создаваемой общине: «о томъ, что около Задне-Никифоровой пустыни проживаютъ и умножаются богорадницы местному светскому начальству, хотя доносимо не было, но оное имеетъ о нихъ частные сведения. Зналъ о нихъ бывшій благочинный монастырей, Александро-Свирского монастыря покойный архимандритъ Варсонофій, знаетъ, кажется, и настоящий благочинный архимандритъ Павелъ»²⁸⁶. Действительно, благочинный архимандритъ Павелъ со времени своего вступления в должность настоятеля Александро-Свирского монастыря был хорошо осведомлен о существовании отшельниц и не препятствовал этому, но призывал ужесточить контроль над «никифоровцами». В личном письме на имя архиепископа Аркадія (Федорова), датированном 14 августа 1855 года, он писал об этом: «За Никифоровскою пустынью нужно иметь надзор, ибо въ ихъ лесу какие-то две девицы спасаются, о коихъ мне князь Мышецкій²⁸⁷ говорилъ, что отецъ Митрофанъ писалъ къ нему, чтобы их не трогать. И вчерашнего числа одни богомольцы сказывали мне, что они видели этихъ девокъ въ Никифоровской пустыни и будто отецъ Феофилъ хотелъ ихъ постричь тайнымъ образомъ, но я сему не верю. По-моему мнѣнію, въ эту пустынь нужно поселить человекъ трехъ или более изъ духовныхъ <...>. Никифоровцы живутъ въ глуши...»²⁸⁸.

²⁸⁴ Там же. Л. 4.

²⁸⁵ Там же. Л. 2 об.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Князь Александр Алексеевич Мышецкій — начальник жандармского корпуса Олонецкой губернии.

²⁸⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 64. Л. 217–218.

Лумбозерские сестры получили на молитвенную память от старицы Анны икону Божией Матери, которую несли 28 сентября 1863 года крестным ходом до Лумбозера: *«Крестьяне же оной деревни узнавши приходъ ихъ, все жители старые и малые, вышли навстречу имъ съ образами съ возженными свечами, съ тремя просвирами и съ хлебомъ и солью, наипаче со многимъ благоговениемъ и со слезами все встретили икону Божией Матери и поклонились ей до земли. Когда приближались съ иконою Божией Матери, тогда все шедшие навстречу пали на землю предъ иконою Божией Матери, прикладывались и подходили подъ нее съ верою и любовью»*²⁸⁹.

На следующий день, 29 сентября 1863 года, по приглашению лумбозерских пустынноц приехал священник из Коткозерского прихода. Он *«отслужилъ молебень съ водосвятиемъ и молитвы читалъ съ коленопреклонениемъ весьма торжественно, и все молились со многимъ благоговениемъ и слезами. Такъ положено начальное основание Девической Лумбозерской общины»*²⁹⁰. Иеромонах Даниил далее писал епископу: *«Ныне многие приходятъ къ нимъ и просятъ со слезами принять ихъ въ сожитие. Но, во-первыхъ, помещения нетъ, а время осеннее не позволяетъ новыхъ келий строить, во-вторыхъ, безъ Вашего благословения и безъ повеления начальства и я не советую более строить и принимать <...>. На прошлое воскресенье приходили въ обитель, отстояли всенощное бдение и после литургии просили отслужить молебень угодникамъ при начинании доброго дела, после заходили ко мне благословиться, и я ихъ благословилъ иконою угодниковъ Божиихъ, далъ по просвире и по четкамъ, букварь и начальное учение “Апостольское послание” и велелъ имъ учиться грамоте и по-русски говорить. На все же мои вопросы они отвечали одними земными поклонами»*²⁹¹.

В 1864 году лумбозерскими пустынноцами заинтересовались светские власти²⁹². Олонецкий уездный исправник, получив, в свою очередь, рапорт местного пристава, сообщил о них губернатору Юлию Константиновичу Арсеньеву и спрашивал, как ему следует поступить с девицами: *«Въ лесахъ около Задне-Никифоровской пустыни, за Коткозерскимъ погостомъ проживаютъ съ некоторого времени пустынноцы въ нарочито*

²⁸⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 71/1539. Л. 6–7 об.

²⁹⁰ Там же. Л. 7 об.

²⁹¹ Там же. Л. 7 об. – 8 об.

²⁹² Там же. Ф. 1. Оп. 46. Д. 32/837.

устроенныхъ избушкахъ, отдельно одна отъ другой, препровождая время въ постоянной молитве и чтении священныхъ книгъ; все они девицы и пожилыхъ летъ <...>. Место жительства ихъ, хотя известно местнымъ обывателямъ крестьянамъ, но они хранятъ о томъ глубокое молчание, вообще на расспросы молчатъ или отзываются незнаниемъ. Пустынницы эти имеютъ письменные виды, которые иногда прописываютъ у пристава 1-го стана чрезъ настоятеля Задне-Никифоровской пустыни. Между темъ зимою прошлого 1863 года поселились въ лесу для спасения себя, какъ говорятъ, несколько молодыхъ девицъ (около восьми) изъ разныхъ деревень Коткозерской волости, которые проживаютъ будто бы въ одной избушке, но какъ ихъ зовутъ и чьи они дети, разузнать не имель возможности по глубокому молчанию о томъ жителей. Все эти лица православного исповедания и исполняютъ христианский долгъ покаяния и Святого Причащения въ Задне-Никифоровской пустыни и Коткозерскомъ погосте»²⁹³.

Во втором рапорте тот же исправник сообщал уточненные данные обо всех пустынноцах: «Въ лесах около Задне-Никифоровской пустыни поселились следующие лица: бывшая мещанская девица города Киева, а ныне Олонецкая мещанка Анна Трофимова; Тамбовской губернии Моршанского уезда девица Евдокия Карпова; Олонецкого уезда Коткозерской волости деревни Чилмозера Марфа Михайлова; Старорусской удельной конторы Пелагея Алексеева; той же конторы Матрена Михайлова; Архангельской губернии девица Павла; Псковской губернии девица Марфа Афанасьева; мещанка города Киева Марья Степанова Грабовская. Все они, исключая девицы Михайловой, какъ отозвался строитель Задне-Никифоровской пустыни иеромонахъ Даниилъ, имеютъ паспорта на жительство, изъ коихъ паспортъ Грабовской явленъ у пристава 1-го стана. Кроме того, въ прошлом 1863 году поселились тоже въ лесу девицы Коткозерской волости деревни Утозера Степана Тимофеева дочь Марина; Петра Никонова дочь Аксенья; деревни Лахты Михаила Михайлова дочь Татьяна; деревни Тюгьялы Савелия Герасимова дочь Евдокия; и деревни Лумбозеро Василия Логинова дочь Лукерья. Все вышеозначенные лица православного исповедания, исполняютъ таинства покаяния и святого причащения, ведутъ жизнь благочестивую, проводя время въ молитве, трудахъ и рукоделии»²⁹⁴.

Стихийные попытки организовать сестринские общины в окрестностях Задне-Никифоровской пустыни свидетельствовали об острой необходимости

²⁹³ Там же. Л. 1–1 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 4–4 об.

учреждения хотя бы еще одной женской обители в Олонецкой епархии: в ее пределах до начала XX века существовал единственный девичий монастырь в Каргополе. Официальные епархиальные документы второй половины XIX — начала XX века, однако, не содержат упоминаний о Лумбозерской женской общине. Разрешение на ее создание так и не было получено. Отчасти в этом проявилось личное негативное отношение губернатора Ю. К. Арсеньева (1862–1870 годы), славившегося своей нелюбовью к монашескому образу жизни²⁹⁵. Так, сильное противодействие с его стороны вызвало предложение возобновить в Пудожском уезде Муромский монастырь²⁹⁶. В циркулярном донесении к министру внутренних дел Петру Александровичу Валуеву, подписанном 6 ноября 1864 года, он подверг резкой критике не только идею «бесполезного» возрождения мужской обители преподобного Лазаря, но и местное монашество в целом. Ю. К. Арсеньев полагал, что монастыри уже выполнили свою историческую миссию: они «бедны, малоуважаемы в народе и крайне мало посещаемы», а также «стали большей частью наполняться людьми, которыхъ влекло в обитель желание жить не трудясь»²⁹⁷. Он несправедливо заявлял об отсутствии традиций подвижничества в крае: «Въ продолжение последнихъ тридцати лет народная молва в Олонецком крае не остановилась ни на одномъ подвижнике, который привлек бы къ своей трудовнической жизни внимание местного населения»²⁹⁸.

²⁹⁵ Сведения о биографии Ю. К. Арсеньева и его деятельности см.: Олонецкие губернаторы: Биографический справочник / сост. Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина. Петрозаводск, 2006. С. 66–69.

²⁹⁶ До этого он активно сопротивлялся открытию миссионерского православного монастыря в центре поморского согласия, в селе Данилове Повенецкого уезда. См.: РГИА. Ф. 896. Оп. 141. Д. 35.

²⁹⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 75/29. Л. 2 об., 5 об.

²⁹⁸ Там же. Л. 19 об. Олонецкий архиепископ Аркадий (Федоров) придерживался другого мнения: «Господь принес меня в страну святых: в Свирском монастыре Преподобный Александр, празднуемый церковью 30 августа; преподобный Адриан в Андрусовской пустыни, где строитель из крестьян, бывший на Афонской горе и там постриженный; преподобные Никифор, Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий в Задне-Никифоровской пустыни, где строитель тоже из крестьян, и вся братия из крестьян, между ними — схимонах Игнатий, брат Андрусовского строителя, постриженник Афонской горы; преподобный Александр Ошевенский в Ошевенском монастыре, где архимандрит из иподиаконов тверских, из исключенных учеников приходского училища; преподобный Корнилий в Палестровском монастыре; преподобный Иона в Климецком монастыре, и во многих других закрытых пустынях. Есть храмы с величественными иконостасами, с древнейшими

Непонимание высокопоставленным чиновником исторического и духовного смысла монашества в случае с лумбозерской общиной стало непреодолимым препятствием к ее официальному учреждению. Невзирая на отсутствие официального разрешения властей, три девушки из Утозера — упоминавшаяся выше Татьяна Михайлова и присоединившиеся к ней Марина Иванова и Анастасия Савельева — более двадцати лет подвизались вместе в четырех верстах от родной деревни. Об этих благочестивых затворницах в «Олонецких епархиальных ведомостях» писал протоиерей Александр Надежин в 1899 году: *«Удаленные от мирской суеты, не связанные никакими житейскими заботами и, по возможности, укрывающиеся от разных соблазнов людских, — они большую часть времени проводят в молитве и труде»*²⁹⁹.

Отшельничество в начале XX века

Древняя монашеская традиция отшельничества, в развитие которой заметный вклад внесли женщины-пустынницы, не прерывалась в начале XX столетия. Имена двух отшельниц, Евдокии Алексеевой и Ксении Петровой, уроженок Коткозерского прихода, проживших под одной крышей более полувека в окрестностях Задне-Никифоровской пустыни, встречаются на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей».

«На шестой версте от этой (Задне-Никифоровской — Ю. К.) пустыни с правой стороны вьется узкая дорожка: это путь к “пустынницам”. Тарантас едва пробивается среди густо растущих елей и сосен; в некоторых местах угрожала даже опасность быть выброшенным из повозки и только благодаря опытности ямщика и лошадей, мы благополучно доехали до лесной избушки пустынниц, — описывает свою поездку к отшельницам протоиерей Александр Надежин. — Избушка эта расположена на небольшой поляне, окаймленной со всех сторон лесом. На одной из сторон этой поляны тихо журчал ручей, вытекавший из находящегося тут же родника, а кругом царила та лесная тишь и гладь, которая всегда способна оказывать такое благотворное влияние на душу человека, заставляя его хотя на несколько

иконами, построенные лет за двести и триста и освященные святыми, например, Александром Свирским». См.: Христианское чтение. 1890. № 1–2. С. 31.

²⁹⁹ Надежин А., прот. Олонецкие «пустынницы» // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 12. С. 25–26.

минут сбросить с себя тяжелые оковы житейской суеты... Дверь избушки тихо отворилась и из нее вышла одна из пустынниц, по имени Ксения — старушка лет около 60-ти. Приветливо поклонившись и получив благословение, она пригласила нас посетить ее келью, сказавши при этом, что другая ее сожительница ушла на озерко ловить рыбу. Избушка довольно ветхая. В ней две комнаты, разделенные одна от другой деревянной стеною и соединяющиеся общим коридором. Свету и воздуху — мало; обстановки почти никакой: простой деревянный столик, небольшая скамья и нечто вроде аналая — вот все убранство комнаты. В углу лежали псалтирь и молитвослов, а перед иконою тускло теплилась небольшая лампада. Избушку пустынниц время от времени посещают жители окрестных деревень, принося с собою в подаяние что-либо из съестных припасов, а по поляне, на которой стоит избушка, нередко пробегает и трусливый заяц, и хитрый волк, а иногда проходит и сам царь олонецких лесов — медведь»³⁰⁰.

Старица Ксения умерла 16 мая 1913 года в семидесятилетнем возрасте³⁰¹. Приведу отрывок небольшой заметки, появившейся на страницах епархиальной газеты в связи с печальным событием: «Издавно близ Важеозерской (прежде Задне-Никифоровской) обители жили отшельники и отшельницы (более замечательные Игнатий, Мария и др.), стараясь вдали от мирской суеты, отдельно даже и от общежития монашеского, угодить Богу подвигами труда, молитвы, поста, борясь с искушениями от плоти, от мира и от диавола. С течением времени число таких подвижающихся уменьшилось, но и ныне есть (схимник Григорий, Евдокия и пр.). Живут в маленькой хижине, украшенной св.изображениями, возделывают овощной огородик. Читают псалтирь, изучают и поют св.стихи и молитвы, почасту ходят к службам, исповеди и св.причастию в монастырь, утешают к ним приходящих и по силе благотворящих крестьян и корел и т. д. Почившая неоднократно напутствована в вечность св.тайнами покаяния, причащения и елеосвящения и торжественно отпета собором иконов. Плачет осиротелая старица — спутница почившей: “с кем я теперь поделюсь жизнью”... Просит у Бога помощи понести новый крест... Жива вера у корел...»³⁰².

³⁰⁰ Надежин А., прот. Олонецкие «пустынницы»...

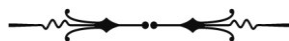
³⁰¹ Н. Олонецкие подвижники. Пустынница Ксения // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 1. С. 298–299.

³⁰² Там же.

Старица Евдокия осталась одна. В августе того же 1913 года у нее побывал правящий епископ Никанор (Надежин), осматривавший монастыри Олонецкого уезда: *«Внимательный владыка пешком дошел со спутниками по лесу до пустыньки отшельницы Евдокии, которая, с благоговением встретив высокого гостя с деревянным крестом, освященным хлебцем и зажженной свечкой, с радостью отвечала на вопросы владыки»*³⁰³. Это был не первый визит архипастыря в лесную келью. В 1898 году епископ Назарий (Кириллов) по пути в Петрозаводск посетил обеих старицу и, увидев их полуразрушенный низкий домик, распорядился исправить его на средства пустыни³⁰⁴.

Сведения о схимонахе Григории (Плиханове), которого упоминает автор заметки о пустыннице Ксении, нашлись в ведомостях о важеозерской братии³⁰⁵. Малограмотный крестьянин из Пензенской губернии пришел в мужскую обитель в 1872 году; в монашеские одежды облачился 24 декабря 1878 года при строителе иеромонахе Вениамине; в схиму был пострижен 22 января 1904 года. Всю свою жизнь после отречения от мира он провел в любимой Задне-Никифоровской пустыни. Последний раз отец Григорий упоминается в послужных списках ее монахов за 1918 год: *«Проходил послушания повара, хлебника, просфорника, свечника, пономаря, сборщика, эконома и пр., теперь в пустыни на покое проживает»*³⁰⁶. За усердный сбор «обильных жертв» и примерную честность старец получил благодарность по указу консистории в 1895 году.

Итак, Задне-Никифоровская пустынь после опустошительного пожара благодаря влиятельному покровительству протоиерея Иоанна Сергиева была заново благоустроена к началу XX века и обзавелась собственным подворьем в Санкт-Петербурге. На протяжении десятилетий в ней сохранялись прочные традиции старчества, привлекавшие многих паломников, часть из которых оставалась в пустыни богорадниками в надежде вступить в братскую общину и принять монашеский постриг.

³⁰³ Поездка епархиального владыки в Сяндемский монастырь на освящение новоустроенного храма // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 26. С. 468–471.

³⁰⁴ Надежин А., прот. Олонецкие «пустынницы»...

³⁰⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 57/2.

³⁰⁶ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 10 об. – 11.

Глава 9

Задне-Никифоровская пустынь в начале XX века

В начале XX века в свет вышел небольшой исторический очерк о Задне-Никифоровской пустыни, написанный Петром Ягодкиным¹.

Автор несколько лет прожил здесь богорадником и затем покинул обитель в мае 1901 года. Его работа содержит множество интересных свидетельств человека, хорошо узнавшего внутреннюю жизнь мужского монастыря. Повествование начинается с описания лесной тропы, по которой путники добирались от почтового тракта до Важеозера: *«Извилистая и неровная дорога на протяжении 11 верст от часовни проложена в восточном направлении, выходя из леса к монастырской мельнице у истока реки Важинки из Важ-озера... Обширная и живописная панорама, окаймленная лесами, развертывается отсюда, при взгляде на расчищенную поляну и долину Важ-озера, на южном холмистом берегу которого расположился монастырь»*². Как видим, паломники и путешественники подходили к монастырской усадьбе со стороны водяной мельницы. Петр Ягодкин не сдерживал эмоций, рассказывая своим читателям о величественной северной красоте здешней природы: *«Возносясь над окрестностью к голубым небесам, блестящие металлические главы и кресты храмов ярко сияют на солнце, а стройный и звучный благовест колоколов неумолчно призывает на бдение и молитву под сень святой обители “всех труждающихся и обремененных”*. В летний солнечный день и ночью, при лунном освещении, тихая зеркальная поверхность озера отражает в своих водах чудную картину этого уединенного мирного уголка»³.

Далее автор описывает небольшой архитектурный ансамбль Задне-Никифоровской пустыни, сложившийся к началу XX века. Его можно видеть на черно-белом снимке, сделанном летом или ранней осенью

---

¹ Первоначально очерк П. Ягодкина был опубликован на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей» в 1901 году, а затем выпущен отдельным изданием.

² Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда (очерк). Петрозаводск, 1904. С. 1.

³ Там же.

на Важеозере. Неизвестный нам фотограф запечатлел мужскую обитель с южной стороны, установив камеру на монастырском поле, поросшем травой. В кадр попали украшавшие пустынь храмы — деревянный Преображения Господня с высокой колокольней и каменный пятиглавый Всех Святых. Хорошо заметна на снимке надвратная церковь во имя преподобного Иоанна Рыльского. Также видна часть основательной кирпичной ограды с встроенным в нее двухэтажным настоятельским корпусом. Она имела форму неправильного шестиугольника «с разрывом по северной стороне против зимней церкви»⁴.

Монастырские стены начали возводить в мае 1896 года при временном управляющем иеромонахе Никифоре (кирпич был заранее изготовлен тут же, в пустыни). По словам Петра Ягодкина, к 1901 году ограда была почти закончена⁵. Внутри нее, между храмами и корпусами пышно росли рябины, черемухи, акации, яблони, березы, клены и тополя. Заботливо посаженные монахами лиственные деревья — как аборигенные виды, так и интродуценты — погожей осенью радовали глаз красочным разноцветием⁶. Вдоль южной стены были разделаны аккуратные грядки для выращивания огородных культур: капусты, брюквы, свеклы, редьки, тыквы, лука и хмельника⁷.

На западной «парадной» стороне ограды, со стороны проселочной дороги, соединявшей мужскую обитель с ближайшими деревнями, под аркою располагались главные святые врата, ориентированные на колокольню Преображенской церкви. Они были встроены в каменный корпус с деревянными флигелями по бокам, «под зеленой железною крышею». В нем помещались четыре братские кельи «с выходными крыльцами в ограду»⁸. Над аркою возвышалась деревянная башня с итальянскими (трехчастными) окнами, обращенными на восток и запад. Внутри нее был установлен небольшой иконостас «в предположении устроить здесь небольшую церковь во имя преп[одобного] Иоана Рыльского, ангельское

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же.

⁶ Между прочим, губернские инструкторы по садоводству и огородничеству Департамента земледелия в начале XX века неоднократно обращались к духовенству с просьбами высаживать привитые яблони для распространения среди местных жителей. См.: Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 7. С. 119.

⁷ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 9.

⁸ Там же. С. 10.

имя которого носит о. прот[оиерей] Иоанн Сергиев». Помещение временно использовалось для хранения церковных вещей («между прочим, хранятся вериги в 15 фунтов (в форме параманта) после умершей одной пустыницы»⁹).

Напомню, что после пожара 1885 года обгоревшую каменную церковь *Всех Святых* при настоятеле иеромонахе Вениамине восстановили спустя полгода и освятили 6 февраля 1886 года. К 1894 году купол и стены внутри каменного храма были полностью расписаны трудами иеромонаха Антония, который поступил в важеозерскую обитель из Валаамского монастыря¹⁰. Увенчанный золоченым крестом в сиянии, четырехъярусный иконостас «современной художественной живописи, кисти Санкт-Петербургского иконного мастера», был украшен золотой резьбой по белому фону и золочеными же резными колоннами. Царские врата «с вырезкой полукругом и нисходящим в золотом сиянии над вратами Духом Святым, в виде парящего под облаками голубя»¹¹.

В алтаре, как писал Петр Ягодкин, обращал на себя внимание «художественной живописи большой образ» Живоначала́ной Троицы в дорогой золоченой багетовой раме на восточной стене против царских врат¹². Напротив правого клироса пребывал образ Всех Святых, а возле окна, в простенке — в большом киоте с двумя золочеными же колоннами — икона девяти важеозерских чудотворцев: Никифора, Геннадия, Дионисия, Игнатия, Леонида, Феодора, Ферапонта, Афанасия и Корнилия.

Здесь, в каменном храме, поклонялись главной святыне обители. Перед левым клиросом, под сенью, стояла металлическая посеребренная рака «в виде гробницы на ножках» с изображенными на ней в полный рост преподобными Геннадием и Никифором Важеозерскими. Она символически обозначала место их погребения. Кровля на ее золоченых колоннах была окрашена в синий цвет со звездами. На ее передней части в золоченом же венке, который поддерживали коленопреклоненные ангелы, читалась выгравированная памятная надпись: «Св. рака сооружена въ благоверное царствование Императора Александра III, Преосвященнаго Павла Епископа Олонецкаго и Петрозаводскаго, настоятеля о. Вениамина, сотрудника иеромонаха Геннадія, на пожертвованія разныхъ благотворителей; освящена

⁹ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 10.

¹⁰ Там же. С. 6–7.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же.

о. протоіереемъ Кронштадтскаго Андреевскаго собора Іоанномъ Ильичемъ Сергіевымъ въ 1892 г.»¹³. Каждый воскресный и праздничный день перед ракой братия обязательно совершала молебные пения¹⁴.

Напротив левого клироса и раки преподобных Никифора и Геннадия Важеозерских находилась икона Преображения Господня. Внутри купола иеромонах Антоній искусно изобразил Господа Саваофа с окружающими его ангелами, а на стенах — лики валаамских и олонецких чудотворцев. Хоры для певчих были устроены над входом в храм. По сведениям Петра Ягодкина, пол в алтарной части, на амвоне, солее и клиросах покрывал красивый дубовый паркет¹⁵. Обновленный Всехсвятский храм, как и до пожара, освещали восемь больших окон. Промозглой осенью и морозной зимой его отапливали двумя круглыми печами. У южной стены каменного храма раскинулось старинное братское кладбище под сенью ветвистых яблонь¹⁶.

Задне-Никифоровская пустынь в начале XX века

Опубл.: Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда (очерк). Петрозаводск, 1901

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 9.

После престольного праздника Всех Святых богослужения из зимнего храма переносились в летнюю *Преображенскую церковь*¹⁷. Ее трехъярусная высокая колокольня возвышалась над округой и виднелась издалека. Сама церковь с пятью главами, в виде корабля, возведенная «*в русском стиле, с резными карнизами и наличниками по углам у окон и сверху фундамента*», производила радостное впечатление¹⁸. Ее наружные стены были окрашены в три цвета (белый, синий и желто-кирпичный), а железная крыша — в зеленый. Церковь имела три входа с высокими крыльцами: главный с западной стороны и два боковых (с юга и севера). В светлой паперти двери направо вели в ризницу, налево — на колокольню, а прямо — в центральную часть храма. Кафоликон освещался «*в два света*» (12 окон внизу и 8 вверху), причем в нижнем ряду окна имели форму арки¹⁹. Стены покрывали голубые шпалеры, а потолки были оклеены белой глянцевой бумагой.

Санкт-петербургские мастера изготовили для Преображенской церкви замечательный четырехъярусный иконостас: столбцы царских дверей, карнизы и винтообразные колонны украшала искусная вызолоченная резьба. Петр Ягодкин упоминает несколько больших икон в киотах, пребывавших в предалтарном пространстве: возле правого клироса девяти важеозерских чудотворцев и отдельно парный образ преподобных Геннадия и Никифора; в простенке у левого клироса икона мученицы Дарии, Иакова брата Божия, мученика Феодора Стратилата и преподобной Ефросинии (нестандартный набор святых говорит о том, что этот образ создавался по индивидуальному заказу какого-то вкладчика); у северных входных дверей Печерская икона Божией Матери на царском троне и преподобными Антонием и Феодосием Печерскими. На стене между северной дверью и стрельчатым окном висела олеография на полотне в багетовой раме с изображением преподобных Геннадия и Никифора, у чьих ног расположился основанный ими монастырь²⁰. Иконы в Преображенской церкви были новыми: все древние образы погибли в страшном огне в 1885 году. «*Перед иконостасом развешены раззолоченные подсвечники художественной работы, с фарфоровыми разукрашенными цилиндрами под лампы вместо свечей*»²¹.

¹⁷ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 8.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 9.

Надпись на кресте, хранившемся в алтаре, гласила о том, что 19 июля 1892 года отец Иоанн Сергиев освящал жертвенник по благословию олонецкого епископа Павла (Доброхотова): *«Освятися жертвенникъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во храме Преображения Господня, при державе Императора Александра Александровича... Благословением Св. Правит. Синода и Преосвященнаго Павла Епископа Олонецкаго и Петрозаводскаго С.-Петербургской епархии г. Кронштадта Андреевскаго собора Прот. Иоанномъ Ил. Сергиевымъ въ лето отъ Рождества по плоти Бога Слова 1892 г. месяца июля въ 19-й день, на память преп. Макрины и Дия»*²².

На колокольне висели шесть колоколов («праздничный», повседневный, маловечерный, подзвонный и два зазвонных)²³. Самый тяжелый, «праздничный» весил 50 пудов 8 фунтов, или 822 кг. Его нижний диаметр, по Н. И. Оловянишникову, равнялся 112 см, а высота — 122 см²⁴. В колокола звонили во время суточных богослужений, при отпевании насельников. «Праздничный» колокол не только благовестил, созывая монахов и паломников в церковь. Звонари могли использовать его при перезвонах, трезвонах и переборах, а также для торжественной встречи правящего епископа, посещавшего мужскую пустынь. В ясную тихую погоду звон важезерских колоколов разносился по всей округе, издали приветствуя подходивших к обители богомольцев.

Следует добавить, что сгоревшая в 1885 году древняя Благовещенская церковь не была восстановлена, поэтому место ее алтарной части отмечал выкрашенный в зеленый цвет поклонный деревянный крест, окруженный цветочными клумбами²⁵.

При выходе из Всехсвятского храма направо располагался недавно построенный каменный одноэтажный корпус с русской печью, по плану рассчитанный на четыре братские кельи, «с окнами в ограду и на озеро», обширным подвалом и кладовой. В нем также разместилась портная-швейная мастерская²⁶. В 1901 году были «отштукатурены стены нового каменного корпуса, и половина его превращена в жилое помещение»²⁷. Здесь временно поселился вернувшийся из Санкт-Петербурга, где строилось монастырское подворье, настоятель обители игумен Митрофан (Воезерский).

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Оловянишников Н. И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912.

²⁵ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 8.

²⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 238.

²⁷ Там же.

Возле самого берега, «под сенью дерев», снаружи каменной ограды стояли две деревянные часовни «над кладезями прекрасной питьевой воды»²⁸. Более обширная часовня великомученика Никиты была возобновлена на рубеже веков и поставлена на прочный фундамент из булыжного камня. Вдоль ее северной и западной стен шла открытая галерея. «Внизу из цемента — кладезь и рядом пониже — ванна, в которую вода изливается чрез отверстие из кладезя», — поясняет Петр Ягодкин особенности внутреннего устройства часовни²⁹.

Основательный деревянный настоятельский корпус в два этажа встроили в монастырскую ограду «на две стороны» слева от святых врат. Его парадное крыльцо выходило наружу на запад. На крыше, крытой железом, монахи устроили башню с высоким шпилем и флюгером в виде ангела с призывной трубой. Внутри нее сделали летнюю комнату, освещавшуюся окнами на четыре стороны. Отсюда открывался прекрасный вид на озеро и его дальние берега. На верхнем этаже здания, по его северной стороне, в четырех небольших комнатах жил настоятель обители, а по западной — располагался общий зал с книжными шкафами, столами, диванами и стульями. Тут же, наверху, были покои для приезжающих важных особ; монастырская канцелярия и кладовая. Нижний этаж занимали обширная трапезная с кафедрой для чтения, обеденными столами и особыми «новомодными» скамьями «с развертывающимися на шарнирах спинками для сидения братии в ту или другую стороны»³⁰; братская кухня и пекарня, из которых черные выходы вели наружу ограды. Еще две входные двери — в трапезу, кухню и пекарню — находились во внутреннем углу корпуса.

На юго-западном углу ограды под зеленой железной крышей стоял одноэтажный деревянный братский корпус с проходным коридором и девятью кельями. На нем также была устроена башня с летним помещением. В его подвале хранились «огороднические принадлежности» (лопаты, серпы, грабли, тяпки), рамы для парников и пр. Также здесь в отдельной келье проживал монастырский огородник, следивший за их сохранностью³¹.

Петр Ягодкин сообщает интересную подробность: по дорожке, ведущей от святых врат к летнему храму, на деревянном столбе были установлены

---

²⁸ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 10.

³¹ Там же.

солнечные часы с циферблатом из белого мрамора³². Год их появления в Задне-Никифоровской пустыни неизвестен. Можно предположить, что это дар одного из столичных жертвователей.

Через ворота на восточной стороне кирпичной ограды насельники выходили к монастырским погребам, леднику и кузнице; далее дорожка вела к сеновалу и сараям, стоявшим на расчищенной поляне, где в начале XX века были сложены оставшиеся после строительных работ кирпичи³³. Также вне монастырской ограды, вдоль проселочной дороги к главным воротам находилась срубленная в 1891 году гостиница для приема паломников на восемь номеров — деревянная на каменном фундаменте, одноэтажная. *«Номера меблированы и снабжены самоварами и посудой в достаточном количестве, очень светлые и теплые»*³⁴. В четырех номерах «за недостатком келий» проживали послушники по два-три человека в каждом. Рядом с гостиницей, через дорогу, раскинулся уютный садик с вишнями и кустами смородины, крыжовника и малины.

Братский корпус. 2021 г. Фото Ю. Н. Кожевниковой

³² Там же. С. 9.

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Там же. С. 11.

Петр Ягодкин отмечает: *«Приезжие богомольцы здесь бывают редко, по отдаленности расстояний и отсутствию хороших путей, странники же всех сословий в разнообразных видах и одеждах усердно заходят в обитель на 2–3 дня помолиться и собраться с силами на “предлежащий им подвиг в бесконечных путешествиях по святым местам”. В обители они отдыхают, получают трапезу и кипяток для чая, зимой — обогрываются и исправляют кое-как свое ветхое одеяние и обувь»*³⁵. Как видим, важеозерские монахи по-прежнему оставались верны традиции странноприимства.

По низкому южному берегу озера раскинулись хозяйственные постройки: большой деревянный двухэтажный дом со скотным двором (коровником); на самом берегу прачечная и баня; далее к лесу мастерская, работный дом и при нем конюшня (1891 года постройки), возле леса рига³⁶. Хозяйством на скотном дворе заведовала более тридцати лет пожилая женщина, которой помогали до пяти наемных работниц-карелок. В их обязанности входили уход за коровами и стирка белья, иногда мытье полов в монастыре. На втором этаже дома при коровнике останавливались богомолки. Мастерская была снабжена разным инструментом (столярным, слесарным, кузнечным и сапожным). *«Мастеровые здесь работают случайные, больше зимою, из числа приходящих странников»*, — добавляет в своем очерке Петр Ягодкин³⁷. При мастерской хранились рыболовные снасти, которые вязал и чинил старик с мальчиком из местных карелов по найму. Тут же жил престарелый крестьянин-вкладчик *«по обещанию»*, хорошо знавший столярное и стекольное ремесла.

На самой окраине возле леса, поодаль от конюшни, на пригорке стояла обширная рига с огромной печью для просушки злаков в снопах. Здесь на деревянном полу осенью и зимой вручную цепями работники молотили собранные с монастырских полей рожь, овес и ячмень. Важеозерские монахи еще не успели к тому времени обзавестись современными приспособлениями для облегчения физического труда, например, молотилкой или веялкой-сортировкой для семян³⁸.

При истоке Важезерки, пониже монастырской плотины и моста, на левом берегу речки исправно работала новая мельница *«в один жернов»*, на которой перемалывалось выращенное на своих полях и купленное в Олонце зерно для нужд насельников. За плату ей могли воспользоваться

³⁵ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 11.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 12.

крестьяне ближайших селений. Внизу был устроен «вал с шестью пестами для выделки овсяной муки». При мельнице стояла укромная избушка, где обычно зимовал мельник — тоже карел по найму³⁹.

К востоку от мельницы, на пригорке возле дороги, в конце XIX века при настоятеле иеромонахе Филарете (Колпашникове) важеозерские монахи запустили небольшой завод «о двух железных печах» для выгонки древесных спиртов из опилок. Работами по производству скипидара, дегтя и смолы руководил сам глава обители. После его ухода заводик забросили: «ныне он бездействует за неимением мастера при монастыре»⁴⁰. Добавлю, что в 1902 году при Задне-Никифоровской пустыни действовал кирпичный завод, на котором «для потребности пустыни выдывается кирпич хорошего качества»⁴¹.

*Остатки монастырской плотины на реке Важеозерке.
2021 г. Фото М. М. Шахновича*

Петр Ягодкин уделил большое внимание не только постройкам Задне-Никифоровской пустыни, но и хозяйственным занятиям ее насельников в начале XX века. Его очерк содержит сведения о земельных владениях

³⁹ Там же. С. 11–12.

⁴⁰ Там же. С. 12.

⁴¹ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 82/73. Л. 77.

мужской обители, которые в начале XX века состояли из четырех участков: 1) при самой пустыни по южному и частично восточному и западному берегам Важеозера удобной земли 310 десятин 2024 кв. сажень и неудобной 86 десятин 1274 кв. сажень; 2) при речке Тукше, в 30 верстах к северу от обители, по обеим сторонам почтового тракта у деревни Нирки удобной 36 десятин 1354 кв. сажень и неудобной 5 десятин 390 кв. сажень; 3) по северному берегу озера Рандозеро до речки Тетерей, в 11 верстах, удобной 18 десятин 1276 кв. сажень и неудобной 780 кв. сажень; 4) южнее Рандозера при речке и озере Рипукских (в двух межах), в 16 и 12 верстах, удобной 15 десятин 1350 кв. сажень и неудобной 1 десятина 1580 кв. сажень. Всего удобной земли 381 десятина 1204 кв. сажень и неудобной 93 десятины 1624 кв. сажень⁴². Монастырские участки в аренду не сдавались.

«На нашей нечерноземной почве урожай хлебов всецело зависит от навозного удобрения», — утверждали современники автора в «Вестнике Олонецкого губернского земства»⁴³. Это хорошо понимали все, кто так или иначе был связан с земледелием на Севере. Говоря о размерах монастырского стада (более трех десятков голов), Петр Ягодкин отметил, что у монахов «скотоводство и молочное хозяйство вообще не развито и ведется неумело примитивным способом. Содержание скотного двора обходится дорого, по недостатку своих кормовых средств, а местные цены на корм бывают высокие»⁴⁴. Сенные покосы были «весьма скудны травой». Единственный выход виделся в «усиленных трудах по разработке почвы для пашни, осушению болот посредством водосточных канав и к развитию травосеяния»⁴⁵.

Важеозерские монахи успешно занимались огородничеством. Помимо привычных в крестьянском хозяйстве моркови, брюквы, редьки и свеклы, под руководством иеромонаха Ефрема они выращивали в открытом грунте огурцы, а в парниках сажали диковинную для Олонецкой губернии зелень — сельдерей, петрушку, салат и пр. Семена специально заказывались через монастырское подворье в Санкт-Петербурге⁴⁶.

⁴² Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 12.

⁴³ Коренной П. Сельское хозяйство в Заонежье // Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 15–16. С. 48.

⁴⁴ Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь... С. 11.

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Там же.

Рапорты благочинного Василия Громова

Сведения о состоянии Задне-Никифоровской пустыни в начале XX века, кроме исторического очерка Петра Ягодкина, донесли до нас монастырские документы, сохранившиеся в фонде Олонецкой духовной консистории, — рапорты благочинных, отчеты настоятелей и материалы ревизии хозяйства обители, проведенной в 1906 году. Благочинным пустыни в начале XX века был протоиерей Василий Иоаннович Громов, настоятель Кондушского прихода Олонецкого уезда⁴⁷. Он всегда живо интересовался жизнью братии, ее настроением, обращал пристальное внимание на богослужение в храмах, отмечал все перемены в непростой монастырской жизни. Возьму для примера рапорт отца Василия, который он отправил в Петрозаводск после посещения Задне-Никифоровской пустыни в июле 1905 года⁴⁸. Как требовал формуляр официального документа, благочинный вначале сообщал о состоянии двух церквей: *«обе крепкие, благолепно украшенные»*, в них *«жертвенники одеты приличными одеждами, большей частью из парчевой материи <...>. Святые антиминсы не дырявы. Священные сосуды и облачения держатся в должной чистоте и опрятности. Утварью, ризницею, книгами богослужebными и поучительными церкви снабжены в достаточном количестве и все содержатся в чистоте и порядке, с большой бережливостью, об чем немало заботятся отцы настоятель пустыни иеромонахъ Георгий и казначей иеромонахъ Тихонъ»*⁴⁹. Отец Василий отмечал прилежное соблюдение богослужebного устава: *«Богослужение в храме Божиимъ отправляется ежедневно очередными иеромонахами и иеродиаконом, в Воскресные, праздничные дни и во дни Высокоторжественные — соборное, во главе с настоятелем пустыни. Чтение и пение неспешное, раздельное, в праздники поют на двух клиросахъ. Читаютъ большей частью послушники, иногда и иеромонахи, напримеръ, Шестопсалмие, каноны и другое. Богослужение*

⁴⁷ *Почитатель*. Юбилей 35-летней священнической службы о. протоиерея Кондушского прихода Василия Иоанновича Громова // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 2. С. 47–48. Отец Василий начинал священнический путь в Гонгинском и Важинском приходах, умер в 1931 году и похоронен в Петрозаводске.

⁴⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/14. Л. 41–44 об.

⁴⁹ Там же. Л. 41.

всегда отправляется по уставу. Каноны, акафисты, молитвы утренние и вечерние читаются каждый день в общем собрании монашествующих»⁵⁰.

Далее благочинный переходил к описанию монастырских построек: «Къ пустыни принадлежат три часовни: а) во имя преподобныхъ отцевъ Никифора и Геннадия при почтовой дороге въ 11 верстахъ отъ пустыни, крепкая, красиво устроенная, обнесенная решеткою и окрашенная масляною краскою; б) другая часовня въ самой пустыни на берегу озера во имя св. вмч. Никиты, древняя, въ настоящее время перестроенная, вблизи ея находится колодезь, по преданию, выкопанный однимъ изъ преподобныхъ отцевъ; в) часовня за озеромъ, во имя св. Митрофана Воронежскаго, устроенная игуменомъ Митрофаномъ въ 1904 году на благотворительные средства. Есть еще устроенный крестъ въ 3 верстахъ отъ пустыни, на дороге, ведущей къ почтовой»⁵¹. По преданию, на семъ месте убито несколько человекъ изъ братии литовцами, разорившими Никифоровскую пустынь»⁵². Благочинный уточнял, что большой настоятельский корпус (12 × 8 × 5 сажений) отапливался 16 печами⁵³. В комнатах, предназначенныхъ для отдыха «лицу привилегированного сословия» и обставленных добротной мебелью, на стенах были развешены портреты персон «замечательныхъ и имевшихъ близкое отношение къ Никифоровской пустыни»; а в большом зале стоял шкаф с «книгами святоотеческими для чтения братии»⁵⁴. Отец Василий приводит размеры скотного двора (15 × 7 сажений) и конюшни (15 × 7 сажений); братской бани (5 × 4 сажени) с двумя печами. По его словам, в 1901 году монастырский комплекс включал 18 построек⁵⁵. Все они были, по мнению благочинного, весьма прочны и вызывали радостные чувства у приходивших в мужскую обитель паломников.

Василий Громов не раз повторял в рапортах свое мнение о необходимости устроить в Задне-Никифоровскую пустынь хорошую дорогу вместо труднопроходимой лесной тропы от села Важины на Свири (паломникам приходилось идти от Свирской пристани⁵⁶ через Меррегу, где они

⁵⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/14. Л. 41 об.

⁵¹ Крест поновлялся в 1902 году. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/73. Л. 203 об.

⁵² Там же. Д. 85/14. Л. 42.

⁵³ Там же. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 41–42.

⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 82/73. Л. 75–78 об.

⁵⁵ Там же. Оп. 4. Д. 50/8. Л. 41–42.

⁵⁶ В начале 1890-х годов грунтовая дорога, которая соединяла Александро-Свирский монастырь и его новую пристань, оборудованную на Свири вместо прежней для пароходного сообщения со столицей, была расчищена и отремонтирована. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 25/1682. Л. 18 об. — 19.

останавливались на ночлег). «Число богомольцев въ пустыни бывает небольшое, — пояснял он, — большая ихъ часть приходитъ около Троицына дня... Нынешнимъ богомольцамъ всей почти при Свири местности приходится попадать въ пустынь черезъ Олонецъ⁵⁷, что составляетъ пространство более 100 верстъ, тогда какъ съ устройствомъ дороги прямо черезъ селение Лояницы и деревню Новикову сократило бы путь на 50 верстъ»⁵⁸. Монахи в меру своих сил старались заботиться о состоянии дорожного участка, ведущего к ним с почтового тракта, где стояла деревянная часовня, указывавшая верный путь до мужской обители. «Никифоровская пустынь не пользовалась большою известностью и мало была посещаема... еще более потому, что и самая дорога, которая ведет к ней от большой, удобна была лишь для пешеходов. Уже в последнее время она хорошо исправлена братиею монастыря, измерена и расстояние на ней означено верстовыми столбами», — писал Е. В. Барсов еще в конце 1860-х годов⁵⁹. Для устройства же хорошей дороги от Важин, однако, требовались огромные средства, которыми важеозерские монахи не располагали: в это время шла грандиозная стройка столичного подворья Задне-Никифоровской пустыни (см. далее).

Побеседовав с насельниками Задне-Никифоровской пустыни в июле 1905 года, Василий Громов убедился в том, что «никто и никогда за последнее время не жаловался на порочную и зазорную жизнь братии»⁶⁰. Важеозерские монахи и послушники не роптали на своего настоятеля, не говорили о «худомъ содержании» и участвовали в общих монастырских трудах. Благочинный отмечал, что «Важе-озеро снабжаетъ братию мелкою рыбою, ловящеюся обильно и особенно въ летнюю пору, когда братия съ особою любовью занимается ловлею рыбъ для своего продовольствия»⁶¹.

В конце рапорта отец Василий добавлял информацию о наиболее значительных пожертвованиях, поступивших в пользу мужской обители за первое полугодие 1905 года: по 100 рублей на вечное поминовение от Андрея Морозова из Санкт-Петербурга, Ивана Ефимова из Лодейного Поля, отставного солдата деревни Нурмолицы Олонецкого уезда, монахини Евпраксии из московского Страстного монастыря; традиционные 200 рублей серебром от графа Александра Дмитриевича Шереметева; по 55 рублей «на помин души» крестьян Петра Никитина и Кирилла Мокеева из села Видлицы Олонецкого уезда.

⁵⁷ Расстояние от Свирской пристани до Олонца по дороге 55 верст.

⁵⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/73. Л. 77 об.

⁵⁹ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни... С. 78.

⁶⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/14. Л. 42 об.

⁶¹ Там же. Л. 43 об.

Отчеты игумена Митрофана

Сохранившиеся рапорты игумена *Митрофана (Воезерского)*, управлявшего обителью в 1899–1901 годы, хорошо дополняют разными деталями сведения из краеведческой работы Петра Ягодкина и рапортов благочинного Василия Громова. Хозяйственная жизнь обители была полна разных маленьких событий и достижений. Как пишет настоятель, в 1901 году при Важеозере была сделана новая плотина, «находящаяся расстоянием от пустыни в 1 версте для удержания воды, требующейся для работы мукомольной мельницы»⁶². Работы обошлись в 150 рублей. Для печей к началу осенних холодов заготовили около 550 кв. сажень дров. В течение года ремонтировались и поновлялись монастырские постройки: наемные работники заново покрасили масляной краской настоятельский корпус, надвратную башню и пристроенные к святым вратам братские кельи, пол в каменной церкви во имя Всех Святых «*кругомъ часовни великомученика Никиты надъ колодеземъ при озере Важе*» (лестницу, крышу, площадку, «*отвесную кругомъ часовни*»). Для скотного двора был устроен «*подъем и подрубъ въ четыре венца кругомъ*»; сделан «*новый съездъ къ рабочему конному сараю для подъема въ оный сена, соломы и прочего*». Монастырь приобрел две рыбацкие лодки за 15 рублей. Игумен Митрофан сообщает, что летом 1901 года у них в пустыни случилась вспышка эпизоотии: тогда пали сразу 17 из 25 коров, 2 быка и подтелок. Пришлось купить дорогого быка-производителя за 25 рублей⁶³.

По данным настоятеля, денежный капитал в 1901 году равнялся 13 865 рублям. По традиции, в его рапорте упомянуты «*особые пожертвования*», поступавшие в течение 1901 года: от Алексея Кипрушкина на поминовение 100 рублей; от графа Александра Дмитриевича Шереметева «*на нужды пустыни ежегодно жертвуемые 200 рублей*»; от сына петербургского коллежского асессора Антона Алексеевича Тулинова свидетельство государственной 4 % ренты на сумму 100 рублей; от псаломщика Ильи Старцева из Новгородской губернии на поминовение 50 рублей⁶⁴.

В 1900–1901 годах наиболее значительными вкладами в пользу Задне-Никифоровской пустыни стали пожертвованный петрозаводским купцом Василием Кипрушкиным билет государственной 4 % ренты в 500 рублей;

⁶² НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/11. Л. 51.

⁶³ Там же. Л. 53 об.

⁶⁴ Там же. Л. 54.

устройство прекрасного паркетного пола в алтарях каменного храма монастырского подворья на средства личного почетного гражданина Санкт-Петербурга Василия Пименовича Кузнецова (он истратил до 1000 рублей); принесенный в дар подворью 115-пудовый колокол, стоивший 2500 рублей, от курской мещанки Грайворон (имя в документе не указано)⁶⁵.

По сведениям из отчета настоятеля о монастырских доходах, самая крупная сумма в 1901 году поступила «от сборщиков» подаяний — 1157 рублей 22 копейки. Неплохую прибыль приносила продажа восковых свечей (268 рублей 87 копеек) и просфор (101 рубль 90 копеек), а также служение панихид и молебнов в монастырских храмах (182 рубля 2 копейки). В 1901 году за проданный скот выручили 76 рублей, сельскохозяйственные продукты — 7 рублей 64 копейки. Из часовенных кружек в 1901 году высыпали только 20 рублей. От мукомольной мельницы получили еще меньше — 19 рублей 25 копеек. Всего в приходную часть было записано 150 рублей кредитными билетами и 5410 рублей 28 копеек наличными⁶⁶.

Статьи расходов в отчете названы самые разные: содержание братии — 1502 рубля 31 копейка; хозяйственные траты — 1265 рублей 12 копеек; одежда и обувь — 746 рублей 65 копеек; корм скота — 230 рублей 33 копейки; перевозка кладей и путевые расходы — 108 рублей 60 копеек; взносы на епархиальные учебные заведения — 138 рублей 47 копеек; наем годовых работников — 465 рублей 70 копеек; разные церковные потребности — 25 рублей 20 копеек; наем поденных рабочих «по хозяйственной части» — 221 рубль 65 копеек; наем рабочих «по строительной части» — 450 рублей 26 копеек; рыболовные принадлежности — 20 рублей 60 копеек; освещение и отопление монастырских построек — 119 рублей 57 копеек; выписка паспортов, увольнительных свидетельств и других документов — 10 рублей; выписка газет и покупка медикаментов — 52 рубля 13 копеек; покупка канцелярских принадлежностей — 26 рублей 72 копейки; почтовые расходы — 20 рублей 98 копеек. Итого 5404 рубля 29 копеек.

Остановлюсь подробнее на особой статье монастырских расходов — взносах на учебные заведения. Еще с начала 1870-х годов монашеские обитатели каждый год в обязательном порядке делали взносы (проценты с имевшихся капиталов) на содержание всех местных духовных школ и училищ. Синодальный указ от 27 июля 1888 года напрямую рекомендовал

⁶⁵ Там же. Оп. 4. Д. 62/1. Л. 94; Д. 63/1. Л. 90.

⁶⁶ Там же. Оп. 1. Д. 82/11. Л. 54 об.

епархиальным властям использовать монастырские капиталы для содержания церковно-приходских школ⁶⁷. Уже в октябре 1888 года решением епископа Павла (Доброхотова) предписывалось начальству всех монастырей и пустыней Олонецкой епархии «вносить ежегодно, начиная съ сего года, въ епархиальный училищный советъ въ конце ноября месяца»: из Александро-Свирского монастыря — по 15 рублей, Александро-Ошевенского, Клименецкого и Палеостровского — по 10 рублей, Муромского, Спасо-Каргопольского и Успенского — по 5 рублей, Яшезерской пустыни — по 10 рублей, Андрусовой, Сяндемской и Челмогорской — по 5 рублей, а Задне-Никифоровской «впредь до отстройки своей после пожара» — всего по 3 рубля⁶⁸. В начале XX века ситуация не менялась. Епархиальный училищный совет в мае 1904 года ставил «вопросъ о помощи школамъ со стороны монастырей епархии, главнымъ образомъ Александро-Свирского», предлагая олонецкому архиерею ходатайствовать перед Святейшем Синодом о разрешении взимать из монастырских капиталов ежегодные пособия «на церковно-школьное дело»⁶⁹. Размеры денежных поступлений от сельских обществ и приходских церквей неуклонно снижались, поэтому совет «нашелъ единственный пока выходъ изъ столь затруднительного положения чрезъ привлечение къ материальной помощи школамъ монастыри и пустыни епархии <...>. Церковная школа по самой идее своей должна быть особенно близка монастырскимъ обителямъ <...> и имеет право ждать отъ нихъ въ нынешнее тяжелое для нее время, покровительства и жертвъ, притекающихъ от того же народа»⁷⁰. С января 1905 года предполагалось взимать с наиболее богатых обителей епархии — Александро-Свирского монастыря и Задне-Никифоровской пустыни — по 3 тысячи и 500 рублей соответственно, с прочих — по 2 % с доходов, поступающих за год (за исключением Успенского и Клименецкого монастырей, которые в тот момент содержали собственные церковно-приходские школы).

На экстренном епархиальном съезде, проходившем в 1913 году, поднимался все тот же «давний и острый» вопрос о взыскании недоимок, которые с каждым годом увеличивались, с местных монастырей и приходских церквей в пользу учебных заведений. По выражению депутатов,

⁶⁷ НА РК. Ф. 42. Оп. 2. Д. 2/54. Л. 2.

⁶⁸ Там же. Л. 1–1 об.

⁶⁹ Там же. Д. 17/366. Л. 2–5 об.

⁷⁰ Там же. Л. 3.

образовавшийся долг за монастырями «приходится признать безнадежным для поступления»⁷¹. С 1900 по 1913 год они не выплатили 4843 рубля 9 копеек, из которых наиболее значительные суммы приходились на долю Александро-Свирского монастыря и Задне-Никифоровской пустыни.

Митрофаниевский скит

Лесная келья настоятеля Задне-Никифоровской пустыни игумена Митрофана (Воезерского) впервые упоминается в рапорте благочинного священника Василия Громова в 1902 году: «со благословения и разрешения Вашего Преосвященства въ одной версте отъ монастыря въ лесу устроенъ небольшой домъ и при немъ крестъ, стараниемъ игумена о. Митрофана»⁷². Так было положено начало первому и единственному скиту важезерской обители. В 1904 году на восточном берегу озера построили деревянную часовню, а спустя два года срубили церковь на средства одного благотворителя, санкт-петербургского купца Ивана Ивановича Рубахина, который поддерживал Задне-Никифоровскую пустынь своими пожертвованиями, узнав про нее от протоиерея Иоанна Сергиева⁷³. Он же снабдил ее необходимой утварью, сосудами, богослужебными книгами, иконами и облачениями для священнослужителей.

Освящение небольшого скитского храма во имя святителя Митрофана Воронежского, состоявшееся 7 августа 1906 года, стало радостным событием для насельников пустыни и ее многочисленных гостей. В тот солнечный летний день на нем присутствовало около двух тысяч человек. Самого игумена Митрофана уже не было в пустыни: в 1903 году он вернулся в братскую общину Александро-Свирского монастыря, где начинался его монашеский путь в 1875 году⁷⁴. Торжество возглавлял настоятель иеромонах Георгий, который позднее написал о нем краткую заметку

⁷¹ Журналы XX экстренного епархиального съезда депутатов от духовенства Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. Приложение.

⁷² НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/73. Л. 202.

⁷³ О пожертвованиях, поступивших в церкви и монастыри епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 726–727. И. И. Рубахин был известен своей благотворительной деятельностью. В 1898 году он пожертвовал 500 рублей на создание попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых; в 1906 году дал 15 000 рублей на строительство домово́й церкви во имя святителя Николая для попечительного общества о первом ночлежно-работном доме для бесприютных детей и подростков в Санкт-Петербурге.

⁷⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 67/8.

для епархиальной газеты: «Чин освящения начался в 7 ½ часов утра. После него сразу была совершена литургия, молебен Святителю Митрофану и Св. преподобным отцам Никифору и Геннадию, а по окончании молебна было провозглашено многолетие Государю Императору и всему Царствующему дому, Святейшему Правительствующему Синоду, Преосвященнейшему Мисаилу, Епископу Олонецкому и Петрозаводскому, и создателю храма сего. По освящении храма настоятелем отцом Георгием была предложена всем присутствующим братская трапеза, после которой богомольцы стали разъезжаться по домам. Храм построен всецело на средства потомственного почетного гражданина Ивана Ивановича Рубахина»⁷⁵.

Богослужения в новом храме проводились регулярно: еженедельно по средам в течение всего года, кроме Святой четырёхдесятницы и Страстной седмицы, совершалась Божественная литургия⁷⁶. Для подвизавшихся здесь монахов возвели деревянную избу с сараем. Земли вокруг скита были разработаны под пашню.

Важеозерские монахи и послушники

С января 1902 года⁷⁷ во главе братской общины стоял иеромонах *Георгий (Игуменов)* — пострижник знаменитого архимандрита Агафангела (Амосова), бывшего валаамского ризничего, ставшего настоятелем Александро-Свирского монастыря в 1892 году и управлявшего им до самой смерти в 1909 году⁷⁸. Долгие годы важеозерский

⁷⁵ *Георгий, иеромонах*. Освящение нового храма // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 18. С. 677.

⁷⁶ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1.

⁷⁷ Указом Святейшего Синода от 28 января 1903 года допущенный к временному управлению пустыней иеромонах Георгий был утвержден в должности настоятеля. См.: Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 3. С. 103.

⁷⁸ При архимандрите Агафангеле были возобновлены правила общежития по примеру Саровской пустыни; богослужения начали совершаться в строгом уставном порядке (в будни служились две литургии, ранняя и поздняя; вечернее правило для монашествующих «без опущения» читалось в церкви после трапезы — «по образцу древних обителей»; по воскресным и праздничным дням стал совершаться редкий в Олонецкой епархии «чин о Панагии»; в церкви преподобного Иоанна Дамаскина круглосуточно шло «чтение псалтыри о благодетелях очередными монахами»). См.: Настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Агафангел. Краткий биографический очерк. Составил ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Никодим. Петрозаводск, 1910; *Кожевникова Ю. Н.* Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX века. Петрозаводск, 2009. С. 170.

настоятель близко общался с протоиереем Иоанном Сергиевым; вместе с ним путешествовал в село Сура летом 1903 года и стал свидетелем трех чудесных случаев исцеления больных по его молитвам⁷⁹. В ту поездку их сопровождал художник Сергей Васильевич Животовский, подробно описывавший происходившие с ними события в дорожных заметках, позднее изданных отдельной книгой.

«Когда мы тронулись, толпа бросилась бежать понабережной вслед за нами. Многие бежали вплоть до Калашиниковской пристани и остановились только потому, что здесь пароход наш круто повернул к охтенскому берегу и скрылся за барками. Когда мы поравнялись с церковью Михаила Архангела, два ялика отделились от берега и подплыли к нам; монахи Никифоровского подворья приветствовали о. Иоанна хлебом-солью», — сообщил С. В. Животовский читателям газеты «Петербургский листок»⁸⁰. Два парохода «Шестовец» и «Агафия» для двухмесячной поездки на север предоставил вытегорский купец первой гильдии Александр Федорович Лопарев. *«Так как за день все очень устали и пора было ложиться спать, то отец Иоанн перешел в каюту маленького “Шестовца”, на котором его поджидал уже сам хозяин парохода, приехавший встречать батюшку из Вытегры, а я и сопровождающий о. Иоанна настоятель Никифоровского монастыря иеромонах Георгий устроились на “Агафии”. Простившись с последними провожающими, мы немедленно отчалили и вошли в канал Александра II»,* — так началось длительное путешествие на север⁸¹.

Добравшись до Веркольского монастыря, отец Иоанн и иеромонах Георгий служили с местным духовенством возле раки праведного отрока Артемия. В селе Сура, расположенном в 50 верстах от мужской обители, на средства кронштадтского батюшки были построены благолепный каменный собор во имя святителя Николая Чудотворца и «красивой архитектуры» часовня над могилою его родителя, местного псаломщика Илии Сергиева, а также создан многолюдный женский Иоанновский монастырь, где подвизались уже более сотни сестер. Из Суры они

⁷⁹ Отец Георгий описывает эти случаи в своем письме к настоятельнице Иоанновского монастыря на Карповке игумении Ангелине. Это письмо опубликовано в «Полтавских епархиальных ведомостях» (1911. № 36. С. 2581–2585).

⁸⁰ Животовский С. В. На север с отцом Иоанном Кронштадтским. СПб., 1903. С. 2.

⁸¹ Там же.

проследовали в Архангельск, оттуда их маршрут пролегал через Холмогоры и Великий Устюг до Волгоды. «Везде стекался со всех сторон народ и осаждал батюшку своими всевозможными просьбами»⁸².

С помощью протоиерея Иоанна Сергиева при отце Георгии достроили каменный собор петербургского подворья, а в скиту возвели и освятили 7 августа 1906 года небольшой деревянный храм во имя святителя Митрофана Воронежского. В 1907 году важеозерский настоятель был возведен в сан игумена. В день смерти отца Иоанна, 20 декабря 1908 года, он находился вместе с ним в Кронштадте, сопровождал траурную процессию с телом почившего в Северную столицу, в Иоанновский монастырь на Карповке, участвовал в погребении. В 1910 году отец Георгий был переведен в число братии Нижегородского архиерейского дома⁸³, а через некоторое время по собственному желанию перевелся в Полтавскую епархию, где нес послушание эконома⁸⁴.

В управлении монастырем отцу Георгию помогал казначей (с 1902 года) и эконом (с 1907 года) иеромонах Тихон (Николаев), который, судя по его послужному списку, происходил из крестьян Псковской губернии и «*грамоте обучался частным образом*»⁸⁵. В 1904 году новым духовником важеозерской братии вместо старца Никифора (Фадеева) был определен иеромонах Герман (Панфиленко⁸⁶) — он недавно вернулся из Свято-Никольского Петровского монастыря Саратовской епархии, где провел четыре года.

С появлением петербургского подворья численность братской общины Задне-Никифоровской пустыни увеличивалась. В 1904 году она включала 43 монаха и указных послушника, из них более половины проживали в столице: здесь иеромонахи и иеродиаконы требовались для ежедневного богослужения, исполнения многочисленных треб, которые заказывали горожане, приходившие в монастырскую часовню, а затем в церковь⁸⁷. Подворьем заведовал иеромонах Паисий (Мелюхин), которого постригал в монашество важеозерский игумен Митрофан 19 декабря 1899 года.

---

⁸² Животовский С. В. На север с отцом Иоанном Кронштадтским. СПб., 1903. С. 68.

⁸³ Перемены по службе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 21. С. 466.

⁸⁴ Михайлов Н. Памяти великого молитвенника земли Русской // Полтавские епархиальные ведомости. 1911. № 36. С. 2580–2585.

⁸⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 64/14. Л. 6 об. — 7.

⁸⁶ В документах встречается другой вариант его фамилии — Панфилов.

⁸⁷ В 1901 году при подворье жили двенадцать братьев и двадцать богорадников. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/11. Л. 56 об.

В 1904 году ему подчинялись иеромонахи Антоний (Петров), Феофан (Дураков), Сергей (Бодряков), Симеон, Вениамин (Михайлов), Александр (Назимов); иеродиаконы Иринарх (Другальский), Геннадий (Елисеев), Роман (Ювченко), Димитрий (Свирин); монахи Сергей (Игнатъев), Игнатий (Буров), Иннокентий (Карсаков), Симон (Комаров), Феодосий (Иванов), Григорий (Виноградов), Стефан (Бархатов); схимонах Григорий (Плиханов); пять указных послушников Николай Головин, Владимир Алексеев (почитается в наши дни как блаженный инок Владимир), Михаил Любецкой, Николай Хомутов, Калинин Онуфриев⁸⁸.

Среди насельников пустыни, подвизавшихся на Важеозере, в 1904 году названы игумен Аркадий, иеросхимонах Иасон, иеромонахи Василий (Богданов), Иона (Петрунин), Нифон (Фирсов), иеродиаконы Аполлинарий (Бласс), Арсений (Кириллов), монахи Корнилий (Демидов)⁸⁹, Гавриил (Жегалов), Иларион (Иванов), Аверкий (Потанькин)⁹⁰, указные послушники Павел Патрикеев, Макар Колоколов, Иван Богданов, Роман Богданов, Яков Брызгалов, Петр Сахаров, Диомид Семенов, Николай Грандов, Василий Свитов. Всего 20 человек. Многие из них пришли в монастырь через его подворье, пройдя непростой путь от богорадника до монаха.

За редким исключением, насельники мужской обители в начале XX века по социальному происхождению по-прежнему принадлежали крестьянству разных губерний (Олонецкой, Ярославской, Псковской, Костромской, Смоленской, Витебской, Тверской, Вологодской, Новгородской, Санкт-Петербургской и др.). Послужные списки позволяют оценить уровень их грамотности. Наиболее часто встречаются записи об обучении важеозерских монахов и послушников «частным образом» или «при доме отца», реже даются указания на их пребывание в юности в сельских или приходских училищах, церковно-приходских школах по месту жительства. При этом в 1907 году четверть насельников была малограмотна и вовсе неграмотна⁹¹. Наиболее образованным по документам за 1904 год был 32-летний монах Григорий (Виноградов), сын приходского священника,

⁸⁸ Там же. Оп. 12. Д. 64/14.

⁸⁹ В 1909 году за нетрезвость был послан на два месяца «на черные работы» в Андрусову пустынь. См.: НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 58.

⁹⁰ Переведен в Палеостровский монастырь 13 ноября 1913 года. См.: Там же. Л. 39 об.

⁹¹ Там же. Ф. 25. Оп. 12. Д. 67/7.

окончивший в Олонецкой духовной семинарии курс наук и после пострига в январе 1903 года исполнявший должность письмоводителя на подворье⁹².

Необычно сложилась судьба иеродиакона Аполлинария (Бласса), который приехал в Россию из немецкого города Любека при императоре Александре II. В 1878 году получил русское гражданство и записался в мещанство города Шлиссельбурга, принял православие 25 августа 1893 года. После смерти жены он решает отречься от мирской жизни и приезжает на Важеозеро. В монашество его постригал в 1902 году эконом иеромонах Симон (Иванов) — после нескольких лет управления Андрусовой пустынью, Палестровским и Клименецким монастырями тот снова оказался в стенах Задне-Никифоровской пустыни (с 1906 году совершал богослужения в церкви при подворье).

В братской общине на Важеозере находился игумен Аркадий (Тимонин), выходец из крестьян Олонецкой губернии. После окончания сельского народного училища он поступил послушником в Задне-Никифоровскую пустынь. Отсюда в 1878 году был перемещен в Успенскую Сяндемскую пустынь. Там принял монашество в том же году 3 декабря, был рукоположен во иеродиакона 9 июня 1879 года и во иеромонаха 30 марта 1880 года. Позднее недолго возглавлял Андрусову пустынь, где в мае 1885 года был возведен в сан игумена. Через два года епархиальный архиерей определил отца Аркадия управляющим сначала в Спасо-Каргопольский монастырь, а затем в Александро-Ошевенский. Далее судьба монаха делает неожиданный поворот: «за *неблаговидные поступки*» владыка отстраняет игумена от высокой должности и отправляет в удаленный Муромский монастырь с запрещением священнослужения, а оттуда уже «за *нетрезвость*» на полтора месяца — в Александро-Свирский монастырь. После прохождения возложенной на него епитимии Аркадий оказывается на Палеострове. Через полгода по указу Олонецкой духовной консистории от 17 января 1904 года его поместили в Задне-Никифоровскую пустынь, где он проживал «на покое»⁹³.

Иеромонах Сергей (Бодряков) согласно послужному списку — отставной матрос из крестьян Олонецкой губернии. В монашество был пострижен 15 декабря 1893 года управляющим Задне-Никифоровской пустыни иеромонахом Филаретом. В 1894–1895 и 1897–1898 годах находился в Санкт-Петербурге на монастырском подворье. В 1897 году

⁹² НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 64/14. Л. 46 об. — 47.

⁹³ Там же. Л. 9 об. — 10.

его возвели во священство⁹⁴. Через два года он стал управляющим Андрусово́й пустынью: с ним связывались общие надежды исправить бедственное положение, в котором она оказалась в конце XIX века: *«Настоящему управляющему Андрусово́ю пустынею иеромонаху Сергию, назначенному сюда из Задне-Никифоровско́й пустыни, предстоит нелегкая задача поднять вверенную ему обитель до желаемой высоты. Будем надеяться, что на помощь нуждающейся обители откликнутся христолюбивые люди»*⁹⁵. Через несколько лет отец Сергей сознавался в своей неспособности руководить обедневшим и запутавшимся в долгах заштатным монастырем и просил олонецкого епископа Анастасия (Опоцкого) вернуть его в Задне-Никифоровскую пустынь⁹⁶. Подобные просьбы никогда не оставались без архиерейского внимания. В 1904 году иеромонаха отправили исполнять череду священнослужения в храме при столичном подворье, а в 1907 году он был назначен благочинным Задне-Никифоровско́й пустыни⁹⁷.

Отдельную келью в братском корпусе занимал бывший управляющий Задне-Никифоровско́й пустынью иеросхимонах Иасон (Фадеев). Родившийся в 1821 году, он был самым старым насельником важеозерско́й обители в начале XX века.

* * *

Иеромонах Георгий в середине мая 1909 года приезжал в Александро-Свирский монастырь для участия в особом собрании, созванном по благословению владыки. Настоятели и настоятельницы почти всех местных епархиальных монастырей встретились, чтобы обсудить злободневные проблемы⁹⁸. Оставив в стороне хозяйственные вопросы, они рассуждали о том, как *«поднять современное монашество на должную высоту»*. Ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Никодим (Кононов) призывал собравшихся к молитвенным и аскетическим

⁹⁴ См.: Там же. Д. 60/9. Л. 1 об. — 2.

⁹⁵ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1/57.

⁹⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 30/1814. Л. 2.

⁹⁷ Преемником отца Сергия в Андрусово́й пустыни стал другой важеозерский постриженник — иеромонах Симеон, в 1900–1902 годах бывший экономом Задне-Никифоровско́й пустыни.

⁹⁸ За исключением Клименецкого, Александро-Ошевенского, Муромского монастырей и Сяндемско́й пустыни, получившей самостоятельность в 1902 году.

подвигам, приводил яркие примеры служения Богу из хорошо известных ему житий обонежских святых. Выступавшие сошлись в едином мнении о необходимости строго придерживаться общежительного устава, насколько это возможно усилить монашескую дисциплину, развивать важный институт старчества, который к началу XX века в Олонецкой епархии *«почти прекратил свое существование»*. Все присутствовавшие на важном собрании в настоятельских покоях архимандрита Агафангела знали о результатах последних ревизий всех действующих монастырей края, которые показали, что заметная их часть находится в сложном положении, переживая настоящий кризис в хозяйственной и духовной жизни. Частое перемещение братии из одной обители в другую, склонность иноков к винопитию и праздности, их невежество — таковы были распространенные недостатки монастырского быта, вскрывшиеся в ходе всеобщей епархиальной проверки.

Архиерейские визиты

Задне-Никифоровскую пустынь часто посещали правящие архиереи, приезжавшие в нее после осмотра Сяндемской пустыни, сельских церквей в Тулоксе и Коткозере⁹⁹. Как правило, именно здесь, на тихом и уютном Важеозере, они устраивались на ночлег. Так, 16 июня 1906 года в ходе архипастырской поездки по приходам и монастырям Олонецкого и Петрозаводского уездов в обители побывал епископ Мисаил (Крылов) вместе с епархиальным наблюдателем священником Николаем Чуковым и благочинным священником Василием Громовым. Они добирались из Александро-Свирского монастыря, где в течение нескольких дней широко отмечался престольный праздник.

Ко времени приезда владыки, о котором узнавалось заранее, как обычно, собирались все насельники пустыни: *«При звоне церковных колоколов братия Никифоровская встретила Владыку у святых ворот монастыря — иеромонахи и иеродиаконны в облачениях, певчие пели тропарь храму: “Преобразися еси на горе, Христе Боже”. Владыка вошел в храм Господень, сопровождаемый всею монастырскою*

---

⁹⁹ В 1898 году дважды приезжал епископ Назарий, совершавший Божественную Литургию и проводивший с братией отеческие беседы. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 79/38. Л. 146 об.; Маршрут поездок Его Преосвященства для обозрения приходов и монастырей Пудожского, Каргопольского, Вытегорского и Олонецкого уездов // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 10. С. 262.

братию; здесь после обычной архиерейской встречи и двух многолетий, сказанных иеродиаконем Аполлинарием... Владыка сам произнес многолетие отцу Настоятелю и братии Задне-Никифоровской пустыни»¹⁰⁰. В храме Всех Святых он приложился к раке преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских.

На этот раз епископ Мисаил и его свита тоже решили переночевать у «никифоровцев». *«Вскоре подан был Владыке и путешествующим с ним чай, а потом ужин, после которого все разошлись на покой»*¹⁰¹. На следующее утро правящий архиерей осматривал иконы, утварь и ризницу в монастырских церквах. Посетил сапожную и портняжническую мастерские; побеседовал с братией. Вечером, в девятом часу, со своими спутниками отправился далее к Петрозаводску. Настоятель иеромонах Георгий вместе с благочинным провожал его до Кескозерской почтовой станции.

Краткие путевые заметки епископа Мисаила о проделанном им длительном путешествии были опубликованы на страницах епархиальной газеты¹⁰². В Задне-Никифоровской пустыни владыка отметил новую Преображенскую церковь: она *«поместительная и украшенная хорошею иконописью повсюду»*. Епископ напомнил читателям, что в 1885 году почти все монастырские строения сгорели и только благодаря самоотверженному труду иеромонаха Геннадия (Борисова), девять лет занимавшегося сбором подаваний в Санкт-Петербурге, многое было восстановлено к концу его жизни (умер в 1898 году). Братия пустыни и ее подворья *«живет на правах полного общежития — у ней все общее, как то: обувь, одежда, пища и труды, доходов на руки братии не дают»*¹⁰³. Владыка подчеркнул заслуги настоятеля иеромонаха Георгия: *«Виден в обители порядок во всем и благопристойность»*¹⁰⁴. Основной насущной проблемой мужской обители были ее долги, накопившиеся после строительства большого храма в Северной столице.

В начале 1909 года возведенный на петрозаводскую кафедру епископ Никанор (Надежин), до этого возглавлявший Пермскую епархию, начал свое знакомство с олонецкой паствой еще в Санкт-Петербурге, посетив подворья не только Александро-Свирского монастыря, но и Важеозерско-Никифоро-Геннадиевской пустыни, где его встречал игумен Георгий:

¹⁰⁰ Громов Василий, священник. Задне-Никифоровская пустынь (Корреспонденция) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 14. С. 547.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. № 21. С. 778.

¹⁰³ Там же. С. 779.

¹⁰⁴ Там же.

«Это подворье с обширным храмом, устроенным, между прочим, при содействии приснопамятного отца Иоанна Кронштадтского, находится на окраине Петербурга, за Невской заставой. По обычной встрече в храме подворья, игумен Георгий сказал краткую речь архипастырю, прося его благословения. Преосвященный Никанор изволил сказать назидание братии и богомольцам»¹⁰⁵.

Во время первой поездки из Санкт-Петербурга в Петрозаводск епископ Никанор побывал и в самой пустыни на Важеозере: «в сопровождении пристава А. Иванова и благочинного, владыка уже к утру следующего дня 19-го января прибыл в Важе-Никифоровскую пустынь, где был встречен игуменом Георгием и прочей братией. Утром в понедельник ревностный владыка здесь совершил Божественную литургию и молебен местным угодникам Божиим преподобным Никифору и Геннадию, причем импровизировал соответствующее поучение братии. Отдохнув и подкрепив себя пищею, владыка, напутствуемый усердными благопожеланиями насельников пустынной обители, отправился в дальнейший путь. Ехали весьма быстро на монастырской паре коней, те 11 верст, которые нужно было проехать по дремучему лесу до почтового тракта. В этой лесной глуши, верстах в 7 от монастыря, есть две кельи, где уже более 40 лет совершенными отшельницами живут две старицы-подвижницы из крестьянок: Евдокия и Ксения. Вот какие и ныне еще есть на Руси рабы Божии!»¹⁰⁶. Позднее епископ Никанор не раз бывал в Задне-Никифоровской пустыни и по дороге старался навещать последних пустынножителей в ее окрестностях.

Монастырская ревизия 1906 года

В конце 1905 года члены Олонецкой духовной консистории приняли указ об очередной полной ревизии¹⁰⁷ всех епархиальных монастырей: «нередко поступали и поступают официальные и частные сообщения

¹⁰⁵ Преосвященнейший Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский: его назначение, прибытие и начало служения в г. Петрозаводске // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 64–65.

¹⁰⁶ Там же. С. 67–68.

¹⁰⁷ Предыдущая «всесторонняя» проверка епархиальных монастырей и их подворий прошла в 1902 году. См.: Местная епархиальная хроника // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 35.

о разных нестроениях в них»¹⁰⁸. Ответственное мероприятие доверили протоиерею Александру Надежину (он должен был осмотреть Александро-Свирский монастырь, Задне-Никифоровскую, Сяндемскую и Андрусову пустыни), миссионеру Дмитрию Островскому (обители Каргопольского уезда), иерею Петру Охотину (Палеостровский и Клименецкий монастыри).

Итак, протоиерей Александр Надежин приехал в Задне-Никифоровскую пустынь в начале марта 1906 года. Его содержательный отчет, позднее представленный на рассмотрение остальным членам духовной консистории, включал несколько пунктов: «местоположение, внешнее устройство, средства и хозяйство»; «число живущих в пустыни, их внешний быт»; «внутренний быт живущих в пустыни, выводы и заключения»¹⁰⁹. Ревизор отметил, что мужская обитель, расположенная «среди глухого леса», окружена болотистой и малопродуктивной местностью, а пятая часть ее земельных владений заболочена и не годится ни для пашни, ни для покосов. Монастырские постройки — храмы, корпуса (два деревянных — настоятельский и братский, а также два каменных), работная изба — «тверды и опрятны». Доходы в пользу пустыни поступают от подворья в Санкт-Петербурге (ежегодно деньгами в среднем по 1500 рублей и товарами до 4000 рублей); процентов по кредитным билетам (550 рублей); продажи свечей, просфор и за поминовение (до 2000 рублей). После традиционных для отчетной документации сведений о размере монастырского стада и объемах полученного урожая, отец Александр добавляет свое мнение о крайней необходимости для пустыни эконома, обязанности которого исполнял «съ большимъ усердиемъ отецъ казначей, иеромонахъ Тихонъ, человекъ больной и нуждающийся въ покое и лечении»¹¹⁰.

Много любопытных деталей содержит вторая часть отчета отца Александра о «внешнем быте» важеозерских насельников. «Въ настоящее время въ пустыне проживает 66 человекъ. Это число составилось изъ настоятеля, 1 игумена, 4 иеромонаховъ, 3 иеродиаконовъ, 1 схимника, 4 монаховъ, 8 указныхъ послушниковъ, 34 богорадниковъ и 10 скотницъ». Как видим, большая часть живших в монастыре людей была мирянами. Работавшие по найму женщины из соседних деревень ухаживали за скотиной — 12 лошадьми, 25 коровами, 10 телятами и быками.

¹⁰⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/22.

¹⁰⁹ Там же. Л. 4–6.

¹¹⁰ Там же. Л. 4 об.

Ревизор был крайне недоволен особой неряшливостью монастырских насельников в быту. Приведу цитаты из его рапорта. «*Помещение для братии весьма незавидное, исключая помещения настоятельского, которое можно назвать сравнительно хорошимъ. Въ маленькихъ, очень душныхъ комнаткахъ помещаются по два и более человека. Комнаты едва ли когда-либо освежаются чистымъ воздухомъ. При этомъ недостатке въ келлияхъ почти у всехъ живущихъ мною замечена большая грязь: не только не видно следовъ какого-либо недавнего мытья половъ, но даже не заметно, чтобы они (полы) и подметались. Это обстоятельство производитъ тяжелое впечатление на посетителя и невольно заставляетъ предполагать одно изъ двухъ: или отецъ настоятель не заглядываетъ въ келлии братии пустыни, или же, если и заглядываетъ, какъ онъ самъ говорилъ мне, то не обращаетъ никакого внимания на такую плохую гигиеническую обстановку своихъ пустынножителей»¹¹¹.*

Отца Александра неприятно поразило множество клопов в кельях: «*Внешняя обстановка братскихъ помещений весьма неприглядна и можно сказать убога. Это убожество особенно сказывается въ спальныхъ и постельныхъ принадлежностяхъ братии. Спятъ монашествующие на соломенникахъ, прикрытыхъ плохими, а у некоторыхъ даже дырявыми одеялами, простынь и чистыхъ наволочекъ у большинства совершенно нетъ. Братия пустыни, видимо, совершенно примиряется съ этимъ убожествомъ и о немъ не следовало бы и мне упоминать въ своемъ отчете, если бы къ этому не присоединялась еще образовавшаяся вследствие плохихъ гигиеническихъ условий и утвердившаяся среди братии неряшливость и полная не заботливость ея о поддержании чистоты кругомъ себя: ползавшие въ постели клопы явились живыми свидетелями высказанной мысли»¹¹².*

Справедливое возмущение ревизора вызвало присутствие в мужской обители большого числа молодых незамужних женщин. «*Содержание братии столомъ достаточное, равнымъ образомъ нельзя не признать достаточнымъ питание рабочихъ, въ слове о которыхъ я долженъ несколько остановиться подробнее. При обозрении коровника, расположенного только въ несколькихъ сажняхъ отъ братскихъ помещений, внимание мое невольно остановилось на служащихъ и живущихъ въ немъ женщинъ. При проверке оказалось, что большинство изъ нихъ девицы въ возрасте отъ 22 до 25 лет. Къ тому же, какъ*

¹¹¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/22. Л. 5.

¹¹² Там же.

въ самый день моего приезда, такъ ровно и на другой день моего пребывания въ пустыне, подъ окномъ настоятельскаго корпуса пилили дрова тоже молодые девицы изъ ближайшей къ пустыне деревни.

Присутствие девицъ на коровнике отецъ настоятель объяснилъ мне желаниемъ его иметь более сильныхъ и работающихъ людей и, къ тому же, более дешевыхъ, чемъ пожилые женщины для коровника и мужчины для распиловки дровъ. Это объяснение едва ли можно назвать резоннымъ и оправдывающимъ такое нежеланное для монастыря явление, какъ проживание въ немъ такого большого количества молодыхъ девицъ. Констатируя этотъ фактъ, я далекъ отъ мысли обвинять кого-либо изъ насельниковъ пустыни въ “недобротномъ житии”, такъ какъ данныхъ для этого не имею, а хочу только напомнить великий по своему жизненному значению ответъ: “аще око твое десное соблазняетъ тя...”, заветъ, исключаящий собою всякие компромиссы и расчеты узко-житейскаго практицизма»¹¹³.

По мнению отца Александра, для читавших на клиросе косноязычныхъ братьевъ следовало проводить занятия, чтобы улучшить ихъ навыки. «Внутренняя жизнь пустыни не сложна. Въ центре этой жизни, какъ и следуетъ, стоитъ богослужение, къ которому все монашествующие и по моему личному наблюдению, и по отзыву отца настоятеля ходятъ усердно. Службы церковныя отправляются по уставу, не спешно. Пение порядочно, чтение же у некоторыхъ весьма страдаетъ; сравнительно хорошо читаютъ два послушника: это уволенные два ученика Петрозаводскаго духовнаго училища. Я просилъ отца настоятеля обратить внимание на этотъ недостатокъ въ жизни монастыря и въ свободное отъ службъ церковныхъ время собирать монашествующихъ для занятий чтениемъ. Особенно въ этомъ отношении обращаетъ на себя внимание недавно рукоположенный по резолюции почившаго Преосвященнаго Анастасия иеродиаконъ Аркадий, насколько располагающий хорошимъ голосомъ, настолько плохо умеющийъ читать безъ предварительной подготовки и нуждающийся въ продолжительной и систематической практикѣ. Читаютъ монашествующие очень мало и то немного, некоторые изъ нихъ совершенно коснеютъ въ томъ невежестве, съ которымъ вышли изъ своей крестьянской среды и поступили въ обитель. Собеседования по некоторымъ воскреснымъ днямъ, после вечерни, ведетъ настоятель пустыни»¹¹⁴. Увы, невежество было частой бедой монашествующихъ Олонецкаго края. При желании важеозерские братья могли брать в кельи книги из шкафов, стоявших

¹¹³ Там же. Л. 5—5 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 5 об. — 6.

в «общей зале» настоятельского корпуса. На складе Александро-Свирского братства в Петрозаводске в 1902 году по указанию епископа были куплены пособия для готовившихся к посвящению в иеромонашеский и иеродиаконский сан¹¹⁵.

«Нравственный уровень насельниковъ пустыни, за немногими исключениями, не высокъ. Были случаи дракъ между послушниками и рабочими въ пьяномъ виде. Въ декабре месяце минувшего года былъ случай покражи вещей со взломомъ изъ келлии иеромонаха Ионы. Виновники этого преступления не открыты и до сего дня, хотя съ несомненностью сами монашествующие думаютъ, что воръ былъ изъ своихъ же пустынниковъ. Наблюдение за религиозно-нравственной жизнью братии имеетъ настоятель пустыни, а за его отъездами отецъ казначей иеромонахъ Тихонъ, выделяющийся по своей строгой жизни изъ брати пустыни, какъ объ этомъ свидетельствовали мне сами монашествующие. Благодичного въ пустыни нетъ»¹¹⁶.

Суровый и требовательный ревизор высказал свои разумные предложения для исправления отмеченных им недостатков: *«А) по хозяйственной части необходимо сделать следующие улучшения и дополнения: 1. предписать настоятелю пустыни вести точную отчетность всехъ поступлений, не только денежных, но и вещевых, и другихъ с петербургского подворья пустыни, 2. для облегчения трудовъ казначея заведование хозяйствомъ поручить особому лицу эконому, которого предложить избрать изъ наличного состава монашествующей братии пустыни, 3. вменить въ непрременную обязанность настоятеля пустыни озаботиться приведениемъ въ более приличный видъ жилыхъ братскихъ помещений и строго следить за чистотою сихъ помещений чрезъ возможно частое личное посещение ихъ, 4. озаботится ныне же удалениемъ изъ монастыря молодыхъ девицъ, заменивъ ихъ пожилыми женщинами, а еще лучше мужчинами, насколько последнее будетъ возможно. Б) По части религиозно-нравственной: 1. предписать избрать благодичного, 2. озаботится подготовкою монашествующихъ къ более лучшему чтению, 3. учинить беседы отцу настоятелю съ монашествующими по вопросамъ религиознымъ и нравственнымъ для поднятия религиозно-нравственного уровня братии пустыни, 4. вменить въ обязанность настоятелю пустыни на будущее время о всехъ крупныхъ нарушенияхъ благочиния и порядка въ пустыне доносить епархиальному начальству немедленно»¹¹⁷.*

¹¹⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/73. Л. 200 об.

¹¹⁶ Там же. Д. 85/22. Л. 6.

¹¹⁷ Там же. Л. 6—6 об.

Остальные члены Олонецкой духовной консистории полностью согласились с рекомендациями Александра Надежина и подписали об этом указ 18 апреля 1906 года. Настоятель Задне-Никифоровской пустыни иеромонах Георгий постарался выполнить предписания начальства, но в братской общине катастрофически не хватало грамотных монахов, способных к исполнению ответственных послушаний. Ему пришлось назначить на должность благочинного иеромонаха Тихона (Николаева), который заменял его во время отъездов и уже был с 1902 года казначеем обители. По справке, сорокалетний отец Тихон (мирское имя Тимофей) происходил из крестьян Псковской губернии. В Задне-Никифоровской пустыни он подвизался с 1896 года. В монашество был пострижен 20 октября 1898 года, получил иеродиаконство в 1899 году, а в 1902 году его возвели во священство¹¹⁸. В ответ на предложение епархиального начальства избрать нового казначея настоятель буквально взмолился оставить иеромонаха Тихона *«как единственного и способного иеромонаха в прохождении и исполнении возлагаемых на него служебных обязанностей благочинного и казначея»*. Правящий епископ дозволил монаху временно совмещать оба послушания. Экономом по выбору иеромонаха Георгия стал 54-летний монах Исидор (Брызгалов), который в начале 1904 года был зачислен в братскую общину с облачением в рясофор, а уже в мае принял монашеские обеты.

Ревизия вскрыла много недостатков в монастырской жизни в Олонецкой епархии¹¹⁹. Хозяйства некоторых мужских обителей были совершенно расстроены, при этом деньги расходовались неразумно;

---

¹¹⁸ Там же. Л. 92–92 об.

¹¹⁹ Климецкий монастырь и Сяндемская пустынь были срочно преобразованы в женские обители в 1906 и 1909 году соответственно. См.: Афанасьева-Сяндебская женская пустынь и ее задачи: Церковно-бытовой очерк / сост. Никодим (Кононов), архим. Петрозаводск, 1910; Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии... С. 154–155, 158. Побывавший в Карелии в 1906 году для сбора этнографического материала Михаил Михайлович Пришвин писал в путевом дневнике про Климецкий монастырь: *«В настоящее время этот монастырь, оставаясь в стороне от пароходного сообщения, пришел в упадок... В Петрозаводске носился уже слухок, что в монастыре что-то неладно, что его пора бы закрыть и преобразовать в женский, как это делается всегда, когда хотят спасти разоряющийся мужской монастырь... Женщины всегда оказываются в этих случаях настойчивее и упорнее мужчин»*. См.: Пришвин М. М. За волшебным коловком: В краю непуганых птиц. Петрозаводск, 1987. С. 26.

малочисленная¹²⁰ братия почти везде ленилась и не хотела физически трудиться на полях. Образованных настоятелей, способных к успешному руководству монастырским хозяйством, часто не хватало, а традиции старчества развивались в Александро-Свирском монастыре под управлением архимандрита Агафангела и в Задне-Никифоровской пустыни. Протоиерей Александр Надежин, проводивший также ревизию свирской обители, отмечал присутствие в ее общине опытных монахов-старцев: духовника игумена Самуила (Бундина) и перешедшего из важеозерской обители игумена Митрофана (Воезерского), который *«пользуется большим уважением среди братии»*¹²¹.

Всем настоятелям мужских монастырей без исключения Олонецкая духовная консистория настоятельно рекомендовала отказываться от помощи женщин-работниц и возлагать уборку келий на послушников и богорадников: *«Во всех мужских монастырях епархии должна быть введена постепенно мужская прислуга в лице послушников и богорадников для мытья полов, а по возможности и для других работ, исполнявшихся до сих пор женщинами, во всяком случае собирание белья братии для стирки должно делаться послушниками или богорадниками, на них же должно возлагать обязанности и о поддержании чистоты в помещениях настоятеля и братии... Все сельскохозяйственные, а где можно и другие работы, в монастырях должны быть производимы силами братии, к труду же чернорабочему привлекаемы богорадники»*¹²².

* * *

Как заштатная обитель Задне-Никифоровская пустынь существовала за счет многочисленных пожертвований, приходивших из разных мест. В 1902 году в пользу монастыря поступили билеты государственной четырехпроцентной ренты по 100 рублей каждый — один от учителя Вырозерского земского училища Е. В. Крылова, а другой из Москвы от анонимного благотворителя¹²³. С началом издания епархиальной газеты

---

¹²⁰ *«Все монастыри, за исключением Александро-Свирского, не изобилуют числом братии»*, — говорилось в отчете о состоянии Олонецкой епархии за 1904 год. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/97. Л. 9 об.

¹²¹ Там же. Л. 25–30.

¹²² Там же. Оп. 20. Д. 9/97. Л. 13.

¹²³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 82/73. Л. 76.

на ее страницах стали печататься сведения о наиболее значимых денежных и вещественных вкладах. Например, в 1907 году сообщалось, что олонецкий купец Иван Федорович Лопский отпустил важеозерским монахам из своей лавки товар на 281 рубль 77 копеек¹²⁴.

Сохранявшаяся в начале XX века неизбежная зависимость от пожертвований не только Задне-Никифоровской пустыни, но и почти всех мужских обителей Олонецкого края сильно тревожила духовные власти, поэтому они настойчиво рекомендовали монастырскому начальству рассчитывать на свои внутренние силы и развивать собственное производство (животноводство, хлебопашество, маслоделие, кожевенное дело и пр.): *«настоятелям монастырей вменено в обязанность обратить особенное внимание на развитие земледелия и вообще сельского хозяйства и в этом искать средства и поддержки для безбедного существования обителей, а не надеяться на благотворительные средства, неустойчивые и при том неосновательном расчете на них приводящие обители к неоплатным долгам»*¹²⁵.

«Монастырские нестроения»

В своем отчете о ревизорской поездке протоиерей Александр Надежин упомянул о краже, произошедшей в декабре 1905 года в Задне-Никифоровской пустыни. Настоятель сообщил о ней благочинному Василию Грому только в середине февраля, за что и получил выговор от епархиального начальства. Важеозерский монах Иона (Петрунин) сначала словесно, а потом и письменно заявлял не только о пропаже вещей из своей кельи во время вечернего богослужения (унесли *«шубную рясу»*, карманные часы, шарф, суконные сапоги, брюки, рукавицы), опасениях за свою жизнь (*«здесь боюсь, что убьют»*), но и о *«беспорядочной жизни пустынников Никифоровских»*¹²⁶. Благочинный внимательно выслушал свидетелей и пришел к выводам: *«вещи, надо полагать, увезены были куда-либо в деревню, куда и сряду же нужно было послать людей и заявить о семъ полицейскимъ и волостнымъ властямъ <...>. Относительно же беспорядочной жизни пустынниковъ*

¹²⁴ О пожертвованиях, поступивших в церкви епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 5. С. 119.

¹²⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/97.

¹²⁶ Там же. Оп. 7. Д. 103/7. Л. 2.

Никифоровскихъ, ихъ зазорного поведения отъ накопившегося отъ времени “разного сбора людей” какъ благочинный пустыни могу сказать одно, что все живущие въ стенахъ пустыни иеромонахи, иеродиаконы, послушники, богорадники и наемные работники живутъ не кое-какъ, а по установившемуся монастырскому порядку <...>. Напрасно поэтому отецъ Иона жалуется на зазорную жизнь иночествующихъ, къ лику которыхъ и самъ отецъ Иона едва ли не въ третій разъ причисленъ есть. И никто изъ монастырскихъ отца Иону не обижалъ и обижать не думаетъ, не имея на то причины. Если же и былъ небольшой случай дерзкого другъ съ другомъ обращения на второй день Рождества Христова у рабочихъ, за монастыремъ, то этотъ случай редкий и притомъ подъ влияниемъ излишнего употребления водки, за что виновные наказаны; на другой же день имъ выданы казначеемъ паспортные книжки и отказаны отъ работъ съ обязательствомъ удалиться въ свои места»¹²⁷. Священник ходатайствовал о скорейшем переводе отца Ионы в другой мужской монастырь.

По словам настоятеля, 15 февраля 1906 года на собрании старшей братии в присутствии жалобщика обсуждалось содержание письма, переданного им Александру Надежину. «Цель его составления, какъ нужно предполагать со словъ его была та, что ему нежелательно жить въ Задне-Никифоровской пустыни, а добровольно просить перевода не хочетъ, — высказывал свое мнение раздосадованный неприятной ситуацией иеромонахъ Георгий, — въ течение каких-нибудь десяти летъ отецъ Иона пережилъ въ четырехъ монастыряхъ и въ томъ числе третій разъ въ Задне-Никифоровской пустыни и не въ одномъ не могъ обрести себе мирной и спокойной иноческой жизни. Составление кляузныхъ писемъ, распространение небывалого — вотъ все его достоинства, а впоследствии обнаружений его действий обратно хлопочетъ въ ту же Задне-Никифоровскую пустынь какъ место пострижения въ монашество, а более всего его тревожатъ и не даютъ спокойствія это деньги, приобретенные имъ въ Задне-Никифоровской пустыни и къ которымъ онъ имеетъ громадное пристрастие»¹²⁸.

Пострадавший, судя по отзывамъ знавшихъ его людей, обладал сложным характером и сумел за краткий срок с 1904 года настроить против себя большую часть братии. По мнению иеромонаха Георгия и отца Александра Надежина, его обворовал кто-то из чужаков: «кража совершена

¹²⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 103/7. Л. 2 об.

¹²⁸ Там же. Л. 6—7 об.

не монастырскими жителями, а лицом постороннимъ, такъ какъ отецъ Иона словетъ за человека денежного, хотя деньги его и хранятся въ Олонецкомъ уездномъ казначействе, но, вероятно, часть имеетъ при себе на производимые имъ расходы на покупку масла и яицъ, а быть можетъ, и другихъ продуктовъ, потому что онъ монастырскимъ довольствиемъ не ограничивается, то легко можно предполагать, что посетители его, у которыхъ онъ производитъ покупку, и совершили кражу»¹²⁹. Настоятель вслед за ревизором просил перевести отца Иону, жаловавшегося на свою трудную жизнь, в какую-нибудь другую обитель¹³⁰.

Члены консистории были вынуждены тщательно разобрать этот случай. Они запросили в архиве справку о монахе-жалобщике и узнали, что он родом из крестьян Мятусовской волости Олонецкого уезда, окончил приходское училище, «церковное пение, чтение и устав знает»¹³¹. Первый раз оказался в Задне-Никифоровской пустыни в 1892 году, став ее послушником. Здесь принял монашеский постриг при иеромонахе Вениамине, занимался «шитьемъ одежды для братии». После возведения во священство в 1893 году «заведовалъ рухольной частью», потом отца Иону на год перевели в Кирилло-Челмогорскую пустынь. Оттуда он попросился обратно в родную важеозерскую обитель. Один год провел в Санкт-Петербурге на строившемся монастырском подворье, где, между прочим, проявил неплохие организаторские способности. В 1896 году был назначен временным управляющим Задне-Никифоровской пустыню. В 1899 году вместо него монашескую общину возглавил иеромонах Митрофан. Отец Иона стал при нем экономом. В 1900 году его переместили сначала в Андрусову пустынь, а в 1902 году — в Александро-Ошевенский монастырь. В консисторском указе говорилось о том, что отец Иона — «человекъ неуживчивый по своему характеру и способный на распространение и составление несправедливыхъ доносовъ», поэтому его письмо на имя владыки осталось без внимания. Вскоре иеромонаха снова направили в соседнюю Андрусову пустынь и 18 августа 1906 года назначили ее управляющим¹³².

В Андрусовой пустыни отец Иона показал себя с лучшей стороны, при нем успешно налаживалось расстроенное ранее хозяйство. Благочинный священник Михаил Каргопольцев в 1908 году докладывал олонецкому

¹²⁹ Там же. Л. 7.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. Оп. 12. Д. 57/2. Л. 5 об. — 6.

¹³² Там же. Оп. 7. Д. 103/7. Л. 8—9.

владыке о том, что андрусовские насельники наконец прислушались к рекомендациям епархиального начальства и снова стали развивать собственный рыбный промысел¹³³. В послужном списке об иеромонахе Ионе теперь говорилось, что он *«справедливъ, честенъ и бережливъ и къ послушаниямъ внимателенъ и усерденъ»*¹³⁴. В июле 1912 года он получил наперсный крест, выдаваемый от Святейшего Синода. Через полгода его перевели в братскую общину Александро-Свирского монастыря, а спустя четыре месяца отец Иона снова оказался в Задне-Никифоровской пустыни, где подвизался уже до самой смерти в 1918 году (за исключением краткого периода с апреля по ноябрь 1916 года, когда находился в Благовещенской Яшезерской пустыни)¹³⁵.

Монастырский дневник

С 1902 года по указанию Олонецкой духовной консистории в епархиальных монастырях вводятся дневники с ежедневными записями о занятиях их насельников *«для упорядочения монастырского быта»*¹³⁶. Впрочем, духовное руководство сетовало на малограмотность и недобросовестность братии, из-за чего такие дневники велись неправильно и невнимательно. В отдельных графах особой тетради требовалось записывать самые разные сведения: о посещении церковных служб, изучении Закона Божия, чтении святоотеческой и житийной литературы в трапезной, проступках и послушаниях каждого насельника¹³⁷. Сохранилось несколько таких дневников Задне-Никифоровской братии за 1903 год¹³⁸. Возьму для примера документ, рассказывающий о жизни важеозерской общины в ноябре. Заведующий иеромонах Симеон скупно и однообразно сообщает о немногочисленных событиях, происходивших каждый день в обители (он тогда нес второе послушание эконома обители, поэтому времени на более

¹³³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 88/31. Л. 27.

¹³⁴ Там же. Оп. 12. Д. 67/3. Л. 1 об. – 2.

¹³⁵ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 19 об. – 21.

¹³⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/97. Л. 9.

¹³⁷ Вопросы звучали следующим образом: *«Все ли изъ братии и за всеми ли службами были въ церкви, своевременно ли приходили на оныя, а если кто не былъ, то по какой причине; Все ли были за общей трапезою и что именно читалось во время обеда и ужина; Чемъ занималась братия въ течении дня и вечера; Занимались ли изучениемъ Закона Божия и что именно прочитано изъ него въ данное число месяца; Не было ли замечено каких-нибудь проступковъ за кем-либо изъ братии. Если было замечено, то что именно и за кемъ».*

¹³⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 117/2341.

обстоятельные записи у него, по-видимому, не хватало). В начале дневника, согласно формуляру, приводится список монашествующих и рясофорных послушников, находившихся в то время в пустыни (два десятка человек, из них семеро иеромонахов), с указанием их возраста и времени зачисления в братскую общину¹³⁹.

По старому монастырскому обычаю, в трапезной братия безмолвно вкушала разрешенную уставом пищу и слушала духовные тексты. За обедом кто-нибудь из грамотных монахов или послушников обязательно читал вслух жития святых по церковному календарю (в ноябре — бессребреников Космы и Дамиана, мучеников Акиндина и Пигасия, преподобного Иоанникия Великого, Павла исповедника и др.); за ужином — духовные произведения на важные для любого монаха темы («слово преподобного Ефрема Сирина о послушании», «слово пролога о целомудрии»).

День в обители начинался и завершался молитвой. Братья собирались на полунощницу, после шестопсалмия некоторые уходили из храма «на возложенные на них послушания». В будни монастырские труды заканчивались к шести вечера, потом все сходились в храм на вечерню. По субботам насельники трудились до четырех часов вечера, «после малого отдыха» мылись в бане, а затем приходили в церковь Всех Святых «ко всенощному бдению, которое совершалось съ шести часов и до половины десятого». Обычно с понедельника по пятницу, как пишет отец Симеон, «братия была занята разным послушаниемъ, а именно, одни находились при богослуженияхъ, другие при мастерскихъ сапожной, столярной, слесарной и портяжной, а третьи на разныхъ хозяйственныхъ послушанияхъ»¹⁴⁰. Среди ноябрьских занятий он упоминает заготовку дров на зиму для своих келий; уборку первого выпавшего снега; вязание нового невода. Два праздничных дня в ноябре 1903 года выпадали на неделю: 14 ноября отмечалась память апостола Филиппа и 21 ноября — Введение во храм Пресвятой Богородицы. Иеромонах Симеон сообщал,

¹³⁹ Иеромонах Симеон (47 лет, 1893 год); духовник иеромонах Никифор (81 год, 1874 год); иеромонахи Ефрем (37 лет, 1896 год); Герман (? , 1902 год); Тихон (38 лет, 1896 год); Александр (? , 1894 год); Вениамин (47 лет, 1903 год); иеродиаконны Андроник (53 года, 1902 год); Иринарх (?); монахи Герман (58 лет, 1872 год); Корнилий (44 года, 1895 год); Гавриил (33 года, 1896 год); Аркадий (34 года, 1899 год); Иларион (49 лет, 1900 год); Арсений (31 год, 1901 год); Роман (27 лет, 1900 год); рясофорные послушники Василий Свитов (61 год, 1886 год); Павел Патрикеев (24 года, 1901 год); Макары Колоколов (69 лет, 1898 год); Иван Богданов (27 лет, 1903 год).

¹⁴⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 117/2341. Л. 3 об. — 4.

что тогда *«по случаю праздника братия имела отдыхъ отъ физическихъ послушаний»*. Иногда в дневнике появляются записи о занятиях по изучению Закона Божия. Монахи Герман и Аркадий отлучались по делам в Олонец и Петрозаводск.

Флотский и гарнизонный пастырь

В самом начале Русско-японской войны (1904–1905 годы) Святейший Синод запросил всех епархиальных архиереев о возможности выделить *«благоговейных и вполне надежных»* священников или иеромонахов (одного-двух человек от каждой епархии) для окормления солдат и матросов, воевавших на Дальнем Востоке (в военные госпитали, на корабли, для санитарных отрядов Российского общества Красного Креста и пр.)¹⁴¹. В указе объяснялось, что каждому, кто пожелает отправиться в район боевых действий, будет положено казенное жалованье 200 рублей в месяц при сохранении *«получаемого по епархиальной службе содержания»* и выданы подъемные — 300 рублей единовременно. В конце марта 1904 года этот синодальный указ обсуждался на заседании Олонецкой духовной консистории¹⁴². На патриотический призыв откликнулись иеромонахи (Задне-Никифоровской, Благовещенской Яшезерской пустыней, Успенского Муромского и Спасо-Каргопольского монастырей) и приходские священники¹⁴³.

На Дальний Восток от Олонецкой епархии уже в апреле 1904 года отправился важеозерский иеромонах Александр (Назимов), к тому времени имевший за плечами богатый опыт пастырского служения в Маньчжурии. В сопровождении послушника Ивана Ивановича Захарова он выехал из Санкт-Петербурга в организованный под покровительством императрицы Александры Федоровны военный госпиталь Российского общества Красного Креста¹⁴⁴. Интересная биография незаурядного монаха заслуживает отдельного рассказа.

¹⁴¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 29/1798. Л. 12.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Кроме духовенства, на призыв откликались богорадники и послушники местных обителей. Известно, что во время кровопролитного Мукденского сражения был убит послушник Александро-Свирского монастыря 32-летний Иоаким Стец.

¹⁴⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 29/1798. Л. 6.

Иеромонах Александр (в миру Арсений Назимов), согласно послужному списку, успешно окончил Рузское духовное училище (Рузский уезд, Московская губерния) и был достаточно образован: «церковное чтение, пение и уставъ, катехизисъ и священную историю знаетъ»¹⁴⁵. Он несколько лет прослужил в канцелярии Хозяйственного управления Святейшего Синода. Свой иноческий путь тридцатилетний Арсений начинал в конце октября 1888 года послушником Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Его постригали в монашество в крестовой церкви¹⁴⁶ Митрофаниевского Синодального подворья в Санкт-Петербурге 25 сентября 1893 года. В мае следующего года отца Александра перевели из Валаамского монастыря в Задне-Никифоровскую пустынь, и недолгое время он провел на ее столичном подворье¹⁴⁷. Кстати, в важеозерскую обитель он прибыл вместе с другим валаамским постриженником, монахом Иннокентием (Васильевым).

Уже в ноябре 1895 года первым протопресвитером военного и морского ведомства Александром Алексеевичем Желобовским благонадежный иеромонах был отправлен «для исполнения пастырскихъ обязанностей»¹⁴⁸ на броненосный крейсер «Дмитрий Донской», который тогда входил в состав Тихоокеанской эскадры и базировался во Владивостоке¹⁴⁹. Отец Александр окормлял его экипаж, состоявший из пяти сотен человек. В марте 1898 года вместе с ними он оказался в морской крепости Порт-Артур, который по русско-китайской конвенции только что был передан России вместе с Квантунским полуостровом в аренду на 25 лет. Чуть позднее «Дмитрий Донской» участвовал в реальных боевых действиях, связанных с так называемым восстанием боксеров, но уже без отца Александра. Синодальным указом

¹⁴⁵ Там же. Оп. 12. Д. 64/14. Л. 18 об. – 19.

¹⁴⁶ Крестовыми назывались церкви при ариерейских дворах. В храме во имя святителя Митрофана Воронежского Митрофаниевского подворья служили епископы, вызываемые в Синод.

¹⁴⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 54/1.

¹⁴⁸ Подробнее о военном духовенстве см.: Емельянов С. Н. «Военная епархия» русской армии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. С. 29–36.

¹⁴⁹ В мае 1905 года «Дмитрий Донской» принял участие в роковом Цусимском сражении. У острова Дажелет в Японском море крейсер, спасая команду с тонувшего миноносца «Буйный», получил тяжелые повреждения и затонул, просигналив врагу: «Погибаю, но не сдаюсь».

по ходатайству епископа Евсевия (Никольского), главы Камчатской епархии, важеозерского иеромонаха в том же 1898 году переводят в братскую общину Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского монастыря — старейшей православной обители на Дальнем Востоке — «съ выдачей на проездъ въ монастырь изъ Порт-Артура 100 рублей»¹⁵⁰.

Во время Русско-китайской войны 1900 года, в начале июля, его командировали к подвижному полевому госпиталю № 3, находившемуся в составе войск действовавшего в Маньчжурии Никольского отряда, который возглавлял знаменитый генерал-майор Николай Михайлович Чичагов¹⁵¹. С врачами, фельдшерами и медсестрами, самоотверженно трудившимися на переднем крае военных действий, он пересек русско-китайскую границу в направлении городов Нингут и Харбин. Монах исповедовал и причащал раненых воинов, отпевал погибших от смертельных ран. В сентябре 1900 года его перевели в Нингутинский гарнизон.

В 1901 году, 31 января, отец Александр по его просьбе был снова зачислен в братство Задне-Никифоровской пустыни, но, по всей видимости, продолжал оставаться на Дальнем Востоке. В 1902 году его послали сначала в качестве гарнизонного священника в маньчжурский город Каунчензы, затем здесь же он окормлял раненых в госпитале № 10. За участие в военных действиях отец Александр был награжден серебряной медалью «За поход в Китай. 1900 и 1901» с рельефным вензелем императора Николая II. В 1903 году отважный монах вернулся на берега Важеозера, чтобы совсем скоро вновь покинуть тихую обитель и опять отправиться на Дальний Восток, где разворачивались события Русско-японской войны. Как сообщается в телеграмме товарища синодального обер-прокурора Владимира Карловича Саблера от 19 марта 1904 года, отправленной на имя олонецкого епископа Анастасия (Опоцкого), отец Александр уже в поездке был представлен к награждению наперсным крестом, выдаваемым от Синода¹⁵².

---

¹⁵⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 64/14. Л. 18 об. — 19.

¹⁵¹ В Нингуте, «в этом военном стратегическом городе Маньчжурии отряд Чичагова простоял некоторое время для полной очистки района от боксеров и хунхузов. Чичагов действовал решительно, но не позволял никаких грабежей и бесцельного уничтожения фанз и имущества жителей, вовсе не считая их врагами. Население оценило его благожелательность и в знак благодарности воздвигло в городе Нингута памятник русскому генералу». См.: Мизь Н. Г. Китайский памятник русскому генералу // Власть книги. 2016. Вып. 16. URL: <https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books-/articles-almanac-16-2016/article18.pdf>.

¹⁵² НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 29/1798. Л. 8–9.

* * *

Насельники Задне-Никифоровской пустыни время от времени принимали участие в знаменательных событиях жизни сельских приходов Олонецкого уезда. В 1902 году, 13 октября, иеромонах Симеон и иеродиакон Софоний были приглашены на освящение деревянной церкви во имя пророка Божия Илии в деревне Вагвозеро, относившейся к Коткозерскому приходу. Ее поставили на средства петербургского купца Николая Ивановича Андреева: *«сея благодетель пожертвовал достаточную сумму на построение и украшение храма»*¹⁵³. Храм освящали благочинный Василий Громов, коткозерский настоятель Петр Ильинский, священник Викентий Красов.

Настоятель иеромонах Георгий в 1905 году участвовал в освящении церкви во имя священномученика Власия, епископа Севастийского в Мегреге¹⁵⁴. Она возводилась на месте сгоревшей усердием купца из Санкт-Петербурга Петра Андреевича Комова, *«человека доброй души, расположенного к церкви Божией»*. Отец Георгий во время всенощного бдения, совершавшегося 31 октября накануне радостного события, на литию и величание выходил вместе с благочинным Василием Громовым и священниками Юргильского, Самбатукского, Верховского и Михайловского Олонецкого приходов (священниками Петром Ильинским, С. Михайловским, Ф. Беляевым и Виктором Красовым). *«Радуются добрые жители села Мегреги, радуются все ревнители истинного благочестия, любящие благолепие и красоту церковную»*, — восклицал автор заметки об этом¹⁵⁵.

В 1913 году, 24 августа, важеозерский иеромонах Геннадий (Елисеев) принимал участие в освящении деревянной Успенской церкви в Сяндемской пустыни. *«Утром в 6 часов раннюю литургию у преподобного в каменной церкви служил Архиерейской Крестовой церкви иеромонах о. Афанасий, Важеозерско-Никифоро-Геннадиевой пустыни иеромонах Геннадий и Андрусовской пустыни иеромонах Вениамин с местным диаконом Николаевским... В ½ 9-го последовала встреча Его Преосвященства, а за нею освящение храма... священник о. Владимир Полозов благодарил*

¹⁵³ Громов В. Освящение храма во имя св. славного пророка Божия Илии в дер. Вагвозере Коткозерского прихода, 13-го октября 1902 года (Корреспонденция) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 23. С. 779.

¹⁵⁴ Б. П. В. Г. Освящение храма в Мегрецком приходе, Олонецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 23. С. 690–694.

¹⁵⁵ Там же. С. 691.

Владыку за изыскание средств на постройку храма и за отеческие его заботы о храме и вообще о возобновлении пустыни. После этого началась божественная литургия, отправленная Владыкою, с которым служили протоиереи Громов и Каргопольцев и священники Лебедев, Митропольский и Полозов. За литургиею монах Важеозерско-Никифоро-Геннадиевой пустыни Макарий посвящен владыкою во иеродиакона»¹⁵⁶.

Столичное подворье

После страшного пожара 1885 года восстановление монастырских зданий и хозяйства напрямую зависело от помощи благотворителей. Долгое время поиском средств успешно занимался иеромонах Геннадий (Борисов). Именно он привлек внимание протоиерея Иоанна Сергиева к разоренной огнем мужской обители, малоизвестной в столице: *«В бытность свою в 1889 году в г. Кронштадте для сбора подаяний в пользу Задне-Никифоровской пустыни, иеромонах Геннадий обратил на себя внимание о. Иоанна своим нелицемерным смирением, кротостию своего характера, своей энергией в принятой им на себя миссии сборщика подаяний на устройство пустыни и истовым и благоговейным совершением богослужения»¹⁵⁷.*

Огромные надежды возлагались на создание в Санкт-Петербурге ее подворья с часовой или церковью¹⁵⁸. Благодаря покровительству кронштадтского отца Иоанна нашлись щедрые жертвователи, передавшие в дар монахам несколько участков земли в столице.

Первым вкладом в строительство петербургского подворья стала усадьба *«со всеми на оной постройками и принадлежностями домового хозяйства»*, пожертвованная в 1892 году ее владелицей петербургской мещанкой Екатериной Антоновной Гайлевич *«по просьбе иеромонаха Геннадия и при содействии о. Иоанна Ильича Сергиева»¹⁵⁹*. Участок в 972 ½ кв. сажени находился за Невской заставой, в рабочем селе

¹⁵⁶ И. В. Г. Освящение храма во имя Успения Божией матери в Сяндемской женской пустыне, Олонецкого уезда, 25-го августа 1913 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 26. С. 471–474.

¹⁵⁷ Добротин Г. Наблюдатель подворья Задне-Никифоровской пустыни в г. Санкт-Петербурге иеромонах Геннадий (Некролог) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 2. С. 37.

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 175. Д. 1496; Ф. 1293. Оп. 127. Д. 77.

¹⁵⁹ Добротин Г. Наблюдатель подворья... С. 37.

Михаила Архангела¹⁶⁰ (более точный адрес — Московская улица, № 3). По условиям завещательницы, на этом участке, где стояли каменный дом и три деревянных флигеля, монастырь должен был основать подворье с «*приютомъ для богомольцевъ*» и часовней для ее вечного поминовения¹⁶¹. «Наблюдателем» за пожертвованным имуществом был назначен иеромонах Геннадий, на плечи которого легли все хлопоты по юридическому оформлению прав собственности на недвижимость¹⁶².

В 1895 году городской голова тайный советник Владимир Александрович Ратьков-Рожнов, владевший соседней пустопорожной землей (по Московской улице, № 2), пожертвовал дополнительно 400 кв. саженей для постройки согласно его воли трехпрестольной церкви в память чудесного события 17 октября 1888 года, спасения Александра III с семьей при крушении поезда близ станции Борки¹⁶³. В 1898 году в пользу Задне-Никифоровской пустыни также отошел пустопорожный земельный участок в 798 кв. саженей (по Московской улице, № 75) от купца Федора Яковлевича Юсова, родом из Зарайского уезда Рязанской губернии. Тогда же крестьянская вдова Параскева Михеевна Фадеева из деревни Петрушевской Касимовского уезда Рязанской губернии отдала мужской обители усадьбу с постройками (по Московской улице, № 37) с тем, чтобы доход от нее обращать на устройство монастырского подворья, и небольшой участок в 93 кв. сажени с половиной дома, в которой располагалась одна квартира по Механической улице, № 3 на тех же условиях¹⁶⁴.

Освящение места под будущий храм на бывшем участке городского головы совершал 23 сентября 1894 года в 3 часа пополудни протоиерей Иоанн Сергиев в сослужении петербургского духовенства и «*при многочисленном стечении народа*». По проекту церковь имела два этажа (размеры 20 × 12 саженей). Главный ее придел предполагалось освятить во имя пророка Осии и преподобного Андрея Критского, правый — преподобного Иоанна Рыльского, левый — благоверного князя Владимира

¹⁶⁰ В селе стояла приходская церковь Михаила Архангела, построенная в 1860 году.

¹⁶¹ Завещание было утверждено Петербургским окружным судом 5 ноября 1892 года. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/11. Л. 22.

¹⁶² В архивных документах встречается почтовый адрес, на который для отца Геннадия отправлялась корреспонденция и посылки: Петербург, угол Садовой и Гороховой улиц, дом Растеряевой под № 31 и 34, кв. 43. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 71/29. Л. 23.

¹⁶³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/11. Л. 22.

¹⁶⁴ Там же. Л. 22 об.

и мученицы Веры¹⁶⁵. Все строительные работы на подворье возглавлял иеромонах Геннадий, «спутник отца Иоанна Кронштадтского в его путешествиях». Анонимный автор короткой заметки, помещенной в «Олонецких губернских ведомостях», справедливо утверждал: «Энергическая деятельность и неутомимость отца Геннадия служит залогом, что святой храм и подворье будут скоро воздвигнуты»¹⁶⁶. Он не ошибся. В столице вскоре была построена монастырская часовня¹⁶⁷, сразу начавшая приносить доход благодаря совершавшимся в ней тревам для мирян и продаже свечей. Затем выросли два каменных здания и «дом трудолюбия», где неимущие горожане получали горячую пищу и временное жилье, трудясь на строительстве подворья.

Пока сооружался каменный храм, по замыслу отца Геннадия богослужения проводились во временной деревянной церкви в честь Успения Божией Матери, возведенной «в северном стиле» и освященной 22 ноября 1895 года протоиереем Иоанном Сергиевым¹⁶⁸. Знаменательное для Задне-Никифоровской пустыни событие привлекло в тот день множество петербуржцев. «Трудно сказать, сколько народа собралось на торжестве освящения. Тысяча, вероятно, стояла перед храмом на улице, в ожидании видеть о. Иоанна, — он совершал освящение с протоиереем В. Я. Михайловским, о. Геннадием, игуменом Свирского подворья Александром и прочими священниками — числом 7, а молебен затем служил архимандрит Арсений из Невской лавры», — рассказывали «Олонецкие губернские ведомости»¹⁶⁹.

В 1897 году, 19 мая, отец Иоанн заложил на монастырском подворье просторный каменный храм в два этажа на 3 тысячи человек с двухъярусной колокольной. Его спроектировал архитектор Николай Никитич Никонов в русском стиле XVI века. Возведение каменного храма, безусловно, требовало от обители огромных затрат. «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства» за 23 ноября 1895 года сообщали о возникших затруднениях: «Чтобы достроить храм, потребуются еще около 100 тыс. рублей, на подворье же лежит долг в 40 тыс. рублей, и братия должна

¹⁶⁵ Основание монастырского подворья Задне-Никифоровской пустыни Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 78.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Закладка часовни прошла 2 октября 1894 года. См.: Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 78.

¹⁶⁸ Местная хроника // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 93.

¹⁶⁹ Там же.

еще некоторое время переносить большие лишения, отказывая себе в помещении, обуви и платье»¹⁷⁰. Обедневшая после пожара пустынь не располагала свободными капиталами, поэтому храм строился на деньги жертвователей, которых привлекал отец Иоанн.

Каменная церковь подворья строилась в течение десяти лет. Она имела не три, как задумывалось изначально, а пять приделов, освященных поочередно в 1901–1907 годах: во имя пророка Осии; преподобного Иоанна Рыльского и апостола Иоанна Богослова; равноапостольной Марии Магдалины; преподобного Серафима Саровского; преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских¹⁷¹. Главный придел, устроенный в нижнем храме, освящался первым 23 мая 1901 года. Выбор алтарного посвящения, разумеется, был не случаен: память пророка Божия Осии празднуется 17 октября — именно в этот день в 1888 году царская семья чудесным образом избежала гибели во время крушения поезда, сошедшего с рельсов около станции Борки. На торжество по приглашению настоятеля подворья игумена Митрофана прибыли протоиерей Иоанн Сергиев, архидиакон Александро-Невской лавры, городское белое и черное духовенство. Освящал придел викарный епископ Гдовский Вениамин (Казанский)¹⁷².

«Грандиозный храм, богато и благолепно украшенный, благоговейно-торжественное архиерейское богослужение, стройное пение, несколько тысяч молящихся с горящими в руках восковыми свечами производили сильное впечатление, вызывая глубоко-возвышенное религиозное чувство, во всем так и слышалось с нами Бог — Великий Бог христианский, неизреченно благодатный и любвеобильный к человеку; невольно верилось в торжество правды и добра, в возможность блаженного богообщения, умиленная душа в благоговении молилась, невольно исторгались слезы духовной радости», — описывал особую молитвенную атмосферу монастырского праздника корреспондент «Олонецких губернских ведомостей»¹⁷³.

¹⁷⁰ Цит. по: Бабурина О. Б. Подворье Важеозерской Задне-Никифоровской пустыни в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 30–31.

¹⁷¹ После установления советской власти храм был закрыт в 1929 году. В конце XX века перестроенное церковное здание занимали райвоенкомат и другие организации. Об этом см.: Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 149–150.

¹⁷² Будущий владыка еще в январе 1896 года начал проводить духовные беседы на подворье. См.: Бовкало А. А., Галкин А. К. Студенческие годы митрополита Вениамина в Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 1997. С. 82.

¹⁷³ В. Освящение храма при подворье Задне-Никифоровской пустыни в г. С.-Петербурге // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 12. С. 388.

На следующий день, 24 мая 1901 года, второй придел строившегося храма подворья освящал в честь апостола Иоанна Богослова и преподобного Иоанна Рыльского (небесного покровителя протоиерея Иоанна Сергиева) архимандрит Стефан, настоятель Кизлярского монастыря Владикавказской епархии в сослужении с иеромонахом Назарием из Александро-Свирского монастыря, знаменитым протодиаконем Василием Никитичем Малининым из Исаакиевского собора и другими приглашенными иереями. Всех присутствовавших восхищало внутреннее убранство нижнего храма, особенно установленные в обоих приделах яркие майоликовые иконостасы, изготовленные по проекту архитектора Н. Н. Никонова и пожертвованные Иваном Ивановичем Рубахиным (их привезли из Миргородской художественно-промышленной школы)¹⁷⁴. Здесь пребывала особая святыня подворья — подлинник иконы «Достойно есть», привезенный с Афона в дар монахам Задне-Никифоровской пустыни после пожара в 1886 году (с нее была списана копия, оставленная в обители)¹⁷⁵.

В верхнем храме был установлен дубовый трехъярусный иконостас. Главный придел освящал 11 сентября 1903 года грузинский экзарх Алексей (Опоцкий) при участии протоиерея Иоанна Сергиева. В том же году, 16 декабря, епископ Гдовский Константин (Бульчев) освятил правый придел во имя Марии Магдалины (в нем были прекрасные иконы, написанные Платоном Ивановичем Брусниковым, выпускником Императорской академии художеств). Тот же владыка 10 сентября 1904 года освятил придел во имя новопрославленного святого преподобного Серафима Саровского.

Нижний храм расписывали художники И. Ф. Батухин и К. А. Соколов. Его последний, третий придел освящался 21 октября 1907 года ректором духовной академии архимандритом Вениамином во имя преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских.

В журнале «Зодчий» появилась заметка о церкви: она имеет *«форму удлиненного четырехугольника с крыльями на лицевой стороне. С двух сторон западной части храма устроены наружные боковые притворы, из которых ведут лестницы в главный притвор второго этажа. Над этим притвором помещается двухъярусная колокольня с 11 колоколами, из которых самый большой весит 517 пудов. Над главным алтарем верхней церкви находится огромный купол с большими окнами, пропускающими свет не только в алтарь, но и в остальную часть*

---

¹⁷⁴ Директора школы С. И. Масленникова и архитектора Н. Н. Никонова связывали тесные творческие отношения.

¹⁷⁵ НА РК Ф. 25. Оп. 1. Д. 88/31. Л. 35–38.

храма. В первом этаже два престола... Иконостас здесь маюликовый, в византийском стиле. Во втором этаже — три престола... В верхнем храме массивный резной дубовый иконостас сделан в русском стиле. Позади храма построен большой каменный пятиэтажный флигель для жилых помещений, соединенный с церковью особым крытым переходом. В подвальном этаже этого здания помещаются кухня и просфорня; в первом находятся: комнаты настоятеля, трапезная и приемный зал, а в остальных этажах расположены келии для братии в 60 человек. В святых вратах обители устроена обширная часовня; здесь же находится особе помещение для продажи книг и брошюр духовного содержания. Как нижний, так и верхний храмы рассчитаны каждый на 3 000 богомольцев. Вся постройка обоилась около 1 000 000 рублей, собранных исключительно путем пожертвований»¹⁷⁶.

В пользу петербургского подворья постоянно шли пожертвования, без которых завершить начатое строительство было бы невозможно. Регулярно присылал деньги протоиерей Иоанн Сергиев (по 100 рублей и более). Значительные вклады поступали от разных лиц: столичного купца Ивана Рубахина (он пожертвовал трехъярусное бронзовое вызолоченное паникадило за 550 рублей, вызолоченные же лампы «по всему иконостасу», подсвечники из бронзы, покрытые золотом), купеческой вдовы Параскевы Гавриловны Гусаровой (прислала в дар три полных священнических облачения из серебряной парчи и два диаконских на 1100 рублей); купца Павла Ивановича Шутова из Павловска (три паникадила и полное иерейское облачение на 2050 рублей); купчихи Александры Ивановны Скуратовой (запрестольный семисвечник на мраморной подставке и «стекла къ иконамъ по нижнему ряду всего иконостаса»); петербургского купца Павла Васильевича Елисеева (хорутви); Петра Васильевича Музылева (серебряный вызолоченный потир); псаломщика тюремной Кронштадтской церкви Николая Алексеевича Пердс, вдовы потомственного дворянина генерал-майора Ксаверия Булатовича Евгении Андреевны и др.¹⁷⁷. Подрядчик Константин Соколов, выполнявший малярные и живописные работы, бесплатно расписал купола, «лицевую сторону» храма (вверху изобразил Бога Саваофа и двух херувимов, а по бокам преподобных Никифора и Геннадия), две входные арки, окрасил под мрамор цоколь вокруг церкви¹⁷⁸. Ремесленник Александр Иванов устроил на свои средства при подворье водопровод и, кроме того, пожертвовал трубы и машину для его устройства в самой пустыни.

¹⁷⁶ Хроника // Зодчий. 1903. № 38. С. 451.

¹⁷⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 65/1. Л. 79 об. — 80, 84 об., 123—123 об.

¹⁷⁸ О пожертвованиях, поступивших в церкви и монастыри епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 726—727.

С северной стороны подворье окружала кирпичная ограда, выстроенная в 1901 году (длиной 12 сажень и высотой 16 четвертей). Монахи и послушники занимали четырехэтажный келейный корпус, где также размещался дом трудолюбия, рассчитанный на две сотни человек. Здесь могли получить помощь местные жители, работавшие на Александровском механическом заводе (по данным за 1905 год, на нем трудились 1784 человека)¹⁷⁹. Все остальные здания подворья сдавались под жилье и приносили какой-то доход¹⁸⁰. На месте престола разобранной временной деревянной церкви в честь Успения был установлен чугунный крест, обнесенный железной решеткой.

* * *

Добросовестно выполняя монастырское послушание, иеромонах Геннадий успевал помогать протоиерею Иоанну Сергиеву в обустройстве его «дома трудолюбия», в том числе принимал деятельное участие в сооружении при нем церкви во имя благоверного князя Александра Невского. В 1890 году иеромонах Геннадий вступил в Кронштадтское Андреевское приходское попечительство, находившееся под покровительством великого князя Константина Николаевича, и был включен в его совет¹⁸¹.

Указом Святейшего Синода от 31 августа 1891 года отца Геннадия наградили наперсным крестом «за усиленные труды на пользу Андреевского Кронштадтского попечительства»¹⁸². В следующем году по ходатайству отца Иоанна ему поднесли серебряный вызолоченный наперсный крест, богато украшенный дорогими камнями¹⁸³. Выгравированная на нем памятная надпись гласила: «По благословию Преосвященного Павла Епископа Олонецкого и Петрозаводского отъ Кронштадтского Андреевского Попечительства и его Председателя Иоанна Ильича Сергиева иеромонаху отцу Геннадию за его неутомимые труды на пользу Попечительства». Драгоценный наперсный крест вручали 22 марта 1892 года в церкви «дома трудолюбия»¹⁸⁴.

¹⁷⁹ На этом заводе в 1845 году был выпущен первый российский магистральный паровоз.

¹⁸⁰ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 6.

¹⁸¹ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 71/29. Л. 14.

¹⁸² Там же. Оп. 12. Д. 57/2. Л. 1 об. — 3.

¹⁸³ По существовавшим правилам, подношение богатых наперсных крестов с украшением из драгоценных камней разрешалось только после награждения синодальным сребропозлащенным с цепочкой крестом.

¹⁸⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 71/29. Л. 29.

В начале лета 1895 года иеромонах Геннадий ездил вместе с отцом Иоанном в Суру. Одиннадцатого июня они остановились в уездном городе Вытегра, где в Сретенском соборе кронштадтский батюшка служил Божественную литургию: «стечение народа было необыкновенное, восторг неописанный»¹⁸⁵. Олонецкий епископ Павел (Доброхотов), заранее знавший о приезде протоиерея Иоанна, выслал телеграмму, исполненную радостью и восхищением: «С подобающей честью прошу встретить молитвенника Божия, протоиерея кронштадтского отца Иоанна Ильича Сергиева, и скажите ему, что в какой бы местности Олонецкой епархии он ни пожелал совершить церковное служение, — и причт, и прихожане сочтут это за счастье, а местный архиерей — за милость Божию к своей епархии. Телеграмму эту передайте в руки высокопреподобному священно-иеромонаху Геннадию для показания всем причтам в местностях нашей епархии, где заблагорасудится молитвеннику Божию осчастливить кого-либо своим служением или богомолбствием»¹⁸⁶.

«За ревностную заботливость по изысканию средств на нужды Задне-Никифоровской пустыни» отец Геннадий получил благословение с грамотою Святейшего Синода»¹⁸⁷, а правящий архиерей неоднократно объявлял ему «душевную благодарность» от своего имени «за усердный сбор пожертвований». В 1895 году указом Олонецкой духовной консистории важеозерский монах удостоился ордена святой Анны 3-й степени в виде креста, носимого на груди. Многолетние беспокойные труды по сбору средств серьезно подорвали здоровье отца Геннадия. Он умер 14 декабря 1898 года и был погребен в еще недостроенном каменном храме подворья («в правом приделе на правой стороне близ солеи»)¹⁸⁸. Некролог о нем, опубликованный на страницах «Олонецких епархиальных ведомостей», начинался со скорбных слов: «Скончался один из видных представителей монашеского духовенства Олонецкой епархии...»

* * *

В фонде Олонецкой духовной консистории сохранились несколько месячных ведомостей за 1907 год о приходе и расходе сумм по петербургскому подворью Задне-Никифоровской пустыни¹⁸⁹. Документы свидетельствуют

¹⁸⁵ Вытегра // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 46. С. 45.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 57/2. Л. 1 об. — 3.

¹⁸⁸ За десятилетнюю службу иеромонах Геннадий в пользу монастыря собрал до 125 814 рублей. См.: Добротин Г. Наблюдатель подворья... С. 36–38.

¹⁸⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 69/5.

о сложном финансовом положении мужской обители, буквально увязшей в многотысячных долгах из-за строительства в столице огромного храма. К началу календарного года размер монастырской задолженности составил 46 245 рублей 93 копейки (не были оплачены покупки игумена Митрофана на 7212 рублей 12 копеек, настоятеля иеромонаха Георгия — 34 491 рубль 20 копеек, заведующего подворьем иеромонаха Паисия — 4542 рубля 55 копеек). В январе 1907 года в пользу важеозерских монахов поступили 2725 рублей 35 копеек. Как расходовались эти пожертвованные средства? Из ведомостей видно, что деньги постепенно возвращались различным кредиторам; закупался необходимый товар для пустыни на 564 рубля 73 копейки; месячный расход по подворью составил 772 рубля 55 копеек (они тратились на содержание его братии, включавшей шесть иеромонахов и одного иеродиакона). В феврале в приходной части записаны 3101 рубль 66 копеек, из них на уплату долгов были выделены 1820 рублей, на содержание пустыни — 319 рублей 61 копейка и подворья — 959 рублей 79 копеек. В примечании к февральским записям говорится о том, что в течение месяца поступили неоплаченные счета от трубочиста, обслуживавшего строения подворья¹⁹⁰, и других лиц: общая задолженность монастыря выросла на 1073 рубля 2 копейки.

Внушительен список кредиторов Задне-Никифоровской пустыни и ее подворья, которым в марте 1907 года были отданы 2232 рубля 13 копеек (при общей сумме задолженности в 32 091 рубль 58 копеек)¹⁹¹. Среди перечисленных имен встречаются владельцы Торгового дома братьев Мироновых (реклама в городской газете называла их «*фабрикантами шерстяных и полушерстяных товаров механического ткачества*»); петербургские купцы Александр Ефимович Цвельев и Тимофей Михайлович Вахрамов; местные купцы из Олонца Василий Егорович Куттуев¹⁹², поставлявший важеозерским монахам необходимый железный материал, и Иван Федорович Лопский, державший в уездном городе лавку мануфактурных и галантерейных товаров; Товарищество наследников М. А. Петрова, управлявшее заводом по изготовлению кирпича в Шлиссельбургском уезде.

¹⁹⁰ Например, в 1898 году в самой пустыни печные трубы чистились десять раз. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 79/38. Л. 146 об.

¹⁹¹ Там же. Оп. 4. Д. 69/5. Л. 11.

¹⁹² Василий Егорович Куттуев выкупил Куйтежский железоделательный завод; в Олонце он держал три лавки с мануфактурным, хозяйственным и колониальным товаром: на Мариинской улице, в Гостином дворе и в своем доме. На средства купца строились новый Никольский собор в Олонце и церковь святителя Николая Чудотворца на Мегреге, которую по приглашению купца освящал протоиерей Иоанн Сергиев.

* * *

Кто заведовал подворьем Задне-Никифоровской пустыни? В первые годы его существования, пока шли строительные работы, в столице находился игумен Митрофан, следивший за порядком. В 1901 году он уехал на Важеозеро. Его преемником на несколько месяцев стал иеромонах Исаия¹⁹³. После него четыре года в качестве благочинного и управляющего подворьем в Петербурге провел иеромонах Георгий (Игуменов)¹⁹⁴. После утверждения в 1903 году в должности настоятеля Задне-Никифоровской пустыни он убедился в невозможности одновременно возглавлять монастырь на Важеозере и управлять текущими делами городского подворья, следить издалека за его состоянием. В помощь отцу Георгию был назначен эконо́м иеромонах Паисий (Мелюхин). С 1913 года подворьем заведовал иеромонах Мефодий (Любецкий)¹⁹⁵.

Важеозерских монахов и послушников, подвизавшихся в оживленном столичном городе, подстерегало множество разных испытаний и соблазнов (главные из них — доступный алкоголь и постоянное общение с мирянами). Архивные документы донесли до нас красноречивые свидетельства происходивших «нестроений», которые показывали необходимость не только в отдельном управляющем и благочинном, но, прежде всего, в опытном духовнике для подворья¹⁹⁶. Острую проблему выявила многолетняя, наделавшая много шума история, связанная с именем иеромонаха Петра (Шпикова)¹⁹⁷.

В 1909–1911 годах разбиралось дело «о неблагоприятных поступках иеромонаха Задне-Никифоровского подворья Петра» — именно под таким названием его сдали на хранение после окончания следствия в консисторский архив¹⁹⁸. Как следует из журнала заседания Олонецкой духовной консистории, прошедшего 26 января 1909 года, в тот день ее члены слушали заявление некоего Никольского с обвинениями в адрес проживавшего при подворье отца Петра: *«распространяет ионничество, служитъ въ Петербурге молебны водосвятныя въ одномъ епитрахиле, нашихъ женъ отвлекаетъ отъ супружества, которые несутъ отъ*

¹⁹³ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 82/11. Л. 56.

¹⁹⁴ Там же. Оп. 12. Д. 64/14.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 28 об. — 29.

¹⁹⁶ В 1910 году духовником подворья был определен иеромонах Феофан (Дураков). См.: Там же. Л. 8 об. — 29.

¹⁹⁷ Пострижник Опгиной пустыни иеромонах Петр в 1902–1909 годах управлял Сяндемской пустыней, получившей самостоятельность (ранее она была приписана к Андрусовой пустыни).

¹⁹⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/8.

мужа последние копейки. Его проделки известны отцу игумену и всему подворью»¹⁹⁹. По синодальному определению от 6 марта — 1 апреля 1908 года, дознание в таком случае должен был производить благочинный «иноепархиальных подворий и часовен в Петербурге» архимандрит Макарий по распоряжению Санкт-Петербургской духовной консистории²⁰⁰.

Архимандрит Макарий управился с дознанием довольно быстро. Уже 18 февраля 1909 года он отсылает в Петрозаводск рапорт с его результатами и настоятельной рекомендацией немедленно возвратить иеромонаха Петра в Задне-Никифоровскую пустынь²⁰¹. Документ изобилует подробными деталями проводившегося расследования. Благочинный писал о том, что допрашивал наедине заведующего подворьем иеромонаха Паисия, который рассказывал про отца Петра: «проживает на подворье въ качестве очередного иеромонаха около 4 месяцевъ, къ службе усерденъ, ведетъ себя скромно и трезво, въ келию къ себе почти никого не принимает какъ изъ братии, такъ и изъ постороннихъ лицъ и вообще живетъ уединенно; богослужение совершаетъ съ благоговениемъ, подражая иногда при произнесении возгласовъ и при чтении молитвъ покойному отцу Иоанну Кронштадтскому; въ храмахъ подворья нередко появляются за богослужениемъ особые богомольцы типа иоаннитовъ²⁰², человекъ 10—15, становятся они въ храме почти всегда на одномъ месте, молятся коленопреклоненно, съ примернымъ усердиемъ, охотно бываютъ въ церкви, когда служитъ иеромонахъ Петръ, предпочитая у него исповедоваться и причащаться Святыхъ Христовыхъ Тайнъ; знакомство съ этими людьми у иеромонаха Петра, несомненно, есть и можно думать, что оно приобретено въ прежние годы, при жизни покойного отца Иоанна, когда иеромонахъ Петръ, будучи настоятелемъ Сяндебского монастыря Олонецкой епархии, часто посещалъ Кронштадтъ. Въ городъ иеромонахъ Петръ ездитъ сравнительно часто, причемъ иногда спрашиваясь у заведующего, кратко говоря, что ему нужно навестить знакомыхъ и просто подышать воздухомъ; где и у кого проживаетъ иеромонахъ Петръ въ Петербурге, ему иеромонаху Паисию неизвестно; равнымъ образомъ не получалъ онъ никакихъ сведений о томъ, что иеромонахъ Петръ служитъ водосвятные молебны въ домахъ въ Петербургъ, облачений съ собой изъ церкви подворья не беретъ.

¹⁹⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/8. Л. 5—6.

²⁰⁰ Там же. Л. 1.

²⁰¹ Там же. Л. 3—4 об.

²⁰² Иоанниты — появившаяся в начале XX века псевдоправославная секта почитателей святого праведного Иоанна Кронштадтского, считавших его воплощением Христа.

Относительно дальнейшего пребывания иеромонаха Петра на подворье в виду особого к нему отношения неизвестных богомольцев под именем иоаннитов иеромонах Паисий выразил большое сомнение, опасаясь, что со временем может вырасти его популярность к соблазну братии и обычных богомольцев подворья»²⁰³. Про человека, подписавшего свой донос на иеромонаха Петра фамилией Никольский, заведующий подворьем ничего не знал.

Благочинный поговорил с иеромонахом Симеоном, занимавшим соседнюю с отцом Петром келью: «о его келейной жизни сказать ничего не может, знает лишь, что к нему приезжает иногда какой-то швейцар в форме из Петербурга (кажется, его родственник), иногда с женою и сыном; если кто-нибудь из послушников постучится в дверь келии отца Петра, то они никогда не откроются, хотя он у себя дома»²⁰⁴.

Самого иеромонаха Петра благочинный допрашивал в своей келье в Александро-Невской лавре. Тот не отрицал, что у него много знакомых (200—300 человек) из разных сословий, кого-то из них он знает более двух десятков лет. «Будучи настоятелем Сяндебского монастыря, отец Петр часто путешествовал в Кронштадт к покойному отцу Иоанну Сергиеву, с которым вместе служил, проживал здесь иногда месяца по два, занимая помещение в доме трудолюбия <...>. С тех пор нажитое знакомство с добрыми людьми продолжается и до настоящего времени. Многие из них живут в Петербурге и могут посещать подворье»²⁰⁵. По поводу обвинений в служении молебнов в частных домах говорил, что всякий раз полученные деньги клал в общую кружку, при этом всегда брал с собой послушника. Славил Христа в Рождество и ходил по домам со святой водой в праздник Богоявления. Своих прихожан отец Петр называл набожными и семейными людьми, не имевшими к «иоаннитам» никакого отношения.

По указу Олонецкой духовной консистории от 17 марта 1909 года отец Петр должен был срочно покинуть Петербург и вернуться в Задне-Никифоровскую пустынь²⁰⁶. В конце апреля настоятель игумен Георгий докладывал епископу, что тот «не изъявил согласия ехать в пустынь в виду того, что его болезненное состояние не может переносить климата пустынной местности» и просится в месячный отпуск в Киев «на поклонение святым угодникам и на приискание места в Киевской

²⁰³ НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/8. Л. 3—4 об.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. Л. 4 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 8.

*епархии»*²⁰⁷. Правящий архиерей распорядился выдать увольнительное свидетельство. На этом история с «распространителем иоаннитства» должна была бы закончиться, однако на имя олонецкого епископа вскоре стали поступать телеграммы и письма от духовных детей отца Петра с просьбами вернуть его на подворье в Петербург как «*смирненного и благочестивого*» монаха, который «*много людей обратилъ къ Богу и направилъ на путь истинный*»²⁰⁸. Те, кто писал обращения к владыке, хорошо знали отца Петра и его жизненный путь, были осведомлены о всех событиях монастырской жизни. По словам «почитателей» иеромонаха Петра, он когда-то много потрудился во благо Сяндемской пустыни, будучи ее настоятелем, а затем из-за клеветы был переведен в Задне-Никифоровскую пустынь. Прихожане просили епископа Никанора лично разобраться в этом деле, в свою очередь, сообщая факты о нехорошей обстановке, сложившейся на подворье (в том числе о пьянстве заведующего иеромонаха Паисия, непристойном поведении певчих во время богослужений, о посещении монахами «*нецензурных мест*» и грубых насмешках над отцом Петром, которые позволяли себе иеромонахи во главе с отцом Симеоном). Первое письмо было подписано пятью лицами с указанием мест их проживания: Ольга Ефимовна Зинькова (Невский проспект, д. 2, кв. 137), Феодора Тимофеевна Векшина (улица Гоголя, д. 20, дворническая), Василий Иосифович Кремнев и Иван Семенов (Моховая улица, д. 29, кв. 27), Иван Максимович Булыгин (улица Броницкая, д. 19, кв. 26), Василий Иванович Серебряков (Лиговская улица, д. 54, кв. 17).

Другое прошение на имя олонецкого архиерея, доставленное в Петрозаводск 15 июня 1909 года, удостоверяли подписи духовных детей отца Петра, живших за Невской заставкой рядом с подворьем на Механической улице и в Муравьевском проезде. Они рассказывали про него: «*Маститый старецъ, воочию явивъ себя намъ правиломъ веры и образомъ кротости, мужемъ ума, света и разума, светильникомъ веры и истинной солью земли, сразу привлекъ къ себе сердца всехъ, кто виделъ и слышалъ его*»²⁰⁹.

Иеромонах Петр благополучно вернулся из отпуска и лечился в амбулатории при Саровской пустыни от бронхита и мышечного ревматизма²¹⁰. Затем, в середине августа 1909 года, покинул подворье и отправился в Задне-Никифоровскую пустынь. Олонецкий епископ Никанор

²⁰⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/8. Л. 9.

²⁰⁸ Там же. Л. 13–15.

²⁰⁹ Там же. Л. 16–17 об.

²¹⁰ Там же. Л. 21.

поручил провести свое расследование управляющему петербургским подворьем Александро-Свирского монастыря архимандриту Назарию. Тот должен был проверить сведения, изложенные в письмах духовных детей иеромонаха Петра.

В начале сентября архимандрит Назарий докладывал владыке о результатах²¹¹. Выяснилось, что иеромонах Паисий действительно выпивает, «но не злоупотребляет виномъ»; певчие не являются монахами, а потому во время богослужений «могли громко разговаривать, но не ругаться»; насельники подворья «не были въ нецензурномъ месте», «полиция забрала сторожа, бывшего помощника полицейского пристава въ Кронштадте», ходившего в светской одежде. По мнению управляющего столичным подворьем Александро-Свирского монастыря, отец Петр сам сочинял в свою защиту письма, насыщенные подробностями о внутренней жизни братии. Архимандрит Назарий резко критиковал его деятельность в должности настоятеля Сяндемской пустыни: «съ назначениемъ туда отца Петра все стало изменяться къ худшему, такъ что епархиальное начальство неоднократно собиралось его сменить, но за неимениемъ подходящего кандидата, выжидало времени. Именно при Преосвященномъ Мисаиле былъ возбужденъ вопросъ объ обращении Сяндемской пустыни въ женский монастырь. Не могъ же въ самомъ деле иеромонахъ Порфирий за каких-нибудь полгода своего управления пустыню такъ уронить ее, что явилась необходимость обратить ее въ женский монастырь»²¹². Как видим, архимандрит Назарий был решительно настроен против иеромонаха Петра и предпочитал закрывать глаза на проступки других насельников.

Поток писем в защиту иеромонаха Петра не иссякал: в сентябре 1909 года епископ Никанор получил послание от князя Николая Жевахова: «До сведения моего дошло о гоненияхъ и испытаняхъ тяжелыхъ, ниспосланныхъ иеромонаху Петру, пребывающему ныне въ Никифоровской пустыни <...>. Клевета вызвана завистью»²¹³. Однако все просьбы, приходившие в Петрозаводск из Петербурга, о возвращении монаха на подворье консистория с благословения правящего архиерея оставляла «без последствий». Настоятель Задне-Никифоровской пустыни иеромонах Георгий в начале ноября 1909 года писал владыке: «отецъ Петръ высказалъ мне, что покуда онъ не будетъ переведенъ изъ нашей пустыни въ другой монастырь, то возбуждаемые его почитателями

²¹¹ Там же. Л. 26–27.

²¹² Там же. Л. 27.

²¹³ Там же. Л. 30 – 31.

кляузы и доносы не прекратятся²¹⁴. Къ тому же, высказалъ, что при наступлении зимнего пути намеренъ лично ехать къ Вашему Преосвященству съ просьбой о переводе его въ Андрусово или другой монастырь, такъ какъ въ нашей пустыни жить ему тягостно и вся братия на него имеетъ недружелюбный взглядъ»²¹⁵.

Следующий документ, подшитый в архивное дело, датирован 22 января 1910 года. Это указ Санкт-Петербургской духовной консистории под резолюцией митрополита Антония (Вадковского) о запрещении священнослужения в городских церквях иеромонаху Петру, который дерзнул остаться в Петербурге без прописки и с начала декабря 1909 года тайно проживал у своего родственника, фельдфебеля Главного штаба Зинькова, в самом центре столицы, по адресу Невский проспект, д. 2²¹⁶.

Слаженные действия защитников иеромонаха Петра возымели желаемый результат. В сентябре 1910 года Санкт-Петербургская духовная консистория была вынуждена расследовать дело «о нетрезвости и другихъ неблаговидныхъ поступкахъ заведующаго Санкт-Петербургскимъ подворьемъ иеромонаха Паисия и другихъ монашествующихъ лицъ»²¹⁷. Следователем выступал протоиерей Евгений Кондратьев. Прихожанки подворья Мария Карцевская и Матрона Васильева говорили о неоднократном пьянстве отца Паисия и непристойных предложениях одного из монахов подворья. В ходе следствия были заново опрошены все свидетели. На этот раз материалы дела и выводы следствия выглядели по-другому: заведующий подворьем иеромонахи Паисий (Мелюхин) и Симеон обвинялись в частом пьянстве, отчего многие прихожане не желали у них причащаться, а певчие — в неприличном поведении.

Духовная консистория «устанавливает факт распущенности подворья между служащими там иноками в деле совершения ими богослужения небрежного, неблагоговейного и оскорбляющего религиозные чувства молящихся, грубого и соблазнительного поведения в лице певчих, во внутренней келейной жизни монашествующих поведения нетрезвого и предосудительного и потому считает своим долгом просить олонейского епископа Никанора в видах ограждения жителей Санкт-Петербурга тех мест, кои прилегают к подворью Задне-Никифоровской пустыни, заменить всех находящихся монашествующих

²¹⁴ Одно из заявлений в защиту отца Петра было подписано прихожанами «Зосимо-Никифоровской пустыни» (sic!). См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 106/8. Л. 49–50.

²¹⁵ Там же. Л. 35–35 об.

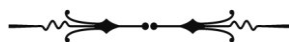
²¹⁶ Там же. Л. 46–47.

²¹⁷ Там же. Л. 53–69.

Задне-Никифоровского подворья и певчих с заведующим оным отцом Паисием во главе другими, по жизни и отношению к своим иноческим требованиям могущими содействовать целям нравственного воздействия на молящихся в храме подворья.

Если сочтено возможным и нужным отозвать в обитель отца Петра, которого виновность не доказана и в обвинениях на него ему не дано было возможности оправдаться, то все эти лица, как отец Паисий, расписавшийся в своих странных для монаха воззрениях на братолюбие и дружбу с мирскими людьми, в своем неумении установить трезвую жизнь во вверенном ему братстве, считавший за малую вещь смех на клиросе, неблагоговейность и перебранку певчих и заявляющий, что он не допускает «дебоширства» на клиросе, говорящий просящим у него благословение женщинам: «какая вы аппетитная» — такие лица не могут находиться в столице, да еще начальствующими — ему, как и спящему в алтаре (алтарнику. — Ю. К.) Симеону, а с молящимися грубому до оскорбительности, пьяному до белой горячки монаху Симону, иеродиакону Симеону, не различающему в пьянстве дней страстной седмицы от простых дней, место в своей обители под неусыпным надзором особых приставников, долженствующих учить их монашескому благоустройству»²¹⁸.

Указ о полной замене братии подворья был подписан 27 октября 1910 года и утвержден митрополитом Антонием²¹⁹. Временно исполнявший обязанности настоятеля пустыни иеромонах Василий в феврале 1911 года едет в Петербург, чтобы лично распорядиться о смене монахов подворья. Иеромонахи Паисий и Симеон, иеродиакон Иринарх (Дрегалевский), монах Симон (Комаров) были возвращены на Важеозеро²²⁰. Последнее обращение почитателей отца Петра с пожеланием назначить его заведующим подворьем от 27 января 1911 года: «Досточтимый о. Петр подобен приснопамятному о. Иоанну Ильичу Сергиеву (Кронштадтскому). Ради Бога не откажите!» — осталось без ответа. Члены Олонецкой духовной консистории не отступились от своего прежнего решения полностью игнорировать подобные просьбы²²¹.

²¹⁸ Там же. Л. 68 об.

²¹⁹ Там же. Л. 70–70 об.

²²⁰ Там же. Л. 77–77 об.

²²¹ Там же. Л. 76.

Глава 10

Последнее десятилетие

В 1909 году мужская обитель официально стала называться Важеозерско-Никифоро-Геннадиевской пустынью¹. Новость об этом была опубликована среди распоряжений правительства в «Олонецких епархиальных ведомостях». Указ Святейшего Синода от 29 июля 1909 года последовал на поступившее от олонецкого епископа Никанора (Надежина) предложение переименовать монастырь: *«выслушав означенное представление и принимая во внимание, что по засвидетельствованию Вашего Преосвященства название “Задне-Никифорова” пустынь, хотя и древнее, не всегда однако прилагалось и прилагается к сей обители и не соответствует географическому положению пустыни в епархии в настоящее время»*².

При игумене Владимире

Важеозерская братия 22 июля 1912 года с радостными надеждами встречала игумена *Владимира (Яковлева)*, которому выпала непростая участь быть последним настоятелем мужской обители до ее уничтожения при советской власти. Он прибыл из Петербурга, где ознакомился со столичным подворьем Задне-Никифоровской пустыни. Как пишет благочинный священник Василий Громов, приехавший вместе с игуменом, двадцать лет назад тот был зачислен в важеозерскую братию указным послушником. *«Полный еще сил и энергии»*, отец Владимир возглавил монастырь по выбору олонецкого епископа Никанора. Монахи и послушники встречали его в Преображенской церкви, где собрались с первыми ударами колокола в пятом часу вечера, пропев тропарь храму и многолетия правящему архиерею, игумену с братией и всем православным христианам. Новый глава обители обратился к собравшимся с теплыми приветственными словами: *«Я вступаю в сей святой храм в должность отца вашего*

---

¹ Это громоздкое название употреблялось в официальных документах и публикациях в «Олонецких епархиальных ведомостях», сами насельники и жители Олонецкого уезда продолжали использовать привычное просторечное название Никифоровская.

² Распоряжения правительства // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 22. С. 472.

настоятеля, не страшась при этом великого труда, забот и беспокойства, возложенных на меня, но страшусь одного, — могу ли я угодить Господу Богу своею жизнью, своими делами, заслужу ли я любовь и уважение братии мне вверенной и оправдаю ли я надежды милостивого начальства моего... прошу вас отцы и братие и Вас, отец благочинный, будьте добрыми мне помощниками и споспешниками в деле управления моего, да общими силами поможет Господь Бог, Его Пречистая Матерь и Святые Угодники Никифор и Геннадий добре исполнить возложенные на меня и на Вас обязанности и данные обеты монашеские. Будем же всегда и неуклонно помнить, что от монаха требуется не один вид внешний — черных одеяний, потребуются: крепкая вера, добрые дела, послушание, терпение, братская любовь друг к другу, уклоняясь от зла, клеветы, поруганий, тщеславия и других пороков. Жизнь преподобных отцов во обителях просиявших да послужит образцом и нашего иноческого жития»³.

Согласно послужному списку, игумен Владимир происходил из крестьян Новолодожского уезда⁴. В монастырь уходил из запасных нижних чинов (был унтер-офицером). Обучался в сельском училище, поэтому хорошо знал «церковное пение, чтение, священную историю и катехизисъ». В начале декабря 1893 года после увольнения из запаса военной службы был определен в число послушников Александро-Свирского монастыря, где 16 января 1894 года принял монашеские обеты. Здесь прилежно проходил послушания пономаря и рухольного. В феврале 1895 года стал экономом свирской обители. В том же году 16 июля его возвели во священство, а в 1899 году назначили ризничим. В 1901 году иеромонах Владимир возглавил братскую общину Спасо-Каргопольского монастыря. Седьмого апреля 1905 года был награжден наперсным крестом, выдаваемым от Святейшего Синода. В сан игумена его возводил олонецкий епископ Никанор 7 июня 1910 года. Когда в Каргополе была учреждена викарная кафедра, игумен Владимир стал именоваться наместником Спасо-Каргопольского монастыря. Из-за неважного здоровья ему пришлось оставить Каргополь в декабре 1911 года. После лечения его отправили настоятелем в Задне-Никифоровскую пустынь. В 1915 году, 17 мая, тот же епископ

³ Б. П. В. Г. Приезд нового отца настоятеля Важеозерско-Никифоро-Геннадиевой пустыни игумена Владимира // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 397–398.

⁴ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 1 об. — 3.

Никанор возвел отца Владимира в сан архимандрита⁵. Это был первый настоятель важеозерской обители с таким высоким титулом. Во время богослужений он носил митру и облачался в мантию со скрижалями, которые символически означали, что в управлении монашеской обителью ее настоятель руководствовался Божиими заповедями.

Капиталы Задне-Никифоровской пустыни постепенно росли: значительные суммы поступали от петербургского подворья. В 1913 году основной капитал в процентных бумагах составлял 14 415 рублей⁶. По-прежнему в пользу монахов поступали ежегодные 200 рублей серебром от графской семьи Шереметевых (после смерти Дмитрия Николаевича в 1871 году его волю исполнял сын Александр Дмитриевич). Монастырь продавал крестьянам взрослых быков, яловых коров и телят. Наиболее затратными статьями расходов были содержание братии, наем поденных рабочих и покупка сена для монастырского скота. *«Рыболовство пустыни денежного дохода не дает, весь улов идет на продовольствие братии»*, — отмечал благочинный Василий Громов⁷. Пашенные участки располагались только в двух местах, при самой обители и возле Митрофаниевского скита. В 1913 году обрабатывалось около 200 десятин, на которых велось трехпольное хозяйство с посевом ржи, овса и ячменя. Выращивались *«картофель и капуста в достаточном количестве для годового употребления и небольшое количество прочих огородных овощей и зелени»*. На братский стол со своих огородов поступали свекла и морковь; со скотного двора — молоко, масло и творог. Монастырское стадо включало 10 рабочих лошадей, 4 жеребенка, 2 быков, 16 дойных коров и 7 телят.

Летом 1914 года погибла в огне деревянная церковь во имя святителя Митрофана Воронежского в скиту, где тогда подвизались схимонахи Задне-Никифоровской пустыни⁸. Трагическое для мужской обители событие отразилось на страницах губернской газеты, сообщавшей подробности бедствия: *«9 сего июня в Олонецком уезде сгорел до основания скит при Никифоро-Геннадиевской пустыне. Причину пожара послужил недосмотр за преклонностью лет схимонаха Григория за топившейся в келье скита печью. Отстоять*

⁵ О возведении в сан архимандрита // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 16. С. 280.

⁶ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 4 об.

⁸ Там же. Д. 1/2.

загоревшиеся дом и церковь не представлялось возможным, так как в этот день дул сильный ветер, а монастырь расположен в глухом месте и ближайшего от него село отстоит в 17 верстах. Убыток от пожара исчисляется в сумме около 5140 рублей, застрахованы же сгоревшие строения в 2000 рублей»⁹.

После пожара в то же лето в скиту был построен сарай для сена и амбар для хранения хлеба, «перебранный из старого с добавлением на половину новых бревен»¹⁰.

* * *

В истории нашего отечества 1914 год памятен началом Первой мировой войны, участие в которой вызвало сильнейший кризис государственной власти и последовавший распад Российской империи. Епархиальные обители не могли оставаться в стороне от происходивших событий на фронте. Каждая из них вносила посильную лепту: жертвовала средства «на врачевание раненых и больных воинов»; создавала госпитали на монастырском содержании; из своих насельников готовила «благонадежных лиц для ухода» за увечными солдатами. Ставший в 1909 году первоклассным Александро-Свирский монастырь первым отвел помещения для устройства эвакуированных раненых — в нижнем этаже нового каменного корпуса гостиницы в Троицкой части¹¹. Кроме того, в этой обители «совершались торжественные проводы запасных, от 100 до 58 человек в партии, <...> каждому давался обед из трех блюд»¹².

Петроградское подворье Важеозерско-Никифорово-Геннадиевской пустыни внесло в учрежденный Петроградский епархиальный фонд

⁹ Местная хроника // Олонецкие губернские ведомости. 1914. № 117. С. 2.

¹⁰ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 2 об.

¹¹ В июле 1915 года здесь появились первые пациенты: «Александро-Свирский монастырь имел счастье встретить и принять у себя раненых защитников родины. Сюда в июле доставлено 55 больных, так называемых санаторных, 40 находились на полном иждивении монастыря, остальные 15 с медицинским персоналом (доктор Васильев, две сестры милосердия, четыре санитары) содержались на средства Петроградского областного комитета». См.: Отчет Петрозаводского губернского Комитета Всероссийского союза городов с 3 мая по 1 ноября 1915 года // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1915. С. 68–69.

¹² Отклики на войну // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 544–545; Пожертвования на нужды войны // Там же. № 24. С. 566.

50 рублей и в одном из своих корпусов открыло «лазарет на все время военных действий на 20 кроватей с полным оборудованием и уходом за больными и ранеными воинами монастырской братией»¹³.

Свидетели перемен: братская община в 1917 году

В Национальном архиве Республики Карелия хранятся послужные списки монахов и послушников, подвизавшихся в Задне-Никифоровской пустыни в 1917–1918 годах. Община тогда включала три десятка человек — 26 монахов и 4 рясофорных послушников в возрасте от 40 до 88 лет, включая тех, кто находился на столичном подворье. Как и прежде, мужчины приходили в монастырь из разных мест (в документах упоминаются Новгородская, Тверская, Костромская, Архангельская, Вологодская, Минская, Пензенская, Ярославская, Холмогорская, Петроградская губернии). Уроженцами Олонецкой губернии называли себя только шесть человек. Социальный состав насельников обители не менялся на протяжении десятилетий: почти все они относились к крестьянству и мещанству. Только один послушник — Василий Кореннов, «сын надворного советника, не имеющий чина» — обучался в двух классах Олонецкой гимназии в Петрозаводске. У других за плечами были несколько лет, проведенных на учебной скамье в сельских и городских училищах, церковно-приходских школах. Попадались среди насельников малограмотные и вовсе не умеющие читать и писать люди.

Казначеем пустыни с 14 августа 1915 года являлся иеродиакон Евгений (Желудев), из крестьян Себежского уезда Витебской губернии, постриженный 23 марта 1914 года на петербургском подворье, где некоторое время юноша нес послушание свечника. Он недавно появился в обители: в число послушников его определили 2 августа 1913 года, в рясофор облачили 6 декабря 1913 года, во иеродиакона возвели 3 мая 1915 года.

Духовником братии был 56-летний иеромонах Антоний (Петров), до этого живший на петербургском подворье и служивший в его каменной церкви. Он вступил в важеозерскую братию в самом конце 1894 года; был пострижен в монашество и возведен во священство в течение

---

¹³ Пожертвования на нужды войны // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 29. С. 661; О призрении в учреждениях православного ведомства выздоравливающих и увечных воинов и детей лиц, павших в бою // Там же. 1915. № 10–11. С. 181–182.

следующего года. Кроме него в монашескую общину входили еще восемь иеромонахов: Василий (Богданов), Вениамин (Михайлов), Геннадий (Елисеев), Димитрий (Свирин), Филарет (Осмоловский), Никандр (Богданов), Палладий (Медведников), Александр (Иванов)¹⁴. Обратим внимание на каждого из них.

Иеромонах Василий (Богданов) в 1910–1912 годах до назначения игумена Владимира временно исполнял обязанности настоятеля Задне-Никифоровской пустыни. Он был выходцем из крестьян Новгородской губернии, учился только в церковно-приходской школе на родине, отказался от мирской жизни после кончины жены. Монашеские обеты принимал 2 августа 1898 года. После рукоположения во иеромонаха, состоявшегося 16 июля 1900 года, некоторое время жил на монастырском подворье.

Среди насельников важеозерской обители с 1903 года находился валаамский пострижник иеромонах Вениамин (Михайлов)¹⁵, которому довелось в 1898–1901 годах служить в сане иеродиакона в Иерусалимской духовной миссии, созданной при Николае I «для поддержки русских паломников». В 1898 году с одобрения обер-прокурора Константина Петровича Победоносцева назначение новых членов духовной миссии возлагалось на Синод: ежегодно туда отправлялись два иеромонаха и один иеродиакон на двухлетний срок, по прошествии которого они возвращались в свои монастыри¹⁶. Кто-то из более усердных монахов оставлялся на второе двухлетие, кто-то уезжал раньше срока по состоянию здоровья. Отец Вениамин, как и полагалось, с момента прибытия в Иерусалим получал штатное жалованье, 500 рублей золотом в год. Как раз при нем в духовной миссии сменился начальник: вместо архимандрита Рафаила (Трухина), уволенного в марте 1899 года, был назначен архимандрит Александр (Головин), настоятель Троицкого Калязинского монастыря в Тверской епархии. Важеозерский иеродиакон отслужил на Святой земле положенный срок и благополучно вернулся в Россию в июле 1903 года. В том же году был возведен во священство. Епархиальное начальство в 1906 году попыталось отправить его управляющим в Кирилло-Челмогорскую пустынь, но отец

¹⁴ Отец Александр проживал в Задне-Никифоровской пустыни с 1895 года, когда был определен ее послушником.

¹⁵ Принял постриг 13 января 1893 года, прожив на Валааме 13 лет. Проходил послушание на монастырском лесопильном заводе. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 67/7.

¹⁶ Ранее штат духовной миссии набирался по усмотрению ее начальника из «пришлых» иеромонахов и иеродиаконов, которые прибывали в Иерусалим на поклонение святым местам.

Вениамин наотрез отказался от назначения и остался в Задне-Никифоровской пустыни. Проживал на ее подворье. В его послужном списке последней стала запись о смерти в Петрограде 29 мая 1917 года¹⁷.

Иеромонаха Геннадия (Елисеева) — из крестьян Тверской губернии, «домашнего образования» — до отречения от мирской жизни называли Григорием. В 1902 году в 32-летнем возрасте он был определен послушником и пострижен иеромонахом Георгием, а в 1903 году возведен во иеродиакона. Через три года стал иеромонахом. В 1908–1909 годах находился в Яшезерской пустыни, откуда вернулся на любимое Важеозеро.

Иеромонах Димитрий (Свирин) пришел в Задне-Никифоровскую пустынь из города Луга, где окончил полный курс трехклассного городского училища. Он принимал обеты на петербургском подворье 11 февраля 1904 года. Во священство его возвели в 1911 году. Отец Димитрий был болезненным человеком, несколько раз уезжал на три-четыре месяца для лечения. Из-за слабости здоровья в церкви не служил.

Иеромонах Филарет (Осмоловский) в домонастырские времена был запасным унтер-офицером Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, по происхождению — мещанин города Климовичи Минской губернии. Его постриг состоялся 25 марта 1908 года в Задне-Никифоровской пустыни. В 1913–1914 годах он нес послушание казначея.

Иеромонах Никандр (Богданов) проживал при пустыни в качестве богорадника с 1908 года, послушника — с 1911 года. В монашеские одежды он облачался в праздничный день 29 июня 1913 года, когда по церковному календарю отмечалась память первоверховных апостолов Петра и Павла.

Иеромонах Палладий (Медведников), из крестьян Тотемского уезда Вологодской губернии, произносил монашеские обеты уже в преклонном возрасте в 1912 году (ему тогда исполнилось 69 лет). Рукоположение во иеромонаха происходило 6 января 1917 года, в день великого праздника Святого Богоявления.

В братской общине подвизались трое схимонахов — 83-летний Григорий (Плиханов), 85-летний Зосима (Корсаков), 88-летний Савватий (Иванов). Дожив до глубокой старости, они находились в мужской обители «на покое». Скромная биография старожила пустыни отца Григория уложилась в несколько сухих строк: из крестьян Пензенской губернии, неграмотный, поступил богорадником в обитель на Важеозере

---

¹⁷ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 5 об.

в 1872 году, через пять лет определен ее послушником, постригался здесь же в Рождественский сочельник 1878 года. В течение трех десятков лет он проходил самые разные послушания: повара, хлебника, просфорника, свечника, пономаря, сборщика подаяний, эконома. В его послужном списке сохранилась запись о благодарности, выраженной указом Олонецкой духовной консистории в 1895 году «за усердие и честность в сборе обильных жертв». Великую схиму монах принял 22 января 1904 года. Двое других схимонахов, отцы Зосима и Савватий, несколько лет подвизались на петербургском подворье Задне-Никифоровской пустыни, после того как оба овдовели в пожилом возрасте (с 1896 и 1897 годов соответственно). После принятия великой схимы старцы переселились в тихие кельи на Важеозеро.

Самым молодым из важеозерских насельников в 1918 году был монах Павлин (Патракеев), которому недавно исполнилось 40 лет. Он происходил из мещан Петрозаводска, учился в городском начальном училище Министерства народного просвещения. В 16-летнем возрасте юноша поступил в Задне-Никифоровскую пустынь богорадником; в 1901 году был принят в братию и стал рясофорным послушником; принял монашеский постриг в 1909 году, 15 февраля, когда Церковь празднует память преподобного Пафнутия, затворника Печерского. Нес послушание свечника.

Перечислю имена остальных братьев: иеродиаконы Исаия (Костылюк)¹⁸, Феофан (Дураков)¹⁹, Ефрем (Герасимов), Аркадий (Тихомиров)²⁰, Мисаил (Березовский); монахи Игнатий (Буров)²¹, Стефан (Бархатов)²², Даниил (Семенов)²³, Анастасий (Степанов)²⁴,

¹⁸ Запасный унтер-офицер, из крестьян Гродненской губернии, постриженный 20 февраля 1895 года на подворье.

¹⁹ Запасный ефрейтор Сольвычегодской конвойной команды, из крестьян Вологодской губернии, постриженный 18 мая 1896 года на подворье.

²⁰ Крестьянин Новгородской губернии, постриженный 19 декабря 1899 года игуменом Митрофаном на подворье.

²¹ Малограмотный крестьянин Ярославской губернии, постриженный 20 мая 1898 года на подворье в Петербурге.

²² Малограмотный крестьянин Олонецкой губернии, постриженный 28 ноября 1904 года на подворье в Петербурге.

²³ Из мещан города Вытегра, холост, в монашество был пострижен в Задне-Никифоровской пустыни 15 февраля 1909 года.

²⁴ Неграмотный крестьянин деревни Кескозеро Коткозерской волости, постриженный 6 декабря 1915 года в пустыни (помета карандашом: «выбыл на родину»).

Игнатий (Мартьянов)²⁵, Корнилий (Демидов)²⁶, Симон (Комаров)²⁷, Леонид (Хомутов)²⁸, Серафим (Вязков)²⁹.

Одно из последних пострижений в монашество на подворье Задне-Никифоровской пустыни было совершено 9 марта 1916 года: 44-летний послушник Филипп Богут, вдовец из крестьян Холмского уезда, принял обеты и получил новое имя Феофил. В день Святого Богоявления 6 января 1917 года его рукоположили в сан иеродиакона³⁰.

В братской общине в 1918 году состояли пять рясофорных послушников: 55-летний мещанин из города Луга Владимир Алексеев, обучавшийся в доме отца, малограмотный крестьянин из Ямбургского уезда Петроградской губернии Калиник Онуфриев, 64-летний неграмотный крестьянин из Шенкурского уезда Архангельской губернии Михаил Павловский, 32-летний Михаил Троицкий из крестьян Тверской губернии и выше упоминавшийся Василий Кореннов. В 1919 году двое из них стали монахами: Калиник — отцом Марком, а Михаил — отцом Мартирием³¹. Это были последние монашеские постриги, совершенные в пустыни перед ее уничтожением большевистской властью.

Послушник Владимир Алексеев³², пришедший в монастырь на Важеозере в зрелом возрасте по благословию протоиерея Иоанна Сергиева, в наши дни почитается как блаженный инок Владимир.

---

²⁵ Грамотный крестьянин Грузинской волости, постриженный 13 декабря 1915 года на подворье в Петербурге.

²⁶ Вдовый крестьянин Олонецкого уезда, постриженный 14 июля 1896 года в пустыни. «Много лет был сборщиком на нужды обители, а также братским подрядчиком».

²⁷ Малограмотный крестьянин Петроградской губернии, до 1909 года нес разные послушания, в том числе свечника на подворье, где принял монашеский постриг в 1900 году; позднее в пустыни был экономом.

²⁸ Вдовый крестьянин Новгородской губернии, постриженный на подворье в Петербурге 8 августа 1910 года; по болезни с 1913 года освобожден от послушаний (помета карандашом за 1919 год: «умер на родине»).

²⁹ Грамотный крестьянин Казанской губернии, постриженный 13 декабря 1915 года на подворье в Петербурге (помета карандашом: «иеродиакон»).

³⁰ О пострижении в монашество // Олонецкие епархиальные ведомости. 1916. № 9. С. 158.

³¹ НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 17 об. — 18.

³² В 1904 году Владимиру Алексееву исполнилось 42 года (т. е. родился в 1862 году), он был определен послушником Задне-Никифоровской пустыни указом Олонецкой духовной консистории за 28 февраля 1903 года, пострижен в рясофор 4 апреля 1903 года. Как гласит послужной список, в 1915 году Владимир отлучался в отпуск на три месяца в Иркутскую губернию и возвратился в срок. Нес разные послушания в пустыни. НА РК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 18, 43.

Его послушание заключалось в сборе средств «на нужды пустыни». В отчете за 1914 год указывается, что от него поступил 351 рубль 50 копеек³³.

В списках за 1918 год карандашом на полях годом позднее сделаны пометы о смерти четырех насельников: иеромонаха Ионы (Петрунина)³⁴, который вернулся на Важеозеро из Яшезерской пустыни в ноябре 1916 года, а также монахов Симеона (Комарова), Корнилия (Демидова) и Леонида (Хомутова). Также в документе есть пространная запись об исчезновении одного из монахов, не вернувшегося в обитель из леса со сбора грибов: «20 июля 1915 года в 7 часов вечера исчез из пустыни монах Иларионъ, страдающий порокомъ сердца и другими болезнями. Выйдя в лесъ посмотреть грибовъ, не возвращался и по сие время не находится и слуховъ никакихъ о немъ нетъ ниоткуда. Съ 23 июля по 6 августа 1915 года искали 500 человекъ крестьянъ Коткозерской волости и не нашли, братия обители искали съ 20 июля и до выпадѣ снегу 25 октября 1915 года. Олонецкое уездное полицейское управление уведомило <...>, что исчезнувший 20 июля сего года неизвестно куда монахъ Важеозерской Никифоро-Геннадиевской пустыни Иларион по произведенным розыскамъ не обнаружен, дознание о немъ на основании статьи 253 устава Уголовного Суда представлялось Г. Товарищу Прокурору Петрозаводского Окружного Суда Олонецко-Лодейнопольского участка, которое резолюцией отъ 18 августа сего года за № 454 и прекращено»³⁵.

* * *

Еще в предыдущее столетие на страницах общественных журналов и газет поднимались острые вопросы, связанные с внутренним устройством монастырской жизни. Многочисленные нарекания, едкая критика в адрес монашества заставляли церковных иерархов серьезно задуматься о преобразованиях. Участники³⁶ Первого Всероссийского монашеского

³³ Там же. Д. 1/2. Л. 3 об.

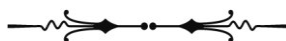
³⁴ Согласно помете на документе, в 1919 году отец Иона умер в пустыни. См.: Там же. Д. 1/3. Л. 20.

³⁵ Там же. Л. 38 об. — 39.

³⁶ Представителем Олонецкой епархии на Всероссийском монашеском съезде с общего согласия был выбран авторитетный настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Агафангел (Амосов). См.: И. Б. В Александро-Свирском монастыре // Олонецкие губернские ведомости. 1909. № 55. Архимандрит Агафангел управлял Александро-Свирским монастырем в 1891–1909 годах. При нем в обители был введен строгий общежительный устав по примеру Саровской пустыни. По его ходатайству шумную Троицкую ярмарку, совпадавшую по времени с престольным монастырским праздником, перенесли в Новую Александро-Свирскую Слободу. Архимандрит Агафангел скончался 26 декабря 1909 года. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 85/22. Л. 28; Там же. Оп. 20. Д. 54/606. Л. 27; Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 268.

съезда, проходившего 5–13 июля 1909 года в Троице-Сергиевой лавре, выработали обширную программу, направленную на искоренение пороков, бытовавших в монашеской среде. Его вдохновитель и председатель архиепископ Никон (Рождественский), известный проповедник и духовный писатель, говорил о том, что первая обязанность монаха — молитва и воспитание духа. При этом он последовательно выступал против утилитарного взгляда на монастыри, их подчинения нуждам мирского общества. Владыка и его сторонники требовали, чтобы *«с одной стороны, мир не вторгался в тихие пристани духовной жизни со своею суетою и несвойственными строго иноческой жизни требованиями, а с другой — чтобы монашество само не выходило в мир искать в нем того, от чего оно отрекается...»*³⁷.

Проблема прагматического восприятия института монашества, к сожалению, сохранялась в российском обществе. Об этом ярко свидетельствовали речи участников Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии, проходившего 17–25 июня 1917 года. Представителями от местного монашества на нем выступали только два человека — настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Евгений и монахиня Елена, приехавшая в Петрозаводск из Каргопольского Успенского монастыря. Мирянин М. П. Смирнов, обращая внимание собравшихся *«на теневые стороны монашеского жития»*, говорил о его будущих задачах: *«Верующие люди упразднения или закрытия монастырей не хотят, но они хотели бы, чтобы “нестяжатели” уделяли часть своих богатств на просветительные и благотворительные учреждения Церкви; этим путем сами монастыри избавились бы от подозрения, что люди идут туда “не ради спасения, а покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать”»*³⁸. В этих словах отражалось привычное обывательское мнение о предназначении православных обителей.

³⁷ Цит. по: Андроник (Трубачев), игумен, Бовкало А. А., Федоров В. А. Монастыри и монашество. 1700–1998 // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 337.

³⁸ Журналы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. Петрозаводск, 1917. С. 137.

Глава 11

В советские времена

После установления советской власти монашеская жизнь в Задне-Никифоровской пустыни, как и во всех православных обителях огромной страны, была нарушена. Большевики не принимали отдельных законов о ликвидации института монашества и упразднении монастырей, но один из первых декретов, утвержденных в ноябре 1917 года, провозглашал немедленную конфискацию помещичьей земельной собственности и ее дальнейший переход в «общенародный фонд», распределением которого между крестьянами заведовали местные органы самоуправления¹. Правительство рассматривало монашеские обители как крупных землевладельцев, поэтому их земли и угодья безвозмездно поступали в пользование государства². Другой декрет от 20 января (2 февраля) 1918 года, официально называвшийся «О свободе совести и религиозных обществах», лишал Церковь и все ее институты, в том числе монастыри, прав юридического лица и не разрешал им владеть какой-либо собственностью³.

Основной закон о социализации земли, обнародованный 4 марта (19 февраля) 1918 года, позволял частично сохранять монастырские хозяйства путем создания на их основе сельскохозяйственных артелей и коммун со своим уставом. Четвертая статья закона подчеркивала: «Право пользования землей не может быть ограничено ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством»⁴. Уже весной 1918 года повсеместно начался процесс реорганизации монашеских обителей⁵. Их собственность

---

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17.

² По сведениям петербургского историка Михаила Витальевича Шкаровского, к началу 1918 года имущество около половины существовавших монастырей было национализировано (673 из 1253). См.: Шкаровский М. В. Судьба монастырей Санкт-Петербургской епархии в XX веке // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 2001. С. 406.

³ Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 96.

⁴ Декреты Советской власти... С. 407.

⁵ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921). М., 1975. С. 102–103.

объявлялась принадлежавшей всему народу, при этом насельники, стремившиеся сохранить иноческие общины в непривычных условиях, продолжали жить и трудиться в образованных коллективных хозяйствах, а сами монастыри с их святынями и храмами оставались для местного населения почитаемыми духовными центрами.

Поначалу новая власть не препятствовала стихийному преобразованию монашеских обителей в трудовые коммуны. На местах отсутствовало четкое отношение к таким сообществам⁶. Вскоре, однако, позиция Советского государства в этом вопросе кардинально изменилась. Наркоматы юстиции и земледелия 30 октября 1919 года издали для уездных земельных отделов специальный циркуляр, в котором предлагалось отличать советские хозяйства от религиозных организаций, не имевших права на наделение инвентарем и землей. Отныне монахи и священники, лишённые избирательных прав, не могли быть членами земледельческих коммун и артелей⁷. Образованные на месте бывших обителей трудовые артели и хозяйства стали ликвидировать или подвергать тщательной «чистке от монашеского элемента».

Итак, к моменту провозглашения знаменитого «Декрета о земле» в Олонецкой епархии действовали 14 православных монастырей⁸. В ходе начавшейся аграрной реформы в Олонецком уезде, где исторически отсутствовали помещичьи земли, их владения подвергались перераспределению наравне с общинными наделами крестьян. Для этого советской власти нужно было предварительно провести гигантские по объёму землемерные работы и топографическую съёмку. Страдавший от нехватки специалистов Олонецкий уездный земельный отдел в 1917–1919 годах не обладал достоверной и полной информацией о монастырских угодьях, что позволяло на местах произвольно использовать их без всякого контроля со стороны центральных государственных органов.

Советское государство расценивало монастыри с их съестными припасами как бесплатные источники необходимого провианта для его действующей армии. Первым от большевиков-экспроприаторов пострадал самый известный и богатый в Олонецкой епархии Александро-

⁶ Кашеваров Н. А. Православная Российская Церковь... С. 206.

⁷ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ... С. 51.

⁸ Александро-Свирский, Александро-Ошевенский, Палеостровский, Муромский, Климецкий, женский Успенский в Каргополе, Спасо-Преображенский Каргопольский, Ладвинский, Паданский монастыри, Задне-Никифоровская, Андрусова, Яшезерская, Кирилло-Челмогорская, Сяндемская пустыни.

Свирский монастырь. С февраля 1918 года сюда неоднократно направлялись вооруженные отряды красноармейцев для конфискации продуктов, описи монастырского имущества и взыскания налогов. Жители Александро-Свирской Слободы и ближайших сел открыто негодовали. Они создали Союз охраны церквей и часовен Александро-Свирского монастыря, который возглавил его последний настоятель архимандрит Евгений (Трофимов).

В октябре 1918 года сотрудники Олонецкой губернской и Лодейнопольской чрезвычайных комиссий с отрядом красноармейцев несколько дней бесчинствовали в Александро-Свирском монастыре. Страшные подробности содержит заявление члена всероссийского Церковного Собора Николая Дмитриевича Кузнецова в Совет народных комиссаров: *«Разгром обители произошел 10/23-го октября 1918 года. В монастырь приехали с красноармейцами люди, назвавшие себя комиссарами. Среди приехавших, как сообщает братия монастыря, оказались лица жившие ранее в монастыре послушниками и рабочими, которые хорошо знали положение имущества монастыря. Приехавшие обобрали в монастыре все, что можно <...>. Содрали ризы с икон, отняли одежду и белье у монашествующих, захватили у них чай, сахар и съестные припасы. Мало того. Они заставили открыть соборный храм монастыря и начали распорядиться в нем, как у себя дома. Без всякого стеснения <...> обращались с находившимися в храме мощами, самовольно вынули их из раки, а затем, вероятно, в оправдание своих возмутительных действий выдумали басню, будто бы вместо останков тела св. Александра Свирского они нашли лежащую восковую куклу <...>. Не снимая шапок, разбирали престол, хватали священные предметы, кресты, евангелия и св. сосуды. Наконец, они выпили церковное вино <...> и лишили возможности монастырь и некоторые приходские храмы совершать, как обыкновенно, важнейшее христианское богослужение литургию, приобщать детей, больных и говеющих... Все ценное монастырское имущество вместе с двумя серебряными раками от мощей было увезено, причем обращались с ним крайне небрежно... При отобрании вещей не было дано никакой росписки и даже не было объяснено, куда и для чего они увозятся»⁹.*

«Мощи намерены были увезти с собой, но братия упростила оставить и оставили... Из ризницы похитили сундук с бумагами... Арестовали архимандрита Назария, иеромонаха Меркурия и богорадика

⁹ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 46–48.

Гавриила Одинцова, которые и находятся в настоящее время в лодейнопольской тюрьме. Деревенский комитет бедноты производит опись всех келий, монастырского имущества и инвентаря, частями отбирает. По слухам, вышеозначенные комиссары намерены еще раз приехать в монастырь, но неизвестно, когда и зачем — будто бы за мощами Преподобного», — с прискорбием сообщал патриарху Тихону олонецкий епископ Иоанникий (Дьячков)¹⁰.

По свидетельству временного управляющего монастырем игумена Антония, архимандрит Евгений, казначей иеромонах Варсонофий, гостиник иеромонах Исаия, студент Казанской духовной академии священник Алексей Перов и житель Александро-Свирской Слободы, председатель комитета бедноты Петр Стальбовский были расстреляны в Олонце чекистами в ночь с 19 на 20 октября (по старому стилю)¹¹. Как цинично объяснялось в рапорте председателя губчрезвычайкома О. Кантера в губернский исполком, «желая пресечь возможность восстания... Олонецкая уездная чрезвычайная комиссия не приминула срочно избавиться от элементов злого пошиба»¹². Часть братии престарелого возраста после этого оставалась в Александро-Свирском монастыре, другие монахи разошлись по соседним приходам, где их приютили местные жители¹³.

Вслед за погромом в Александро-Свирском монастыре и осквернением его святыни по всей стране началась антирелигиозная кампания по вскрытию и ликвидации мощей святых, которая противоречила декларированным принципам знаменитого «Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах»¹⁴. Одновременно с этим в России повсеместно уездные и губернские советы приступили к закрытию монастырей, реквизиции их помещений и всего имущества¹⁵.

¹⁰ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 57; *Детчуев Б. Ф.* Трагедия в монастыре // Север. 1991. № 12. С. 129–130. Епископ Иоанникий (Дьячков) управлял Олонецкой епархией в 1916–1918 годы.

¹¹ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 49–50.

¹² Там же. Л. 43. Как пишет М. В. Шкаровский, злоупотребления оказались настолько вопиющими, что нескольких чекистов вскоре арестовали. См.: *Шкаровский М. В.* Судьба монастырей Санкт-Петербургской епархии в XX веке // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вологда, 2001. С. 404–410.

¹³ Два монаха Александро-Свирского монастыря в начале мая 1918 года смогли добраться до Валаамского монастыря. См.: НА РК. Ф. 762. Оп. 1. Д. 11/114. Л. 27.

¹⁴ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 171; *Шкаровский М. В.* Судьба монастырей... С. 405.

¹⁵ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 200.

Последние монахи на Важеозере

После национализации монастырского имущества, которая в Задне-Никифоровской пустыни проходила без серьезных вооруженных конфликтов¹⁶, часть важеозерских насельников оставалась в родной обители, не желая покидать любимые места. Сначала в 1919 году с разрешения земотдела Олонецкого исполкома они образовали «советское хозяйство при Никифоровской пустыни», которое возглавил монах Стефан (Бархатов)¹⁷. Позднее монахи устроились на работу в советское хозяйство, созданное в 1920 году при воспитательной детской колонии имени Зиновьева (о ней см. далее), где усердно и смиренно трудились, выполняя самые тяжелые физические работы¹⁸. В новых, непривычных для себя условиях они старались приносить пользу совхозу и детколонию, охотно помогая своими советами и делясь накопленным опытом (учили подростков ловить рыбу, ухаживать за животными, чинить сапоги и пр.). Монахи ездили в Олонец за дровами и продуктами для детей, доставляли фураж из Коткозерской волости.

В августе 1920 года на территории республики действовали 16 советских хозяйств, из них 8 были организованы в бывших обителях: Задне-Никифоровское имени Зиновьева, Яшезерское, Клименецкое, Александро-Свирское имени Карла Маркса, Сяндемское имени Ленина, Андрусовское имени Володарского, Муромское, Паданское имени Середы¹⁹. По мнению исследователей, все эти хозяйства, созданные на землях закрытых монастырей и получившие неплохое наследство от монахов в виде разработанных пахотных и сенокосных земель, построек и домашнего скота, влачили жалкое существование и не могли обходиться без государственного субсидирования²⁰.

¹⁶ Неясные устные сведения о расстреле части братии Задне-Никифоровской пустыни в годы Гражданской войны документально в настоящее время не подтверждаются.

¹⁷ НА РК. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22/325. Л. 36 об.

¹⁸ На заседании 24 февраля 1920 года Коллегии Олонецкого уездного земельного отдела слушался доклад заведующего землеустройством Собеневского о подготовке материалов по отводу земель советскому хозяйству имени Зиновьева, образованному из бывших владений Задне-Никифоровской пустыни. Представленные предложения были одобрены и включены в план работ на летний период 1920 года. См.: НА РК. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 5/60. Л. 10.

¹⁹ Там же. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 12/125. Л. 1.

²⁰ Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.) М., 1999. С. 151; Басова Н. А. Русская Православная Церковь... С. 102.

В начале октября 1921 года в школе при детколонию имени Зиновьева появился молодой энергичный сотрудник Александр Михайлович Веледеев, приехавший из Петрограда, где только что окончил пять курсов городской гимназии²¹. Именно этот человек выступил с жутким обвинением важеозерских монахов в «развращении» воспитывавшихся в детколонию девочек. А. М. Веледеев, видимо, питавший острую личную неприязнь к иеромонаху Евгению (Желудеву), сочинял грязные подробности и отправлял своему руководству. В конце января 1922 года уездный отдел народного образования получает официальное письмо, содержащее циничную клевету о поведении отца Евгения: *«Зачем-то часто посещают днем девочки рабочего (монаха) товарища Желудева»*²². После этого усиленно стали наблюдать за последствиями посещений и обнаружилось, что товарищ Желудев принимает усиленные меры в развращении девочек <...>. В свою очередь товарищ Веледеев собрал весь материал в письменной форме и представил на усмотрение политбюро»²³. Дело поступило на рассмотрение в Олонецкое уездное отделение уголовного розыска. Оболганного иеромонаха Евгения немедленно арестовали: он сам добровольно отправился в Олонец со своим обвинителем²⁴.

В детколонию 24 января 1922 года побывал начальник отделения угрозыска Копарев с акушеркой из Коткозерского фельдшерско-акушерского пункта «для выяснения данного факта». В архивном деле сохранился акт медицинского осмотра якобы пострадавших девочек («осмотра детей, потерпевших в изнасиловании»), который производился в присутствии заведующих колонию и советского хозяйства имени Зиновьева, Фокина и Качалова. В своем заключении приглашенная акушерка Пряжинская честно заявляла об отсутствии каких-либо следов физического насилия на телах детей: *«При осмотре мною девочек не обнаружено никаких повреждений половых органов, равно и на теле не было ни ссадин, ни царапин, что удостоверяю подписью»*²⁵. Несмотря на свидетельство акушерки, монахи не были полностью оправданы: эта история с «развращением» подростков была использована (или заранее задумывалась) как удобный повод для избавления от «черных ворон» в советском хозяйстве.

²¹ НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 21/81. Л. 117.

²² А. М. Веледеев хорошо знал, что неизбалованные родительским вниманием девочки приходили к отцу Евгению в рождественские дни 7 и 8 января 1922 года.

²³ НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 21/81. Л. 5–5 об.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 5/20. Л. 40.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 21/81. Л. 7.

Согласно постановлению Олонецкого уездного народного суда монах Евгений (Желудев) был сразу же уволен из колонии. Его дальнейшая судьба мне неизвестна. Возможно, он уже не вернулся из-под стражи на Важеозеро. Остальные монахи не могли покидать бывшую обитель, пока шло судебное разбирательство, и ожидали решения своей участи. Так, отец Стефан 24 января 1922 года выдал подписку о своем невыезде: *«Я, нижеподписавшийся монах Задне-Никифоровской пустыни Бархатов Стефан Антипов 52 года рождения, Олонецкой губернии Каргопольского уезда Лекимозерской волости деревни Кукли, даю настоящую подписку Олонецкому отделению уголовного розыска КТК в том, что я за пределы Задне-Никифоровской пустыни никуда не выеду без ведома на то отделения уголовного розыска и на первое требование розыска немедленно обязуюсь явиться. И до разбора дела моего в суде я обязуюсь находиться в Задне-Никифоровской пустыни и никуда не отлучусь, в чем и подписуюсь»*²⁶.

Согласно выписке из протокола заседания Олонецкого уездного военно-революционного комитета от 13 февраля 1922 года — на нем присутствовали заместитель председателя И. Н. Лебедев, члены Н. А. Гапоев, Энбум и Романов, в тот день было принято решение *«ввиду допускаемых монахами злоупотреблений по отношению к детям предложить уездсовмилиции выселить монахов из колонии»*²⁷. Далее приведу цитату из акта от 18 февраля 1922 года о выдворении шести важеозерских монахов: *«Помощником начальника Олонецкой уездсовмилиции КТК Чертиевым составлен настоящий акт о выселении монахов из детской колонии имени Зиновьева согласно постановления Олонецкого уездного военно-революционного комитета от 13 февраля 1922 года за № 28 в присутствии заведующего хозяйством тов. Качалова Николая Кузьмича и школьного работника Кравчинского Александра Владиславовича и старшего милиционера Коткозерской волости тов. Михайлова выселены следующие лица: 1. Бархатов Степан Антипович, 52 лет, 2. Данилов Семен Тимофеевич, 70 лет, 3. Патракеев Павлин Дмитриевич, 50 лет, 4. Степанов Анастасий Дмитриевич, 53 лет, 5. Мартянов Ипполит Яковлевич, 48 лет, 6. Филарет Яковлевич Осмоловский, 46 лет»*²⁸. Выселявшимся монахам разрешали забрать их личные вещи: белье, верхнюю одежду и обувь, медный самовар,

²⁶ Там же. Л. 84.

²⁷ Там же. Л. 86.

²⁸ Там же. Л. 83.

зеркало, часы-будильник²⁹. Уроженцы Олонецкой губернии Даниил (Семенов) и Стефан (Бархатов) пожелали остаться в Коткозерской волости, поближе к разоренному монастырю и его церквям; отец Ипполит (Мартиянов), родом из Грузинской волости Новгородского уезда, собрался уезжать в Петроград; а отец Павлин (Патракеев) — в родной Петрозаводск³⁰, однако братская община не распалась.

Захудалое хозяйство при колонии лишалось опытных работников. Его заведующий обращается к своему начальству с просьбой временно оставить хотя бы троих монахов — Даниила, Филарета и Павлина — *«впредь до приискания заместителей»* при условии, *«чтоб они не имели сношений с ушедшими из колонии монахами и исполняли бы возложенные на них обязанности добросовестно»*³¹. Разрешение было получено с условием каждые две недели информировать отдел ОНО о поведении каждого монаха. В советском хозяйстве при детколонии продолжал работать в качестве *«рыбака-мельника»* отец Стефан (Бархатов). В апреле 1922 года ему было поручено *«немедленно приступить к ремонту рыболовных снастей и своевременно начать лов рыбы»*³².

В конце лета — осенью 1922 года ходатайства об оставлении важеозерских монахов при бывшей Задне-Никифоровской пустыни поступили в Карельское земельное управление от обновленческого областного епархиального управления. В то время на отобранных монастырских землях уже начала хозяйничать финская артель «Райвая» (о ней см. далее).

Несколько слов о карельских обновленцах³³. После создания в Москве лояльного к советской власти Высшего Церковного Управления (ВЦУ) его уполномоченным в Карелии был назначен петрозаводский священник Павел Дмитриев³⁴. Правящий епископ Евфимий (Лапин) отказался признать «Живую Церковь» и в конце декабря 1922 года был арестован вместе с настоятелем Заводской Александро-Невской церкви Василием Хазовым и ее священником Георгием Гумилевым. Президиум КарЦИКа постановил

²⁹ НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 21/81. Л. 83 об.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 5/20. Л. 31.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 21/81. Л. 88.

³² Там же. Л. 128.

³³ Обновленчество (обновленческое движение, обновленческий раскол, «Живая Церковь») официально возникает после февральской революции 1917 года с целью модернизировать Русскую Православную Церковь и ее богослужение. Приверженцы обновленчества поддерживали советскую власть, выступали против патриарха Тихона. В 1922 году создается обновленческое Высшее Церковное Управление.

³⁴ Басова Н. А. Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах... С. 119.

их «выселить из пределов Карельской Трудовой Коммуны сроком не менее чем на пять лет»³⁵. В Петрозаводске был избран обновленческий епископ Александр (Надежин), а программа «Живой Церкви», включавшая пересмотр системы церковного управления в России, а также изменения православной догматики и этики, появилась на страницах республиканской газеты «Карельская Коммуна»³⁶.

Поначалу распространение обновленчества в Олонецкой епархии не встречало каких-либо серьезных препятствий со стороны сельских священнослужителей. Отсутствие достоверной информации приводило к тому, что большинство епархиальных приходов признало ВЦУ вслед за призывами отца Павла Дмитриева. К концу 1920-х годов наиболее прочные позиции «обновленцы» занимали в Заонежье — в Петровском³⁷ (все приходы здесь были «обновленческими»), Великогубском (один «тихоновский» и четырнадцать «обновленческих»), Шуньгском районах³⁸. Вовлеченные в обновленческое движение священники и миряне при этом слабо разбирались в его сути и в последующее время постепенно «уклонялись в тихоновщину». Малая часть религиозных общин изначально не прерывала канонического общения с патриархом Тихоном и продолжала поминать его имя при богослужениях. Некоторые приходы вовсе объявили себя «автокефальными», не поддерживая ни «обновленцев», ни «тихоновцев»³⁹.

Итак, две письменные просьбы об оставлении последних важеозерских монахов при бывшей пустыни были подписаны 24 августа и 4 октября 1922 года протоиереем Павлом Дмитриевым. В первом отношении, отправленном в Карельское земельное управление, священник, подчас используя революционную терминологию, обрисовал ситуацию, сложившуюся на Важеозере: «*Никифоро-Геннадиевская пустынь Олонецкого уезда, существовавшая 300 лет, имела в своем распоряжении: а) храмы; в) здания для жилья монахов и гостиницы для приезжих; г) живой и мертвый инвентарь и д) земли, обрабатываемые собственными*

³⁵ Александр-Невская церковь г. Петрозаводска: сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2019. С. 177.

³⁶ Карельская Коммуна. 1922. 11 августа.

³⁷ Петровский район существовал в 1927–1957 годах и включал тринадцать сельсоветов (Вохтозерский, Гомсельгский, Ключиногорский, Койкарский, Кончезерский, Линдозерский, Лубосалмский, Мунозерский, Поросозерский, Пялозерский, Святнаволоцкий, Совдозерский и Юстозерский).

³⁸ Басова Н. А. Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах... С. 158.

³⁹ Там же. С. 127.

силами монашеской коммуны, состоящей из тех же крестьян, удалившихся из мира. В минувшие годы (точные даты указать не можем) означенный монастырь был отобран в распоряжение Олонецкого земотдела и передан в распоряжение колонии для детей школьного возраста. Все имущество взяла колония. Монахи были оставлены на правах работников. Хозяйство монастыря по словам монахов упало. Они, монахи, колонией были оставлены на правах работников с правом занимать небольшое отведенное им помещение, а также служить в одной из церквей. Другая была предназначена под театр. Правда, театр не был открыт по причинам чисто материально-денежных затруднений. В настоящее время Карземотделом открывается финская колония. По словам приехавшего обеспокоенного за участь монастыря иеромонаха Филарета, финны заявили, что они имеют мысль удалить совершенно монахов. Карельское епархиальное управление ходатайствует о сохранении древнего монастыря Олонецкой бывшей губернии, а ныне Карелии, существовавшего 300 с лишком лет, предоставив остающимся пятерым монахам право владеть: храмами, одним небольшим домом и небольшим клочком земли пахотно-сенокосной, какой нужен им для пропитания. Монастырь, согласно новому движению в Христианской русской общине, будет поставлен на древних основаниях — трудовой, полезной для общества, коммуны. Почему закрытие монастырей, могущих быть полезными для республики культурными работниками едва ли полезно»⁴⁰. Как видно из документа, важезерские монахи продолжали совершать богослужения в одном из монастырских храмов. Они отправили в Петрозаводск самого молодого из них — отца Филарета (Осмоловского) — просить помощи у «обновленцев».

Вторая письменная просьба отца Павла Дмитриева более лаконична по содержанию: «Епархиальное управление вторично обращается с просьбой дать тот или другой ответ по поводу возбужденного ходатайства о предоставлении права оставшимся монахам Никифоровского монастыря в Олонецком уезде владеть храмами, предоставить им право жительства в небольшом домике около ограды монастыря и наделить их небольшим количеством земли, нужным для их пропитания. Никифоровский монастырь — один из древних в Олонии, существует свыше 300 лет и, как археологическая редкость — его храмы и иконная живопись, должны бы быть сохранены. Лучшими хранителями были и могут быть монахи»⁴¹.

⁴⁰ НА РК. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 11/182. Л. 21–22.

⁴¹ Там же. Л. 18–18 об.

В резолюции Карземуправления от 11 октября 1922 года, подписанной Поттаевым, Гурьевым и Померанцевой, монахам для получения желанного разрешения жить по-прежнему на Важеозере рекомендовалось обратиться к новым арендаторам: «Сообщить Епархиальному управлению, что 1. КЗУ⁴² на право владения храмом не претендовал и не претендует, храмы могут остаться в распоряжении монахов. В копии сообщить артели «Райвая». 2. Вопрос о предоставлении монахам права жительства в указываемом домике надлежит согласовать с артелью «Райвая». Со своей стороны КЗУ не возражает (копия «Райвая»). 3. Наделение монахов землею должно быть произведено местным волземотделом из местного земельного фонда. Из земель принадлежащих ранее монастырю монахов наделить нельзя, ибо дробить хозяйство нецелесообразно и, кроме того, оно целиком сдано в аренду»⁴³.

Финские эмигранты, организовавшие сельскохозяйственную артель «Райвая», не радовались соседству с монахами, которые не покидали монастырские храмы на произвол судьбы. В документах Административного отдела исполкома Олонецкого уездсовета удалось обнаружить последнее известное упоминание «служителей культа Задне-Никифоровской пустыни»: в 1925 году в ней подвизались отцы Филарет (Осмоловский), Павлин (Патрикеев), Стефан (Бархатов), Даниил (Семенов). Вместе с ними проживала псаломщица Параскева Кузьмина⁴⁴. По данным волостного исполкома, важеозерские церкви при регистрации Коткозерской религиозной общины (739 человек во главе со священником Николаем Лавдинским) вошли в ее состав⁴⁵.

Детская колония имени Зиновьева на Важеозере

В первые годы советской власти старая система детского воспитания была ликвидирована. Учреждения закрытого типа, где «государственные дети» проживали постоянно, подчинялись трем ведомствам: Наркомпросу РСФСР, к которому относилось большинство детдомов, воспитательных колоний и приемников-распределителей для детей старше трех лет (включая

⁴² КЗУ — Карельское земельное управление.

⁴³ НА РК. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 11/182. Л. 17.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 3/53. Л. 74.

⁴⁵ Там же. Л. 73.

детские дома для «трудновоспитуемых» и «морально-дефективных» детей), Наркомздраву РФ — для малышей возрастом до трех лет и НКВД РСФСР с находившимися в его ведении детскими исправительными учреждениями. В Карелии один из первых детдомов для «трудновоспитуемых» открылся в 1923 году в заонежском селе Космозеро. Созданная примерно в это же время Палеостровская трудовая колония в 1935 году была передана в ведение НКВД (отсюда несовершеннолетние правонарушители могли быть отправлены на продолжительный срок в любой из детских домов «нормального типа»)⁴⁶.

Как признают исследователи, фактическая деятельность Наркомпроса и Наркомздрава сводилась буквально к спасению обездоленных детей от страшного голода⁴⁷: разработанные «на бумаге» нормы питания и тезисы о новом положении ребенка в Советской России оставались красивыми и не выполнявшимися лозунгами. Официально в среднем по стране в начале 1920-х годов воспитаннику колонии или детского дома полагалось в сутки от 200 до 300 г хлеба, около 100 г мяса или рыбы, столько же крупы, 300–400 г картофеля, по 12 г сахара и соли. В ряде регионов в рацион включали яйца (20 штук в месяц), молоко (по 1 стакану в день) и овощи. На практике же в лучшем случае детям выдавали пшеничную кашу на воде, гороховую похлебку и кусок суррогатного хлеба. Из-за острой нехватки средств — они брались из местных бюджетов — региональные власти нередко занижали принятые нормы. Для улучшения питания воспитанников при детских домах организовывались подсобные хозяйства. Старались сами шить одежду. Повсеместно существовала кадровая проблема: особенно не хватало учителей и воспитателей там, где жили дети, лишенные родительской опеки. Здесь самоотверженно трудились «старые» работники и молодые энтузиасты⁴⁸.

В январе 1921 года был организован Карельский отдел народного образования (КОНО). В его ведении находились двенадцать детдомов и воспитательных колоний, разбросанных по всей территории губернии, в том числе три детские коммуны в Олонецком уезде, в которых проживали 109 детей⁴⁹. Учреждения открывались и работали в жестких

⁴⁶ Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период // Ученые записки ПетрГУ. 2019. № 8. С. 97.

⁴⁷ Смирнова Т. М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в советской России в 1920–1930-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 22.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Отчет областных учреждений КТК СНК и СТО на 1 октября 1921 года. С. 90.

условиях тотального дефицита. В Карелии нормативы продуктов были вынужденно занижены по сравнению с общероссийскими: выдавалось меньше мяса и больше муки плохого качества⁵⁰. В ежемесячных отчетах о состоянии детдомов и деткоммун регулярно сообщалось об отвратительном снабжении их воспитанников необходимой обувью, одеждой, принадлежностями личной гигиены⁵¹.

После национализации всего имущества Задне-Никифоровской пустыни Олонецкий уездный земельный отдел передал его в бесплатное пользование уездному Отделу народного образования для организации в бывшей монастырской усадьбе детской воспитательной колонии имени Зиновьева⁵². Она была создана в конце 1920 года⁵³. Здесь проживали подростки из местных сел и деревень, чьи родители «находились в бедственном положении» и не могли сами прокормить своих дочерей и сыновей. При колонии сразу же решили устроить советское хозяйство. Его первым заведующим стал Николай Кузьмич Качалов. В штат наемных работников вошли последние важеозерские монахи, чей опыт и умения оказались незаменимы. На огородах также трудились мальчики и девочки в возрасте до 18 лет (в июне 1922 года — 32 человека)⁵⁴.

С февраля 1922 года Карземуправление неоднократно запрашивало подробные сведения о деятельности советского хозяйства при детколонию имени Зиновьева⁵⁵. В июне 1922 года нужно было срочно предоставить исчерпывающие данные «о площади земли, занимаемой хозяйством, количестве озимых, яровых и огородных посевов, служащих, рабочих (постоянных и поденных), едоков советского хозяйства, также живого и мертвого инвентаря»⁵⁶. Отчет, подготовленный Н. К. Качаловым для Олонецкого уездного отдела народного образования, содержит любопытную информацию о состоянии хозяйства, открытого на бывших монастырских угодьях⁵⁷. На разработанной пашне было засеяно ржи

---

⁵⁰ Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов Карелии в 1920-х — первой половине 1930-х годов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 1. С. 153–164.

⁵¹ Отчет областных учреждений КТК СНК и СТО на 1 октября 1921 года. С. 93.

⁵² НА РК. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 11/182. Л. 19а.

⁵³ Уездный земотдел передал Олонецкому УОНО монастырские земли 20 ноября 1920 года. См.: Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 9.

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ Там же. Л. 11–11 об.

⁵⁷ Там же. Л. 14.

до 30 пудов на 4 десятинах, овса — до 50 пудов на 3 десятинах, под паром оставались 3 десятины, картофель смогли посадить на 1 десятине, огородные культуры — на 0,5 десятины. Предоставленные цифры говорят о низкой урожайности: овес уродился сам 2,5; ячмень — сам 6. Н. К. Качалов пояснял, что зерновые не уродились из-за холодных дождей и «легкого мора». Осенью работники хозяйства вместе с воспитанниками собрали капусты 150 пудов, брюквы — 50, свеклы — 30, моркови — 13, картофеля — 400, турнепса — 70. Как пишет заведующий, важеозерская суглинистая почва требовала «полнейшего оздоровления». Он приводит список сельскохозяйственного инвентаря, доставшегося хозяйству от монахов: жатка, сеялка, веялка-сортировка, ручная молотилка, пружинная борона, четыре бороны деревянных с железными зубьями, железный плуг, четыре деревянных плуга. На скотном дворе содержался десяток дойных коров, два быка-производителя и десять телят. В хозяйстве использовались три рабочие лошади.

Судя по сохранившимся документам, детколония влачила жалкое существование. В штате не хватало педагогов; воспитанники ходили в грязной одежде и редко мылись из-за отсутствия мыла («у детей чесотка, а также постоянная грязь на лице»⁵⁸). Домашняя скотина голодала. В марте 1922 года руководство колонии сообщало в Олонец в преддверии весеннего бездорожья о необходимости срочно доставить сено для лошадей и коров на Важеозеро: все подводы были заняты для перевозки военных частей, поэтому гражданским лицам их давали только за наличных расчет. «В колонии уже и так скот еле шевелится от плохого корма и что будет, когда корма не будет вовсе?»⁵⁹ В Олонец нескончаемым потоком направлялись отчаянные просьбы о высылке нужных вещей (зубных щеток, гребней для волос, канцелярских принадлежностей для школы — бумаги, перьев, чернил, карандашей). Лето 1922 года выдалось на редкость дождливым, что помешало работникам вовремя заготовить сено, кроме того, часть покосов оказалась «занята разливной водой как около мельницы, а также и в островах»⁶⁰. Детколония искала любые возможности обеспечить своих воспитанников сносным питанием: всем желающим предоставлялись принадлежавшие ей рыболовные снасти на условии оставления рыбакам шестой части улова⁶¹.

⁵⁸ НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 21/81. Л. 17.

⁵⁹ Там же. Л. 44.

⁶⁰ Там же. Л. 58.

⁶¹ Там же. Л. 71.

Летом 1922 года изменились условия использования земельных и лесных угодий: детколония находилась на территории Святозерской лесной дачи и отныне должна была платить «за пользование усадьбой бывшего Задне-Никифоровского монастыря». Уездный отдел народного образования попытался закрепить за детколонией «в бесплатное пользование» 12 десятин пашни; около 100 десятин сенокосов; лесных угодий; озера Важеозеро и Рандозеро. «Пахота и пожни необходимы для ведения сельского хозяйства, лес для заготовки дров и других нужных лесных материалов, а озера для эксплуатации, так как в настоящее время рыбная ловля является единственным фактором, поддерживающим колонию», — поясняло ее руководство⁶². Между тем на эту просьбу земуправление ответило, что советское хозяйство имени Зиновьева уже сдано в аренду финской артели, а детколония при желании может получить земли в другом месте⁶³. В августе 1922 года посланный Карельским областным земельным управлением землемер Д. А. Грашников восстановил прежние границы владений совхоза имени Зиновьева и принял имущество от Олонецкого уездного отдела народного образования, чтобы затем отдать его финским фермерам⁶⁴. Составленная в сентябре 1922 года опись арендованных строений и инвентаря была подписана представителем сельскохозяйственной артели «Райвая» Анти Кийвори.

Как сложилась дальнейшая судьба детколонии имени Зиновьева? В советских инстанциях предлагали перевести учреждение в Олонец или попытаться договориться с новым хозяином, артелью «Райвая», об условиях возможного проживания детей при советском хозяйстве. Финны не захотели соседствовать с «трудновоспитуемыми» подростками и отказались от малопривлекательного для них предложения. К началу учебного 1922/23 года детская воспитательная колония была расформирована⁶⁵. Часть ее сотрудников перешла работать в Яковлевскую советскую школу (супруги Н. К. и Э. И. Качаловы) и 2-ю Олонецкую городскую детскую коммуны (А. В. Ковчинский)⁶⁶.

⁶² Там же. Д. 11/182. Л. 19а об.

⁶³ Там же. Л. 19.

⁶⁴ Там же. Ф. Р-436. Оп. 1. Д. 11/182. Л. 16.

⁶⁵ Артель «Райвая» обязалась предоставить для перевозки детей не менее 10 подвод. См.: НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 24/9. Л. 43 об.

⁶⁶ Там же. Л. 44.

Изъятие церковных ценностей в помощь голодающим

В 1922 году советское правительство развернуло масштабную кампанию по изъятию ценностей из приходских и монастырских храмов, которые еще оставались в пользовании верующих. Новая спланированная в Политбюро ЦК РКП (б) экспроприация церковного серебра и золота проводилась под прикрытием громкого демагогического лозунга о сборе денежных средств в помощь многочисленным жертвам страшного голода во второй половине 1921 года в Поволжье, Казахстане, на Украине и Урале. Истинная цель вождей партии большевиков заключалась в том, чтобы нанести сокрушительный удар по Церкви, расколоть ее и затем уничтожить.

Кампания по изъятию церковных ценностей началась с выхода декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года, санкционировавшего насильственное изъятие местными властями церковного имущества, в том числе богослужебного, из драгоценных металлов: *«Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного комиссариата финансов со специальным назначением в фонд Центральной Комиссии помощи голодающим»*⁶⁷.

Инициатором и фактическим руководителем атеистической кампании был нарком по военным делам и председатель Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкий, разрабатывавший теоретические проекты и практические предложения, касавшиеся государственной политики в отношении Русской Православной Церкви. *«Вся стратегия наша в данный период, — писал он в Политбюро, — должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей из церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве может и должен принять очень острый характер...»*⁶⁸. Вместе с В. И. Лениным среди партийного руководства страны они занимали наиболее жесткую позицию по вопросу изъятия ценностей.

---

⁶⁷ Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». См.: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между Церковью и государством. М., 1995. Кн. 1. С. 148; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006. С. 149–150.

⁶⁸ Цит. по: *Каишев А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 234.

Советская власть открыто перешла к безжалостным карательным мерам, предлагавшимся Л. Д. Троцким и В. И. Лениным, после трагических событий, произошедших в уездном городе Шуя, одном из фабричных центров Владимирской губернии, где 15 марта 1922 года верующие оказали открытое сопротивление при ограблении соборного Воскресенского храма и были жестоко разогнаны вооруженными войсками. По всей стране проходили сфабрикованные судебные процессы по делам духовенства и наиболее активных мирян, обвинявшихся в «контрреволюционном заговоре». Повсеместно утверждались так называемые расстрельные приговоры⁶⁹.

«Порядок изъятия церковных вещей, находящихся в пользовании групп верующих», рассматривался особой инструкцией ЦК Помгола и Наркомата юстиции⁷⁰. Предполагалось отбирать только те «предметы, состоящие из золота, серебра и драгоценных камней», которые не имели историко-художественного значения; не допускалась конфискация принадлежностей богослужения и церковной утвари из золота и серебра старше 1725 года — в соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК «О ликвидации церковного имущества» они подлежали ведению Главмузея (Главного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Наркомате просвещения РСФСР); в виде исключения разрешалось экспроприировать ценности, датируемые 1725—1835 годами.

Сохранившиеся в российских архивах документы свидетельствуют о том, что перечисленные в инструкции ограничения повсеместно нарушались⁷¹. Лица, участвовавшие в изъятии, нередко совершали акты вандализма⁷². Как пишет петрозаводская исследовательница Людмила Иосифовна Капуста, отсутствие грамотных и опытных музейных экспертов в Карелии приводило к многочисленным ошибкам, безвозвратной утрате важных исторических и художественных памятников. Несколько десятков серебряных вещей, попавших в краеведческий музей из церквей Олонецкой губернии, позднее были все же переданы в Фонд индустриализации и переплавлены как «не имеющие исторической и художественной ценности»⁷³.

⁶⁹ В отечественной историографии вопрос о количестве процессов и репрессированных в связи с изъятием церковных ценностей остается открытым.

⁷⁰ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922—1925 гг. М.; Новосибирск, 1998. Кн. 2. С. 5.

⁷¹ Капуста Л. И. Рака Александра Свирского (история монастырской реликвии XVII века) // Вестник КГКМ. Петрозаводск, 2006. Вып. 5. С. 81.

⁷² Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году... Л. 26.

⁷³ Капуста Л. И. Рака Александра Свирского... С. 84.

Исполнительные комитеты в губерниях получили из Москвы рекомендации начинать экспроприацию священных сосудов и церковной утвари с наиболее богатых храмов и монастырей⁷⁴. Первоначально выяснялось наличие и сохранность вещей из драгоценных металлов, внесенных в старые (до 1917 года) имущественные описи или инвентарные книги. В случае их пропажи или сокрытия верующие преследовались: *«При отсутствии наличности какого-либо предмета, находившегося в пользовании группы верующих, о сем составляется особый протокол и предоставляется следственным органом для производств расследования и в привлечении виновных к ответственности»*⁷⁵. В пользовании религиозных общин на время могли быть оставлены священные сосуды и утварь из серебра, необходимые для совершения богослужений, до их замены на менее ценные⁷⁶.

Декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 года предусматривалось создание в каждой губернии комиссии в составе ответственных представителей губернского исполкома, губернской комиссии помощи голодающим и губернского финансового отдела. По постановлению Пленума Олонецкого губернского исполкома 26 июня 1922 года была организована Олонецкая губернская комиссия помощи голодающим (губернский Помгол или Олонгубпомгол), личный состав которой неоднократно менялся⁷⁷. На местах работали подчинявшиеся ей уездные подкомиссии. Как сообщается в отчете Олонгубпомгола, *«изъятие ценностей в Олонецкой губернии протекало очень медленно, причинами чему служило: во первых, отдаленность мест от уездов и плохие пути сообщений, большей частью на пароходах, которые ходили весьма неисправно. Комиссии на местах работали слабо, оставляли на многих иконах ризы, мотивируя, что иконы особо чтимые, священные сосуды оставляли как единственные предметы священного служения, как-то кресты, кадила и пр. оставлялись как единственные, а не заменялись изъятими из других церквей малоценными. Олонгубпомголом неоднократно отдавались распоряжения о производстве изъятия как можно тщательней, и в городе Пудоже отдано распоряжение о производстве изъятия второй раз, что и было*

⁷⁴ НА РК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2/2. Л. 25; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году... С. 151.

⁷⁵ НА РК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2/2. Л. 25.

⁷⁶ Для замены предлагались сосуды и утварь из других церквей, монастырей и бывших магазинов церковной утвари. См.: НА РК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2/2. Л. 43.

⁷⁷ Там же. Д. 2/5. Л. 64.

исполнено, но все же результаты изъятия невелики, так как сельские церкви бедны. Самое большое количество ценностей дали монастыри Александро-Свирский и Палеостровский»⁷⁸.

В Олонецком уезде подкомиссия по учету и изъятию церковных ценностей была создана 13 апреля 1922 года⁷⁹. На ее первом заседании обсуждались основные методы предстоящей работы: «Сначала предложить религиозным общинам сдать ценности добровольно, для чего устраивать собрания верующих, а затем в зависимости от директив сверху начать изъятие»⁸⁰. Конфискация проводилась в два этапа: на первом изымались вещи во всех действовавших храмах Олонца⁸¹, на втором — уездных волостей.

В центре пристального внимания членов подкомиссии находились храмы трех бывших монастырей, находившихся на территории Олонецкого уезда — Задне-Никифоровской, Андрусовой и Сяндемской пустыней. В них, кроме «ценностей» для губернского Помгола, предполагалось дополнительно отбирать церковную утварь, которая могла бы пойти на замену изъятой у городских и сельских общин верующих. Такой подход объяснялся тем, что в бывших монастырских церквях, по свидетельству сельских исполкомов, «богослужение не производится или производится очень редко»⁸².

⁷⁸ Там же. Л. 77–77 об.

⁷⁹ В первый состав подкомиссии вошли три представителя уездного исполкома Гаппоев (председатель), губернского Помгола Михайловский (секретарь) и уездного финансового отдела Кошкин; во второй состав — военком Михаил Николаевич Лебедев, Курицын (начальник Олонецкой почто-телеграфной конторы) и в качестве эксперта по исторической и художественной ценности Николай Федорович Будрин. См.: НА РК. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 3. Л. 17; Оп. 1. Д. 2а. Л. 21.

⁸⁰ Там же. Д. 3. Л. 17.

⁸¹ По решению членов подкомиссии из Николаевского собора были взяты два венчика с икон, восемь наугольников и одна середина с Евангелия, риза с венчиком и риза без венчика («оставить под расписку церковно-приходского совета до замены менее ценными один прибор сосудов»); из церкви Смоленской Божией Матери — 18 риз с венчиками, одна риза без венчика, восемь венчиков с икон, четыре куса оклада кругом иконы, ковшечек, 12 наугольников с евангелий, четыре лампы перед иконами и пять цепочек от лампад («оставить до замены большое Евангелие, три священных сосуда, две дарохранильницы, два креста, кадило и два ковшечка, ризу с почитаемой иконы»); из Каблуковской церкви — четыре наугольника и риза с венчиком с иконы; из кладбищенской церкви — четыре ризы с икон («оставить под расписку до замены потир, дискос, два блюда, звездицу, лжицу ковшечек и дарохранильницу»). См.: НА РК. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 3. Л. 11. Общий вес конфискованного имущества в городских олонцких церквях равнялся 2 пудам 10 фунтам 12 золотникам. См.: Там же. Д. 3. Л. 15–15 об.

⁸² Там же. Л. 15 об.

Как следует из отчета Олонецкой уездной подкомиссии, в течение одного месяца ее сотрудники посетили все ранее намеченные пункты. Быстрый темп проведенной ими работы объяснялся просто: они не устраивали общие собрания верующих и ограничивались только переговорами с местными священниками, представителями церковного совета и сельской власти. *«Поэтому изъятие и возможно было произвести в уезде в такой краткий срок»*, — докладывали 12 июля 1922 года в губернский Помгол об итогах своей деятельности входившие в подкомиссию Лебедев, Курицын и Будрин⁸³.

В Олонецком уезде в первую очередь были осмотрены храмы Рыпушкальской волости, в том числе находившейся в ее составе Андрусовой пустыни, где действовал совхоз имени Володарского. При осмотре Никольской и Введенской церквей приехавшие 30 мая 1922 года сотрудники подкомиссии отобрали для изъятия серебряные дарохранительницу, десять риз с нескольких икон святителя Николая Чудотворца, ризы с образов Владимирской Божией Матери, Нерукотворенного Спаса и Казанской Божией Матери, *«ризу с деревянной иконы из ризницы»*, пелену с креста Голгофы, девять венчиков с разных икон. Из разоренной обители были увезены две ее святыни — позолоченный серебряный ковчежец *«с раки с частями мощей»* преподобного Адриана Ондрусовского из Введенского храма, а также *«почетный крест с мощами»*. Всего в двух церквях Андрусовой пустыни конфисковали 21 предмет с общим весом 24 фунта 21 лот⁸⁴.

В Коткозерской волости подкомиссия сначала побывала в вагвозерской церкви пророка Божия Илии, но не обнаружила здесь ни одного предмета из серебра. Затем она отправилась в Задне-Никифоровскую пустынь, где в то время существовала детская колония имени Зиновьева. Сотрудники уездного Помгола приехали сюда 11 июня 1922 года. При обследовании Преображенской и Всехсвятской церквей они изъяли серебряные вещи: потир, дискос, звездицу, две тарелочки, напрестольный крест и четыре ризы с Иверской иконы Божией Матери, с образов Покрова Пресвятой Богородицы, двенадцати праздников и святителя Николая Чудотворца, *«ободки с двух икон»*, две лампы с цепями, два напрестольных подсвечника, *«32 угольника и семь середин с евангелий»*. Общий вес конфискованных на Важеозере вещей равнялся 10 фунтам

⁸³ НА РК. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 2а. Л. 21.

⁸⁴ Там же. Л. 21–21 об.

28 лотам (около 5 кг)⁸⁵. По просьбе последних монахов для богослужения им были оставлены серебряные крест и «две ризы престольных праздников в той и другой церквах на иконах Преображения и Воскресения»⁸⁶.

Сотрудники подкомиссии сообщали руководству о том, что в Задне-Никифоровской пустыни исчезла опись ее церковного имущества, составленная в 1919 году, когда советской властью по всей России проводилась ревизия внутреннего убранства монастырских и приходских храмов, их ризниц и книгохранилищ для дальнейшей передачи «в бессрочное и бесплатное пользование» религиозным общинам, образованным на местах⁸⁷. Выяснилось, что наиболее ценные предметы уже были вывезены из обители в 1919 году уездными властями, однако отчетные документы об этом были утеряны вместе с церковной описью: «По показаниям иеромонаха Филарета Осмоловского, подтвержденным другими представителями общины, в [19]19 году представителями уездных и волостных властей Ульяновым, Константином Мегорским, из волости Михаилом Гагариным, гражданином дер[евни] Гошкилы Егором Авксентьевым и агитатором волости Зиминным были изъяты: потир 25 фунтов, крест 25 фунтов и много других предметов, вес коих составлял 3 пуда с золотниками. Но, опять-таки, сдано ли все это полностью в казначейство — документов нет. Описи, расписки на взятое имущество утрачены временно заведующим в [19]19 году монастырем Вижуевым, который брал их в Олонец для наведения справок и отметок об изъятом, но по приезде из Олонца зараз же был захвачен белофиннами и на дороге расстрелян, с его имуществом очевидно погибли и книги»⁸⁸.

После посещения Задне-Никифоровской пустыни 16 июня 1922 года по пути в Олонец подкомиссия обследовала церкви в Коткозере. Здесь она изъяла «общим весом 14 фунтов 8 золотников — 15 накладок

⁸⁵ Там же. Д. 3. Л. 21 об. — 22.

⁸⁶ Там же. Д. 2а. Л. 22.

⁸⁷ Виденеева А. Е., Грудицына Н. В. Ростовский Рождественский монастырь по описи 1919 г. // XIX Научные чтения памяти И. П. Болотцевой: Сб. статей. Ярославль, 2015. С. 193. Между верующими и представителями советской власти (совдепами) заключались соглашения, по которым общины обязывались беречь церковное имущество, нести уголовную ответственность за его сохранность, оплачивать расходы по содержанию храмов, их обязательному страхованию. По признанию современных историков, уцелевшие описания 1919 года — уникальный источник, который зафиксировал состояние и убранство монастырских и приходских церквей накануне печально известного «изъятия 1922 года» в пользу голодающих.

⁸⁸ НА РК. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 2а. Л. 22.

с 2 евангелий, 2 потира, 2 дискаса, 4 тарелочки, 2 ложки, 2 ризы с икон»⁸⁹. Верующим оставили серебряный потир «с набором малого размера», ризу на местной иконе, напрестольный крест и одно «требное Евангелие с серебряной накладкой». Местная община говорила о необходимости второго потира, «хотя бы простого металла», который сотрудники подкомиссии обещали прислать.

Изъятие ценностей по волостям Олонецкого уезда завершилось посещением Сяндебского совхоза имени Ленина. Здесь 28 июня 1922 года сотрудники подкомиссии экспроприировали 106 предметов из серебра (весом 1 пуд 1 фунт 9 золотников) и один маленький нательный крест из золота⁹⁰. Всего из приходских и монастырских церквей Олонецкого уезда удалось собрать 7 пудов 37 фунтов 37 золотников серебра. Также были изъяты пара серебряных сережек с драгоценными камнями, золотая брошь с 106 бриллиантами (из Николаевского собора Олонца), пятирублевая золотая монета, жемчуг нитками и россыпью, один колокол⁹¹.

Финская коммуна «Райвая»

В истории Советской Карелии «финским периодом» называют 1920–1935 годы, когда у власти находились Эдвард Гюллинг и другие видные политические деятели из Финляндии. Они вошли в состав ревкома образованной декретом ВЦИК Карельской Трудовой Коммуны, границы которой были определены в августе 1920 года⁹². Финская диаспора в республике постепенно формировалась за счет политических эмигрантов, приехавших с 1918 года, и большей частью североамериканских финнов, прибывавших по вербовке, особенно активно в начале 1930-х годов, когда многие страны были охвачены Великой депрессией⁹³. К 1 октября

⁸⁹ НА РК. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 2а. Л. 22.

⁹⁰ Там же. Л. 22 об.

⁹¹ Там же. Л. 23. В соседнем Петрозаводском уезде из Яшезерской пустыни были увезены предметы из серебра весом 32 фунта 75 золотников, из Ладвинского Боголюбского монастыря — 17 фунтов 93 золотника. См.: НА РК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 2/3.

⁹² Быстрое создание Карельской Трудовой Коммуны историки объясняют стремлением большевиков нейтрализовать претензии финнов по вопросу самоопределения карелов. См.: Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. Петрозаводск, 2012. С. 53–101.

⁹³ Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. М., 1992. С. 150.

1932 года в республике находились 4399 переселенцев: они проживали в Петрозаводске, Соломенном, Лососинном, Кондопоге, Шуе, Вилге и пр.⁹⁴ Большинство из них трудилось в крупных организациях лесной отрасли, такой как «Кареллес». Они применяли новые для Карелии технологии рубки деревьев, используя лучковые пилы и канадские топоры с длинной ручкой.

В 1925 году группа рабочих и фермеров из Канады создала в Олонецком уезде передовую коммуну «Сяде» (фин. *Säde*)⁹⁵, о которой часто писали в газетах⁹⁶. Авторы хвалебных публикаций восхищались новыми технологиями, применявшимися финнами. Сельскохозяйственная артель «Райвая», образованная на бывших землях Задне-Никифоровской пустыни в 1922 году, не была столь знаменита, как ее соседка.

Эмигранты впервые появились на землях важеозерской обители 22 июля и в течение трех дней знакомились с ее бывшими угодьями и строениями. По всей видимости, им понравилось все, что они увидели. Работникам детколони в частной беседе финны заявили о своем намерении взять хозяйство целиком в аренду на 50 лет⁹⁷.

Среди документов Олонецкого УОНО обнаружилась составленная в сентября 1922 года подробная⁹⁸ «Опись недвижимого и движимого имущества, принятого от Олонецкого уездного отдела народного образования и переданного с/х артели «Райвая» в совхозе имени Зиновьева (бывшего монастыря Задне-Никифоровской пустыни в Олонецком уезде)»⁹⁹ с оценкой стоимости зданий и вещей «в золотой валюте мирного довоенного времени»¹⁰⁰. Первыми перечислялись жилые и прочие постройки (монастырские церкви и «предметы религиозного культа» не упоминаются, так как они оставались в пользовании верующих). Приведу сведения о них.

⁹⁴ Такала И. Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии. Петрозаводск, 2007. Вып. 2. С. 41.

⁹⁵ Там же. С. 32.

⁹⁶ «Поздней осенью 1925 года около г. Олонец появилась группа странных и дотоле в местности неизвестных людей; они были одеты в европейские костюмы и широкие пальто, некоторые даже в белых воротничках. Имея разрешение от Наркомзема АКССР, группа эта бродила целыми днями по кочкарникам и болотам и избороздила таким образом все окрестности самого южного и древнего города Карельской Республики — она искала пригодные для разработки земельной площади...» См.: Пеллинен С. Коммуна «Сяде» // Карело-Мурманский край. 1929. № 8/9. С. 10–12.

⁹⁷ НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 21/81. Л. 62.

⁹⁸ По всей видимости, имущественная опись составлялась с помощью сведений, полученных от монахов.

⁹⁹ НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 24/9. Л. 31–43 об.

¹⁰⁰ Общая стоимость арендованного имущества составила 51 189 рублей 29 копеек.

1. Деревянный двухэтажный дом с башней, бывший настоятельский корпус, обшивался и последний раз красился в 1909 году (его оценили в 15 000 рублей золотом).

2. Каменный корпус одноэтажный «в середине ворота с деревянной башней и ризницей», т. е. братский корпус с надвратной церковью преподобного Иоанна Рыльского, «имеет восемь маленьких комнат-келей» (в 1500 рублей).

3. Одноэтажный деревянный дом с башней, обшитый тесом и выкрашенный в 1909 году, «имеет десять отдельных комнат» (в 10 000 рублей).

4. Каменный двухэтажный дом на берегу озера с четырьмя отдельными комнатами (в 3 000 рублей).

5. Деревянный одноэтажный дом с восемью отдельными комнатами, бывшая гостиница для приезжающих (в 10 000 рублей).

6. Деревянный двухэтажный дом для скотниц с семью комнатами, «обшит тесом и не окрашен, крыша из дранки» (в 1 000 рублей).

7. Скотный двор, «пристроен к дому для скотниц на 40 голов рогатого скота с сараями и помещением для нагревания поила с водопроводом, покрыт тесом и вылезшей толью» (в 1 000 рублей).

8. «Прачешная на берегу озера Важезера с ручным насосом для подъема воды на скотный двор», в нем «два котла для нагревания воды и два деревянных ящика-корыта для стирки белья на девять и три ушата воды», он пришел «в совершенную негодность и подлежит перестройке» (в 28 рублей).

9. Конюшня для лошадей на двадцать голов скота, при ней каретник для экипажей и телег, три жилые комнаты для рабочих, шорная мастерская, «над всем зданием сарай для зерна», «крыша из теса была покрыта толью», требовала основательного ремонта (в 2 500 рублей).

10. «Тесовый сарай с двумя сквозными дверями для взвешивания сена, покрыт тесовой крышей» (в 50 рублей).

11. «Новый сарай для сена емкостью на 1500 пудов, покрыт тесовой крышей» (в 100 рублей).

12. Деревянная рига (сушилка и гумно), требуется новая крыша (в 300 рублей).

13. Деревянный сарай для хранения соломы, требуется новая крыша (в 80 рублей).

14. «Поднавес на столбах деревянный для сушки и хранения рыболовных сетей» (в 40 рублей).

15. *«Сушилка для рыбы под названием копилка»* (в 100 рублей).
  16. *Деревянный амбар для хранения продуктов на два отделения, «вполне пригодный»* (в 120 рублей).
  17. *Мельница водяная, «деревянное нижнее здание, один жернов исправный с подставом и один жернов запасной, отдельный звал для шести ступ, каждая ступа емкостью 4 ½ пуда зерна, два водяных колеса в исправности», «крыша над всей мельницей требует местами возобновления»* (в 200 рублей).
  18. *Деревянная плотина «с четырьмя шлюзами, правая стороны плотины исправна, левая требует ремонта»* (в 200 рублей).
  19. *Изба для мельника, «старая ветхая»* (в 70 рублей).
  20. *«Поднавес при избе для стоянки подвод с мукой, дощатый, полуразвален»* (в 15 рублей).
  21. *Дощатый сарай для хранения сена на 1500 пудов* (в 100 рублей).
  22. *Деревянный амбар «с ямой внутри для хранения картофеля», покрыт железной крышей* (в 500 рублей).
  23. *Ледник и над ним амбар для хранения тары* (в 150 рублей).
  24. *Деревянная баня с четырьмя отделениями, «один котел на пять ушат воды», требуется основательный ремонт потолков, полов и печи* (в 50 рублей).
  25. *Деревянная кузница* (в 100 рублей).
  26. *Новый сарай для сена бревчатый с таковой крышей на 1500 пудов* (в 250 рублей).
  27. *«За озером в скиту» деревянная баня «без котла с печью»* (в 35 рублей).
  28. *«Деревянный домик с одной комнатой, сенями, чуланом и вышкой, бывшая игуменская келья в одной версте от монастыря в лесу»* (в 150 рублей).
  29. *Деревянный дом в две кельи для столярной мастерской и слесарной, покрыт тесовой крышей* (в 150 рублей).
- Далее в описи помещены сведения о мебели, которая когда-то принадлежала Задне-Никифоровской пустыни и еще оставалась в помещениях (столы, стулья простые и мягкие, кресла, диваны, четыре настенных зеркала, шкафы, медные умывальники, пять стенных часов, два комнатных градусника, шкатулка резная, вешалки, шкафы двойные для одежды и пр.). Про большие настенные *«часы в футляре с висячим замком»* сказано, что они *«как вывезенные из церкви отданы обратно туда же»* (стоимость 90 рублей)¹⁰¹.

¹⁰¹ НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 24/9. Л. 33 об.

Доставшаяся от монахов *«посуда чайная, столовая и кухонная»* включала 14 чайных чашек с блюдцами; 5 глиняных кружек с ручками; 2 сахарницы из стекла; щипцы для колки сахара; проволочную сухарницу; 6 больших глиняных чайников; 40 маленьких чайников для заварки; 18 больших и малых самоваров; 74 глиняные тарелки; 20 простых вилок; 6 столовых ножей; 12 металлических судков; 10 квасных ковшиков из жести; 3 больших чугуна; 16 жестяных ведер; 5 котлов для варки; 5 медных кастрюль; большой медный куб в кухне; 30 противней для хлеба; 3 чугунные сковородки и пр.

В отдельных разделах имущественной описи упоминаются *«принадлежности для освещения»*; столярный, слесарный, кузнечный и сапожный инструменты (среди них дорогая швейная машинка «Зингер»); сельскохозяйственные орудия труда; *«принадлежности для фермы»* (среди них сепаратор системы «Сильвия», поддошники, маслобойка, весы и пр.); *«принадлежности прачешной»* (большой каток для белья и три чугунных утюга); *«принадлежности жилых комнат»* (занавески, коврики).

Список транспортных средств включал пять рабочих одноколки *«без ящиков»*, две четырехколесные телеги *«без ящика»* и две — *«с ящиками»*; два тарантаса *«без кибитки»*; двое дровней с подвозками; пять *«олонецких саней»*; кузов для тарантаса. Монастырские насельники всегда занимались рыбной ловлей; в наследство от них артельщикам остались четыре лодки и разнообразные снасти: 84 мережи; 17 жерд; 12 сетей; 160 продольников с крючками и бечевками; большой невод *«без матки, одни крылья»* (высота 4 аршина, длина 25 сажень); невод с маткой (оба стоили по 200 рублей); бредень *«два крыла»*; малый невод с маткой; лодочные якоря; запасные сети для ремонта; а также кожаные фартуки для рыбаков и котел для варки пищи.

В имущественной описи содержатся сведения о сельскохозяйственных орудиях, применявшихся на полях и огородах: пять плугов с лемехами; сеялка системы «Урожай»; американский железный плуг; две сохи; четыре бороны с железными зубьями; омеши; ручная веялка-сорторезка системы «Работник 1»; ручная немецкая молотилка; одноконная жатка; соломорезка; 104 серпа; 70 кос; 150 деревянных граблей и садовая машина для чистки дорожек. Как видно из списка, прежде монастырское хозяйство было оснащено разными механическими новинками. Также в бывшей пустыни на случай возгорания деревянных построек находилась *«двухцилиндровая пожарная машина»* (т. е. паровой пожарный насос).

При описании «живого рогатого скота» приводятся даже имена животных: коровы Дунька черная (5 отелов, 30 пудов); Манька бурая (7 отелов, 32 пуда); Ласточка черно-пестрая (10 отелов, 29 пудов); Белька (2 отела, 30 пудов); Девушка (3 отела, 35,5 пуда); Пустынница (1 отел, 28 пудов); вторая Белька (1 отел, 26 пудов); Нетели Галька, Шурка и Настя; телята Лебедка, Дочка и Цыганка; бык-трехлеток Ванька белый (22 пуда). В хозяйстве работали конь-мерин Ванька (18 лет), Васька (10 лет) и рыжий конь Пашка (15 лет). Кроме того, содержались гуси (3 штуки)¹⁰².

Олонецкий уездный отдел народного образования также передал финским эмигрантам оставшиеся от детской колонии зерно и фураж: 35 пудов овса, 10,5 пуда ячменя, 200 пудов ржаной и яровой соломы, 2500 пудов сена и 25 пудов мякины.

Выявленные в Национальном архиве Республики Карелия документы не содержат сведений о том, насколько успешно продвигались дела артели «Райвая» на Важеозере. По данным переписи 1926 года, в поселке Задне-Никифоровская Пустынь насчитывалось два крестьянских хозяйства и девять некрестьянских; здесь проживал 21 человек (14 мужчин и 7 женщин), из них восемь карелов, один финн и двенадцать русских¹⁰³. В 1928 году артели «Райвая» уже нет в официальных списках хозяйств Олонецкого района¹⁰⁴.

Заккрытие церквей на Важеозере

Мужской монастырь на Важеозере официально перестал существовать с момента национализации его имущества, но церкви Преображения Господня и Всех Святых были переданы в пользование общине верующих, состоявшей из последних насельников Задне-Никифоровской пустыни. В бытность детской колонии имени Зиновьева каменный храм у монахов отобрали: ее сотрудники безуспешно попытались устроить в нем самодеятельный театр для развлечения своих воспитанников. Богослужения в деревянной церкви продолжались до тех пор, пока при бывшей обители оставались ее самые верные постриженники, работавшие в советском хозяйстве до его закрытия в конце лета 1922 года.

¹⁰² НА РК. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 24/9. Л. 38.

¹⁰³ Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928.

¹⁰⁴ Никольский И. М. Справочная книжка АКСР. Петрозаводск, 1929. Ч. 1. С. 158.

В апреле 1929 года вышло новое постановление ВЦИКа и СНКа «О религиозных объединениях», окончательно поставившее жизнь православных общин под жесткий контроль государства¹⁰⁵. Пастырская и богослужебная деятельность священников строго ограничивалась пунктами, где они имели постоянное жительство. Уже существовавшие общества или группы верующих должны были обязательно пройти перерегистрацию в горсоветах или районных исполкомах. Формальным поводом к ликвидации того или иного храма могли стать несвоевременная уплата налогов его общиной, неточное исполнение распоряжений о регистрации, оттягивание необходимого ремонта «молитвенного помещения» из-за нехватки средств¹⁰⁶.

Отныне религиозное общество (не менее 50 членов) или группа верующих (не менее 20) могли пользоваться «только одним молитвенным помещением»¹⁰⁷. При этом в законе прописывалось «часовни рассматривать как самостоятельные молитвенные помещения и не допускать, чтобы по договорам сдавались одновременно церкви и приписанные к ним часовни». Президиум Карельского ЦИКа в конце июня 1929 года приказал районным исполкомам «проверить выполнение этого правила на местах и принять меры к ликвидации излишних помещений»¹⁰⁸. В Советской Карелии началось массовое закрытие церквей. Повсеместно разрушались или уродовались сельские и городские храмы, включая те, что были ценными архитектурными памятниками¹⁰⁹.

Храмы Преображения Господня и Всех Святых на Важеозере после ухода последних монахов оставались в ведении Коткозерского религиозного объединения, которое должно было ежегодно платить за них в государственную казну полагавшиеся налоги. В фонде КарЦИКа обнаружались документы, рассказывающие о закрытии Петропавловской и Рождественской церквей в самом Коткозере и свидетельствующие о фактической заброшенности монастырских храмов к весне 1931 года¹¹⁰.

¹⁰⁵ В мае 1929 года XIV Всероссийский съезд Советов изменил четвертую статью Конституции РСФСР — вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» теперь допускалась только «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды».

¹⁰⁶ При закрытии действующей церкви местные власти должны были представить в Центральное административное управление НКВД КАССР соответствующие постановления общего собрания граждан, сельсовета, райисполкома; сведения о количестве прихожан; копию договора на пользование церковным зданием.

¹⁰⁷ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 44/465. Л. 36.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Детчурев Б. Ф., Макуров В. Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999. С. 65.

¹¹⁰ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 4/18.

Среди бумаг, подшитых в архивное дело о закрытии коткозерских церквей, есть рукописный текст коротенькой заметки под названием «Долго ли ждать?» для республиканской газеты «Красная Карелия»: «Полгода назад граждане села Коткозера единогласно согласились взять церковь под клуб. Собрал подписи, выслали в Олонецкий РИК, не получая долго ответа, запросили РИК снова, но дело и до сих пор не движется, а старики и старушки нашли себе «холодного» попики и кроют по праздникам в колокол, отзванивая утрени-обедни, а кинопередвижка теснится в холодном тесном помещении. Население ждет ответа»¹¹¹. После ее публикации Олонецкий РИК разрывает договор с Коткозерским религиозным объединением 29 октября 1931 года¹¹².

Еще в конце мая 1931 года одновременно с образованием на Важеозере Интерпоселка из Олонецкого районного исполкома был послан запрос в Карельский ЦИК по поводу оставшихся в монастырской усадьбе двух забытых храмов: «в бывшем Задне-Никифоровском монастыре (в Коткозерском с/с) не ликвидированы две церкви, при чем церкви уже давно закрыты, т. е. не используются за отсутствием религиозного объединения. Все прочие постройки, в том числе и здания церквей, по постановлению СНК АКССР и РИКа передаются Кареллесу. В силу чего секретариат РИКа просит сообщить о возможности ликвидации выше указанных церквей»¹¹³.

Олонецкий РИК, как свидетельствуют архивные материалы, принимал постановление отобрать у верующих Петропавловскую и Рождественскую церкви в Коткозере «за недоимку налогов»¹¹⁴. Его решение, однако, не было утверждено на заседании комиссии по вопросам культов (председатель А. Н. Скворцов, секретарь К. Н. Беляев) КарЦИКа, проходившем 8 декабря 1931 года¹¹⁵. По результатам проведенного голосования передачу церквей государству поддержали жители 18 из 26 селений, пользовавшихся «молитвенными зданиями» в Коткозере. Ранее члены местного религиозного совета Константин Феоклстов, Иван Борисов, Андрей Усачев, Андрей Молоков, Василий Арсентьев сообщали в Олонецкий районный исполком об отсутствии у них денег на содержание всех четырех храмов (включая монастырские)¹¹⁶. Верующие

¹¹¹ Там же. Л. 119.

¹¹² Там же. Л. 158 об.

¹¹³ Там же. Д. 35/234. Л. 231.

¹¹⁴ Там же. Д. 4/18. Л. 122.

¹¹⁵ Там же. Д. 35/234. Л. 9.

¹¹⁶ Там же. Д. 4/18. Л. 158.

соглашались оплачивать налог только за две коткозерские церкви (215 рублей 82 копейки). Комиссия по вопросам культа разрешила оставить открытым Рождественский храм, однако позднее, в 1933 году, он был тоже отобран у местной общины¹¹⁷. По данным петрозаводских историков Б. Ф. Детчуева и В. Г. Макурова, в 1937–1938 годах четыре священника, служившие в приходских храмах Олонецкого района, были расстреляны, в их числе оказался коткозерский батюшка Александр Николаевич Сидонский¹¹⁸.

Важеозерские храмы, построенные во второй половине XIX века, не были полностью разрушены в советские годы: «путем уборки церковных атрибутов» они были переделаны еще в довоенное время для дальнейшего использования «в культурно-просветительских целях». Специалисты по архитектуре не проявляли к ним особого интереса. Преображенская и Всехсвятская церкви не вошли в список архитектурных памятников, опубликованный в 1928 году¹¹⁹.

В июле 1952 года в Интерпоселке побывала экспедиция, организованная Управлением по делам архитектуры при Совете министров КФССР. В ее составе находились В. П. Орфинский, В. П. Розин, Ю. А. Шаталова, Н. И. Комаров, Н. А. Мордвинцева¹²⁰. В полевом дневнике они записали: «Монастырские постройки состоят из двух маленьких зданий второй половины XIX века и из трех деревянных так же конца XIX века. Каменная церковь (ныне столовая) — образец эклектики. Огромные оконные проемы обрамлены наличниками из расчлененных на руст пилястр, поддерживающих подобие закомар. Следует отметить хорошее выполнение строительных работ. Кирпич-железняк, раствор — цемзянка. Второе каменное здание остатки ворот с надвратной церковью, выполненной в дереве. По бокам ворот присоединены деревянные постройки. Пристройки и деревянная надстройка сверху, заменившая разрушившуюся или не построенную церковь, сделаны явно позднее. Одновременно с пристройками были сделаны наличники на каменных воротах, для чего на поверхности стены были нанесены насечки. Наличники

¹¹⁷ НА РК. Ф. Р-689. Оп. 5. Д. 32/232. Л. 18.

¹¹⁸ Также были приговорены к высшей мере наказания Виталий Иванович Мегорский (Юргилицы), Андрей Иванович Тихомиров (Успенская церковь Олонца), Александр Федорович Ухотский (Тукса). См.: Детчуев Б. Ф., Макуров В. Г. Государственно-церковные отношения в Карелии... С. 151, 153.

¹¹⁹ Уместно добавить, что в нем упоминаются две Никольские церкви, стоявшие в Сяндемской пустыни (1696 года) и Андрусовой пустыни (XVI века), что не спасло их от варварского уничтожения в последующем. См.: Никольский И. М. Справочная книжка автономной Карельской ССР. Петрозаводск, 1929. С. 197.

¹²⁰ Архив НМРК. Д. 3146.

на воротах, выполненные в штукатурке, в точности повторяют деревянные наличники пристроек. Деревянная церковь и два здания для монахов чистейший городской модерн. Раньше монастырь был окружен каменной стеной, сейчас полностью разрушенной. Из опроса местных жителей выяснилось, что раньше существовал деревянный монастырь на другом берегу озера. После пожара¹²¹ монастырские постройки были сооружены на том берегу»¹²². Как видно из текста, специалисты не сочли уцелевший на Важеозере архитектурный ансамбль ценным.

Только в 1995 году, когда монашеская обитель уже возродилась, постановлением председателя республиканского правительства № 654 от 8 августа комплекс деревянных и каменных построек «Важеозерский монастырь (Задне-Никифоровская пустынь)» был признан памятником градостроительства и архитектуры регионального значения и поставлен на государственную охрану¹²³.

Вместо монастыря — Интерпоселок

В 1929 году постановлением Совета народных комиссаров АКССР был образован Пряжинский леспромхоз лесозаготовительного треста «Кареллес»¹²⁴, в который вошли Святозерское (вместе с Важеозерьем) и Сямозерское лесничества¹²⁵. Согласно приказу треста от 28 августа 1931 года, недвижимое имущество ликвидированной мужской обители передавалось в непосредственное ведение Пряжинского леспромхоза, а населенный пункт Задне-Никифоровская Пустынь переименовывался в поселок строительных рабочих Интернационал¹²⁶. Его жителями стали иммигранты из США, Канады и Финляндии, поэтому он и получил такое название.

¹²¹ Очевидно, речь идет о страшном пожаре 1885 года.

¹²² Архив НМРК. Д. 3146. Л. 4.

¹²³ Учетные карточки на отдельные объекты культурно-исторического наследия, расположенные в возрождавшемся монастыре, составлялись петрозаводским архитектором Владимиром Копниным в сентябре 1994 года и содержат не всегда верные сведения.

¹²⁴ Трест «Кареллес» организован в 1923 году и объединял все южные лесопильные заводы Карелии. С 1925 года тресту переданы все заводы на севере Карелии. См.: Никольский И. М. Справочная книжка автономной Карельской ССР... С. 141.

¹²⁵ Крупное объединение деревообрабатывающей промышленности Карелии включало семь лесопильных заводов и мебельную фабрику в Петрозаводске. В 1937 году Пряжинский леспромхоз перешел в ведение треста «Южкарлес». См.: НА РК. Ф. Р-286. Оп. 7. Д. 15/107. Л. 2.

¹²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 16/138. Л. 322.

Основателями лесного интернационального поселка стали первые два десятка североамериканских лесорубов, обосновавшихся на территории бывшего монастыря в 1931 году¹²⁷. Коллективом рабочих управлял Эйно Александрович Айрио, до этого возглавлявший Поросозерскую партийную ячейку. При лесопункте создали подсобное хозяйство, для того чтобы обеспечить рабочих и их семьи продуктами питания. Возводились добротные деревянные бараки со светлыми просторными комнатами.

Новому поселку посвящена восторженная заметка в журнале «Карело-Мурманский край», опубликованная в 1931 году¹²⁸. Приведу частично ее текст. *«В далекой Олонецкой лесной глуши, в 120 км от Петрозаводска, на берегу озера Важезера, обозначенного на карте Карелии маленьким синим пятнышком, высилась тридцатиметровая деревянная башня Задне-Никифоровского монастыря. Революция уничтожила гнездо мракобесия. До 1931 года стихии разрушили монастырские строения: ветры сорвали железо с крыш, вода подтачивала фундаменты стен, рушились печи, вываливались окна, проваливались полы. Любители бесплатных приобретений активно содействовали разрушающим процессам стихии, ворую стекла, доски, железо, гвозди. Уныло и безнадежно выглядело к 1931 году монастырское наследство. Начало октября 1931 года открыло новую страницу в истории бывшего монастыря. В начале октября 1931 года у монастырских стен появились люди: 25 человек рабочих-эмигрантов, приехавших из-за океана в леса Карелии для участия в строительстве своего интернационального рабочего отечества. С этого момента разрушающиеся стены Задне-Никифоровского монастыря становятся первым приютом строящегося поселка рабочих-лесорубов «Интернационал».*

Одной из первоочередных своих задач коллектив рабочих поселка «Интернационал» сразу ж признал задачу создания при поселке собственной фуражной и продовольственной базы. На бесперебойный завоз фуража и продовольствия из снабжающих центров нельзя было возлагать больших надежд. Достаточно сказать, что от ближайшего крупного хозяйственного центра — Петрозаводска — до поселка нужно преодолеть сто пять километров Олонецкого тракта и около

---

¹²⁷ Голубев А., Такала И. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб., 2019.

¹²⁸ Научно-популярный журнал издавался несколько раз в месяц Совнаркомом АКССР и правлением Мурманской железной дороги. В нем публиковались материалы по истории Карелии и Мурманского края.

пятнадцати километров почти непроходимой летом, безусловно непроходимой весной и осенью и доступной лишь в зимнее время проселочной дороги.

Главным инициатором создания совхоза при поселке явился большевик-рабочий Эйно Александрович Айрио, бывший красный партизан, ныне возглавляющий коллектив рабочих поселка «Интернационал»... Еще до конца зимы 1931 года коллектив «Интернационала» и его руководство приступило к осуществлению мысли о создании совхоза. Был разработан подробный календарный план строительства совхоза и сельскохозяйственных работ... Основные сельскохозяйственные работы ложились до окончания лесозаготовительного периода на женский труд: уход за скотом, чистка хлебов, сортирование семян и пр. Но по мере того, как освобождались рабочие на лесозаготовительном фронте, «Интернационал» сумел подготовить рамы для парникового хозяйства, подготовить земельные участки, вывезти навоз, вспахать и засеять первые свои поля, одновременно развернув ремонт и строительство хозяйственных и жилых помещений»¹²⁹.

В январе 1932 года в Интерпоселке жили 120 лесозаготовителей. При созданном здесь хозяйстве содержались коровы (20 голов) и свиньи (50). На бывших монастырских полях выращивались кормовой горох, картофель и овощи (насчитывалось 16,5 гектаров разработанной земли). В 1933 году планировалось расширить посевные площади и сенокосы на 50 гектаров, стадо крупного скота увеличить до 100 голов, количество свиней — до 150; построить новый скотный двор и пять жилых домов, а также устроить на реке Важеозерке гидростанцию. Для всех задуманных дел требовалось довести кадровый состав рабочих до 500 человек.

В Интерпоселке действовали амбулатория, клуб, ясли, радиоузел, столовая. Начальная школа, открытая в 1931 году, размещалась в деревянном здании, построенном еще в бытность монастыря. Водопровода и канализации в нем не было. Уборная находилась во дворе. Все занятия проходили в одной комнате. Как следует из паспорта об учебном заведении, школе не хватало кабинета для педагогов и физкультурного зала. В одну смену здесь на финском языке обучались два класса: в 1936/37 году — 29 человек, в 1937/38 году — 40. Единственный учитель одновременно был и заведующим школы. Его звали Петр Иванович Хольмстрем. Он приехал в лесопункт в 1936 году¹³⁰.

¹²⁹ Пашлаков В. А. Лесосовхоз «Интернационал» // Карело-Мурманский край. 1931. № 7–8. С. 29–31.

¹³⁰ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 100/911.

Периодом расцвета Интерпоселка историки называют первую пятилетку его существования (1932–1937 годы). Как раз в этот период здесь побывал талантливый немецкий художник Генрих Фогелер (1872–1942)¹³¹, чья коллекция живописных рисунков и акварелей с 1936 года хранится в фондах Национального музея Республики Карелия¹³². На них изображены разные населенные пункты советской республики, показан тяжелый физический труд сплавщиков, земледельцев, строителей, лесорубов.

*Г. Фогелер. Интернациональный поселок. 1933–1934 гг.
Опубл.: Коллекция рисунков и акварелей Генриха Фогелера.
Национальный музей Республики Карелия.
http://catalog.karelia.ru/fogeler/title_r.htm*

¹³¹ Генрих Фогелер совершает регулярные поездки в Советскую Карелию с 1923 по 1936 год. Его первые впечатления от путешествия по Мурманской железной дороге были опубликованы в 1926 году. См.: *Фогелер Г. Карельские впечатления // Карело-Мурманский край. 1926. № 22. С. 9–13.*

¹³² В 2010 году в Национальном музее Республики Карелия проходила выставка, посвященная творчеству Г. Фогелера. На ней были представлены 17 работ художника.

Акварель «Интернациональный поселок» (24 × 30,5 см)¹³³ датирована 1933–1934 годами. На ней со стороны совхозных огородов видны разные строения бывшей монастырской усадьбы, изображенной в летний день. На первый взгляд она мало изменилась. Надвратная церковь по-прежнему увенчана одной главкой. Рядом с ней стоит деревянный келейный корпус с башенкой на крыше, однако на высокой колокольне скрытого за ним Преображенского храма, окруженного деревьями с густой зеленой листвой, развивается большой красный флаг — яркий символ нового времени. Каменной ограды уже нет, ее успели разобрать во время строительства Интерпоселка. Возле паломнической гостиницы и недавно возведенного финнами аккуратного бревенчатого барака заметен небольшой грузовик.

Г. Фогелер, ограничившись одной акварелью Интерпоселка, не стал рисовать отдельно его постройки или жителей. Известно, что в те годы рядом с Преображенской церковью, где размещалась местная начальная школа со спортивным залом, располагалась открытая танцевальная площадка, для которой поверх братских могил положили деревянный настил (при этом финны пощадили большую березу и не стали срубить красивое дерево, проделав для него отверстие в дощатом покрытии). Храм во имя Всех Святых превратился в поселковый клуб для рабочих с кинозалом и столовой.

В 1933 году Интерпоселок (подчинялся Святозерскому сельсовету) был переведен из состава Олонецкого района в Пряжинский. По данным проходившей тогда переписи, в поселке проживали 141 мужчина, 80 женщин (всего 221 человек), из них 10 русских, 26 карелов и 185 финнов¹³⁴. Часть из этих людей в 1937 году ожидала трагическая участь. В книге «Место памяти Сандармох» приводятся имена трех репрессированных мужчин, арестованных в Интерпоселке и расстрелянных 28 декабря 1937 года: трелевщик Ниило Яковлевич Алхайнен (1896 года рождения, уроженец губернии Вааса, Финляндия), прибыл из США в 1933 году; каменщик Ади Касперович Валве (1897 года рождения, уроженец губернии Миккели, Финляндия), приехал в 1930 году; Мартти Акселевич Варья (1891 года рождения, уроженец Выборгской губернии)¹³⁵.

В Интерпоселке, как и в Сямозере, Кутижме и Киндасово, в конце 1930-х годов действовала механизированная база Пряжинского ЛПХ¹³⁶. После волны арестов и расстрелов интернациональный поселок продолжал

¹³³ КГМ-13502.

¹³⁴ Список населенных мест (по материалам переписи населения 1933 года). Петрозаводск, 1935. С. 42.

¹³⁵ Место памяти Сандармох. Петрозаводск, 2019. С. 29, 121.

¹³⁶ Красная Пряжа. 1939. № 16. С. 2.

жить и работать. Один из сборников, выпущенных Петрозаводским университетом в 2006–2008 годах в рамках проекта «Устная история Карелии», посвящен истории иммиграции североамериканских финнов, живших в республике в 1930-е годы. Один из переселенцев, Вейкко Лекандер, чья семья переехала из Канады и в 1938 году оказалась в Интерпоселке, вспоминает: *«Там в основном жили канадские финны. Бывший монастырь. Все говорили между собой только по-фински, русскую речь там очень редко было слышно»*¹³⁷.

Власти республики вспомнили про Интерпоселок в начале Зимней войны — здесь стояли построенные лесозаготовителями крепкие дома с туалетами, переделанные под клуб и столовую церкви и все еще пригодные для использования монастырские деревянные и каменные постройки. Удаленное глухое место было удобно для содержания здесь финнов, вывезенных с занятых территорий.

«Пленники монастыря»

В ходе советско-финляндской войны 30 января 1940 года Ставка Главного Военного Совета выпустила директиву «О мерах по борьбе со шпионажем», в которой говорилось о необходимости *«выселить все гражданское население с занятой нами территории и с территории СССР в 20–40 километровой полосе от госграницы»*. Руководство страны и командование Красной Армии стремились обезопасить тыл и предупредить возможную утечку информации о предстоявших военных операциях¹³⁸. С 6 февраля 1940 года началось выселение в глубь республики финских граждан, остававшихся в захваченном районе Суоярви. В числе поселений, выбранных для размещения интернированных финнов, оказался Интерпоселок¹³⁹. В них устанавливались режим и охрана переселенцев, как в «кулацких трудовых поселках». Обеспечение порядка возлагалось на районные отделения Наркомата внутренних дел.

¹³⁷ Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск, 2007. Вып. 2. С. 121.

¹³⁸ Такова была обычная международная практика по интернированию иностранцев в период военных действий. См.: Веригин С. Г. Выселение финского населения на территорию Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 гг.: репрессивный акт или вынужденная мера? // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1. С. 18, 27.

¹³⁹ Также отправляли в Кавгору-Гоймае Кондопожского района и Кинтезьму Калевальского района. Места поселений в Советской Карелии определялись директивой НКВД СССР № 41, подписанной Л. П. Берией.

В спецлагерь Интерпоселка попали 1329 человек, в их числе 194 мужчины, 401 женщина и 734 ребенка до 16 лет — жители деревень и хуторов кирхшпилей¹⁴⁰ Суоярви и Салми¹⁴¹. Колхозный поселок к тому времени был заброшен. Уединенное место отлично подходило для полной изоляции интернированных от местного карельского населения (чтобы не вели антисоветскую пропаганду). Около пяти месяцев финны провели в тяжелых условиях барачной жизни. С середины февраля 1940 года отношение к переселенцам ужесточается¹⁴². Нарком внутренних дел Карело-Финской ССР Михаил Иванович Баскаков выступал с предложением передать поселки Кавгора и Интерпоселок Управлению Беломорско-Балтийского лагеря НКВД.

Томившиеся в Интерпоселке переселенцы с нетерпением ждали окончания войны, активно обсуждали заключение мирного договора между СССР и Финляндией. Многие из них были готовы нелегально покинуть Интерпоселок. Организатором планировавшегося побега был 60-летний Матти Николаевич Паюнен, учитель по профессии. Он написал заявление на имя будущего президента Финляндии Юхо Кусти Паасикиви¹⁴³ в финскую миссию в Москве с просьбой ускорить решение вопроса об их выезде на родину¹⁴⁴. Подробности об этом известны из секретной «специальной записки о положении финского населения в спецпоселках на территории КФСР 30 апреля 1940 года», составленной М. И. Баскаковым и адресованной секретарю ЦК КП КФСР Г. Н. Куприянову, председателю СНК КФСР П. В. Солякову и начальнику ЭКО ГУГБ НКВД СССР Кобулову: «В связи с заключением мирного договора между СССР и Финляндией среди финского населения, сконцентрированного в поселках, стали широко распространяться настроения за возвращение на жительство в Финляндию. Уже сейчас во всех спецпоселках имеются одиночки и группы финнов, которые готовят нелегальный переход границы на сторону Финляндии. Одна из таких групп в количестве 9 человек оформилась в Интерпоселке Пряжинского района, в числе которой имеются шюккористы, солдаты финской

¹⁴⁰ Кирхшпиль — лютеранский приход, состоявший из нескольких деревень.

¹⁴¹ В Кавгоре-Гоймае оказался 481 человек, в Кинтезьме — 270. Как считают историки, многим переселенцам это спасло жизнь, так как на территории Суоярвского района велись ожесточенные бои. См.: Веригин С. Г. Выселение финского населения... С. 19.

¹⁴² Там же. С. 20.

¹⁴³ Ю. К. Паасикиви подписал 13 марта 1940 года Московский мирный договор, завершивший Зимнюю войну.

¹⁴⁴ Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 312–313.

армии и кулаки. Данную группу возглавляет Паюнен М. Н., 1880 года рождения, уроженец Финляндии, учитель, активный член шюцкора в чине сержанта. Отдельные ее участники перед совершением побега в Финляндию намерены совершить вредительские акты. Тойвонен В. К. 8 апреля сего года в клубе Интерпоселка говорил: «Я здесь жить не буду. Все равно уйду в Финляндию, но перед уходом постараюсь здесь отомстить так, что меня будут помнить». Кроме того, он заявляет, что при возвращении в Финляндию убьет трех человек, которые его, якобы, «продали Советскому Союзу». В последнее время Паюнен М. Н. среди проживающих в Интерпоселке переселенцев-финнов ведет активную агитацию за немедленное возвращение в Финляндию. В этих целях на имя Паасикиви в финскую миссию в Москве Паюнен написал заявление, в котором ходатайствует ускорить разрешение вопроса в части выезда всех переселенцев-финнов из СССР в Финляндию. С данным заявлением Паюнен обходит всех переселенцев и собирает от них подписи.

До последнего времени часть трудоспособного финского населения, сконцентрированного в поселках, работало на лесозаготовках, так, например, в поселке Кавгора работало 40 человек, Кинтезьма — 60 человек и Интерпоселке — 80 человек. Другая часть переселенцев, нетрудоспособных и обремененных большим количеством детей, не в состоянии была выходить на работу и для существования систематически получала материальную помощь от бывшего Народного правительства Финляндии. По трем поселкам нами зарегистрировано 89 семейств, в большинстве случаев с одним трудоспособным и имеющим на иждивении от 5 до 10 детей, не считая значительного количества мужчин и женщин преклонного возраста. В связи с тем, что за последнее время материальная помощь данной категории лиц оказывается нерегулярно, часть переселенцев, особенно в поселке Кинтезьма Калевальского района и Кавгора Кондопожского района, голодает. На почве недоедания среди них имеют место заболевания. В течение февраля, марта и апреля сего года во всех поселках зарегистрировано до 50 смертей финнов преклонного возраста, а также и детей. Некоторые из переселенцев распродают местному населению привезенную с собой одежду и предметы домашнего обихода и на эти средства существуют».

М. И. Баскаков предлагал выслать работоспособных финнов из Интерпоселка в Сибирь на лесозаготовки: «Учитывая, что иностранные разведки в дальнейшем будут использовать это финское население как базу для подрывной работы против СССР, устанавливать

с шюэкористами связь и через них вести шпионскую работу, считаю целесообразным всех прибывших финнов с территории Финляндии переселить в Сибирь, о чем прошу поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и Правительством Союза ССР. До решения этого вопроса считаю целесообразным и прошу дать указания Наркомсобесу: инвалидов и лиц преклонного возраста, которые не могут выполнять физическую работу, отобрать и передать в дома социального обеспечения, а их детей организовать в детские дома Наркомпроса. Рабочую силу использовать на лесозаготовительных и сплавных работах с оставлением существующей охраны»¹⁴⁵.

После окончания Зимней войны в мае 1940 года в Карелии создаются три комиссии по эвакуации интернированных финнов: в Петрозаводске — для расселенных в бывшей Задне-Никифоровской пустыни, в Кондопоге — в районе Кавгоры, в Ухте — в Кинтезьме. Из Интерпоселка и Кондопоги финнов вывозили по маршруту Петрозаводск — Суоярви — Вяртселя. Большая часть интернированных покинула Россию 1 июня 1940 года.

Финская оккупация

В начале сентября 1941 года в ходе наступления на Петрозаводском направлении финские войска вышли к берегам Важеозера. Здесь не гремели ожесточенные бои, не проводились военные операции, поэтому сохранившиеся к тому времени монастырские постройки не были уничтожены. На оккупированной территории бывшей Задне-Никифоровской пустыни 23 сентября 1941 года побывали писатель Олави Пааволайнен (1903—1964) и Мартти Хаавио (1899—1973), видный исследователь фольклора и мифологии Ингерманландии¹⁴⁶. Оба были привлечены к пропагандистской деятельности, которую проводило Министерство обороны Финляндии. В деревне Нурмойла, захваченной неприятелем 6 сентября 1941 года, располагалось 1-е информационное общество 6-го армейского полка. Отсюда фронтовые корреспонденты расходились по разным карельским поселениям и затем отправляли свои заметки в редакции финских газет.

¹⁴⁵ УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 66. Л. 68—72.

¹⁴⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск, 2001. С. 611.

Офицеры службы информации Олави Пааволайнен и капитан Мартти Хаавио выбрали для посещения Интерпоселок, где, как они знали, раньше существовал мужской монастырь. Им хотелось найти здесь какие-нибудь интересные вещи — возможные экспонаты для Национального музея Финляндии. Свои впечатления они заносили в полевые дневники, которые в послевоенные годы были опубликованы¹⁴⁷.

Олави Пааволайнен красочно описывал карельские пейзажи, будучи очарован «*поэзией дикой природы*» Важеозерья. Как он признавался, в его голове постоянно звучали симфонии любимого Яна Сибелиуса. Мартти Хаавио писал о жутком состоянии лесной дороги, соединявшей Интерпоселок с трассой, ведущей в Петрозаводск: они с большим трудом добрались до Важеозера на автомобиле, встретив по пути пожилого карела, ехавшего верхом на лошади. Офицер вспоминал 1930-е годы, когда иммигранты из Финляндии, США и Канады дружно работали в Интерпоселке. Построенные ими деревянные дома несли на себе «финский отпечаток» благодаря большим окнам, покрытым дранкой крышам и аккуратной работе мастеров-плотников, напоминая многосемейные дома со съемными квартирами на оставленной родине. При обследовании заброшенных зданий Мартти Хаавио и Олави Пааволайнен находили в пустых комнатах оставленные прежними жильцами письма и поздравительные открытки, которые они получали от родственников¹⁴⁸.

В отличие от финских домов, все уцелевшие к тому времени постройки Задне-Никифоровской пустыни выглядели печально и совершенно не впечатлили обоих офицеров: вместо древних шатровых храмов, о которых они грезили, перед ними на берегу Важеозера предстали обезображенные церкви, возведенные во второй половине XIX века. Журналисты «одобрили» только парадные ворота, которые когда-то вели во внутреннее каре. «*Я напрасно ищу воспоминания о старом монастыре*», — записал в дневнике Мартти Хаавио. Осматривая бывшую усадьбу монашеской обители, он набрел на помещение школы, работавшей при лесопункте до начала войны. Здесь ему удалось найти только разбросанные советские учебники и настенные плакаты о животноводстве. Олави Пааволайнен «*на чердаке колхозного дома*» среди старого хлама обнаружил

¹⁴⁷ *Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtia vuosilta 1941–1944. Porvoo; Helsinki, 1946; Haavio M. Me marssimme Aunuksen teitä. Päiväkirja sodan vuosilta 1941–1942. Porvoo; Helsinki, 1969.*

¹⁴⁸ *Haavio M. Me marssimme Aunuksen teitä... P. 166–168; Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu... P. 210–215.*

древнюю икону Божией Матери («грустной и нежной Мадонны»), спрятанную неизвестно кем и когда. Скорее всего, этот образ был вывезен из Интерпоселка и позднее передан в фонды Национального музея Финляндии. Добавлю, что в 1942 году Олави Пааволайнен и Мартти Хаавио в составе экспедиции финского археолога Сакари Пяльси обследовали Александро-Свирский монастырь¹⁴⁹.

Со времени оккупации в военном архиве Финляндии сохранилась серия уникальных черно-белых снимков, сделанных 15 и 22 сентября 1941 года фотографами Тимом Боргом (Tim Borg) и Олави Аавико (Olavi Aaviko), которые посещали Интерпоселок до приезда журналистов. На них изображены бывшие монастырские постройки, уцелевшие к началу 1940-х годов.

Несколько фотографий посвящено каменному храму Всех Святых. На одной из них видим его внутреннее пространство. Над сценой, устроенной в алтарной части, выведен политический лозунг: «Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины». Эти слова были взяты из речи И. В. Сталина, произнесенной 10 марта 1939 года в отчетном докладе на XVIII съезде партии. Перед сценой стоят ряды дощатых скамеек для зрителей; на грязном полу валяются старые бумаги и мусор; на стенах развешены портреты большевистских вождей. На другом снимке — каменный храм за низким деревянным забором из штaketника на фоне озера. Белая штукатурка, покрывавшая его стены, постепенно осыпалась; железная крыша сохранилась, но вместо центральной церковной главы из нее торчал стержень, на котором она когда-то держалась; за алтарной частью в песчаном холме была вырыта овощная яма-погреб. На третьей фотографии перед нами — северная стена Всехсвятского храма с парными окнами, из-под которых вываливаются кирпичи, и вход в какое-то хранилище, устроенное прямо в церковном подклете.

Трехъярусная колокольня на Преображенском храме была разобрана в предвоенные годы. Церковное здание на черно-белом снимке имеет заброшенный вид: резные детали карниза отваливаются, дощатая обшивка с булыжного фундамента частично оторвана; забытая еловая гирлянда, украшавшая крышу над крыльцом, давно засохла. Рядом с Преображенской церковью по выходным и в праздники для обитателей Интерпоселка в мирное время устраивались танцы на открытой площадке со скамейками по периметру. Красивая аллея из раскидистых берез спускалась к деревянным хозяйственным постройкам, стоявшим на бывшем монастырском поле.

---

¹⁴⁹ См. подробнее: Кантор Ю. Э. Невидимый фронт. Музеи в России в 1941–1945 гг. М., 2018.

*Строения Задне-Никифоровской пустыни во время финской оккупации.
Опубл.: Финский военный фотоархив. URL: sa-kuva.fi*

Настоятельский дом в два этажа, во дворе которого по-прежнему росли высаженные в бытность мужского монастыря деревья, виден на нескольких фотографиях. Это здание давно не ремонтировалось, как и братский корпус с надвратной церковью, ярко освещенный лучами сентябрьского солнца. В окнах кое-где повреждены стекла, а гладкие каменные колонны, украшавшие парадный вход, изуродованы выщербинами.

За пределами монастырского комплекса выстроились рядами бревенчатые одноэтажные дома, освещавшиеся большими окнами с межстекольными переплетами. Внимательно взглядевшись в один из снимков, можно увидеть

старый медный самовар, вытащенный кем-то из дома и поставленный на землю. Перед баракom, стоявшим первым у бывшего парадного входа в разоренный монастырь, четверо подростков, одетых в пальто и ватники с шапками и платками на головах, роятся в мусорном хламе на месте сгоревшего дома. Недалеко от них финские фотографы Тим Борг и Олави Аавико запечатлели пожилую женщину с мальчиком, видимо, пришедшим из ближайшей карельской деревни на брошенное совхозное поле за картошкой.

Послевоенное Важеозерье

В мирное время, после окончания Великой Отечественной войны, для восстановления и успешного развития лесной промышленности Карелии остро требовалась новая рабочая сила. На лесозаготовках принудительно трудились сотни заключенных, и местные леспромхозы должны были обеспечивать их жильем, инструментом, дровами, питанием. Важеозерские лесные угодья, как уже говорилось, относились к леспромхозу Пряжинского района, который входил в состав треста «Южкареллес»¹⁵⁰. В Интерпоселке находился лесозаготовительный пункт Пряжинского ЛПХ. Для сплава заготовленных зимой бревен на маловодных извилистых речках Важинке и Рандозерке были устроены плотины (их остатки можно видеть в наши дни).

В архиве сохранились протоколы общих собраний рабочих и служащих за разное время. Осенью 1945 года люди жаловались на острый дефицит дров («делят чуть ли не килограммами»)¹⁵¹. Не хватало здоровых лошадей — именно от состояния этих животных напрямую зависели темпы вывозки заготовленных бревен из леса. В районной газете «Красная Пряжа» во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов регулярно появлялись заметки о том, что Интерпоселок срывает рабочие графики и не выполняет планы лесозаготовок. Так, в октябре 1949 года при начальнике Алексееве вместо положенных 7 000 кубометров древесины были заготовлены только 2 182 кубометра¹⁵². Основными причинами назывались «неправильная организация труда на делянках», небрежное отношение лесозаготовителей к инструменту¹⁵³.

¹⁵⁰ НА РК. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 11/114. Л. 11.

¹⁵¹ Там же. Л. 2.

¹⁵² Красная Пряжа. 1949. № 83. С. 2.

¹⁵³ Иванов В. В Интерпоселке неорганизованно ведут сплав // Красная Пряжа. 1948. № 38.

С 1951 по 1954 год при директоре Пряжинского ЛПХ Петре Александровиче Пахомове в Интерпоселок приехали 17 семей из белорусского Барановичского района (Бродовские, Суворовы, Присяжнюк и др.)¹⁵⁴. Мужчины работали в лесопункте электропильщиками, слесарями, плотниками, грузчиками, лесорубами, штабелевщиками. Их повседневная жизнь была сурова и непритязательна. Переселенцы помещались в грязных общежитиях с протекавшими крышами. В самом поселке царила антисанитария: помойные ямы и места общего пользования своевременно не очищались, их не хватало¹⁵⁵. Требовалось строить новые пекарню и баню (в старых разваливались печи¹⁵⁶). В 1953 году обитатели поселка сетовали на плохое снабжение продуктами: единственный продовольственный ларек Пряжинского ОРСа работал не по четкому расписанию, а по прихоти продавца¹⁵⁷. Открытое в послевоенные годы отделение связи явно не справлялось со своими задачами: выписывавшиеся газеты и журналы (особенно популярны были «Огонек» и «Крестьянка»), а также письма доставлялись с большими перебоями¹⁵⁸.

Как сообщалось в «Красной Пряже», повысить производительность труда лесозаготовителей в зимний сезон 1953 года позволил новый метод трелевки деревьев с необрубленной кроной. Впервые в республике его применили именно в Интерпоселке на участке Федора Нестерова. На страницах районной газеты наконец-то появились похвальные слова одобрения в адрес местных рабочих: трактористы Александр Берн, Николай Иванов, Вилхо Нюйман и Николай Шумский стали перевыполнять сменную выработку¹⁵⁹. Директор леспромхоза П. А. Пахомов призывал к повсеместному внедрению в республике успешно опробованного новшества¹⁶⁰. Пряжинский район узнал имена новых передовиков соцсоревнования из Интерпоселка: электропильщики Сергей Саблин, Георгий Найко, трактористы Владимир Федотов и Иван Богданов, сплавщики Михаил Стариков, Карло Неминен, Петр Юшпиев, переводчики кошелей по озерам Рандозеро и Рипус Яков Харакка, Владимир Иванюк,

¹⁵⁴ НА РК. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 21/228. Л. 86, 90.

¹⁵⁵ Там же. Л. 105.

¹⁵⁶ Своевременно готовиться к осенне-зимним лесозаготовкам // Красная Пряжа. 1953. № 66.

¹⁵⁷ Демидова А. Еще раз о торговле в Интерпоселке // Красная Пряжа. 1953. № 4.

¹⁵⁸ Демидова А. Отделение связи работает плохо // Красная Пряжа. 1953. № 38.

¹⁵⁹ Дерягина А. Трелевка деревьев с необрубленной кроной // Красная Пряжа. 1953. № 11.

¹⁶⁰ Пахомов П. Повсеместно внедрять трелевку деревьев с необрубленной кроной // Красная Пряжа. 1953. № 15.

Павел Горячев и Сергей Саблин¹⁶¹. Рекордной (200 %) была средняя выработка водителей лесовозных машин Владимира Соболева и Эйно Хутуламби¹⁶². Сплав древесины без потерь завершился на семь дней раньше срока, к 17 июня, благодаря ударному труду всего коллектива.

Главным советским героем из Интерпоселка стал лесоруб Петр Степанович Юппиев¹⁶³, начавший работать в 16 лет в Кангозерском лесопункте Пряжинского района. Прекрасный лесоруб, возчик, трелевщик и сплавщик древесины, он имел семь почетных грамот и значок «Отличник соцсоревнования лесной промышленности». Во время войны был награжден орденом Славы и боевыми медалями. В 1952 году по указу Президиума Верховного Совета СССР П. С. Юппиев получил орден Трудового Красного Знамени *«за безупречную долготную службу в лесной промышленности»*.

Лагпункт «Интерпоселок»

В составленный после окончания войны «список населенных пунктов по Министерству лесной промышленности для расселения возвращающихся спецпереселенцев» в том числе вошли лесозаготовительные пункты Пряжинского леспромхоза Интерпоселок, Гумба-Ручей, Кашканы и Гирплес. В августе 1947 года на берегу Важеозера был создан отдельный лагерный пункт № 10 «Интерпоселок» (ОЛП № 10) Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства внутренних дел Карело-Финской ССР. Его первым начальником стал младший лейтенант Андрей Миронович Дудук. В январе 1948 года списочный состав рабочих ОЛП № 10 включал 739 человек (из них 36 человек находились на Рандозере)¹⁶⁴.

В Национальном архиве Республики Карелия удалось найти документы, рассказывающие о первых годах существования ОЛП № 10. В Интерпоселке для заключенных построили три деревянных барака (один из них двухэтажный), оборудованных двухъярусными нарами вагонного типа. Жилая зона была ограждена колючей проволокой с разделением на предупредительную и запретную зоны. Лагпункт охраняла

¹⁶¹ Слово сдержано // Красная Пряжа. 1952. № 46.

¹⁶² Передовики соревнования // Красная Пряжа. 1953. № 25.

¹⁶³ Варламов И. Лесоруб П. С. Юппиев // Красная Пряжа. 1952. № 48.

¹⁶⁴ НА РК. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 11/114. Л. 5.

военизированная охрана (12 человек) и «самоохрана», располагавшаяся в отдельном доме. Спецпереселенцы жили в антисанитарных условиях, спали на голых нарах в холодных темных комнатах без зимних рам, с окнами, частично заколоченными досками. Бараки освещались керосиновыми коптилками. В лагпункте первый год отсутствовали дезинфекционная камера, прачечная, овощехранилище и пекарня. Мылись изредка в бане леспромхоза; хлеб привозился из пекарни ОРСа (отдела рабочего снабжения) Пряжинского ЛПХ; грязную одежду вынужденно стирали в жилых помещениях. Амбулатория и стационар существовали на бумаге, заболевших заключенных при необходимости лечили прямо в бараках. Воду для питья брали из двух колодцев монастырских времен.

Исполняющий обязанности начальника ОЛП № 10 старший лейтенант Антоненко в начале января 1948 года писал своему начальству о плохом содержании заключенных, о нарушении Пряжинским леспромхозом своих обязанностей по отношению к лагпункту: *«С первых дней существования лагеря был поставлен вопрос перед ЛЭП «Интерпоселок» о выделении участка леса для заготовки дров на отопление помещений, столовых, бани и дезокамеры. ЛЭП участок до сих не выделил, дровами не обеспечивает, «лагерь остался без дров», что грозит срывом не только отопления помещений, где живут заключенные, а и приготовления пищи, мытья в бане и прожарке обмундирования заключенных. В летнее время приходилось собирать их в окрестностях лагеря, на озере и подносить заключенным из лесу по одному полону... В настоящее время помещения, где живут заключенные, отапливаются не ежедневно и в недостаточной мере»*¹⁶⁵. Зимой мужчины выходили на тяжелую физическую работу — лесозаготовки, трелевку, погрузку и разгрузку материалов — в сырой одежде. Делянки находились в 7–8 км от жилья. Работой в лесу должны были руководить мастера Пряжинского лесхоза, однако *«не было ни одного занятия по правилам разработки древесины»*. Не имея опыта, заключенные валили деревья в лесу выборочно, без так называемой ленточной системы, при этом не соблюдая технику безопасности¹⁶⁶.

*«Несмотря на ряд устных и письменных просьб к начальнику ЛЭП «Интерпоселок» о недостатке инструментов для заключенных, работающих на производстве; до сего времени инструмент не пополняется»*¹⁶⁷. Топорами и пилами, причем чаще всего тупыми,

¹⁶⁵ НА РК. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 12/136. Л. 1–1 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 3.

¹⁶⁷ Там же. Л. 1–1 об.

были обеспечены только 60 % заключенных, трудившихся на лесовале. Отчаявшийся лейтенант Антоненко угрожал не выводить свои бригады в лес, если в трехдневный срок не будут выполнены его требования об орудиях труда. Чем закончился этот случай, обнаруженные документы не рассказывают. Работавшие принудительно полуголодные, ослабленные люди не могли выполнять производственные планы. На помощь в лесопункт приезжали вольнонаемные работники, однако механизированный лесопункт Интерпоселок регулярно «срывал график»¹⁶⁸.

Психиатрическая больница № 3

В первой половине 1970-х годов в Интерпоселке находилась исправительно-трудовая колония для малолетних. К сожалению, поиски архивных документов или фотографий, которые могли бы рассказать какие-то подробности об ИТК в бывших монастырских строениях, оказались безуспешны. Период существования колонии был недолгим, буквально несколько лет.

В 1976–1989 годы в Интерпоселке действовал небольшой филиал Республиканской психиатрической больницы № 1, находившейся в Петрозаводске¹⁶⁹. С 1977 года заведующей наркологическим отделением, а позднее главным врачом медицинского учреждения работала Галина Александровна Матвеева. По ее воспоминаниям¹⁷⁰, психбольница № 3 была рассчитана на 100–155 коек. В разное время здесь трудились от двух до четырех специалистов (психиатров и терапевтов)¹⁷¹. Лечили тяжелейшие хронические психиатрические и наркологические заболевания. В 1980 году в больнице содержались 96 особых пациентов, так называемых больных загородного типа¹⁷². Медицинский персонал постоянно жил в самом Интерпоселке, в двухэтажном 16-квартирном каменном доме, который был построен еще до создания психбольницы.

Больничный комплекс включал семь строений, располагавшихся на территории бывшей монастырской усадьбы и отделенных от поселка

¹⁶⁸ Например, см.: Красная Пряжа. 1948. № 38; Там же. 1949. № 83.

¹⁶⁹ Психбольница № 2 действовала до 1991 года в поселке Сяпся.

¹⁷⁰ Наш разговор с Галиной Александровной состоялся в июне 2021 года, незадолго до ее скоростижной смерти.

¹⁷¹ Например, в 1980 году в штат больницы № 3 входили три психиатра и два врача, проходившие интернатуру. См.: НА РК. Ф. Р-3079. Оп. 1. Д. 21/232. Л. 10.

¹⁷² Там же. Л. 9.

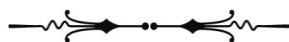
старой деревянной оградой. Галина Александровна перечислила их на память: барак, далее *«по правую сторону от поселка»* — два деревянных здания, где размещались палаты для мужчин и женщин; каменная церковь, которая в те годы стояла пустой; обезображенный Преображенский храм (внизу находилась больничная аптека, на втором этаже сотрудники выращивали рассаду). Каменный корпус, где когда-то действовала надвратная церковь преподобного Иоанна Рыльского, занимала администрация больницы. По свидетельству Г. А. Матвеевой, в деревянной церкви также работал кабинет условно-рефлекторной терапии с использованием апоморфина. Про этот кабинет среди поселковых жителей ходили разные слухи: будто бы в нем над больными проводились *«медицинские эксперименты»*. Каменное здание бывшей просфорни на берегу пустовало: у больницы не хватало средств на его ремонт (прежде всего, требовалось восстановить разрушенные прежними жильцами печи). Пили озерную воду. Монастырским колодезем медперсонал не пользовался, так как санэпидемстанция выявила в нем большое количество кишечной палочки, опасной для человеческого здоровья. В духе советской эпохи в психбольнице успешно применялась лечебно-трудовая терапия. Существовало подсобное хозяйство: парники, огороды, за поселком скотный двор, где выращивались кролики и свиньи, содержались свои коровы. На другой стороне озера, на месте Митрофаниевского скита, сотрудники больницы вместе с пациентами привели в порядок старое поле, которое ежегодно засевали турнепсом. Имелись два трактора и катер. Галина Алексеевна вспоминала, что старожилы Интерпоселка любили рассказывать о существовании под Важеозером тайного подземного хода, который *«вел в другой монастырь, за озером»*.

Размещение медицинского учреждения в старых постройках, лишенных необходимых удобств, серьезно затрудняло его работу и не позволяло применять новейшие методы лечения. В справке, составленной главным врачом Республиканской санэпидемстанции Министерства здравоохранения КАССР И. С. Васиным, сообщаются интересные подробности про состояние психбольницы № 3 в 1980 году. Он писал, что учреждение находится *«в приспособленных ветхих зданиях, которые не соответствуют санитарно-техническим требованиям. Отсутствует канализация, отопление печное, нет бани для помывки больных, не производится санитарная обработка больных, поступающих из районов. Уровень лечебно-диагностической работы низкий — нет лаборатории, рентген-кабинета, не хватает*

врачей. Из районов психические больные не принимаются, только с хроническим алкоголизмом. Психиатрическое отделение заполнено больными, переведенными из психиатрической больницы № 1. В основном, больных нужно перевести в дома-интернаты для психохроников»¹⁷³.

В 1980 году ставился вопрос о закрытии загородного медицинского учреждения в Интерпоселке, однако тогда за него вступился известный карельский врач-психиатр Николай Иванович Алисейчук, считавший необходимым «сохранить самостоятельную больницу № 3 до ввода в строй типовой больницы в поселке Матросы»¹⁷⁴. Позднее, в 1989 году, всех пациентов из Интерпоселка вывезли в Петрозаводск. Больничный комплекс опустел.

---

¹⁷³ НА РК. Ф. Р-3079. Оп. 1. Д. 21/232. Л. 15.

¹⁷⁴ Больница в Матросах начала действовать в 1985 году.

Монастырь в наши дни (вместо заключения)

В Петрозаводской и Карельской епархии в начале 1990-х годов по благословию правящего архиерея Мануила (Павлова)¹ на Важеозере восстанавливается монашеская жизнь. По решению Священного Синода Русской Православной Церкви от 30 марта 1992 года официально открывается женская Задне-Никифоровская Важеозерская пустынь². Первая литургия в стенах обезображенной Преображенской церкви была отслужена 1 августа 1992 года, а в уцелевшем каменном храме Всех Святых — 22 февраля 1998 года, в день чествования памяти преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских. В 2001 году монастырь становится мужским. Его наместником до 7 мая 2003 года был иеромонах Паисий (Ковалев). На протяжении многих лет, в 2003—2021 годах, настоятелем Важеозерского Спасо-Преображенского монастыря являлся архимандрит Иларион (Кильганов), пользовавшийся особой любовью и уважением братии. В новейшей истории обители именно с его именем связано ее подлинное возрождение на основе общежительного устава. В настоящее время братскую общину возглавляет игумен Киприан (Грищенко), переведенный на Важеозеро в 2022 году из Водлозерской Ильинской пустыни (Пудожский район Республики Карелия).

В марте 2000 года синодальным постановлением в поселке Интерпоселок Олонецкого района учреждается Митрофаниевская пустынь. Ее наместниками были иеромонахи Паисий (Ковалев) и Тит (Буканов). В 2014 году пустынь переименована в Никольский Адриано-Андрусовский мужской монастырь и перенесена в поселок Ильинский Олонецкого района. Его настоятель — игумен Тит (Буканов).

В феврале 2019 года по ходатайству архимандрита Илариона при Спасо-Преображенском монастыре появляется приписной Митрофаниевский женский скит, а его старшей сестрой назначается монахиня Марфа (Хлапова).

---

¹ Митрополит Мануил (Павлов) управлял Петрозаводской и Карельской епархией в 1990—2015 годах.

² С 2000 года — Важеозерский Спасо-Преображенский монастырь. Старшая сестра — монахиня Серафима (Ющенко).

*Иеромонах Иларион (Кильганов)
Фото из архива братии Важеозерского монастыря*

*Иконостас церкви Преображения Господня. 2021 г.
Фото Ю. Н. Кожевниковой*

*Святые врата Важеозерского монастыря. 2019 г.
Фото Ю. Н. Кожевниковой*

*Восстановленная надвратная церковь преподобного Иоанна Рыльского.
2021 г. Фото Ю. Н. Кожевниковой*

За прошедшие три десятилетия в Спасо-Преображенском Важеозерском монастыре постепенно были отремонтированы все сохранившиеся исторические здания и возведены необходимые жилые и хозяйственные постройки. При этом его территория по сравнению с началом XX века значительно увеличилась, что позволило возвести новые корпуса, игуменский и архиерейский дома, мастерские. На месте уничтоженного в советские годы братского кладбища теперь стоит часовня в честь Новомучеников и Исповедников Российских. Другая часовня сооружена над погребением почитаемого в мужской обители блаженного инока Владимира, насельника Задне-Никифоровской пустыни³.

В 1998 году иконописец из карельского города Кондопога Юлия Большакова восстановила по фотографии образ преподобных Геннадия и Никифора⁴. А в 1999 году была обретена старинная икона важеозерских святых, принесенная юношей из деревни Импилахти в Вознесенский храм в городе Питкяранта на берегу Ладожского озера. По его словам, бабушка спасла эту икону из приходской часовни, превращенной в колхозную конюшню (ее пол был устлан местными образами).

Возрожденная важеозерская обитель, как и прежде, играет важную роль в жизни православного населения края и притягивает к себе сотни паломников со всей страны. Ее многовековая история продолжается в наши дни.

---

³ В 2000 году тело инока Владимира было перенесено в монастырь из Санкт-Петербурга и захоронено возле Спасо-Преображенского храма.

⁴ Возвращение святыни // Воскресение. Православная газета Петрозаводской епархии. 1998. № 1. С. 1.

*Храм Преображения Господня (1892 г.). 2021 г.
Фото Ю. Н. Кожевниковой*

*Поклонный крест, установленный в честь 500-летия монастыря. 2021 г.
Фото Ю. Н. Кожевниковой*

Приложения

Приложение 1

*Настоятели Задне-Никифоровской пустыни.
XVI — начало XX века*

Игумен Никифор	1557
Игумен Дорофей	1587
Черный священник Феодосий	1623
Игумен Антоний	1638, 1639/1640
Строитель Иосиф	1659
Черный священник Игнатей	до 1677
Строитель старец Варлаам	1677–1680
Строитель старец Савватий	1680
Казначей Симон	1691
Строитель монах Зосима	1711
Строитель монах Александр	1721, 1722
Строитель монах Александр	1730, 1732
Строитель монах Филарет	1731
Игумен Тарасий	1762
Иеромонах Иннокентий	февраль 1828
Иеромонах Варфоломей	1828, 1829
Александро-Свирского монастыря	
Священник Алексей Григорьев Водлицкий	январь — май 1829
Управляющий священник Белов	1829, май
Иеромонах Никандр	1830
Иеродиакон Иона	1831
Монах Исаия	1846
Иеромонах Митрофан	1846–1853
Иеромонах Даниил	1852–1870
Управляющий иеромонах Феофан	1853–1856
Иеромонах Сильвестр	1871–1875
Управляющий иеромонах Азария	1878–1879
Управляющий иеромонах Вениамин (Тихонов)	1879 — 6 декабря 1892
Временный управляющий иеромонах Никифор	1891
Управляющий иеромонах Иоанн (Борисов)	с 6 декабря 1892
Управляющий (строитель) иеромонах Филарет (Колпашников)	1893, 1894

Временный управляющий иеромонах Никифор (Фадеев)	1895–1896
Иеромонах Иона (Петрунин)	1896–1899
Временный управляющий иеромонах Ионафан	1899
Игумен Митрофан (Воезерский)	1899–1901
Временный управляющий иеромонах Никифор	1902
Управляющий иеромонах Симеон	1903
Иеромонах Георгий (Иванов)	1903–1910
Исполняющий должность настоятеля иеромонах Василий (Богданов)	май 1910 — май 1912
Иеромонах Георгий (с 1907 игумен)	1911
Архимандрит Владимир	1912–1917

Источники: Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 29, 45; Там же. Ф. 3. Опись 1. Картон 27. Папка № 2; Картон 11. Папка № 12; Там же. Кол. 115. Оп. 1. Д. 649; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 358, 774; НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 82/73; Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6/70; Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 55/23, 72/15; Там же. Оп. 2. Д. 24/1639, 41/5; Там же. Оп. 12. Д. 57/2; Оп. 13. Д. 1/5; Там же. Оп. 15. Д. 93/2032, 117/2341; Там же. Оп. 16. Д. 99/6; Оп. 20. Д. 8/86; РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 26; Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 69–84; Юхименко Е. М. Московская филипповская община и ее книжное собрание // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Росток, 2017. Т. 65. С. 567; Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 2. С. 49; Памятная книжка Олонецкой губернии за 1916 год. Петрозаводск, 1916; Семенов А. И. Вкладные записи XVII в. на книгах Новгородской Софийской библиотеки // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 16. С. 487.

Приложение 2

*Сказание о преподобном отце нашем Никифоре, игумене
и основателе монастыря святаго Преображения Господня,
иже есть Задняя пустыня¹*

Сей преподобный отецъ нашъ Никифоръ рождение име во области града Олонца, въ Важенском погосте, близъ Свири реки, отъ града Олонца яко семдесят поприщъ и вящше, бе же единъ отъ поселянъ места того, а отъ кого именно родися и где пострижеса, того уведати за давностию лет не возмогохомъ: понеже въ та давняя времена аще и писанию бе предано житие святаго; но отъ поляковъ похищено было во время, егда грехъ ради нашихъ они плениша Русскую землю и монастыри разграбиша. Въ то время и сей монастырь опустошиша и братию овыхъ разгнаша, овыхъ побиша. Темже сие токмо поведати можемъ о преподобномъ Никифоре Важеозерском чудотворце, еже о немъ уведахомъ отъ житий и чудесъ преподобныхъ отецъ и игуменовъ Александра Свирскаго и Кирилла Новоезерскаго чудотворцевъ, еже въ книгахъ житий ихъ повествуется.

Егда сии пустыннолюбнии светильники во плоти быша, и равноангельное житие препровождаху, и духовный советъ между собою имяху, въ та времена Божиимъ изволениемъ прииде преподобный Никифоръ въ обитель Живоначальныя Троицы ко преподобному отцу Александру и благословися отъ него, еже спожити съ нимъ во обители въ трудехъ и подвизехъ. Преподобный же Александръ благослови его и приять, радуяся. Тогда преподобный Никифоръ показа удивления достойное терпение въ трудехъ, яже Христа ради подъемляще, проходя бо вся монастырския службы со всякимъ смиренномудриемъ по вся дни, и первый обреташеся въ церкви, последи же всехъ исхождаше. И житие его бе толико честно, и свято, и чудеси исполнено, яко и вериги тяжки ношаше на теле своемъ. Темъ за премногую его добродетель и послушание любимъ бе преподобнымъ игуменомъ Александромъ и отъ братии похваляемъ. Но сего преподобный Никифоръ не хотяше себе, да отъ человекъ славимъ будетъ. Темъ же уповая на милость Божию, желаше узкий и прискорбный путь препроводати, наипаче же пустынное житие возлюби. И, приявъ сию благую мысль, начать просити у преподобнаго Александра благословения иди ко граду

---

¹ *Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники: Исторические сведения о церковном их почитании // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 41–44.*

Киеву, во обитель Пресвятыя Богородицы Печерския, молитвы дея. Онъ же, слышавъ сия, стуживъ си, начать увещати со слезами, дабы былъ съ ними во святей обители, донеле же Богъ благослоить, яко и братства у нихъ мало бяше тогда, и такова духовна мужа отыти отъ себе въ дальная места не желаше. И начать другий советъ глаголати съ молениемъ преподобный Александръ, еже бы ему трудъ воспряти — итти в пределы Бела езера, во обитель Воскресения Христова, ко преподобному Кириллу, игумену Новоезерскому, и благословение и молитвы отъ него получитьи, и духовную съ ним беседу сотворити о житии и о монастырскомъ устроении. Яко *они издавна желашу другъ друга видети* любве ради Христовы и беседовати, но сего улучити не можаху, зане безмолвие любя, о устроении монастырей и братства неусыпное попечение имеяху. По восприятии же онаго труда и по бытии во оной обители паки просить вспять возвратитися. Сие же слышавъ преподобный Никифоръ отъ игумена Александра, абие благословение отъ него и молитву и писмена приемъ, пути касается, хотя послужити съ радостию. Сие же ему заповеда преподобный Александр: «Егда, — рече, — доидеши близъ честныя обители Воскресения Христова къ Нову езеру, тогда въ ладии на островъ во обитель не превезися, ни въ селехъ да воспросиши ладии. Но пожди во удобномъ и безлюднемъ месте время мало, и по благодати Божией узрещи благая и просимая отъ Бога нами, и превезенъ быти имаше. И абие преподобный Никифоръ, слышавъ сия словеса и возьмъ благословение отъ него, пути ятся. О глаголанномъ же словеси послезде удивлься, размышляше, что сие въ себе хоцетъ быти, яко въ ладии чрезъ езеро ко обители превезтися не повеле, но пождати Божия дарования. И мысляше, яко молитвами преподобныхъ хоцетъ Богъ некако чудо сотворити. И по малехъ днехъ благодатию Божиею преиде путь разстояниемъ яко двести семьдесятъ поприщъ. И прииде близъ святыя обители Воскресения Христова, къ Нову езеру, къ западной стране, въ село, нарицаемое Кобылина Гора, еже отстоятъ езеромъ отъ обители яко два поприща. И не вниде въ ладью, ниже отъ кого-либо изъ жителей превезения требовавше, но абие поиде по словеси и по пророчеству преподобнаго Александра къ северной стране езера. Бяше же оный брегъ пусть и блатами и лесомъ исполненъ. И прииде против монастыря на берег езера, къ камню. Въ то же время бе вечеръ. И помолився святымъ церквамъ, яже виде во обители, и ляже отъ труда почити на камени, ожидая милости Божия, по глаголу преподобнаго Александра, и, воздремався, успе. Отъ того же камня чрезъ езеро до обители прямо поприще едино.

Въ то же время, егда прииде он ко берегу, преподобному игумену Кириллу во обители своей после вечерняго пения въ келлии своей пребывающу и съ братиею правильное моление совершающу, еже глаголется акафистово пение Пресвятей Богородице. И по смотрению Божию процвете (Д-Б — проуведе) Духомъ Святымъ о пришествии къ езеру преподобнаго Никифора. Возрадовася же духомъ и начать правило же и акафист совершати и глаголати, но и паче (Д-Б — наипаче) со ускорениемъ, желая благословение отъ преподобнаго Никифора прияти и превезти его въ ладиицы во обитель. И братии сего никому же поведати. Братия же, стояще въ келлии, начаша дивитися, въ себе размышляюще, яко начать преподобный Кирилл совершати правило по скору, чесого прежде того не обыклъ бе творити, и помышляху въ себе, что сие хошетъ быти! По глаголании же святаго правила подавъ имъ преподобный благословение, отпусти ихъ съ миромъ въ келлии своя, еже от трудовъ почити. Самъ же тайно излезъ изъ монастыря и, наскоре вземъ ладийцу малу, яко ангеломъ Божиимъ наставляемъ, прееха оное езеро и приста ко берегу, идеже преподобный Никифор на камени почиваше. Братиямъ же из обители прилежно смотрящимъ: что сие хошетъ быти, яко нощию пойдѣ изъ монастыря и въ ладии къ пусту месту ездяше?

Святый же, изшедъ изъ ладии на берегъ, идеже преподобный Никифор почиваше и, сотворивъ молитву, убуди его. Онъ же, воспрянувъ отъ сна, видитъ преподобнаго Кирилла предъ собою стояща и ладью на брезе, не ведая же, яко той есть преподобный игумень Кириллъ. И поклонься ему, рече: *«Благослови мя, отче святой, и прости, яко отъ путнаго шествия уклонихся и почихъ на семъ месте»*. Преподобный же игумень Кириллъ не даде ему поклонитися, наипаче же самъ поклонися ему до земли и рече: *«Ты мя благослови! Яко отъ честнаго отца и служителя Пресвятыя Троицы, преподобнаго игумена и духовнаго ми брата Александра, посланъ еси соглядати свята обители Воскресения Христова и мене, грешнаго мужа, посетити»*. Въ томъ часе проразуме преподобный Никифоръ, яко той самъ преподобный игумень Кирилл бе. И, вспомянувъ глаголь преподобнаго Александра, оба возрадовастася духовне радостию неизглаголанною и даста о Христе целование, объемиши другъ друга. И въ томъ часе светъ велий возсия надъ ними, и яко столпъ солнечный вознесся до небеси.

Братия же сие видевши изъ обители, вельми удивишася о преславномъ чудеси и о свете неизреченномъ. И последи, таковаго ради чудеси, устроиша на томъ месте часовню. И тако вседоста оба въ ладью,

и преехавше езеро, внидоста въ монастырь. И первее внидоста въ церкви Воскресения Христова и Пресвятыя Богородицы Одигитрии, и, помолившеся, внидоста въ келлию. Тогда преподобный Никифоръ отдаде писмена отъ преподобнаго Александра, яже писаны духовности ради. И прочеть писмена преподобный Кирилль и глагола къ преподобному Никифору: «Аще по духовности и наше желание есть, еже бы телесне намъ другъ друга видети, но сего в семь веце, по Божиимъ судьбамъ, улучити не сподобимся. Узримъ же другъ друга, егда отъ тела разлучимся. Но и твоя труды, честный отче, предъ Богомъ незабвенны будутъ, яже просиши отъ Бога, вся воздасть ти». И посемъ пребысть преподобный Никифоръ во обители осмь дней, по вся дни беседа сь преподобнымъ Кирилломъ и словесы его духовными насытитися не могуще. Многа же сказавъ преподобный Кирилль сбывающаяся отъ чудесъ Божиихъ. И, поучивъ его, отпусти сь миромъ, сь писмены ко преподобному Александру, проводивъ его отъ обители довольно въ путь. И тако преподобный Никифоръ прииде во обитель Живоначальныя Троицы ко преподобному игумену Александру, и, писмена вдавъ, поклонися ему и, благословение приемъ, вся сбывшаяся ему поведатъ.

И посемъ поживъ во обители довольное время, паки просить благословения у преподобнаго Александра, еже иди ему въ преждереченный Киево-Печерский монастырь. Преподобный же отпусти его сь миромъ и моли Бога о немъ, еже бы ему невозбранно путь шествовати и паки возвратитися во своя си. И приемъ благословение, отыде, скоро шествие творя. И во многихъ святыхъ местехъ бывъ, дойде и до обители Печерския. И помолився чудотворному образу Пресвятыя Богородицы и святымъ местамъ поклонився, моли Бога и Пречистую Его Богоматерь со слезами, дабы наставленъ былъ на место покойно, идеже бы ему обитель и церкви устроити и братство присовокупити. И, тако моля, паки возвратися вспять и прииде въ страну свою.

И, шедъ, обрете место къ жительству пространно, идеже ныне монастырь его стоитъ, вскрай езера, имянуемаго Важеозеро, идеже и лесу довольно. Отъ града же Олонца место оно за 58 поприщъ. И тако благодатию Божиею начатъ здати монастырь и братию собирати. Благословениемъ же преосвященныхъ архиереевъ церковь возградивъ во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и келлии устроивъ, игуменомъ бысть въ томъ монастыре. И, довольно поживъ и поучивъ братию, почи сь миромъ о Господе и погребенъ бысть въ томъ же монастыре.

Приложение 3

*Житие преподобных отец Геннадия и Никифора
Важеозерских чудотворцев²*

Истинно говорю вам, что многие придут с востока и запада, и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном (Мф. 8, 10-11). Так говорит Господь наш Иисус Христос. И как истинны Его слова! С распространением христианства по вселенной, со всех концов земли стали появляться Святые Угодники Божии — истинные дети Авраама по духу, по вере в Бога и по своим добрым делам. И кто может достойно раскрыть и описать их число, неизмеримое, подобно песку морскому, их жизнь равноангельскую, их подвиги, поражающие ум и трогаящие сердце, двигающие волю? Одни из них скрывались в вертепах и пустынях, в тиши работая Богу и созидавая свое спасение, другие дерзновенно переплывали моря и покоряли Христу царства; одни, будучи пастырями, совершали бескровную жертву и, питая ею верующих, вводили их в жизнь вечную; другие, быв измолоты, подобно пшенице, в мучениях за Господа, сами обращались в чистые жертвенные хлебы, сами возносились в качестве чистой и приятной Богу жертвы. И теперь все они как звезды небесные сияют в царстве Отца их, служа нам образцом для подражания, примером для назидания, учителями в вере и в жизни, молитвенниками о спасении нашем.

К таким именно угодникам Божиим бесспорно принадлежат и русские Важеозерские чудотворцы — преподобные Геннадий и Никифор, о которых предлежит нам слово. Преподобный Геннадий был сын благочестивых и состоятельных родителей. Но от младенчества возлюбив более Христа, чем сладость этой временной жизни, он по достижении совершеннолетия роздал свое имение нищим и отправился к преподобному Александру Свирскому, тогда еще одиноко подвизавшемуся на реке Свири. Долго не соглашался преподобный нарушить свое уединение, но неотступные мольбы пришедшего юноши наконец склонили его: Геннадий был принят Александром и оставлен при нем в качестве ученика и сподвижника. В течение нескольких лет жизни при великом авве Геннадий заявил себя такими дивными подвигами труда, бдения, послушания и поста, что преп. Александр нашел полезным благословить Геннадия на отдельное уединенное подвижничество. Тяжело было

---

² Житие преподобных отец Геннадия и Никифора Важеозерских чудотворцев (В связи с историей Заднекифоровской пустыни в Олонецкой губернии). Одесса, 1896.

ученику расставаться со своим любимым учителем, но внутреннее стремление отдаться наедине еще большим подвигам одержало верх над сердечной привязанностью. Геннадий удалился на Важ озеро (в 12 верстах от местопребывания преп. Александра), устроил себе здесь на берегу келию-пещеру и почти все время прожил одиноким отшельником. Молва о его добродетельной жизни распространилась по окрестности и к нему приходили ученики, желая подвизаться под его руководством; но он, любя безмолвие, никого не принимал к себе, смиренно возражая приходившим, что не может руководить другими, так как и сам еще нуждается в руководстве. Только под конец своей жизни он позволил поселиться подле себя двум-трем ученикам для безмолвной молитвы. Господь Бог внял молитвам святого Отца и возлюбил самое место его подвигов. Пред кончиной своей преподобный удостоился дара прозрения и предсказал своим ученикам, что на месте том будет построен храм и киновия. Скончался преподобный Геннадий 8-го января около 1516 г. (год смерти в точности неизвестен).

Святой Геннадий, освятивший своими молитвами берега Важ-озера, почти всю жизнь свою провел отшельником. Поэтому честь основания на Важ-озере монастыря принадлежит другому святому отцу — Никифору, от которого и самый монастырь получил название Никифоровского, или Задне-Никифоровской пустыни.

Преподобный Никифор родился в Олонецкой области в Важеском погосте, близ реки Свири, верстах в 50 от города Олонца. О детстве и юности его сведений не сохранилось до нас; известно только, что он происходил из благочестивой крестьянской семьи, которая старалась прежде всего научить ребенка страху Божию и благочестию. Неудивительно, что придя в возраст, он почувствовал склонность к монашеской жизни. Все блага и удовольствия мира сего вменив ни во что, он стал стремиться духом к благам вечным, к удовольствиям непреходящим; пожелал лучше служить Господу Богу, чем людям. И вот, памятуя слова Господа, сказавшего: кто любит отца или мать более нежели Меня, недостоин Меня, и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня (Мф. 10, 37–38), юноша Никифор оставил родительскую семью и сотоварищей и пошел искать монастыря, куда бы поступить ему. В это время в той местности была основана уже преподобным Александром Свирским обитель в честь Живоначальной Троицы. Сюда то и прибыл, по внушению Божию, преп. Никифор (около 1510 г.) и стал просить преп. Александра принять его в свою обитель и поруководствовать в монашеской жизни. Старец благословил его и с радостью принял к себе, вероятно провидя в нем будущего славного наставника монахов.

В обители преп. Никифор ревностно посвятил себя бдению и трудам. В храм Божий являлся первым, а оставлял его последним; монастырские службы проходил с достойным удивления смирением и незлобием. Не довольствуясь постом и бдением, он изнурял себя еще тяжкими веригами, которые носил на голом теле. Видя таковую добродетель и подвиги преподобного, братия прославляли Бога, а игумен — старец Александр — весьма полюбил его. Но преподобный Никифор, будучи скромн и не желая приобретать славы от людей, стал тяготиться своим положением в монастыре и помышлял, как бы ему удалиться в уединенное место, чтобы в тиши беспрепятственнее работать Богу. И вот в одно время он приходит к препод. Александру и просит благословения отправиться в Киев на поклонение св. угодникам Печерским. Преп. Александр весьма опечалился, услышав об этом, — с одной стороны потому, что у них в обители и братии было немного, а с другой и потому, что ему жаль было расстаться с таким доблестным мужем. Со слезами на глазах стал он упрашивать преп. Никифора остаться с ним в обители, пока Бог благословит и не укажет другого пути. Но так как Никифор оставался непреклонным, то преп. Александр посоветовал ему, прежде чем идти в Киев, отправиться в пределы Белого озера, в обитель Воскресения Христова, к преп. Кириллу игумену Новоезерскому и испросить у него благословения и молитв, а также и побеседовать с ним и поучиться от него монашеской жизни и монастырскому уставу. Оба эти игумена давно желали видеть и приветствовать друг друга о Господе; но, любя безмолвие и ревностно заботясь об устройении своих монастырей, они никак не могли найти удобного к тому случая. Отсылая преп. Никифора на Белое озеро, преп. Александр надеялся, хотя заочно, приветствовать преп. Кирилла. Никифор согласился с радостью, желая услужить своему игумену. Благословляя Никифора и вручая ему послание к Кириллу, преподобный старец Александр просил его по совершении путешествия опять возвратиться в обитель. «Когда же ты подойдешь к обители Воскресения Христова, к Нову озеру», добавил при этом старец, «то не ищи лодки для переезда чрез озеро в обитель, но обожди некоторое время там, на другом берегу, в безлюдном месте, и, по милости Божией, увидишь исполнение просимого нами тебе от Бога и будешь перевезен». Приняв благословение, преп. Никифор отправился в путь.

Дорогой преп. Никифор стал размышлять в себе: что бы это значило, что старец не велел перевозиться в лодке, но ожидать милости Божией? И решил, что, вероятно, по молитвам преподобных, Бог хочет

проявить ему какую-либо особую милость свою. В течение нескольких дней преподобный, при помощи Божией, прошел весь путь — расстоянием верст в 300 с лишним и прибыл к западной стороне Нового озера, противоположной от обители Воскресения Христова, в село, называемое Кобылиной Горой, которое находилось против обители в двух верстах от нее. Но помня слова игумена, преподобный не вошел в лодку, чтобы переправиться в обитель, а удалился к северной стороне озера, берег которой был пустынный, болотистый и покрытый лесом. Наступил вечер. Преподобный возлег на камень отдохнуть и, в надежде на милость Божию, тихо заснул.

Между тем в обители преподобный Кирилл в это время совершал с братией своей келейное правило после вечерни. И вот смотрением Божиим ему открывается, что к озеру прибыл преп. Никифор и почивает. Возрадовался преподобный и начал ускоренно читать обычное правило и акафист, желая отплыть поскорее за Никифором и принять от него благословение. Присутствовавшая же в это время в его келии братия стала недоумевать в себе: что бы это значило, что преподобный игумен их начал поспешать с правилом, чего прежде никогда не делал? И дивились сему, не понимая причины. Окончив правило, преп. Кирилл тотчас же благословил братию и отпустил каждого по келиям: а сам тайно вышел из монастыря, поспешно сел в небольшую лодочку и отправился через озеро к тому пустынному месту, где на камне почивал преп. Никифор.

Благополучно достигши противоположного берега, преп. Кирилл вышел из лодки и, сотворивши молитву, разбудил спавшего Никифора. Проснувшись и видя пред собой незнакомого человека и лодку, Никифор поклонился ему и сказал: «благослови меня Св. отец и прости, что я уклонился от своего пути и уснул здесь». Но преподобный Кирилл предупредил его и в свою очередь поклонился ему до земли со словами: «напротив, ты меня благослови, потому что ты послан честным отцом и служителем Пресвятой Троицы, игуменом и духовным моим братом Александром, чтобы осмотреть святую обитель нашу и меня грешного посетить». Из этого препод. Никифор заключил, что пред ним находится сам игумен Кирилл. Тогда возрадовались оба преподобные весьма и целовали друг друга о Христе. В это самое время дивный свет воссиял над ними и на подобие столпа солнечного поднялся до небес. Некоторые из монастырской братии, которые следили тайно за необычным отъездом своего игумена, также видели этот чудный свет; и в память этого события на том месте впоследствии была устроена часовня (теперь там стоит каменная часовня, построенная возобновителем монастыря архимандритом Феофаном).

Вошедши в лодку и переехав озеро, оба преподобные вошли прежде всего в церковь Воскресения Христова и Пресвятой Богородицы Одигитрии и, помолившись здесь, отправились затем в келлию. Тогда преподобный Никифор передал Кириллу послание преп. Александра Свирского. Прочитавши оное, преподобный Кирилл сказал: «хотя мы имеем большое желание видеть друг друга телесно, но, по Божьему изволению, в нынешнем веке сего получить не сподобимся, а увидим друг друга, когда от тела разлучимся. Тем не менее и твои труды, честный отче, не будут забыты пред Богом, и все, чего просишь от Бога, будет тебе дано».

Преподобный Никифор пробыл в обители восемь дней, каждый день беседуя с преподобным Кириллом и наслаждаясь его словами. Наконец, преподобный Кирилл, много рассказавши ему о дивных делах Божиих и поучив его, вручил ему ответное послание к преп. Александру и отпустил с миром.

Возвратившись к своему игумену, преподобному Александру, преподобный Никифор передал ему все, что видел и слышал; и снова остался в обители.

Прошло довольно времени. Преподобный Никифор снова просит у препод. Александра благословения на путешествие в Киево-Печерский монастырь. Теперь старец уже не стал удерживать преподобного, помолился о нем, чтобы Бог наставил его в пути и благополучно возвратил, — и отпустил с миром. Преподобный Никифор отправился в путь поспешно, заходил дорогой и в другие святые места, наконец, прибыл в Киев в Печерскую обитель. Здесь он, благоговейно лобызав чудотворный образ Пресвятой Богородицы и нетленные мощи св. Угодников Печерских, со слезами просил Бога и Его Пречистую Матерь и всех Св. Угодников Печерских наставить его и указать место, где бы ему основать обитель и построить церковь. Помолившись таким образом, он возвратился обратно на родину.

Обходя и осматривая различные места на родине, преподобный Никифор остановился наконец мыслию на одном уголке, расположенном на берегу Важ-озера, вблизи того места, где подвизался преподобный Геннадий. Местность эта была покрыта лесом и достаточно обширна. Здесь-то, при помощи Божией, преподобный Никифор постепенно устроил общежительный монастырь и при нем церковь во имя Преображения Господня (около 1530 г.). В течение своего игуменства ему удалось построить 10 келлий для братии, совершенно очистить от леса и осушить от болот ту местность, и наконец испросить царскую

грамоту на владение пашенной землей вокруг монастыря «на все четыре стороны по версте, опричь мхов и болот и глыб» (Грамота на имя игумена Никифора 7065 (1557) г. 9-го марта).

Поставив таким образом свою обитель твердо на ноги и устроив ее, преп. Никифор, окруженный братией, тихо скончался (9 февраля после 1557 г.), управлявши монастырем около 30 лет.

Мощи преподобных Геннадия и Никифора нетленно почивают в гробнице, над которой издавна выстроена была часовня. Почтение к памяти и останкам преподобных было велико у всех окрестных жителей. В начале XVII в., во время смутного времени на Руси, бродившие везде поляки разграбили и опустошили и эту обитель. Иноки были изгнаны, а имущество, записи и книги, хранившиеся в ней, были или уничтожены или захвачены (тогда исчезли и подробные жития свв. Геннадия и Никифора). Но затем, по миновании опасности от поляков, при помощи Божией и заступлении свв. угодников, обитель снова была восстановлена и приписана к Сяндемской пустыни (1723 г.). В 1764 г. пустынь была закрыта, а церковь ее обращена в приходскую и приписана к Коткозерскому приходу. В 1800 г. пустынь была вновь населена но приписана к Свирскому монастырю. В 1846-м году она получила самостоятельное существование, но до сих пор числится за штатом. В 1854 г. получено было разрешение для пустыни построить новый храм — каменный, каковой спустя два года и был воздвигнут, усердием и трудами строителя сей пустыни иеромонаха Даниила, на месте прежней деревянной часовни, над мощами преп. Никифора и Геннадия. 8-го августа 1858 г. храм этот, по благословению Святейшего Синода и архиепископа Олонецкого Аркадия, был освящен во имя Всех Святых.

Однако в таком виде обитель просуществовала лишь до 1885 г.; в этом же году страшный пожар истребил все строения пустыни, кроме одной риги, в которой временно пришлось поместиться всей братии. Церковь Всех Святых также обгорела и внутри и снаружи. Но усердием настоятеля и братии спустя год церковь была восстановлена и 6 февраля 1886 года была освящена вновь. В 1894 году церковь эта, трудами братии, изукрашена живописью в таком виде: в куполе изображен Господь Саваоф с окружающими Ангелами, в парусах свода — 4 Евангелиста с хартиями в руках; на северной стороне храма — 9 угодников Важеозерских, на южной — Св. Троица, на западной — Рождество Христово, на западной же стене, на хорах — явление воскресшего Господа Марии Магдалине. Кроме этого главного храма в 1892 г. окончательно достроена в пустыни и освящена деревянная церковь в честь Преображения Господня. В настоящее

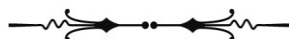

время заканчиваются постройкой и все другие здания (напр., помещения для братии, службы и прочее), воздвигнутые в пустыни на месте истребленных пожаром 1885 г. Но с другой стороны 10 мая 1896 г. было положено настоятелем с братией основание для каменной ограды вокруг пустыни, каковая ограда и будет воздвигаться по мере поступления добрых подаяний от православных христиан.

По внутреннему устройству своему, Задненикифоровская пустынь — общежитие. Число братии в пустыни, во главе с настоятелем ее иеромонахом о. Никифором, в настоящее время составляют: 3 иеромонаха, 1 иеродиакон, манотейных монахов 4, рясофорных 2 и богорадников около 15 человек.

В последние годы, благодаря усердию и трудам иеромонаха о. Геннадия, для Задненикифоровской пустыни выстроено в Петербурге подворье. Находится оно за Невской заставой в селе Михаила Архангела по Московской улице, д. № 3. Кроме заведующего подворьем настоятеля — упомянутого о. Геннадия, — при подворье числится 3 иеромонаха, 2 иеродиакона, 4 рясофорных послушника и богорадников до 15 человек.

Как сама пустынь, так и подворье ее в Петербурге в настоящее время достигли безбедного существования, и этим они обязаны главным образом особенной ревности настоятеля подворья, о. Геннадия.

Источники и литература

Архивные источники

Национальный архив Республики Карелия

- Ф. 2. Олонецкое губернское правление
- Ф. 4. Олонецкая казенная палата
- Ф. 9. Олонецкая палата уголовного и гражданского суда
- Ф. 25. Олонецкая духовная консистория
- Ф. 178. Сяндебско-Успенский женский монастырь
- Ф. 179. Андрусова Николаевская пустынь
- Ф. 300. Олонецкое духовное правление
- Ф. 588. Задне-Никифоровская пустынь
- Ф. 655. Олонецкая палата уголовного суда
- Ф. 762. Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь
- Ф. Р-28. Олонецкий губисполком
- Ф. Р-33. Олонецкая губернская комиссия помощи голодающим Поволожья
- Ф. Р-108. Земельное управление Олонецкого губисполкома
- Ф. Р-232. Административный отдел исполкома Олонецкого уездсовета
- Ф. Р-286. Государственный союзный лесозаготовительный и сплавной трест
- Ф. Р-310. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров РСФСР по КАССР
- Ф. Р-436. Карземотдел
- Ф. Р-437. Олонецкий уездземотдел
- Ф. Р-458. Олонецкий уездный отдел народного образования
- Ф. Р-473. Карельская областная комиссия по изъятию церковных ценностей
- Ф. Р-630. Министерство образования Республики Карелия
- Ф. Р-689. Президиум Верховного Совета Республики Карелия
- Ф. Р-704. Исполком Олонецкого райсовета
- Ф. Р-1632. Пряжинский леспромхоз треста «Южкарлес»
- Ф. Р-1658. Земельный отдел исполкома Олонецкого райсовета
- Ф. Р-2434. Клишко В. И., журналист (1914–1956)
- Ф. Р-3079. Республиканская психиатрическая больница № 1

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

- Ф. 3. Александро-Свирский монастырь
- Кол. 115. Рукописные книги

Российский государственный исторический архив

- Ф. 796. Канцелярия Синода
Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода
Ф. 834. Рукописи Синода XIV–XX вв.

Государственный исторический архив Новгородской области

- Ф. 480. Новгородская духовная консистория

Государственный архив Архангельской области

- Ф. 29. Архангельская духовная консистория

Российский государственный архив древних актов

- Ф. 1209. Поместный приказ

*Отдел письменных источников
Государственного исторического музея*

- Ф. 450. Архив Е. В. Барсова

Архив Национального музея Республики Карелия

- Д. 3146. Отчет научной экспедиции. 1952 год

Опубликованные источники

А. Л. Вера православных // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 6. С. 115.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. Т. 1. 551 с.

Акты о назначении архимандрита в Александров Свирский монастырь. 1719 года (сообщ. А. Воронов) // Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 54. С. 548.

Александро-Свирская слобода Олонецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 32. С. 653.

Альбом изображений святых икон издания хромофотографии Е. И. Фесенко в Одессе. Одесса, 1894.

Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия»; Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1998. Кн. 2. 648 с.

Аскоченский В. И. Татьяна Борисовна Потемкина // Домашняя беседа. 1869. Вып. 29. С. 762–763.

Б. П. В. Г. Освящение храма в Мегрецком приходе, Олонецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1905. № 23. С. 690–694.

Б. П. В. Г. Приезд нового отца настоятеля Важеозерско-Никифоро-Геннадиевой пустыни игумена Владимира // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 22. С. 397–398.

«Быть может и в моем песке и соре найдется какая-нибудь крупица...» (Дневник Аполлинария Николаевича Львова) // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб.; Кишинев, 2000. № 1. С. 9–164.

Благовещенский А. Юргильский приход Олонецкого уезда Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 20. С. 708–709.

Благовещенский Д. 25-летний юбилей благочинного церкви II округа, Олонецкого уезда, священника Михаила Сампсоновича Каргопольцева // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 21. С. 801–803.

Благовещенский И. Материалы для статистики Олонецкой губернии. Земледелие // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 1–15.

В. Освящение храма при подворье Задне-Никифоровской пустыни в г. С.-Петербурге // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 12. С. 388.

Варламов И. Лесоруб П. С. Юппиев // Красная Пряжа. 1952. № 48.

Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв.: Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. 552 с.

Возвращение святыни // Воскресение. Православная газета Петрозаводской епархии. 1998. № 1. С. 1.

Вытегра // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 46.

Георгий, иеромонах. Освящение нового храма // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 18. С. 677.

Городки или городища, земляные насыпи и курганы или древние могилы в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 72.

Громов В. Освящение храма во имя св. славного пророка Божия Или в дер. Вагвозере Коткозерского прихода, 13-го октября 1902 года (Корреспонденция) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 23. С. 779.

- Громов Василий, священник. Задне-Никифоровская пустынь (Корреспонденция) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 14. С. 547.
- Декреты Советской власти: Государственное издательство политической литературы. М., 1957. Т. 1. 625 с.
- Демидова А. Еще раз о торговле в Интерпоселке // Красная Пряжа. 1953. № 4.
- Демидова А. Отделение связи работает плохо // Красная Пряжа. 1953. № 38.
- Дерягина А. Трелевка деревьев с необрубленной кроной // Красная Пряжа. 1953. № 11.
- Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893.
- Деятельность архиепископа Аркадия // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 2–3.
- Добротин Г. Наблюдатель подворья Задне-Никифоровской пустыни в г. Санкт-Петербурге иеромонах Геннадий (Некролог) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 2. С. 36–38.
- Е. О. Лодейное Поле (Корреспонденция) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 58.
- Жизнеописание схимонаха Игнатия. Петрозаводск, 1886.
- Житие Александра Свирского. Текст и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. СПб., 2002.
- Житие и чудеса преподобного Александра Свирского. СПб.: Царское дело, 1999. 184 с.
- Житие Кирилла Новоезерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. Т. 13. С. 374–376.
- Житие преподобных отец Геннадия и Никифора, важеозерских чудотворцев (В связи с историей Задненикифоровской пустыни в Олонецкой губернии). Одесса, 1896. 20 с.
- Журнал или поденная записка императора Петра Великого с 1698 г. до заключения Нейштатского мира. СПб.: При Императорской Академии наук, 1770. Ч. 1. 460 с.
- Журналы чрезвычайного съезда духовенства и мирян Олонецкой епархии. Петрозаводск, 1917. 224 с.
- Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. Журнал о походах в Соловки и на Валаамские острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 годах). СПб.: типография Императорской Академии наук, 1888. 120 с.

Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI веке при Новгородском архиепископе Александре (1577–1589 гг.) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1856. Кн. 24. С. 25–32.

И. Б. В Александро-Свирском монастыре // Олонецкие губернские ведомости. 1909. № 55.

И. В. Г. Освящение храма во имя Успения Божией матери в Сяндемской женской пустыне, Олонецкого уезда, 25-го августа 1913 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 26. С. 471–474.

Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2006. 303 с.

Иордан. О происхождении и деяниях готов / вступ. статья, комментарий Е. И. Скрижинской. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 436 с.

История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Ч. 3. 510 с.

История Карелии XVI–XVII вв. в документах [Электронное издание]. Петрозаводск: Петрозаводский госуниверситет, 2019. Ч. 4.

Машезерский И. Памяти заслуженного ординарного профессора Ивана Егоровича Троицкого // Олонецкие епархиальные ведомости. 1901. № 17. С. 515–520.

Местная хроника // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 93; 1914. № 117.

Место памяти Сандармох. Петрозаводск, 2019. 520 с.

Михайлов Н. Памяти великого молитвенника земли Русской // Полтавские епархиальные ведомости. 1911. № 36. С. 2580–2585.

Надежин А., протоиерей. Олонецкие «пустынницы» // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 12. С. 25–26.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики 1921–1940 гг. / сост. А. В. Климова и др. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. 366 с.

Никольский И. М. Справочная книжка автономной Карельской ССР. Петрозаводск: Наркомпрос, 1929. 250 с.

Новый Олонецкий патерик / сост. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 584 с.

О возведении в сан архимандрита // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 16. С. 280.

О пожертвованиях, поступивших в церкви и монастыри епархии // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 726–727; 1907. № 4. С. 93; № 5. С. 119.

О пострижении в монашество // Олонецкие епархиальные ведомости. 1916. № 9. С. 158.

Об оставлении Задне-Никифоровской пустыни самостоятельной // Олонецкие губернские ведомости. 1846. № 18.

Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб.: Типография МВД, 1879. 235 с.

Олонецкие губернаторы: Биографический справочник / сост. Н. А. Кораблев, Т. А. Мошина. Петрозаводск: Паритет, 2006. 100 с.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1879. Т. 2. Ч. 1. 1199 стб.

Основание монастырского подворья Задне-Никифоровской пустыни Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 78. С. 6.

Отклики на войну // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 544–545.

Отчет Петрозаводского губернского Комитета Всероссийского союза городов с 3 мая по 1 ноября 1915 года // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1915. С. 68–69.

Перемены по службе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 21. С. 466.

Писцовые книги Новгородской земли: Писцовые книги Обонежской пятины XVI века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 363 с.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Издательство АН СССР, 1930. 268 с.

Пожертвования на нужды войны // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 29. С. 661.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. 45 т.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1884. 55 т.

Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова. М.: Паломник, 2011. Т. 2. 703 с.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная типография, 1898. Т. 8. 393 с.

Послания Ивана Грозного / подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. 715 с.

Почитатель. Юбилей 35-летней священнической службы о. протоиерея Кондушского прихода Василия Иоанновича Громова // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 2. С. 47–48.

Преосвященнейший Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский: его назначение, прибытие и начало служения в г. Петрозаводске // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 64–65.

Преосвященный Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский: Некролог // Известия общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5–6. С. 59.

Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошрины») / сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 284 с.

Пустыни Задненикифоровская, Андрусовская и Сяндебская // Олонецкие губернские ведомости. 1842. № 34.

Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. П. Майкова. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1886. 315 с.

Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в середине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.: ОСЛН, 2005. 728 с.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. 432 с.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между Церковью и государством. М., 1995. Кн. 1. 400 с.

С. В. И. Г. Важинский погост, Олонецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 38, 39, 41, 43–46, 53–55, 59, 61.

Сгоревшая пустынь // Олонецкие губернские ведомости. 1885. № 61.

Троицкая ярмарка в Александро-Свирском монастыре // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 25.

Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников / сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. Вып. 2. 192 с.

Учет земель по дачам генерального и специального межевания и по владениям. Олонецкий уезд. Петрозаводск: Олонецкое губернское земство, 1915. Вып. 3. 135 с.

Хроника // Зодчий. 1903. № 38. С. 451.

Части святых мощей Киевских и Новгородских чудотворцев в г. Петрозаводске // Олонецкие губернские ведомости. 1889. № 90.

Шевелкин И. Воспоминания о старце Исае, возобновителе Никифоровской пустыни // Душеполезное чтение. 1864. № 12. С. 111–119.

Н. Три встречи (Памяти М. Н. Пикина) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 7. С. 269–270.

Н. Олонецкие подвижники. Пустынница Ксения // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 1. С. 298–299.

Литература

Абеленцева О. А. Грамоты на вотчины новгородских монастырей и церквей в коллекции актов Новгородской казенной палаты // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 635–703.

Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. СПб.: Синодальная типография, 1813. Т. 5; 1815. Т. 6.

Амелина Т. Д. Монастыри Южной Карелии и границы их земельных владений // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 66–77.

Андреев А. И. Некоторые итоги изучения истории Карелии // Материалы юбилейной сессии ученого совета. 1931–1946. Петрозаводск, 1947. С. 51–61.

Андроник (Трубачев), игумен, Бовкало А. А., Федоров В. А. Монастыри и монашество. 1700–1998 // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 325–345.

Андрусова-Николаевская пустынь, Олонецкой губернии. Историческо-статистический очерк. СПб.: Андрусова-Николаевская пустынь, 1905. 35 с.

Антипина Е. Е., Маслов С. П. Эколого-хозяйственная обусловленность размеров крупного рогатого скота Севера Древней Руси // Древности Русского Севера. Вологда: Древности Севера, 1996. Вып. 1. С. 243–248.

Анфим, иеродиакон, Соловьева И. Д. Александров Свирский в честь Святой Троицы монастырь // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 608–610.

Афанасьева-Сяндебская женская пустынь и ее задачи: Церковно-бытовой очерк / сост. Никодим (Кононов), архим. Петрозаводск, 1910.

Бабурина О. Б. Подворье Важеозерской Задне-Никифоровской пустыни в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 30–31.

Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. Отд. 3. С. 3–29.

Барсов Е. В. Преподобные обонежские пустынножители. Материалы по истории колонизации Обонежского ряда // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 2–68.

Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 69–84.

Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае (с грамотами и другими письменными памятниками). М.: Университетская типография, 1868. 204 с.

Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы, с приписными к нему пустынями, царскими и иераршими грамотами. М.: Императорское Общество истории и древностей российских, 1871. 171 с.

Барсов Е. В. Андрей Завалишин и его пустынь // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1884. Кн. 4. С. 1–16.

Барсов Т. В. Синодальные учреждения прежнего времени. СПб.: Скоропечатня и литография И. Ф. Пухира, 1897. 249 с.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского правления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.

Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. 616 с.

Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1917–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. 269 с.

Башенькин А. Н. Некоторые общие вопросы культуры веси V–XIII веков // Культура Европейского Севера России: дооктябрьский период. Межвузовский сборник научных трудов. Вологда: Вологодский государственный пединститут, 1989. С. 3–21.

Башенькин А. Н. Восточно-финские компоненты культуры веси в I — начале II тысячелетия новой эры // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 28–33.

Башенькин А. Н. Финны, угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия:

проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 119–131.

Башнин Н. В. Дионисево-Глушицкий монастырь — центр социально-экономической и духовной жизни Кубено-Заозерского края в XV–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 21 с.

Белякова Е. В., Герасим (Шевцов), иеромонах, Соловьева И. Д. Андрусовская во имя святителя Николая Чудотворца мужская пустынь // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 428.

Бенцианов М. М., Фролов А. А. Платежная книга Деревской пятины 1543 г. К вопросу о функционировании системы сбора «государевых» податей в Новгородской земле в XVI столетии // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 19–35.

Берташ А., священник. Иларион (Кириллов) // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. XXII. С. 176–178.

Берташ А. В. Стилистические особенности храмостроительства в 1830–1870-е годы в России: столица и национальные окраины // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. Т. 3, № 1. С. 178–198.

Берташ А. Никифоров Важеозерский в честь Преображения Господня мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. XLIV. С. 677–679.

Беспярых Ю. Н., Коваленко Г. М. Карелия при Петре I. Петрозаводск: Карелия, 1988. 142 с.

Бовкало А. А., Галкин А. К. Студенческие годы митрополита Вениамина в Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 1997. № 14. С. 80–87.

Богданова Т. А. История архива Санкт-Петербургской академии в фондах Российской национальной библиотеки // К 75-летию Дома Плеханова. 1928–2003. СПб.: Российская Национальная библиотека, 2003. С. 151–153.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских, 1909. Т. 1. 427 с.

Бондаренко А. Ф. История развития колоколов и колокольного дела в средневековой Руси в XI–XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 500 с.

Бранденбург Н. Е. Курганы южного Приладожья. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1895. 156 с.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Издательство КФССР, 1947. 52 с.

Бугров А. В. Банковские операции сохранных казен воспитательных домов и приказов общественного призрения. 1771–1860-е гг. // Вестник Банка России. 2012. № 65. С. 23–32.

Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М.: Наука, 1966. 392 с.

Бусева-Давыдова И. Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей // Архитектурное наследство. М., 1986. Т. 34. С. 201–206.

Бутвило А. И., Ефимова В. В. История государственного управления в Карелии: Учебное пособие. Петрозаводск: Типография издательства ПетрГУ, 2005. 109 с.

Важеозерский Спасо-Преображенский мужской монастырь. Историко-литературный фотоальбом / сост. С. Завьялова. Петрозаводск, 2020. 111 с.

Валаамский патерик: Схимонах Феодор. СПб.: Издательство Спас-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 34 с.

Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. 551 с.

Вериги из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог / сост. М. Е. Домрачева. Владимир, 2014. 28 с.

Веригин С. Г. Выселение финского населения на территорию Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 гг.: репрессивный акт или вынужденная мера? // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1. С. 13–29.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.

Виденеева А. Е., Грудцына Н. В. Ростовский Рождественский монастырь по описи 1919 г. // XIX Научные чтения памяти И. П. Болотцевой: Сб. статей. Ярославль, 2015. С. 187–204.

Виноградов А. И. История Странноприимного дома графа Шереметева в Москве и отдельных видов его благотворительной деятельности. М.: Синодальная типография, 1910. 518 с.

Виноградов Н. Н. Рыбные ловли на Онежском озере четыре века тому назад // Рыбное хозяйство Карелии. Л., 1936. Вып. 3. С. 213–217.

Витов М. В. Историко-этнографические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М.: Издательство Московского университета, 1962. 290 с.

Галанина Л. Б., Литвин Ю. В. Обзор документов по православию из Научного архива Карельского научного центра РАН // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 166–169.

Галкин А. К. Из истории Задне-Никифоровской пустыни в XIX — начале XX в. // Православие в Карелии: Материалы республиканской научной конференции / отв. ред. М. В. Пивоев. Петрозаводск, 2000. С. 47–53.

Герд Л. А. Реликвии в византийском и поствизантийском каноническом праве // Античная древность и средние века. 2011. Т. 40. С. 60–78.

Голубев А., Такала И. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб.: Нестор-История, 2019. 351 с.

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Университетская типография, 1903. 600 с.

Горская Н. А. Земледельческие орудия в центральной части Русского государства второй половины XVI — начала XVII века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М.: Наука, 1959. Сб. 3. С. 141–164.

Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 3. С. 153–169.

Д-в. Вопрос о реформе монастырей // Вестник Европы. 1873. Кн. 8. С. 559–582.

Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск: Карелия, 1986. 107 с.

Детчуев Б. Ф. Трагедия в монастыре // Север. 1991. № 12. С. 129–130.

Детчуев Б. Ф., Макуров В. Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск: СДВ-Оптима, 1999. 206 с.

Дмитриев Ю. С. Специфика процесса секуляризации церковных земель на примере некоторых вотчин Троице-Сергиева монастыря в Переславском уезде // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 378–384.

Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Историко-археологическое исследование. Казань: Типография Императорского университета. 1884. Ч. 1. 614 с.

Докучаев-Басков К. А. Преподобные олонецко-каргопольские чудотворцы // Русский паломник. СПб., 1885. № 16. С. 121–123; 1886. № 21. С. 189–192; № 22. С. 201–203; 1887. № 5. С. 64–66; № 6. С. 79–81; 1889. № 49. С. 586; № 50. С. 598–599; № 51. С. 611.

Докучаев-Басков К. А. Памяти Аркадия, бывшего архиепископа Олонецкого // Христианское чтение. 1889. № 5–6. С. 570–580.

Докучаев-Басков К. А. Об архивах // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 23. С. 31–47.

Емельянов С. Н. «Военная епархия» русской армии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1. С. 29–36.

Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII века. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. 664 с.

Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 360 с.

Животовский С. В. На север с отцом Иоанном Кронштадтским. СПб.: Художественная типо-литография, 1903. 76 с.

Жуков А. Ю. Олонецкий край в составе России // Олонец. Историко-краеведческие очерки в двух частях / отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. Ч. 1. С. 19–50.

Жуков А. Ю. Управление Заонежскими погостами в конце XV — начале XVII в. // Рябининские чтения-95: Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 1997. С. 266–271.

Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: Издательство Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, 2003. 256 с.

Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск: Издательство Карельского научного центра, 2013. С. 492.

Жуков А. Ю. Геоинформационный комплекс по истории системы расселения на территории Карелии: опыт обработки массовых источников XV–XVIII вв. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3. Шестые Шегреновские чтения: Сборник статей. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2014. С. 113–121.

Жуков А. Ю. Становление приходов в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людиков в XV–XVIII вв. // Вестник магистратуры. 2019. № 8 (95) С. 52–93.

Журавлева И. А. Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского Кремля // Русская художественная культура XV–XVI вв.: Сборник статей. М.: Внешторгиздат, 1998. С. 118–144.

Запальский Г. М. Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 279–289.

Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. В трех книгах. СПб.: Типография В. Безобразова, 1890. 1044 с.

Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. СПб.: Издательский Дом «Коло», 2003. 800 с.

Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1975. 208 с.

Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: «Русское слово», 1999. 312 с.

Ивановский Я. И. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к уставу духовных консисторий и своду законов). С историческими примечаниями и приложениями. СПб.: Синодальная типография, 1883. 365 с.

Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб.: Синодальная типография, 1874. 95 с.

Иоанна (Егорова), игуменья. Введено-Оятский женский монастырь. СПб.: Алаборг, 2010. 208 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Ицксон Е. Е. Василий Тухтаров — олонецкий губернский архитектор. Формулярный список 1860 года о службе В. В. Тухтарова с комментариями // Краеведческие чтения. Материалы II научной конференции. Петрозаводск, 2008. С. 14–28.

К 500-летию преставления святого преподобного Геннадия Важеозерского (1516–2016) / сост. Н. А. Басова, иеромонах Аркадий (Лозовский). Петрозаводск: Ва-Банк, 2016. 70 с.

Кавелин С. П. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1912. 72 с.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М.: Высшая школа, 1965. 328 с.

Кантор Ю. Э. Невидимый фронт. Музеи в России в 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 384 с.

Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях. М.: Типография Л. Ф. Снигирева, 1885. 516 с.

Капуста Л. И. Марциальные воды. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 96 с.

Капуста Л. И. Рака Александра Свирского (история монастырской реликвии XVII века) // Вестник Карельского государственного краеведческого музея. Петрозаводск, 2006. Вып. 5. С. 71–88.

Карвонен И. Даниил — непрославленный ученик преподобного Александра Свирского // Вестник ТвГУ. Серия История. 2017. № 2. С. 39–54.

Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2005. 440 с.

Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012.

Кожевникова Ю. Н. Возобновление монастырей после секуляризации 1764 г. на территории Олонецкой епархии (на примере Важеозерской Задне-Никифоровской пустыни) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции / сост. В. Ф. Андреев. Великий Новгород, 2006. С. 139–143.

Кожевникова Ю. Н. Малые церкви и часовни Петрозаводска: История, традиции, святыни второй половины XIX — начала XX в. // Краевед: Сборник статей. Петрозаводск, 2007. С. 68–78.

Кожевникова Ю. Н. Архивы монастырей Олонецкой епархии и их изучение в XIX — начале XX в. // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции / отв. ред. М. В. Пивоев. Петрозаводск, 2008. С. 154–165.

Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. Петрозаводск: Спасо-Кижское Патриаршее Подворье, 2009. 304 с.

Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск: Verso, 2014. 343 с.

Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск: Verso, 2017. 400 с.

Коптев К. Н. Обработка зерна в Новгороде Великом и Пскове в XVI веке // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР*. М.: Издательство Академии Наук, 1959. Вып. 3. С. 123–140.

Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: биографический справочник. Петрозаводск, 2006. 104 с.

Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. Петрозаводск: Стандарт, 2008. 82 с.

Королькова Л. В. Средневековые поселения Южного Приладожья (проблемы и перспективы археологического изучения) // *Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса*. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1994. С. 97–99.

Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 152 с.

Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. 222 с.

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Е. И. Фесенко — один из крупнейших издателей народной православной печатной продукции XIX–XX вв. // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М., 2017. С. 11–19.

Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1742 гг. М.: «Древлехранилище», 2000. 572 с.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века). СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1891. 220 с.

Лисовой Н. Н. Восемнадцатый век в истории русского монашества // *Монашество и монастыри в России. XI–XX вв.: Исторические очерки*. М., 2005. С. 186–222.

Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 7. 670 с.

Мерзляков К. А. Гастрономическая карта Кирилло-Белозерского монастыря в XVI веке // *Церковный вестник*. 2019. Т. 1, № 1. С. 162–175.

Мильчик М. И. Олонецкая крепость: градостроительные аспекты ее строительной истории // *Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера*. Петрозаводск, 2007. С. 166–171.

Моисеев С. В. Монастыри Карелии в документах фонда Новгородской духовной консистории Государственного архива Новгородской области. Начало XVIII — первая четверть XIX в. // *Новгородский архивный вестник*. Великий Новгород, 2002. Вып. 3. С. 160–183.

Мошина Т. А. Протоиерей Иоанн Кронштадтский и Олонецкая губерния // Православие в Карелии: Материалы IV научной конференции / ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. С. 206–219.

Муллер И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2002. 356 с.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб.: Издательство Политехнического института, 2007. 484 с.

Мусин А. Е. Становление Православия в Карелии (XII–XVI века): Историко-археологический аспект // Рябининские чтения-95: Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 1997. С. 242–262.

Мусин А. Е. Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков: Изд-во ИИМК РАН, 1997. С. 85–90.

Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. 272 с.

Мусин А. Е. Загадки Дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI веках. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. 240 с.

Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI–XVII вв. Петрозаводск: Государственное издательство КФССР, 1947. 175 с.

Национальный архив Республики Карелия: путеводитель / сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск: Verso, 2018. Т. 1. 551 с.

Неволин К. А. Полное собрание сочинений. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. Т. 6. 643 с.

Нестужилов К. Е. Оценка личности Петра Великого и преобразований Петровской эпохи в церковной историографии синодального периода // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20, вып. 3. С. 277–284.

Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобный Александр Свирский и его ученики-подвижники: Исторические сведения о церковном их почитании // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 16–22, 24; 1903. № 2–6.

Никодим (Кононов), архимандрит. Настоятель Александро-Свирского монастыря о. архимандрит Агафангел (1891–1909) (Краткая биография) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 15. С. 349–366.

Никодим (Кононов), архимандрит. Олонецкая пустынножительница инокиня Анастасия Паданская. Петрозаводск, 1910. 12 с.

Никольский А. И. Заметки о прошлом упраздненных монастырей Новгородской епархии // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. С. 4–5.

Никольский И. М. Справочная книжка АКССР. Петрозаводск, 1929. Ч. 1. 250 с.

Никольский К. Т., протоиерей. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. СПб.: Государственная типография, 1862. 649 с.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 2. 436 с.

О высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими особами в XIX столетии: Ист. сб. / под ред. А. Иванова. Петрозаводск, 1872–1894. Вып. 1–10.

Обитель Божия под ангельским крылом / сост. С. О. Захарченко. Петрозаводск: Verso, 2007. 107 с.

Олонецкая епархия: страницы истории. Петрозаводск, 2001. 253 с.

Ондрусова-Николаевская пустынь: Историко-статистический очерк / сост. Дамаскин, игум. СПб.: Типография Почтового департамента, 1856. 45 с.

Онучина И. В. Каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков и его наследие: К 150-летию со дня рождения // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 160–165

Описание памятников архитектуры по губерниям. IV. Олонецкая губерния // Известия Императорской Археологической комиссии. 1914. Вып. 52. С. 128–172.

Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л.: Стройиздат, 1972. 119 с.

Островский Д., священник. Краткое описание церковных древностей Олонецкого епархиального церковного древлехранилища // Олонецкие епархиальные ведомости. 1913. № 1–6.

Островский Д. Преосвященный Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский // Известия общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5–8. С. 59.

Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 195 с.

Пашков А. М. «Купеческое краеведение» города Олонца в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции. Л.: Советский фонд культуры, 1989. С. 59–63.

Пашков А. М. Олонец в первой половине XIX века // Олонец. Историко-краеведческие очерки в двух частях / отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. Ч. 1. С. 91–117.

Пашков А. М. Малоизвестный источник по истории православных приходов и монастырей Олонецкой епархии середины XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 2-й международной научной конференции / отв. ред. М. В. Пивоев. Петрозаводск: Издательство Карельского научного центра РАН, 2003. С. 179–184.

Пашков А. М., Филимончик С. Н. Петрозаводск. СПб.: Звезда Петербурга, 2001. 125 с.

Пашлаков В. А. Лесосовхоз «Интернационал» // Карело-Мурманский край. 1931. № 7–8. С. 29–31.

Педдер А. Ю. Опыт гидрологического исследования некоторых мелких водоемов Карелии // Рыбное хозяйство Карелии. М.; Л., 1932. С. 133–140.

Пеллинен С. Коммуна «Сяде» // Карело-Мурманский край. 1931. № 7–8. С. 29–31.

Петров К. М. Муромский монастырь на Онежском озере // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. Отд. 1. С. 99–118.

Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края: учебное пособие. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010. 224 с.

Пигин А. В. Никифор и Геннадий // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. XLIX. С. 660–663.

Пименов В. В. Вепсы. М.; Л.: Наука, 1965. 261 с.

Прилежаев Е. М. Когда был в Олонце Петр Великий? // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 197–201.

Проскуракова М. Служилье иноземцы и предприниматели в Карелии второй половины XVII века // Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи. СПб.: Наука, 2021. С. 139–227.

Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV — первая треть XX в.) М.: Круглый год, 1999. 205 с.

Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 53 с.

Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. 564 с.

Рогозный П. Г. Большевики и святые мощи // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 989–1004.

Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 329 с.

Романова А. А. Источники русской агиографии: святцы поморского наставника Ф. П. Бабушкина // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 174–180.

Романова А. А. Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI — начале XVIII в.: религиозная практика и государственная политика: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. 507 с.

Ростиславлов Д. И. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Рязань: Издательство «Александрия», 2010. 493 с.

Руди Т. В. Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топики) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 517–530.

Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь: Издание Об-ва Исторических, Философских и Социальных наук при Пермском Государственном Университете, 1927. 280 с.

Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 414 с.

Самоковасов Д. Я. Архивное дело в России. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1902. Кн. 1. 172 с.

Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб.: Типография М. Меркушева, 1901. 200 с.

Севастьянова С. К. Грамота патриарха Никона о Крестном монастыре // Ставрографический сборник. М.: Издательство «Древлехранилище», 2005. Кн. 3. С. 336–304.

Секретарь Л. А. О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 1986. С. 59–73.

Семенов А. И. Вкладные записи XVII в. на книгах Новгородской Софийской библиотеки // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 16. С. 487.

Семячко С. А. История текста «Предания старческого новонаначальному иноку» и ранняя история сборника «Старчество» // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 25–71.

Сергий (Спаский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2.

Синодики Староладожского монастыря XVI–XIX века / подготовка текста и исследование Н. В. Башнина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. 288 с.

Скрипкина Е. В. Царь Алексей Михайлович — «Новый Константин»: византийский образец власти в русской практике в третьей четверти XVII века // Омский научный вестник. 2021. № 1. С. 12–15.

Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых, Д. Эристова и М. Яковлева. СПб.: Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1868. 260 с.

Смирнов С. И. Духовный отец в Древней Восточной Церкви: история духовничества на Востоке. М.: Православной Свято-Тихоновский богословский институт, 2003. 526 с.

Смирнова Т. Г. Деятельность Археографической комиссии по спасению монастырских архивов (1917–1929 гг.) // Тезисы докладов и сообщений V Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Новгород, 1992. С. 86–90.

Смирнова Т. М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в советской России в 1920–1930-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 16–37.

Смолич И. К. История Русской Церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Ч. 1. 798 с.

Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997. 606 с.

Собрание писем свт. Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / сост. игумен Марк (Лозинский). М.: ТОО «Купина», 1995. 391 с.

Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 153–171.

Сорокина Т. В. Анастасия Паданская // Олонецкая епархия: страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 197–200.

Сорокина Т. В. Старец Исая (Софронов), в схиме Игнатий, возобновитель Спасо-Преображенской Задне-Никифоровской пустыни (1780–1852) // Подвижники благочестия Петрозаводской и Карельской епархии XVI–XX веков. Олонецкий патерик / сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск: Фонд развития творческих индустрий и культурного туризма, 2009. Ч. 2. С. 76–82.

Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 544 с.

Спиридонов А. М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I — начала II тыс. н. э. // Вопросы истории Европейского Севера: Сборник научных статей. Петрозаводск, 1984. С. 136–146.

Спиридонов А. М. Разведки и раскопки в Северном Приладожье // Археологические открытия — 1984. М., 1986. С. 29.

Спиридонов А. М. Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 и становление погостов в Прионежье и Заволочье // КСИА. М., 1989. Вып. 198. С. 16–21.

Спиридонов А. М. Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху Средневековья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 352–359.

Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года). Петрозаводск: Статистическое управление, 1928. 159 с.

Старицын А. Н. Писцовые и переписные книги как источник по истории монастырей Карелии XVII в. // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 132–143.

Старицын А. Н. Сопrotивление церковной реформе XVII в. в монастырях северо-запада России // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Пятые Шегреневские чтения. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2012. С. 166–176.

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М.: «Индрик», 2002. 352 с.

Страхова Я. А. «История Российской иерархии» — первый труд по истории русских монастырей // Монастыри в жизни России: Материалы научной конференции / сост. В. И. Осипов. Калуга; Боровск, 1997. С. 105–114.

Стрельникова Е. Р. Кронштадтский пастырь в Белозерье // Ферапонтовский сборник. М.: «Индрик», 2002. Вып. VI. С. 113–138.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб.: Изд-во Археографической комиссии, 1877. 1064 стб.

Судостроение в Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. 1902. Вып. 4. С. 39–42.

Сулова Е. Д. Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII в. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 244 с.

Сулова Е. Д. Палеостровский монастырь и локальное сообщество в Раннее Новое время (по записям синодик и актам приказного делопроизводства) // Вестник ТвГУ. Серия: История. 2013. Вып. 4. С. 44–61.

Сулова Е. Д. Вознесенский Свирский женский общежительный монастырь: повседневная жизнь общины в первой трети XVIII века // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5. С. 582–594.

Сулова Е. Д. Сельское духовенство и крестьянское сообщество в Карелии в контексте социально-экономических отношений (конец XVI — начало XVIII века) [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014.

Сяндемская-Успенская пустынь: Историко-статистические заметки, изданы усердием А. Устинова в пользу пустыни. М.: Типография С. Попова, 1860. 24 с.

Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 150–227.

Такала И. Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. Вып. 2. С. 32–51.

Титлинов Б. В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна: Типография «Русский почин», 1905. 466 с.

Титов А. Архимандрит Варлаам Высоцкий (Из архивных дел XVIII века) // Русский архив. 1901. № 3. С. 359–363.

Титов Я. С. Олонецкий укрепленный район финнов по материалам картографической коллекции Национального музея РК // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 105–117.

Турова Е. А. Монастырские трапезные и повари в XV–XVI столетиях // Средневековая архитектура и монументальное искусство. СПб.: Эрмитаж, 1999. С. 117–122.

Усачев А. С. О географии написания русских рукописных книг в XVI веке (материалы к истории книги в России) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1. С. 141–168.

Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Мартис, 2000.

Филарет (Гумилевский), епископ. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно: Опыт описания жизни их. Чернигов: Губернская типография, 1861–1864.

Филимончик С. Н. Олонец в годы революции и гражданской войны // Олонец. Историко-краеведческие очерки в двух частях / отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. Ч. 2. С. 6–25.

Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1862. 480 с.

Филиппова Л. А. Из истории новгородских мельниц XVI–XVII вв. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6. С. 200–210.

Фогелер Г. Карельские впечатления // Карело-Мурманский край. 1926. № 22. С. 9–13.

Французова Е. Б. О степени распространенности общежительных монастырей в Псковской земле XVI века // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара. Псков, 2008. С. 138–152.

Фролов А. А. Документы XVI в. Поместного стола Новгородской приказной избы по описи 1699 г. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 5.

Хартанович М. Ф. Петербургская Археографическая комиссия как научное учреждение. 30–90-е гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 229 с.

Ходякова О. А. Традиции благотворительности графского рода Шереметевых в Санкт-Петербурге XIX века // Петербургские чтения. Петербург и Россия. Тезисы докладов научной конференции / сост. Т. Славина и др. СПб.: Санкт-Петербургская ассоциация исследователей города, 1994. С. 123–125.

Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды. М.: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2007. 241 с.

Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов Карелии в 1920-х — первой половине 1930-х годов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 1. С. 153–164.

Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1998. 297 с.

Чернякова И. А. Андрусов монастырь на пороге Нового времени: К истории старообрядчества в Карелии // Ученые записки ПетрГУ. 2008. № 4. С. 15–30.

Шалина И. А. Место захоронения преподобного Саввы Сторожевского // Преподобный Савва Сторожевский: иконография XV — начала XX века. М.: Лето, 2013. 328 с.

Шахнович М. М. Троицкая Сунорецкая пустынь по данным археологических исследований 2007–2009 гг. // Православие в Карелии: Материалы IV научной конференции / ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. С. 173–176.

Шахнович М. М., Сони́на А. В., Кожевникова Ю. Н. «Пещера» на Яше-ручье: к вопросу об одной аскетической практике в Карелии // Ученые записки ПетрГУ. Т. 43, № 4. С. 111–119.

Шевелкин И. Воспоминания о старце Исае, возобновителе Никифоровской пустыни // Душеполезное чтение. 1864. № 12. С. 111–119.

Шкаровский М. В. Судьба монастырей Санкт-Петербургской епархии в XX веке // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 2001. С. 404–410.

Щедрина К. А. «Крест императора Константина Великого» (к вопросу иконографии) // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2003. Кн. 2. С. 55–66.

Юхименко Е. М. Московская филипповская община и ее книжное собрание // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Росток, 2017. Т. 65. С. 550–570.

Ягодкин П. Задне-Никифоровская пустынь Олонецкой губернии и уезда (очерк) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1901. № 12. С. 376–379; № 13. С. 417–420; № 14. С. 447–452.

Яновский П. Описание актов Новгородского Софийского дома // Летопись занятий Императорской Археографической Комиссии за 1901 г. СПб.: Сенатская типография, 1902. Вып. 14. С. 5–146.

Яхонтов И. А. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань: Типография Императорского Университета, 1881. 377 с.

Haavio M. Me marssimme Aunuksen teitä. Päiväkirja sodan vuosilta 1941–1942. Porvoo; Helsinki, 1969.

Karvonen I. Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta — 1500-luvun luostarihistoriaa vai 1800-luvun venäläiskansallista tulkintaa? Joensuu, 2013.

Paavolainen O. Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtia vuosilta 1941–1944. Porvoo; Helsinki, 1946.

Принятые сокращения

АКССР — Автономная Карельская Социалистическая Республика
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦУ — Высшее церковное управление
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГАНО — Государственный архив Новгородской области
ГАО — Государственный архив Архангельской области
ИИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИЯЛИ КарНЦ РАН — Институт русского языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
КарНЦ РАН — Карельский научный центр Российской академии наук
КарЦИК — Карельский центральный исполнительный комитет
КАССР — Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика
КЗУ — Карельское земельное управление
КОНО — Карельский отдел народного образования
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН (Москва)
КФССР — Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
ЛПХ — лесопромышленное хозяйство
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
НА РК — Национальный архив Республики Карелия
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
НМРК — Национальный музей Республики Карелия
ОЛП — отдельный лагерный пункт
ОНО — Отдел народного образования
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОРС — Отдел рабочего снабжения
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СИРИО — Сборник Императорского Русского Общества
СНК — Совет народных комиссаров РСФСР
СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
УОНО — Уездный отдел народного образования

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Основатели Задне-Никифоровской пустыни	19
«Пустыня хвалится житием твоим»: преподобный Геннадий.....	19
<i>Церковная служба преподобному Геннадию</i>	19
<i>Преподобные Геннадий Важеозерский</i> <i>и Александр Свирский</i>	27
<i>Дни памяти преподобного Геннадия</i>	29
<i>Вериги преподобного Геннадия</i>	29
Игумен Никифор — первый настоятель обители.....	31
<i>Житие преподобного Никифора, или «Сказание</i> <i>о Никифоре»</i>	31
<i>Уроженец Важинского погоста</i>	36
<i>Дни памяти преподобного Никифора</i>	38
<i>Вериги преподобного Никифора</i>	39
Место погребения преподобных Геннадия и Никифора.....	39
Почитание преподобных Геннадия и Никифора Важеозерских.....	41
<i>Церковное чествование важеозерских чудотворцев</i>	42
<i>Иконы преподобных Геннадия и Никифора</i>	45
<i>Чудотворения важеозерских святых</i>	46
Глава 2. Основание монастыря и его история в XVI веке	49
Важинская «весь».....	51
Воскресенский погост «в Важенах».....	54
<i>Церкви и часовни Важенского погоста-округа</i>	57
«Монастырь за мхами и меж мхов»: основание Задне-Никифоровской пустыни.....	59
Монастырский комплекс на Важеозере.....	61
<i>Архивная судьба царских грамот</i>	63
<i>Земельные владения монастыря по царским грамотам</i>	67
<i>Хозяйственные занятия монахов</i>	75
Монастырь в русско-шведском приграничье.....	76

Глава 3. «Мятежное время»	80
Задне-Никифоровская пустынь в XVII веке.....	80
Вклады в монастырь.....	90
Монастырская повседневность.....	92
«Седьмъ важеозерских угодников»: преподобные Игнатий, Леонид, Дионисий, Федор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий Островские.....	94
Глава 4. Задне-Никифоровская пустынь в первой половине XVIII века	99
Российские законы о монашестве.....	99
Задне-Никифоровская пустынь в первой половине XVIII века.....	102
Освидетельствование гробниц основателей пустыни.....	115
Глава 5. «Просвещенный век» в истории монастыря	126
Упразднение монастырей при Екатерине II.....	126
Монастырь на Важеозере накануне закрытия.....	129
«Бесприходные» храмы на Важеозере.....	133
Генеральное межевание на Важеозере.....	138
Глава 6. Приписана к Александрo-Свирскому монастырю (1800–1846 годы)	142
Ремонт монастырских построек.....	144
Возвращение монастырских земель.....	149
Старец Феодор Свирский.....	152
«Монастырские хроники».....	157
Старец Исаия Никифоровский и его ученики.....	163
Олонецкий епископ Венедикт и старец Исаия Никифоровский.....	169
Святитель Игнатий (Брянчанинов) и Задне-Никифоровская пустынь.....	172
Глава 7. «Оставлена самостоятельной»	179
Монастырский комплекс в середине XIX века.....	183

Глава 8. Задне-Никифоровская пустынь во второй половине XIX века.....	187
При игумене Данииле (1852–1870 годы).....	188
Строительство церкви во имя Всех Святых.....	189
Монастырь в 1860-е годы.....	200
Важеозерское братство.....	202
Временный управляющий иеромонах Феофан.....	205
Визит архипастыря.....	210
Братская община в 1870 — первой половине 1880-х годов.....	216
Пожар в монастыре в 1885 году.....	219
Восстановление монастырских построек.....	220
Финансовое положение монастыря.....	227
Братская община в 1890-е годы.....	231
Борьба за Важеозеро.....	238
Дело о казенной пустоши Нирки.....	243
Отшельницы в окрестностях Задне-Никифоровской пустыни.....	247
Лумбозерская женская община.....	250
Отшельничество в начале XX века.....	255
Глава 9. Задне-Никифоровская пустынь в начале XX века.....	258
Рапорты благочинного Василия Громова.....	269
Отчеты игумена Митрофана.....	272
Митрофаниевский скит.....	275
Важеозерские монахи и послушники.....	276
Архиерейские визиты.....	282
Монастырская ревизия 1906 года.....	284
«Монастырские нестроения».....	291
Монастырский дневник.....	294
Флотский и гарнизонный пастырь.....	296
Столичное подворье.....	300
Глава 10. Последнее десятилетие.....	316
При игумене Владимире.....	316
Свидетели перемен: братская община в 1917 году.....	320

Глава 11. В советские времена	327
Последние монахи на Важеозере.....	331
Детская колония имени Зиновьева на Важеозере.....	337
Изъятие церковных ценностей в помощь голодающим.....	342
Финская коммуна «Райвая».....	348
Заккрытие церквей на Важеозере.....	353
Вместо монастыря — Интерпоселок.....	357
«Пленники монастыря».....	362
Финская оккупация.....	365
Послевоенное Важеозерье.....	369
Лагпункт «Интерпоселок».....	371
Психиатрическая больница № 3.....	373
Монастырь в наши дни (вместо заключения)	376
Приложения	381
Источники и литература	394
Принятые сокращения	420

Научное издание

Кожевникова Юлия Николаевна

Монастырь на Важеозере: Задне-Никифоровская
пустынь в XVI–XX веках

Редактор Е. Н. Еремеева
Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано в печать 21.12.2023. Формат бумаги 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 34,27. Тираж 300 экз. Заказ № 52.

Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН».
184209, Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14.

Юлия Николаевна Кожевникова

Окончила исторический факультет
Петрозаводского государственного
университета.

В 2006 г. защитила диссертацию
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по теме
«Православные монастыри и монашество
Олонецкой епархии во второй половине
XVIII — начале XX века».

В 1998–2007 гг. работала в историческом
отделе при Кафедральном соборе святого
благоверного князя Александра Невского
Петрозаводской и Карельской епархии
(Петрозаводск).

В 2007–2010 гг. возглавляла исторический
отдел Спасо-Кижского Патриаршего
подворья Московского Патриархата.

С 2013 г. — старший научный сотрудник
ФГБУ «Национальный парк
“Водлозерский”».

С 2022 г. — старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц
региона Кольского научного центра РАН.

Автор четырех монографий и свыше
шестидесяти статей по истории
православных монастырей и приходов
Карелии и Кольского Севера.

Лауреат премии памяти митрополита
Московского и Коломенского Макария
по гуманитарным наукам 2018–2019 гг.

ISBN 978-5-91137-495-2

